Geo.u. 29
101
7

Materialy po Archeol. Kavkaza

3

2 Geo.u. 101 r-3

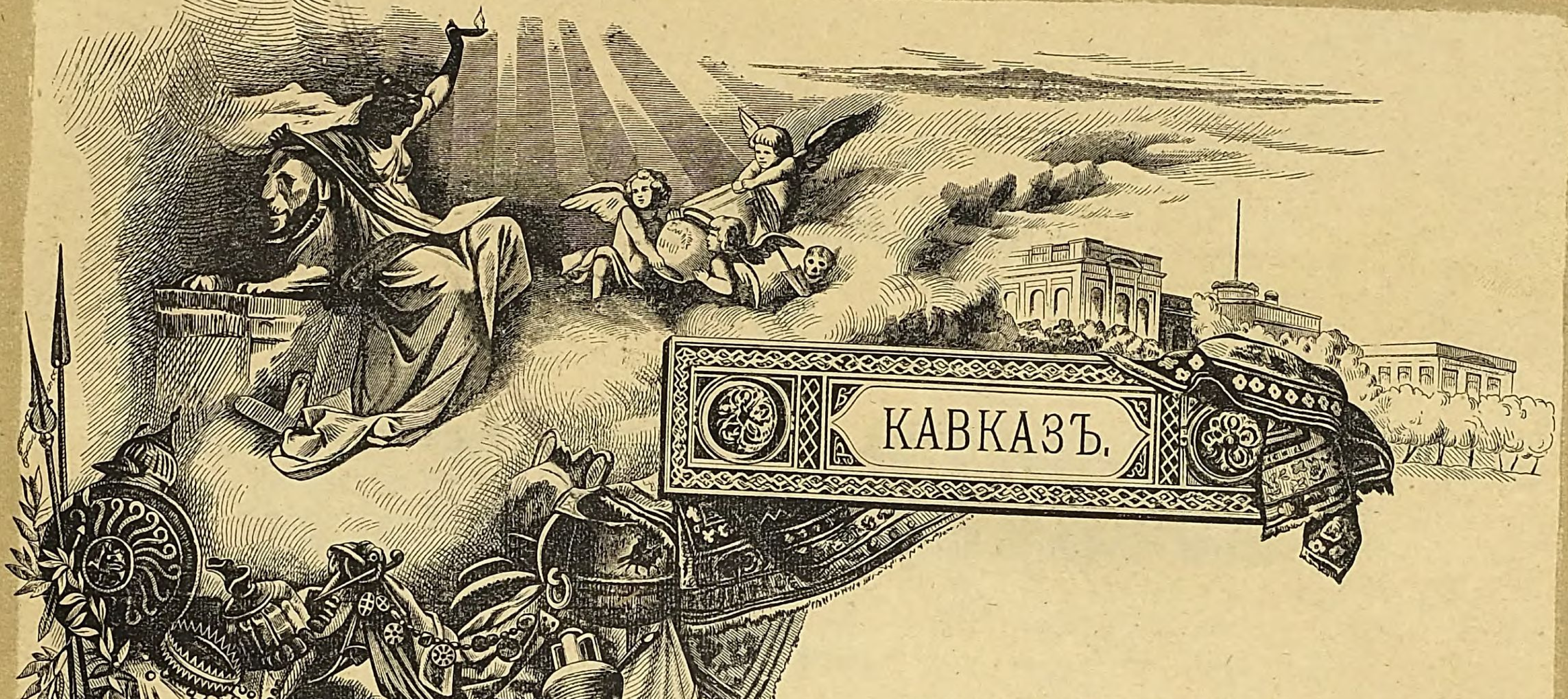
Bayer. Staatsbibliothek München

Aus der Bibliothek

Gottfried Merzbacher

1926

<36615097460018
<36615097460018
Bayer. Staatsbibliothek

МАТЕРІАЛЫ

ПО

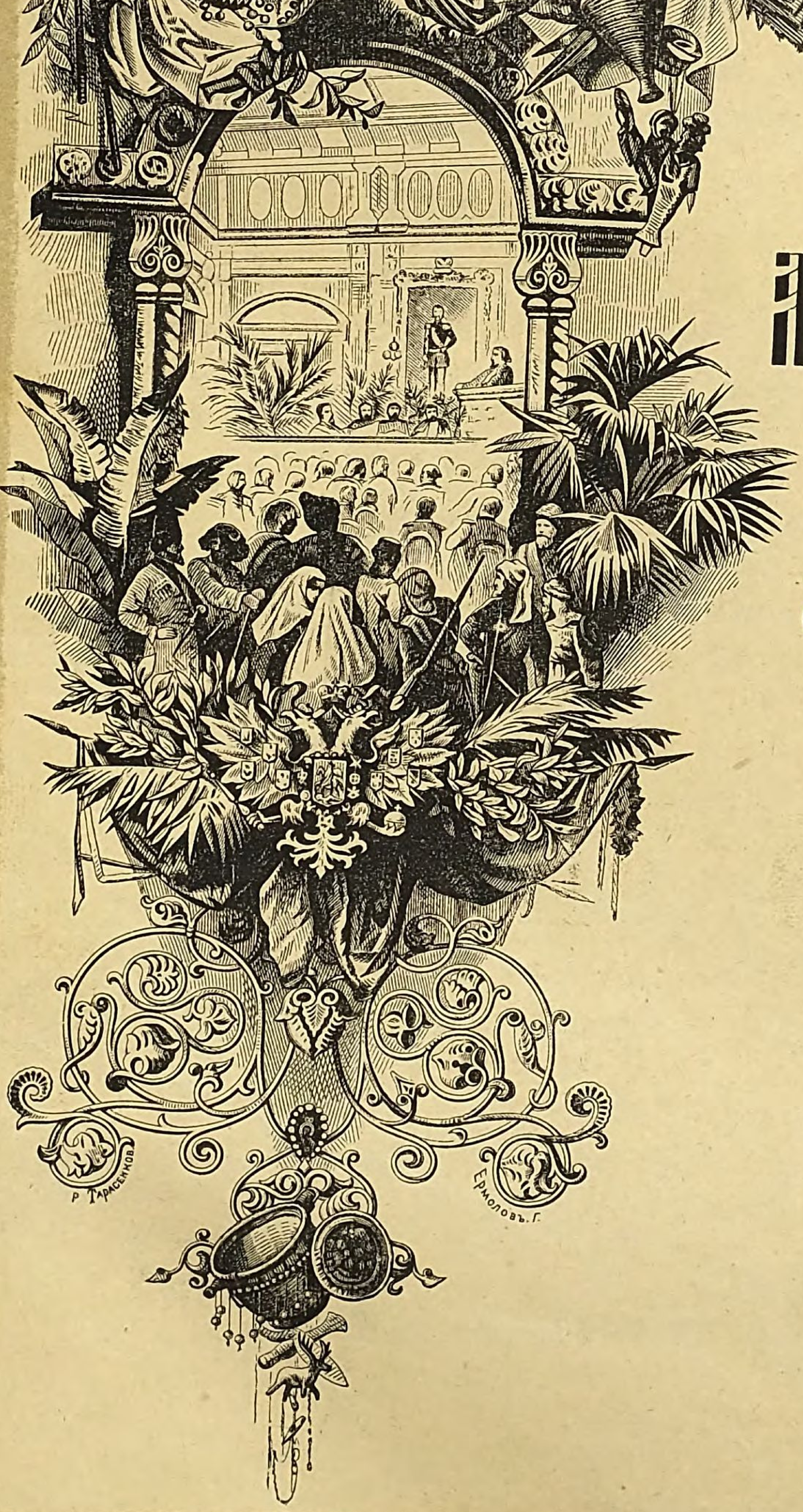
АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

СОБРАННЫЕ

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ III.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.

МОСКВА.

1893.

2 Geo. u. 101 n-3

62

МАТЕРІАЛЫ

ПО

АРХЕОЛОГІИ КАВКАЗА,

СОБРАННЫЕ

экспедиціями ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Археологическаго Общества, снаряженными на ВЫСОЧАЙШЕ дарованныя средства.

ВЫПУСКЪ III

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ГРАФИНИ УВАРОВОЙ.

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5
1893

Печатается на основаніи постановленія Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Москва, 1892 года.

Предсѣдатель графиня *Уварова*.

Bayerische Staats-Bibliothek München

ХРИСТІАНСКІЕ ПАМЯТНИКИ

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

А. М. Павлинова, В. Ѳ. Миллера и Х. И. Кучукъ-Іоаннесова.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Издаваемый нынѣ III томъ Матеріаловъ по Археологіи Кавказа долженъ служить продолженіемъ первымъ двумъ томамъ, изданнымъ Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ въ 1888 и 1889 г. на тѣ денежныя средства, которыя были Всемилостивѣйше пожалованы Обществу *Державнымъ Покровителемъ* онаго *Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ,* съ выраженіемъ пожеланія, чтобы Московское Общество продолжало изученіе Кавказа, по примѣру покойнаго своего Предсѣдателя Гр. А. С. Уварова.

Третій томъ Матеріаловъ посвящается христіанскимъ памятникамъ Кавказа и разработываетъ преимущественно матеріалъ, вывезенный съ Кавказа ученой экспедиціей, руководимой академикомъ архитекторомъ А. М. Павлиновымъ. Нѣкоторыя пополненія, какъ описаніе крестовъ и иконъ въ Иллори (стр. 18 — 25) и описаніе Джума-мечеть въ Баку (стр. 89 — 91), доставлены графиней Уваровой. Арабскія и персидскія надписи истолкованы М. О. Аттая, грузинскія А. С. Хахановымъ; разработка же армянскихъ снимковъ, снятыхъ А. М. Павлиновымъ съ рукописей Сатлела, Ахалцыха и Эни-Рабата, была поручена Х. И. Кучукъ-Іоаннесову, трудъ котораго и печатается на стр. 92—105.

Къ издаваемому тому присоединяемъ описаніе Кучукъ-Іоаннесова древней каменной армянской надписи изъ Тифлискаго Музея и двѣ статьи В. Ѳ. Миллера о каменныхъ изваяніяхъ, найденныхъ въ Кубанской области, съ цѣлью сохраненія и ознакомленія читающей публики съ малѣйшими памятниками, могущими пролить свѣтъ на далекую окраину нашего отечества, исторія которой можетъ послужить объясненіемъ многихъ, пока еще темныхъ и невсегда объяснимыхъ фактовъ, встрѣчаемыхъ не только при разработкѣ русской, но и западной археологіи.

Оглавленіе.

Павлинова. Путевыя замѣтки 1
" Церковь въ Драндѣ 8
" " " Мокви 14
" " " Иллори 17
" " " Бедіи 26
" Кутаисскій соборъ 30
" Мартвильскій монастырь 46
" Мама-Цминда 58
" Свети 60
" Храмъ въ Опизѣ 63
" Порта 66
" Долисъ-Хане 68
" Эни-Рабатъ 69
" Тбетъ 71
" Памятники магометанскіе 76
" Баку 81
Кучукъ-Іоаннесова. Древне-армянскія рукописи 92
" " Армянская надпись XII ст. 106
Миллера. Древне-осетинскій памятникъ 110
" Отголоски кавказскихъ вѣрованій 119

Bayerische Staats-Bibliothek München

Экспедиція на Кавказъ 1888 года.

А. М. Павлинова.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Настоящая экспедиція на Кавказъ имѣла цѣлью докончить обслѣдованіе памятниковъ Абхазіи, начатое въ 1886 года гг. Никитинымъ и Сизовымъ, и затѣмъ перенести изслѣдованія далѣе въ Батумскую область.

Слѣдуя по Черному морю изъ крымскаго Севастополя, мы высадились на восточномъ его берегу въ нынѣшнемъ Сухумъ-Кале, — древнемъ Севастополѣ, нѣкогда цвѣтущемъ и торговомъ городѣ, расположенномъ на берегу моря. Сохранившіеся здѣсь остатки древнихъ стѣнъ видимо были много разъ перестроены и нѣсколько разъ поставлены заново на своемъ древнемъ основаніи. Древній городъ еще сохранилъ свои развалины на берегу, главная же его часть, вслѣдствіе постояннаго опусканія берега Чернаго моря, теперь на столько понизилась, что частью залита водой, а частью уходитъ въ море и образуетъ его дно. Послѣ сильной бури, разразившейся въ Сухумѣ въ 1888 г., морскими волнами размыло часть насыпной земли берега, и обнаружило развалины домовъ и улицъ той части древняго города, которая еще не погружена въ море *). Покончивъ осмотръ города, мы отправились въ Дранды, гдѣ кромѣ извѣстнаго храма надѣялись, на основаніи полученныхъ нами указаній, далѣе въ Квитаули найти еще другую церковь; но церкви этой не оказалось. Близь же села Аджювженскаго, Кодорскаго участка, въ Мармале-абагю находятся развалины *небольшой церкви* (рис. 1-й планъ ея) сложенной изъ камня, неправильной формы, на извести, но облицованной тесанымъ камнемъ. Наружная форма плана, какъ показываетъ рисунокъ 1, прямоугольная; алтарь на фасадѣ ничѣмъ не выраженъ, но внутри представляетъ полукругъ съ нишами въ углахъ. Въ мѣстахъ *a* вставлены глиняные горшки большаго размѣра, напоминающіе по формѣ голосники (рис. 2 представляетъ боковой разрѣзъ). По стѣнамъ арки круглыя, между тѣмъ какъ поперечныя арки и коробовые своды, которыми крыта церковь, стрѣль-

*) Болѣе подробно о древностяхъ Сухума см. Матеріалы по Археологіи Кавказа, выпускъ II, Москва. 1889 г. Изслѣдованіе В. Сизова.

чатые. Въ мѣстахъ, означенныхъ буквой *в* имѣются пустоты съ остатками дерева, въ которыя вѣроятно были вставлены концы поперечныхъ связей. Съ западной стороны находилась входная дверь; передъ ней была небольшая пристройка, остатки которой, какъ видно по плану, отчасти сохранились до сихъ поръ. Фасадъ церкви можно угадать по остаткамъ западной стѣны: церковь вѣроятно была крыта на два ската и надъ дверью западной стѣны было одно окно, какъ видно на

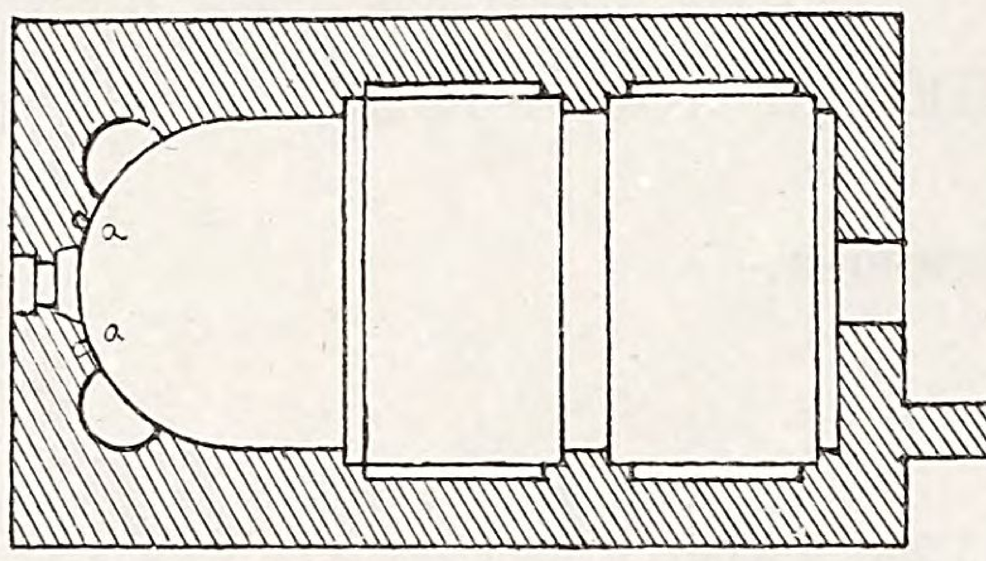

Рис. 1.

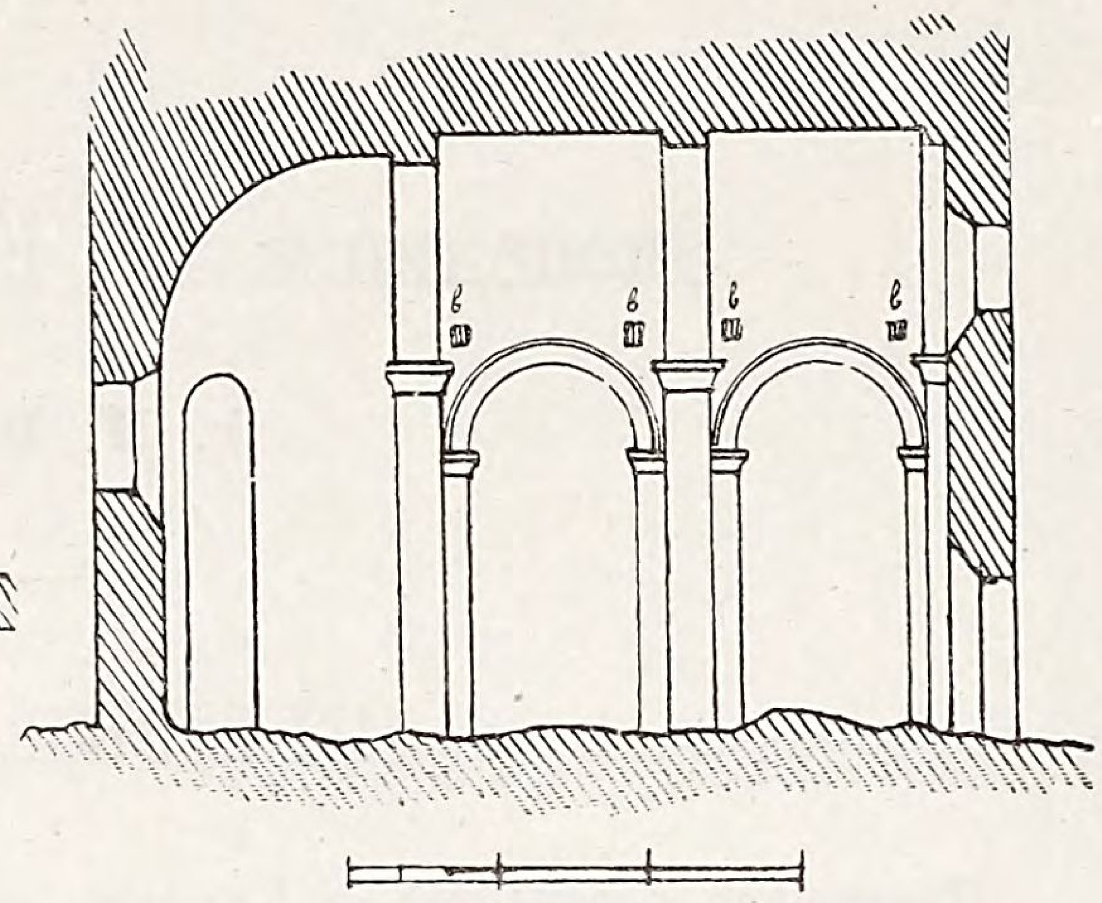

Рис. 2.

разрѣзѣ (рис. 2). Къ какому времени принадлежитъ эта церковь, сказать трудно, но судя по удлиненной ея формѣ и деталямъ она не можетъ быть выстроена ранѣе XIII вѣка.

Продолжая путь на Джигерды, мы по дорогѣ ничего не встрѣтили интереснаго. Въ Джигердахъ церковь оказалась новою, но неподалеку отъ нея въ лѣсу имѣются *развалины,* которыя разсмотрѣть весьма трудно, такъ какъ онѣ совершенно заросли кустарникомъ, вьющимися растеніями и даже значительнымъ лѣсомъ. Кладка стѣнъ греко-византійская XI—XII вѣка: состоитъ она изъ булыги проложенной плитами кирпича, толщиной въ 1 дюймъ.

Изъ Джигерды проѣхали въ Мокви. Храмъ въ Мокви, расположенный среди возвышающейся площади, вполнѣ достоинъ вниманія и можетъ считаться однимъ изъ крупнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ храмовъ Абхазіи. Въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи находятся большія каменныя ворота, на верху которыхъ выстроена колокольня. Самыя ворота имѣютъ черыреугольный планъ, а съ фасада представляютъ четырегранникъ, на которомъ стоитъ круглый цилиндрическій барабанъ колокольни съ большими арками въ стѣнахъ и коническимъ верхомъ. Эта постройка не древняя и ничѣмъ не замѣчательная. Самый же храмъ нынѣ исправленъ хотя и не совсѣмъ удачно, но по крайней мѣрѣ прилично (см. ниже).

Далѣе, по дорогѣ въ Очемчири, были осмотрѣны древнія развалины, въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Акваскахъ—*развалины башни*, въ Меркулки —*развалины церкви и башни* и въ Джиголи — развалины *церкви*. Эта послѣдьняя походитъ по плану на церковь въ Мармале-абагю (рис. 1): ея алтарь также не имѣетъ снаружи выступа; внутри же онъ круглый какъ и въ первой церкви; наружныя стѣны гладки. Внутренность церкви была росписана: до сихъ поръ еще видна въ алтарѣ

благословляющая фигура Спасителя съ евангеліемъ въ рукѣ; по бокамъ есть слѣды стертыхъ надписей, расположенныхъ вертикально. Въ этой церкви въ стѣнахъ тоже вложены глиняныя голосники.

За тѣмъ осмотрѣли Очемчири и Иллори.

Продолжать далѣе экспедицію въ горахъ было невозможно, потому что съ 9-го іюня пошелъ сильный дождь и дороги сдѣлались непроходимыми. Надо было ждать, пока перестанетъ дождь, уймутся горные потоки и дороги подсохнутъ. Въ Очемчирахъ же дѣлать было нечего. Самъ городъ не великъ; церковь есть, но не представляетъ ничего интереснаго. Потому, чтобы не терять времени, мы рѣшили сѣсть на пароходъ и отправиться въ Кутаисъ черезъ Поти; но въ Поти вслѣдствіе сильной качки высадиться было невозможно, и насъ провезли до Батума. Осмотрѣвъ наскоро городъ, отправились въ Кутаисъ по желѣзной дорогѣ. Здѣсь осмотрѣли армянскую церковь, развалины въ Бирючевскомъ переулкѣ и спѣшили заняться знаменитыми остатками *древняго Кутаискаго собора*, замѣчательнѣйшаго памятника грузинской архитектуры, какъ по обширности своего расположенія, такъ и по разнообразію и богатству детальныхъ украшеній (см. ниже).

Въ окрестностяхъ Кутаиса осмотрѣнъ и снятъ *Гелатскій монастырь*. Къ обмѣрамъ его мы не приступали, потому что онъ обмѣренъ и изданъ, хотя и не во всѣхъ подробностяхъ, проф. Гриммомъ *). Въ главномъ храмѣ монастыря легко различаются двѣ главныя эпохи: одна болѣе древняя и другая сравнительно поздняя, что, конечно, представляетъ высокій археологическій интересъ. Неподалеку отъ Гелата находится Георгіевскій монастырь, не представляющій никакого археологическаго интереса. Онъ вырубленъ въ высокомъ горномъ кряжѣ, надъ которымъ еще выше нависла огромная скала; къ самому храму ведетъ высокая лѣстница, вырубленная въ той же скалѣ. Внизу у подошвы горы расположенъ домъ-жилье, что-то въ родѣ гостинницы, и службы.

Вернувшись въ Кутаисъ и желая воспользоваться установившейся погодою для окончанія обслѣдованія Абхазіи, мы выѣхали въ Поти, гдѣ какъ и въ Сухумъ-Кале имѣются старыя крѣпостныя стѣны.

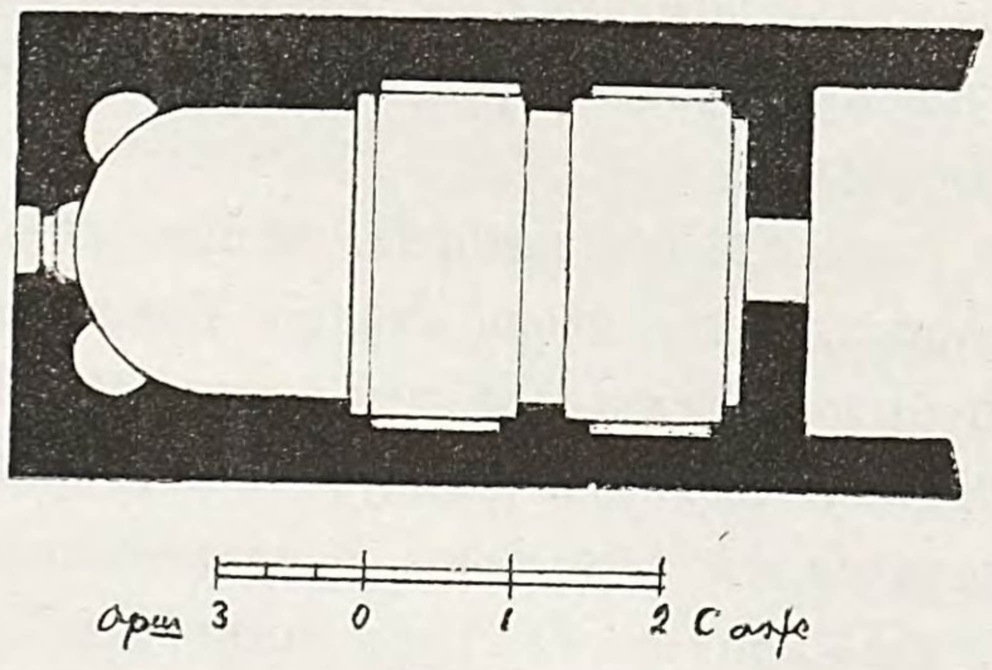

Рис. 3.

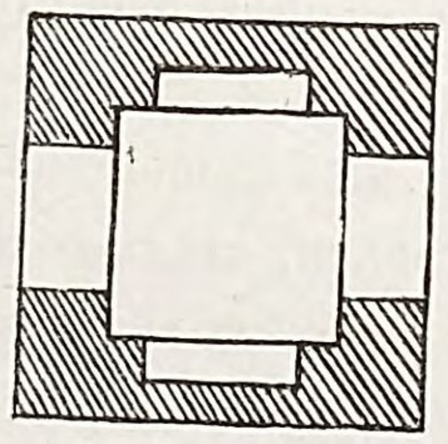

Рис. 4.

Изъ Поти, чрезъ Очемчири, направились въ Бедію. По дорогѣ осмотрѣны небольшія замковыя *развалины* въ Ахузѣ и Амзерѣ, въ Кечь-Ноха, въ Речи-

*) Памятники византійской архитектуры въ Грузіи и Арменіи. С. П. Б. 1859 г.

гальской и въ общинѣ Побчелъ (въ лѣсу) — *развалины церкви съ колокольней*. Благодаря густой растительности, мы съ трудомъ обошли эти развалины и сняли съ нихъ обмѣры (рис. 3 представляетъ планъ). Фасадъ этой церкви, вѣроятно, былъ въ видѣ прямоугольнаго четырегранника, покрытаго фронтонной крышей, имѣющей по обыкновенію фронтоны на востокъ и западъ. Передъ входомъ стояла колокольня, нижній этажъ которой сохранился и, какъ видно по плану (рис. 4), служилъ воротами.

Слѣдуя далѣе въ Беслахубѣ, на р. Гализгѣ, близъ Побчелъ, видѣли другую *церковь*, посвященную св. Онуфрію. Она недавно реставрирована, и въ ней совершается служба; осмотрѣть ее не удалось, такъ какъ священникъ былъ въ отъѣздѣ. Наружный ея видъ не имѣетъ ничего типичнаго: главная масса состоитъ изъ удлиненнаго четырегранника, покрытаго фронтонной крышей, поверхъ которой расположена маленькая шатровая главка, а съ востока полукруглый алтарь. Такого рода церквей на Кавказѣ очень много какъ между древними, такъ и между болѣе новыми.

Кромѣ вышеупомянутыхъ развалинъ, сохранились слѣды *церквей* въ Хуада, въ Чебулурхѣ и другихъ мѣстахъ.

Пятиверстная карта, которой мы пользовались, оказалась не совсѣмъ вѣрна, почему очень часто приходилось ошибаться при составленіи маршрута и измѣнять планы поѣздокъ.

Бедійскій *монастырь* виденъ издалека, въ особенности же развалины его воротъ, за которыми открывается значительная площадь, окруженная крутыми спусками. Только дорога къ воротамъ идетъ по узкой полосѣ земли и, какъ мостомъ, соединяетъ монастырь съ окружающею мѣстностью. Площадь, на которой расположенъ монастырь, была, вѣроятно, въ былое время обнесена каменными строеніями и стѣной, на что указываютъ сохранившіяся развалины. Восточная часть площади занята храмомъ, описаніе котораго представляемъ ниже.

Изъ Бедіи, чрезъ Окумъ, отправились на постъ по направленію къ Зугдиди. По дорогѣ встрѣчались незначительныя развалины, между прочимъ близъ поста на горахъ расположены другъ противъ друга, *развалины четырехъ башенъ;* далѣе по ту сторону р. Ингуръ нашли *развалины замковъ* въ Соберіи, Рухѣ и друг. Всѣ эти развалины очень похожи другъ на друга и представляютъ весьма мало художественнаго и архитектурнаго интереса.

Зугдиди, небольшой, но чистенькій городокъ, отъ котораго направляется шоссе на Ново-Сенаки, станцію желѣзной дороги. Здѣсь около станціи Тхетъ находятся *развалины замка* принадлежавшаго въ былое время владѣтельному князю Дадьяну, а далѣе по лѣвую сторону дороги *древняя церковь*. Слѣдуя мимо, прибыли въ Ново-Сенаки и такимъ образомъ покончили съ Абхазіей и направились въ Мингрелію, въ Мартвильскій монастырь, гдѣ привлекалъ насъ интересный *древній храмъ*, претерпѣвшій на своемъ вѣку много разныхъ невзгодъ (описаніе ниже). Послѣ Мартвили маршрутъ нашъ направлялся въ Батумскую область, Чорохскую долину и Шавшетію.

Въ самомъ Батумѣ стоитъ остановиться только на деревянныхъ рѣзныхъ турецкихъ мечетяхъ, о которыхъ скажемъ въ свое время нѣсколько словъ.

Въ окрестностяхъ же города обслѣдовали берега Чернаго моря до турецкой границы; высадились близъ устья р. Чороха, въ Гони, гдѣ осмотрѣли и сняли развалины турецкой крѣпости расположенной на равнинѣ у подошвы горы. Она имѣетъ видъ укрѣпленнаго квадрата, около 300 шаговъ въ длину и ширину, съ обширными башнями по угламъ и другими меньшими промежуточными прямоугольной и полукруглой формы. Стѣны и башни сложены изъ крупнаго камня различной величины; зубцы же ихъ вѣнчающіе сложены изъ болѣе мелкаго матеріала.

Крѣпость эта построена, по преданію, султаномъ Селимомъ; внутри ея находится мечеть, выстроенная матерью султана, и не древнее кладбище.

Изъ Гони проѣхали въ Макріали—мѣстечко, расположенное близъ нашего поста у турецкой границы. Здѣсь имѣется небольшая *древняя церковь*, окруженная рисовыми плантаціями и залитая водой, что нѣсколько мѣшало нашему обслѣдованію. Хотя церковь эта по плану и напоминаетъ вышеприведенныя церкви Абхазіи въ Дизахургѣ, Речи Гальской и друг., но по типу она древнѣе ихъ (рис. 5): нѣтъ нишъ и полукружіе алтаря снаружи не замаскировано.

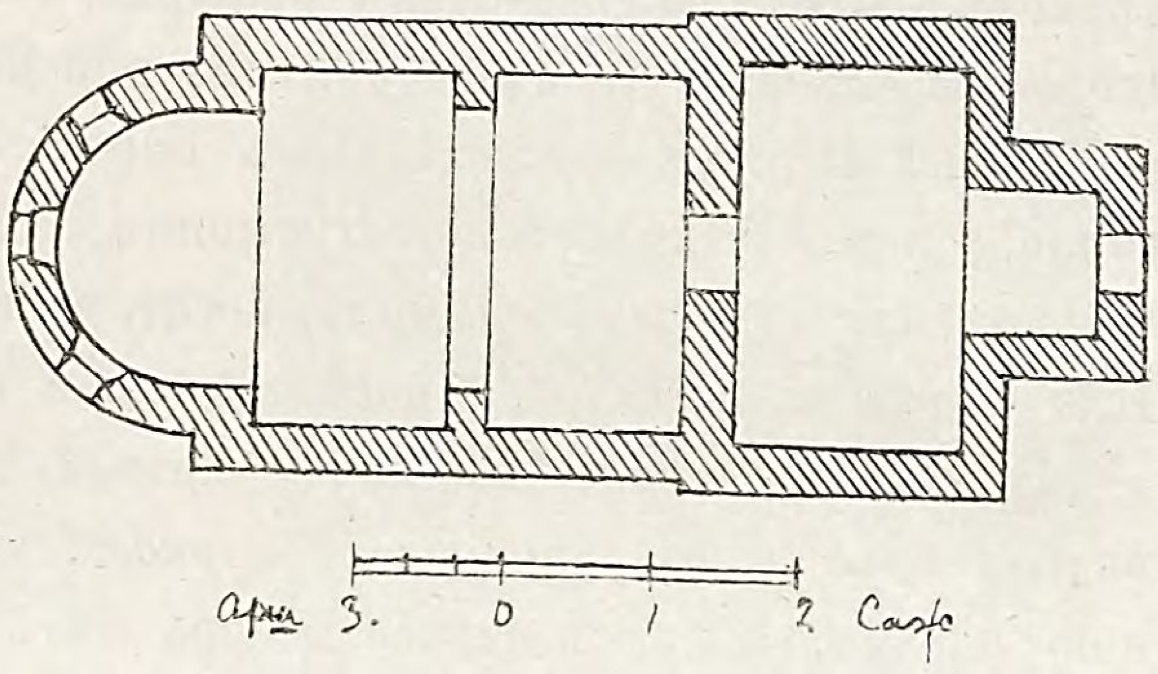

Рис. 5.

Правымъ берегомъ Чороха направились далѣе къ г. Артвину. Въ селеніи Мочахелисъ-пири находится *деревянная мечеть*, интересная по своей отдѣлкѣ; другая подобная же мечеть находится въ селеніи Марадиди.

Далѣе въ Борчхѣ имѣются *развалины замка и башни*, которыя мѣстное преданіе относитъ ко временамъ Тамары; въ горахъ же, на высотѣ 3,400 футовъ, расположена небольшая *церковь*, извѣстная подъ именемъ Мама-цминда (описаніе ниже). Ближе къ Артвину, близъ Синготскаго поста, *развалины церкви* Авджикилиса и *замка*, будто бы тоже основаннаго Тамарой. Не доѣзжая до Артвина верстъ 6, остановились для осмотра развалинъ *церкви и башни*, называемыхъ Свети и заслуживающихъ по своимъ деталямъ и особенностямъ особаго вниманія (см. ниже).

Самъ Артвинъ небольшой городъ, расположенный на крутомъ склонѣ лѣваго берега рѣки Чороха, на высотѣ 2,086 футовъ. Улицы города вымощены булыжнымъ камнемъ, но такъ круты, что ѣзда въ экипажѣ по городу невозможна. Въ городѣ двѣ мечети (третья въ нѣкоторомъ отдаленіи), Армянскій монастырь и церковь; зданія эти не замѣчательны по архитектурѣ, но хранятъ въ своихъ ризницахъ интересныя *рукописныя евангелія*. Со стороны рѣки, на отдѣльномъ утесѣ, расположена *древняя крѣпость*, построенная по преданіямъ Генуэзцами *).

*) Алишанъ. Топографія Вел. Арменіи. Венеція, 1855 г., стр. 39, § 50.

Правильныхъ раскопокъ въ Артвинѣ не дѣлалось, но при обработкѣ почвы и другихъ земляныхъ работахъ весьма часто находятъ монеты. Тѣ изъ нихъ, которыя намъ удалось пріобрѣсти, принадлежатъ, по опредѣленію Моск. Нумизматическаго Общества, къ династіи Арсакидовъ, (Арсака IV, Митридата I, Арсака VIII, Артабака II), ко временамъ византійскаго императора Алексѣя Комнена, къ персидской династіи Сефевидовъ, Османидовъ и грузинскихъ Багратидовъ.

Изъ Артвина проѣхали въ Долисъ-хане, гдѣ на берегу рѣки Имеръ-Хеви нашли *церковь,* настолько сохранившуюся, что реставрація ея вполнѣ возможна (см. ниже).

По дорогѣ въ Амамъ-Ларымъ-Дыре встрѣтили развалины старыхъ бань; въ Керехкопри, близъ Джимеркъ,—развалины *древняго моста.* Далѣе въ Бертѣ развалины обширнаго *монастыря,* главная церковь котораго, по разсказамъ мѣстныхъ жителей, лѣтъ 20-ть тому назадъ обращена въ мечеть. Рядомъ съ храмомъ находятся развалины обширнаго помѣщенія (длиною въ 64 ф. 10 д., шир. въ 42 ф. 4 д.) съ колоннами, вѣроятно трапезы или залы совѣта.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Берты, при весьма неудобномъ сообщеніи, въ горной, почти неприступной мѣстности, расположено селеніе Опизи, съ сравнительно великолѣпнымъ *храмомъ,* богатымъ въ особенности по внутренней отдѣлкѣ. Изъ Опизи по ужасной дорогѣ проѣхали въ Порту.

Проѣзжая Дивины на верху крутой горы, надъ самымъ обрывомъ, издали видѣли хорошо сохранившеюся *церковь,* значительныхъ размѣровъ, окруженную постройками. Къ этой церкви теперь нѣтъ проѣзда, не смотря на то, что у подошвы горы черезъ потокъ переброшены два *старинныхъ моста,* упирающихся въ скалу. Вѣроятно дорога въ былое время пролегала по скалѣ, но со временемъ обвалилась, не оставивъ по себѣ никакихъ признаковъ.

Церковь въ Портѣ оказалась прекрасной, стройной постройкой (см. ниже), которую мы конечно сняли во всѣхъ ее подробностяхъ. Селеніе Порта расположено на одномъ изъ притоковъ р. Имеръ-Хеви; выше въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, на вершинѣ горы, среди яйлъ, расположена верхняя Порта гдѣ мы, впрочемъ, не нашли ничего интереснаго.

Отсюда идетъ дорога въ г. Ардапучъ, построенный на берегу Ардапучъ-Су, одного изъ притоковъ Имеръ-Хеви, и расположеннаго, подобно Артвину, на склонѣ крутой горы. Въ городѣ есть развалины *древней церкви и крѣпости.* Церковь, по плану и фасаду, напоминаетъ церкви въ Портѣ, въ Долисъ-Ханѣ и другія подобныя имъ. Крѣпость занимаетъ вершину неприступной скалы, съ которой открывается роскошный видъ на г. Ардапучъ, рѣку и его окрестности. У подошвы крѣпостнаго холма былъ найденъ въ землѣ, въ 1886 г., бронзовый колоколъ съ грузинскою надписью, которая за неясностью шрифта не поддается прочтенію.

Изъ Ардапуча проѣхали въ Энирабатъ (новыя мѣста), гдѣ имѣются развалины значительнаго *храма,* въ которомъ и понынѣ совершается богослуженіе и сохраняется древнее армянское *евангеліе.* По разсказамъ стариковъ, здѣсь находился прежде городъ Норошенъ; отъ него остались развалины, значеніе которыхъ теперь трудно опредѣлить.

По дорогѣ въ Энирабатъ тоже встрѣчались развалины: такъ, напр., въ Лонгетъ-Хавчѣ *развалины крѣпости,* по дорогѣ въ Боревалъ *башня* и др. При въѣздѣ въ Сатлелъ находимъ довольно хорошо сохранившіяся *развалины замка.* Въ самомъ Сатлелѣ имѣется *церковь,* много разъ передѣланная и не представляющая ничего интереснаго *), кромѣ ризницы, между предметами которой обратимъ вниманіе на древнюю *митру* (рис. 6), обложенную по бархату 12-ью металлическими пластинками въ видѣ басмы. Чеканныя пластинки эти имѣютъ по краямъ двѣ витыя колонки съ цвѣтками вмѣсто капителей; колонки эти внизу переходятъ въ горизонтальный жгутъ, который въ верхнихъ частяхъ образуетъ трехъ центровую арочку съ заостреннымъ подвышеніемъ. Изъ капителей колонокъ выходитъ растительный орнаментъ въ видѣ завитковъ, а низъ занятъ стоящими фигурами святыхъ; средняя пластинка представляетъ Спасителя, сидящаго на тронѣ; Онъ благословляетъ одной рукой, а въ другой держитъ державу. Верхнія части пластинокъ образуютъ рядъ кокошниковъ, между которыми посажены херувимы. Верхняя часть митры оканчивается конусомъ, основаніе котораго надъ херувимами усажено круглыми розетками и изображеніями серафимовъ. Вершина конуса вѣнчается шаромъ съ узорчатымъ равноконечнымъ крестомъ. Вся митра весьма грубой работы, рисунокъ фигуръ неумѣлый и безъ всякаго изящества. Кромѣ описываемой митры, въ ризницѣ есть обломки другой, по рисунку и дѣлу совершенно одинаковой съ первой.

Рис. 6.

Кромѣ митръ, имѣются *рукописи съ миніатюрами* и заглавными буквами, описаніе которыхъ представляемъ ниже въ отдѣльной главѣ.

Изъ Сатлела поѣхали въ Тбетъ, чтобы осмотрѣть, фотографировать и обмѣрить находящійся тамъ *храмъ*, лучшій и драгоцѣннѣйшій памятникъ Батумской области.

Изъ Тбета проѣхали въ небольшое мѣстечко Акробагетъ, гдѣ находится древняя, бѣдная *церковь,* много разъ передѣланная, оштукатуренная и потому потерявшая всякій научный интересъ. На стѣнахъ этой церкви сохранились однакожъ нѣсколько рѣзныхъ крестовъ и надписей. Поѣздку этого года кончили посѣщеніемъ Ардагана, Ахалцыха и Баку, описаніемъ древностей котораго заканчиваемъ нашу записку.

*) Въ стѣнахъ ея вдѣланы армянскія надписи XVIII вѣка, въ которыхъ упоминается о нѣкомъ Теръ-Захаріи, лицѣ неизвѣстномъ въ исторіи Арменіи.

ДРАНДА.

Церковь въ Драндѣ (табл. I) находится въ Абхазіи и расположена на равнинѣ, неподалеку отъ моря и въ 24 верстахъ отъ Сухумъ-кале. Этотъ весьма обширный храмъ сложенъ изъ кирпича, что на Кавказѣ встрѣчается довольно рѣдко, такъ какъ обыкновенно постройки производятся изъ мѣстнаго камня неправильной формы съ тесаной облицовкой.

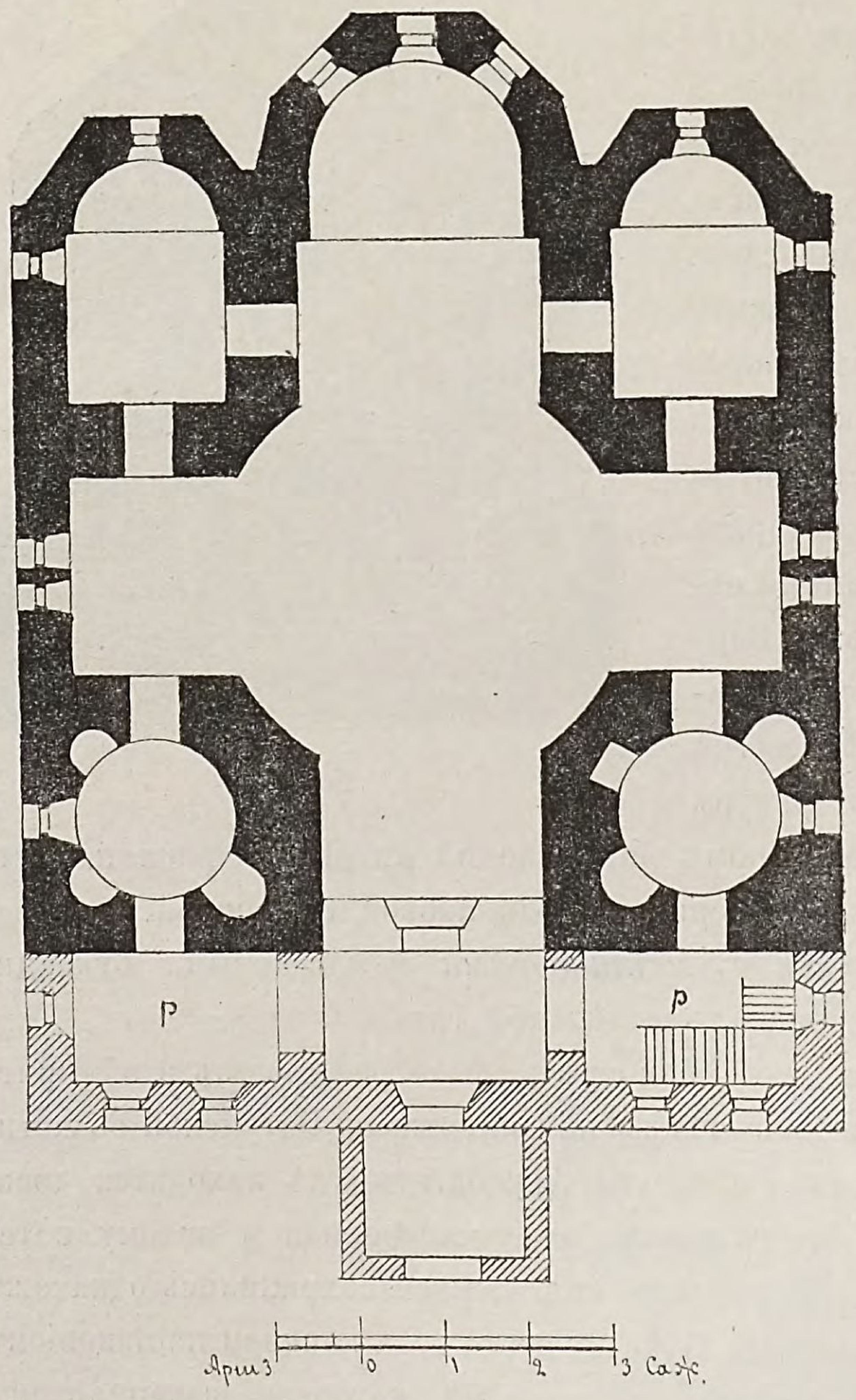

Рис. 7.

Когда былъ построенъ Драндскій храмъ — неизвѣстно. Историческія свѣдѣнія о немъ весьма скудны: Царевичъ Вахуштъ упоминаетъ вскользь, что къ западу отъ Мокви течетъ рѣка Кодоръ, близъ котораго въ Драндѣ стоитъ большой изящный храмъ съ куполомъ. Дюбуа самъ не видалъ его и приводимое имъ описаніе (т. I, стр. 318) заимствовано изъ разсказа Имеретинскаго губернатора г. Вакульскаго, посѣтившаго Дранды въ мирное время. Разсказъ этотъ содержитъ нѣкоторыя подробности, относящіяся къ архитектурѣ храма и къ его изящнымъ украшеніямъ, слѣды которыхъ теперь навсегда исчезли. Г. Вакульскій видѣлъ еще остатки мраморныхъ колоннъ, вѣроятно отдѣлявшихъ нѣкогда алтарь отъ храма, подробность весьма вѣроятная и интересная, указывающая на существованіе древняго мраморнаго иконостаса или алтарной преграды. Дальнѣйшій разсказъ Вакульскаго намъ непонятенъ и мы не можемъ съ нимъ согласиться уже

Табл. I.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Храмъ въ Дрангѣ.

потому, что онъ сравниваетъ Драндскій храмъ съ планомъ храма въ Пицундѣ, что совершенно непонятно для всякаго, знакомаго съ планомъ послѣдняго памятника.

Броссе относительно Драндъ тоже очень кратокъ, но въ своемъ атласѣ Voyage archéologique (табл. XXXI) онъ даетъ планъ этого храма, что для насъ весьма важно потому, что планъ этотъ (рис. 8) хотя и похожъ на прилагаемый нами (рис. 7), но пропорціи его нѣсколько другія; кромѣ того онъ разнится по внутреннему расположенію въ западной части; съ сѣвера же и юга указываетъ на особыя пристройки паперти со стороны входныхъ дверей, чего въ настоящее время уже не находимъ.

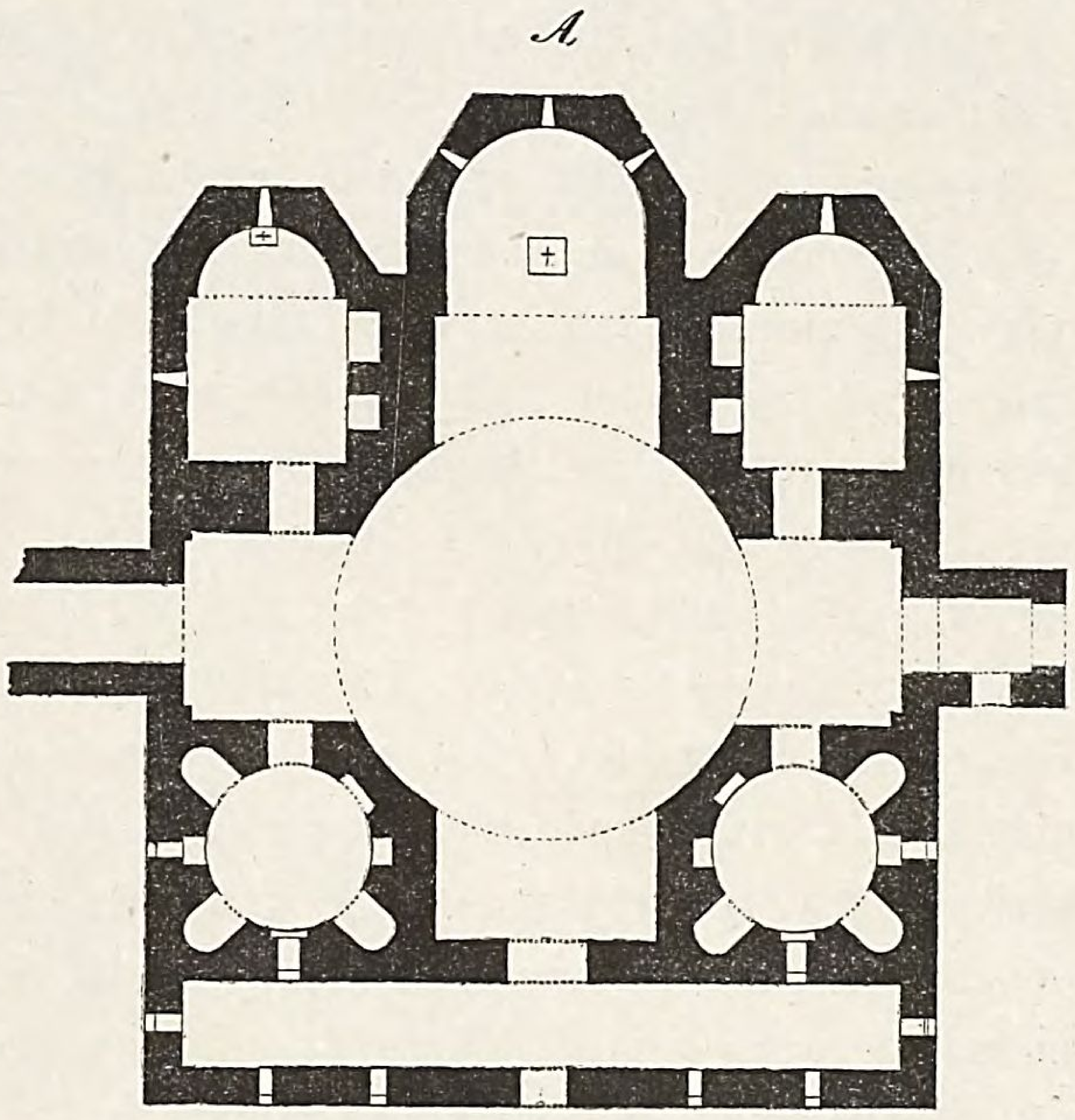

Рис. 8.

Планъ храма представляется намъ въ видѣ креста (рис. 7), средина котораго занята кругомъ, діаметръ котораго значительно превышаетъ

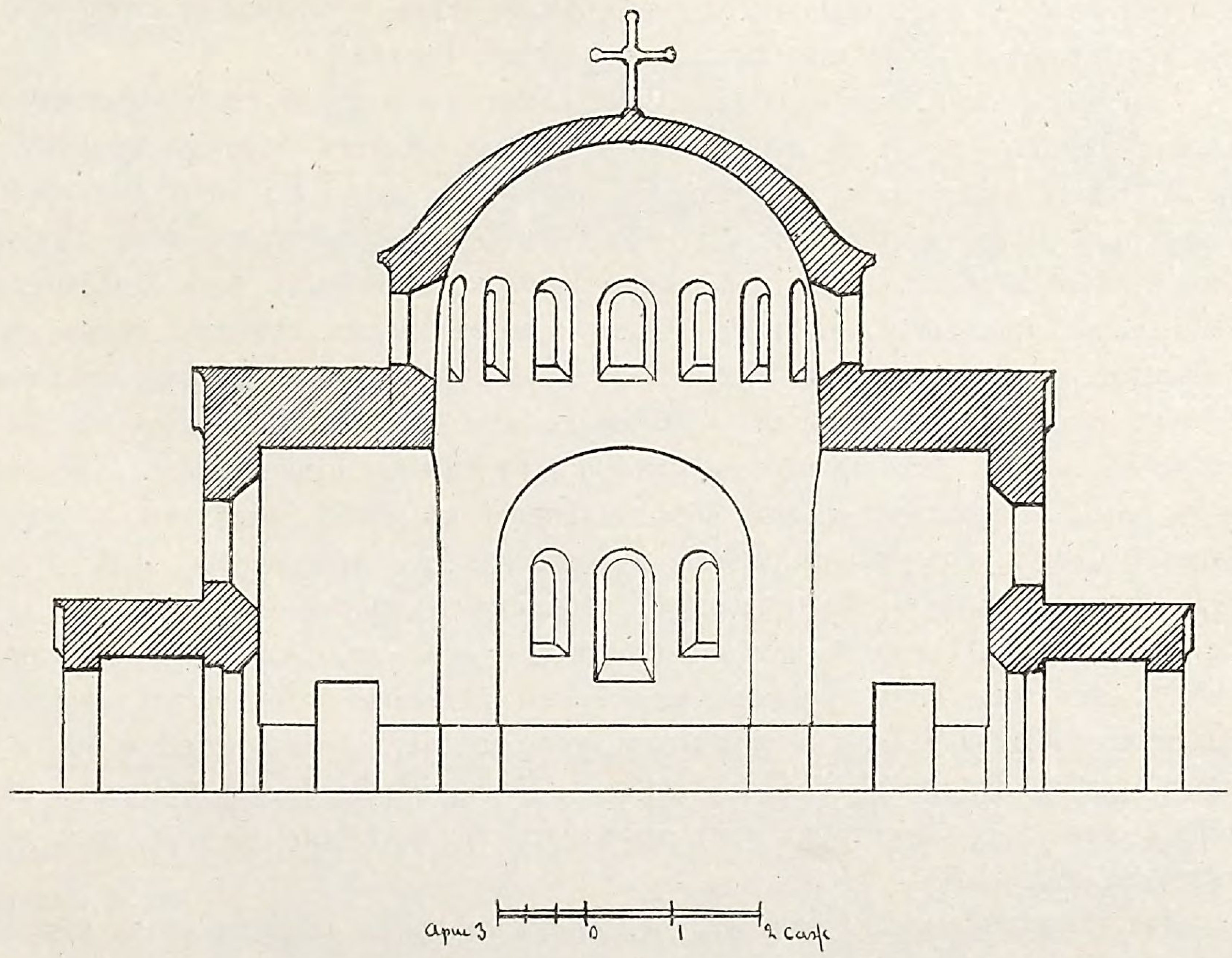

Рис. 9.

ширину рукъ креста. Вслѣдствіе этого между руками образуются внутри цилиндрическія стѣнки, на которыя вверху упираются парусные своды, поддерживающіе круглый барабанъ главы (рис. 9). Въ наружныхъ углахъ между руками креста находятся четыре помѣщенія. Въ восточной части храма эти угловыя помѣщенія соединяютс- арочками съ алтаремъ и руками. Они съ востока оканчиваются полукруглыми выступами, нѣсколько меньшей величины, чѣмъ полукруглый же выступъ алтаря. Такимъ образомъ, съ востока фасадъ храма имѣетъ три выступа, но не круглыхъ, какъ внутри, а граненыхъ. Угловыя помѣщенія между руками креста въ западной части храма по плану представляютъ кругъ, каждый съ тремя нишами, довольно неправильной формы. Помѣщенія эти соединяются съ руками и съ при стройками *p* (см. рис. 7). Весьма важно, что на планѣ Броссе помѣщенія *pp*. не имѣютъ поперечныхъ стѣнокъ, которыя на нашемъ планѣ отдѣляютъ ихъ отъ средняго нефа храма. Средній нефъ или западный конецъ креста на планѣ Броссе не длиннѣе боковъ т.-е. рукъ и оканчивается стѣной подъ лицо съ западными стѣнами угловыхъ круглыхъ помѣщеній. Въ срединѣ эта стѣна имѣетъ дверь. Такимъ образомъ, пристройки *p. p.*, соединенныя въ одинъ длинный корридоръ образуютъ какъ бы паперть передъ входомъ въ храмъ. Другая весьма интересная подробность въ планѣ Броссе та, что вмѣсто дверей въ западныхъ стѣнахъ, круглыхъ угловыхъ помѣщеній, которыя на нашемъ планѣ соединяютъ ихъ съ *pp*., показаны окна. Присутствіе оконъ конечно указываетъ на то, что паперть не современна храму, а есть пристройка позднѣйшаго времени. Стало быть, западный фасадъ храма составляла сплошная западная стѣна, соединявшая существующія круглыя помѣщенія, какъ показано на планѣ Броссе.

Такимъ образомъ, исходя изъ вышеприведенныхъ разсужденій, чтобы представить планъ Драндскаго храма въ первоначальномъ видѣ, слѣдуетъ отбросить помѣщенія *pp*. и сдѣлать въ срединѣ стѣнку, какъ показано на рис. 7 и у Броссе, (рис. 8) а западныя двери, ведущія въ круглыя помѣщенія, обратить въ окна. Кромѣ того съ сѣвера и юга у Броссе показаны не окна, а входы въ видѣ отдѣльныхъ небольшихъ пристроекъ. Поэтому вмѣсто существующихъ нижнихъ оконъ, не имѣющихъ древняго вида, (см. табл. I) въ бокахъ, т. е. рукахъ креста, слѣдуетъ сдѣлать двери съ пристроенными особыми входами. Подобный же входъ съ пристройкой, можетъ быть нѣсколько большихъ размѣровъ, существовалъ вѣроятно и съ запада. Произведя такого рода измѣненія въ планѣ, получимъ и измѣненный фасадъ, который съ запада представится въ слѣдующемъ видѣ: впереди выступъ съ арочкой, перекрытой небольшимъ фронтономъ, (см. рис. 10) по бокамъ его въ стѣнѣ храма два окна, и надъ входомъ выше фронтона третье окно, при чемъ средняя часть стѣны нѣсколько возвышается, подобно боковымъ, образуя небольшой фронтонъ; угловыя части храма покрыты на два ската, каждый по горизонтальному карнизу. Подобный же фасадъ будетъ съ сѣвера и юга, а съ востока къ нему примкнуты три граненые выступа, какъ это видно на табл. I-й.

Для завершенія реставраціи фасада Драндскаго храма слѣдуетъ снять шатровую крышу съ шестнадцати-граннаго барабана его главы и сдѣлать византійское

шаровое покрытіе по своду, какъ въ Пицундѣ. Тогда византійское происхожденіе этого храма будетъ очевидно.

Внутренность Драндскаго храма въ настоящее время носитъ слѣды новѣйшей отдѣлки: въ разныхъ мѣстахъ поставлены пилястры съ канелюрами въ западномъ стилѣ, и все забѣлено извѣстью. Только массы храма даютъ понять, что храмъ этотъ византійскаго стиля. Реставрацію его, конечно, слѣдуетъ представить съ кирпичнымъ фасадомъ, слѣдовательно, краснаго цвѣта, съ арочками надъ окнами и черепичными крышами. Бакрадзе, посѣтившій этотъ храмъ въ

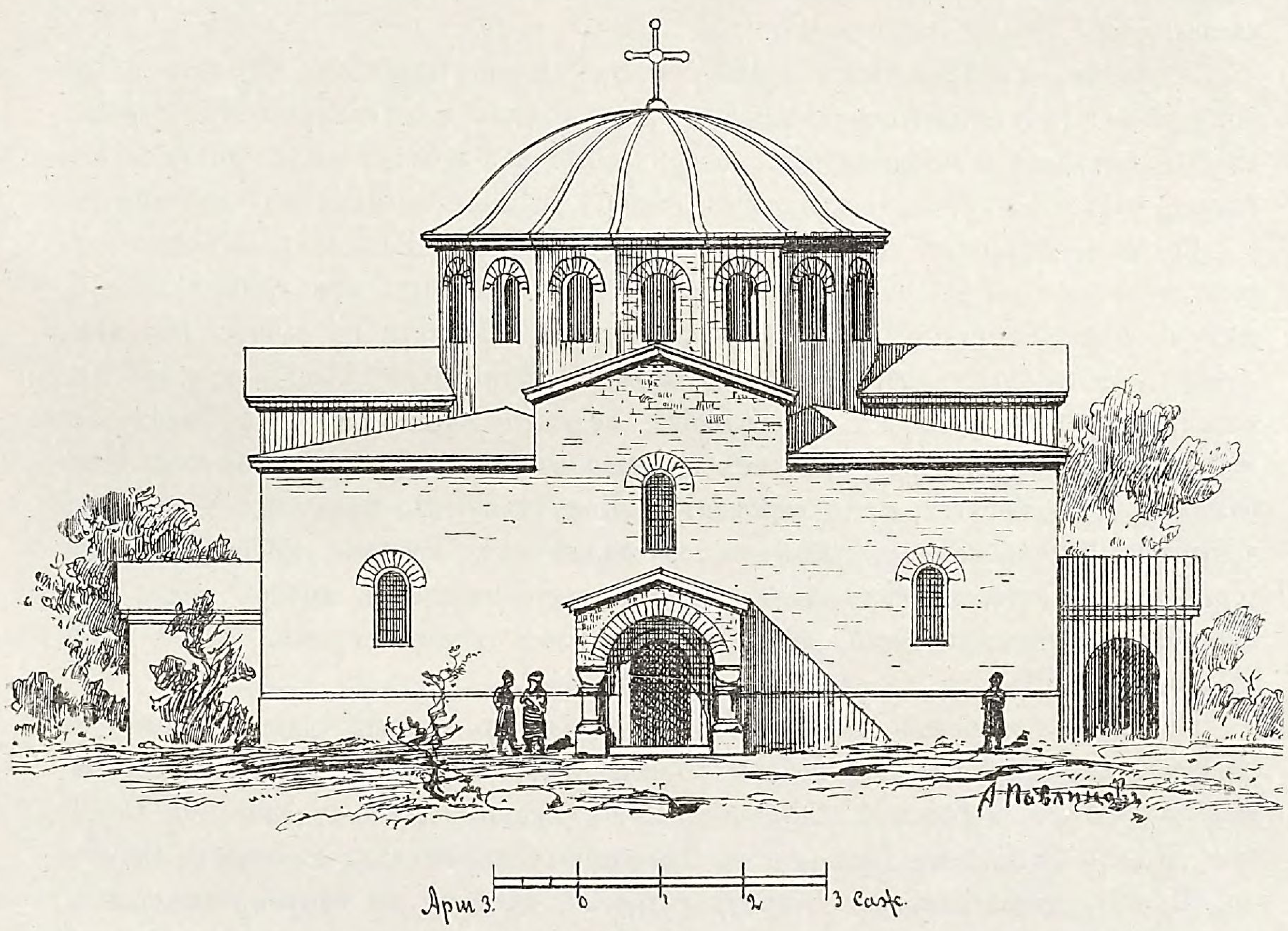

Рис. 10.

1860 году, говоритъ о немъ слѣдующее: „Я видѣлъ фресковыя изображенія Спасителя, въ сводѣ — Преображеніе Господне и нѣсколько святыхъ во весь ростъ“. Изъ этого слѣдуетъ, что *храмъ внутри не имѣлъ тѣхъ пилястръ, которыя возведены вѣроятно сравнительно недавно, а первоначально былъ украшенъ фресками*.

Бакрадзе и другіе, видѣвшіе этотъ храмъ, относятъ его къ глубокой древности.

Прежде чѣмъ разобрать этотъ вопросъ и высказаться о времени построенія храма въ Драндѣ, намъ необходимо вспомнить тѣ данныя, которыя мы имѣемъ въ рукахъ и на основаніи которыхъ мы можемъ сдѣлать то или другое заключеніе.

Весьма важнымъ аргументомъ въ такихъ случаяхъ считались надписи, имѣющіяся въ стѣнахъ храмовъ съ датой о времени построенія зданія. Но вмѣстѣ

съ тѣмъ было замѣчено, что надписи кавказскихъ церквей были переносимы съ мѣста на мѣсто, при чемъ древнія надписи вставлялись въ новые храмы весьма часто только въ видѣ украшеній, такъ что содержаніе ихъ теряло всякій смыслъ, всякое значеніе. Въ случаяхъ обновленія или передѣлки храмовъ вставлялись новыя надписи и являлись новыя, болѣе позднія даты; наконецъ, самый языкъ надписей не всегда ясенъ: Дюбуа, указываетъ, напр. въ надписяхъ Мартвильскаго монастыря на одно и то же слово, означающее строилъ и перестроилъ; такимъ образомъ, на одной и той же церкви является иногда такъ много различныхъ надписей, что онѣ только путаютъ изслѣдователя и не приводятъ ни къ какому заключенію.

Впрочемъ, въ Драндскомъ храмѣ не найдено ни надписей, ни датъ и потому рѣшителемъ вопроса о древности храма должна явиться археологія, вооруженная выводами и заключеніями, почерпнутыми изъ сравнительной исторіи, изъ исторіи развитія построекъ, ихъ массъ вообще, и христіанскихъ въ особенности.

Когда христіанство сдѣлалось явнымъ и овладѣло Римомъ и цивилизаціей, архитектура была уже на высокой степени развитія. Тогда при выборѣ церковныхъ сооруженій представились двѣ формы зданій: базалика съ своимъ длиннымъ нефомъ, съ глубокимъ перспективнымъ эффектомъ и другое зданіе—круглая или четыреугольная часовня съ конструкціей, ведущей глаза зрителя къ верху къ вершинѣ купольнаго свода, отождествляющаго въ церквахъ сводъ небесный. Наибольшую часть церквей стали строить по этому типу. По этому же типу былъ построенъ Юстиніаномъ и храмъ въ Іерусалимѣ надъ гробомъ Господнимъ, который впослѣдствіи долженъ былъ имѣть большое вліяніе на выборъ плана при постройкѣ другихъ церквей, ибо всѣмъ хотѣлось имѣть церковь, похожую на ту, которая осѣняетъ величайшую святыню міра.

На этомъ основаніи появляется на западѣ и востокѣ рядъ церквей съ центральнымъ планомъ, изъ которыхъ назовемъ: церковь *св. Ильи въ Бруссѣ, церкви въ Езрѣ и Бозрѣ въ Сиріи, храмъ св. Георгія въ Салоникахъ, св. Сергія или Малая Софія, св. Виталій* въ Равеннѣ съ хорами для женщинъ, *церковь св. Ирины*, принадлежавшая дворцу, и другія; къ тому же типу принадлежитъ, но съ планомъ нѣсколько осложненнымъ, и *св. Софія* въ Константинополѣ. Изъ всего этого заключаемъ, что храмы VI вѣка и позднѣе имѣютъ своеобразные планы съ центромъ: круглые, многоугольные или въ формѣ греческаго креста. Во всѣхъ церквахъ подобнаго рода *куполъ или совсѣмъ не имѣетъ барабана или сидитъ на* барабанѣ очень невысокомъ. Фасады этихъ церквей еще не выработаны; куполъ ихъ еще не вѣнчаетъ главу храма и не имѣетъ того закончивающаго значенія, которое ему придается въ XI — XII вѣкѣ.

Совсѣмъ другое видимъ въ христіанской архитектурѣ X—XII вѣка, когда купольный центровой планъ соединяется съ базиличнымъ, какъ напр., въ ц. *св. Андрея и Теотокосъ въ Константинополѣ, въ католиконѣ и св. Апостоловъ въ Аѳинахъ, въ Дафни близъ Аѳона, въ часовнѣ на Аѳонѣ и др.* Въ этихъ церквахъ куполъ не такъ великъ по діаметру, какъ въ церквахъ VI вѣка; имѣетъ меньшій распоръ, и потому удержать его гораздо легче; это послѣднее обстоя-

тельство даетъ возможность поднять барабанъ, выдвинуть надъ зданіемъ главу и придать ей соотвѣтственныя стройныя пропорціи т. е. выработать фасадъ.

Остановимся пока на этихъ признакахъ и, не распространяясь надъ болѣе общими, какъ напр., на способѣ кладки, формѣ арокъ, орнаментахъ и проч., постараемся на основаніи всего вышесказаннаго сдѣлать выводъ касательно плана и фасада Драндскаго храма. Планъ этотъ представляетъ снаружи четырегранникъ, напоминающій планы XI и XII в., когда такъ называемая купольная центральная система храмовъ, смѣшавшись съ базиличной, выработала особую однокупольную и многокупольную систему продолговатыхъ храмовъ, къ которымъ можно отнести храмы въ Мокви, Бедіи, Портѣ и друг. Но это можно сказать только про наружную форму Драндскаго храма; внутренность его значительно отличается отъ плановъ XI — XII вѣка и на самомъ же дѣлѣ Драндскій храмъ по формѣ своей древнѣе всѣхъ вышеупомянутыхъ церквей. Внутреннее его расположеніе, какъ сказано выше, представляетъ крестъ, въ срединѣ котораго расположенъ большой куполъ. Въ этомъ планѣ легко узнать древнѣйшую систему центральнаго купольнаго храма, хотя и осложненнаго угловыми пристройками, но еще не вполнѣ слившуюся съ базиличнымъ планомъ, и потому отличную отъ церквей XI—XII в. Западные углы плана, представляя внутри круглое помѣщеніе съ нишами въ стѣнахъ, не имѣютъ ничего общаго съ срединой, и тѣмъ самымъ каждый изъ нихъ отдѣльно напоминаетъ древнѣйшій круглый планъ. Храмъ въ Драндѣ не представляетъ также тѣхъ особенностей, которыя являются впослѣдствіи въ кавказской архитектурѣ и служатъ ея отличительными признаками какъ напр.: ниши внутри и снаружи между концами креста. Значительная высота барабана главы мѣшаетъ отнести его къ VII вѣку, но возможно предположеніе, что онъ выстроенъ не позднѣе X вѣка и что его можно считать однимъ изъ представителей византійской архитектуры на Кавкавѣ.

Пріемъ крестоваго плана съ большимъ куполомъ въ срединѣ, подобный Драндскому, встрѣчается въ самыхъ древнѣйшихъ церквахъ Кавказа, напр., въ *церкви Св. Креста,* напротивъ Мцхета, въ *Сіонской церкви,* въ главной *церкви Мартвильскаго монастыря,* въ *Атени,* въ *ц. св. Рипсиме,* въ Вагаршападѣ и друг. Единственная разница, отличающая всѣ эти храмы отъ Дранды, состоитъ только въ томъ, что у нихъ концы креста не прямоугольные, какъ въ Драндѣ, а полукруглые.

МОКВИ.

Храмъ въ Мокви принадлежитъ къ наиболѣе обширнымъ и сложнымъ храмамъ не только Абхазіи, но и вообще Кавказа. Основаніе его относятъ къ X вѣку. Грузинскія лѣтописи приписываютъ его Абхазскому царю Леону III, умершему въ 957 году. (Вахуштъ, считаетъ его 9 царемъ Абхазіи *). Церковь эта была создана во имя Божіей Матери, что подтверждаетъ надпись на храмовой Моквской иконѣ, которая сохраняется нынѣ въ церкви въ Зугдиди **).

Въ Мокви жилъ епископъ, который управлялъ паствой между р. Кодоромъ и Моквис-цкали. Когда была упразднена Моквская епархія—неизвѣстно, но въ XVII вѣкѣ она еще существовала и Моквскій епископъ присутствовалъ на соборѣ 1640 года, собранномъ въ Кутаисѣ для принятія мѣръ къ исправленію нравовъ въ Имеретіи.

Весьма вѣроятно, что обширная церковь въ Мокви занимала въ былое время видное мѣсто въ краѣ и что самый край нѣкогда процвѣталъ и благоденствовалъ, но наступилъ періодъ упадка, храмъ опустѣлъ и тронутый рукою времени, оставаясь долгое время безъ поддержки, началъ разрушаться. Академикъ Броссе ***) и потомъ Бакрадзе видѣли его въ этомъ положеніи и говорятъ о немъ слѣдующее: „обширные размѣры корпуса церкви опутаны сѣтью ползучихъ растеній, его кровля превращена въ воздушный садъ, его прекрасный куполъ, удлиненный высокими стволами деревьевъ—все это приводитъ зрителя въ удивленіе. Внутри стрѣлою уходящіе столбы (?) изъ превосходно вытесаннаго камня, пять кораблей (nefs), помостъ, весь устланный бѣлымъ мраморомъ безъ пятенъ, осколки цвѣтнаго стекла, остатки карнизовъ съ замѣчательною рѣзьбою свидѣтельствуютъ о большомъ великолѣпіи и объ искусствѣ, достигшемъ высшей степени совершенства. Прекрасная галлерея окружаетъ корабль до столбовъ купола; кирпичъ употребленъ въ зданіи въ однихъ лишь сводахъ между столбами. *Паперти обрушились*, въ окнахъ выбиты стекла, помостъ покрытъ на полфута соромъ; къ сожалѣнію, нигдѣ не замѣтно никакой надписи“.

Іерусалимскій же патріархъ Дороѳей, посѣтившій Мокви въ 1659 г., упоминаетъ о надписи слѣдующаго содержанія: „Расписана при императорѣ Алексѣѣ Комненѣ и при великомъ абхазскомъ царѣ Давидѣ“. Такъ какъ Алексѣй Комненъ

*) Description géographique de la Géorgie par le tzarévitch Wakhoucht. S.-Petersburg.1842, стр. 401.
**) Бакрадзе. Записки Общества Любителей Кавказской археологіи. Тифлисъ. 1875 г., стр. 103.
***) Histoire de la Georgie par Brosset. S. Petersbourg. 1849, I. 263.

Табл. II.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Церковь въ Моквѣ, съ сѣверо-западной стороны.

Мокв а.

Западный фасадъ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К⁰ въ Москвѣ.

царствовалъ съ 1081—1118, а Давидъ Возобновитель съ 1089—1125 гг., то храмъ долженъ былъ быть расписанъ между 1089—1118 годами.

Вотъ главныя историческія свѣдѣнія, которыя имѣемъ объ этомъ храмѣ.

Нынѣ храмъ не имѣетъ никакихъ признаковъ живописи: внутренность выштукатурена и выбѣлена, но отъ времени и чрезмѣрной сырости покрылась черными пятнами и поросла зеленымъ мхомъ; снаружи храмъ въ исправности, внутренность-же его ремонтировалась въ то время, когда намъ пришлось его обмѣрить. Храмъ, какъ видно по прилагаемымъ фототипіямъ и рисункамъ (см. табл. II и III), не похожъ на тѣ развалины, покрытыя длинными стволами деревьевъ и ползучей зеленью, которыя описываютъ Броссе и Бакрадзе. Развалившихся папертей нѣтъ. Храмъ сложенъ изъ тесанаго камня, желтоватаго цвѣта. Полуциркульныя окна отштукатурены и обведены бѣлыми обводками въ видѣ наличниковъ. Крыша желѣзная, очевидно, тоже новая; съ запада приставленъ входъ на четырехъ колоннахъ съ башенкой на верху и остатками черепичнаго покрытія. Выбѣленный заново онъ рѣзко рисуется на общемъ грязно-желтомъ фонѣ западной стѣны храма. Верхнія массы храма образуютъ четырехфронтонный крестъ, въ срединѣ котораго четырегранный постаментъ служитъ основаніемъ двухэтажной главы. Первый этажъ, который представляетъ 12-ти гранную (съ столькими же окнами) призму съ крышей въ видѣ усѣченной пирамиды, изъ которой выходитъ 8-ми гранная (на 8-ми колонкахъ) башенка, съ шатровымъ покрытіемъ, увѣнчаннымъ крестомъ.

Съ перваго взгляда фасадъ Моквскаго храма кажется нѣсколько отличнымъ отъ обще-распространенныхъ типовъ церквей Кавказа. Массы его сравнительно сложны; такъ, главная масса съ запада и востока, образуя фронтонъ, имѣетъ съ каждой стороны не одинъ уступъ, какъ это обыкновенно бываетъ, а два; покрытіе главы не шатровое кавказское или круглое византійское, а двойное съ башенкой; подобное-же покрытіе и надъ западнымъ входомъ; башенка надъ входомъ соединяется черезъ дверь лѣсенкой съ хорами, какъ это видно на разрѣзѣ (см. табл. IV). Имѣя въ виду вышеприведенныя описанія Броссе и Бакрадзе до реставраціи этого храма, гдѣ говорится о высокихъ растущихъ деревьяхъ на главѣ, объ осколкахъ цвѣтныхъ стеколъ, карнизахъ съ искусной рѣзьбой и разрушенныхъ папертяхъ, которыя показаны и на планахъ Броссе *) и Фергюссона **), невольно является сомнѣніе въ правильности его реставраціи и въ возможности замѣны византійскаго покрытія по своду подобной башенкой, не имѣющей смысла и врядъ-ли служившей когда либо звоницей. Съ западной стороны церкви расположены ворота съ обширной колокольней, очевидно построенной гораздо позднѣе основанія храма, какъ предназначенной для сравнительно большихъ колоколовъ, которыхъ, какъ извѣстно, въ X и XI вѣкѣ еще не дѣлали.

Подобныя башенки встрѣчающіяся на Кавказѣ въ армянскихъ церквахъ, наприм.,

*) Atlas du Voyage Archéologique dans la Transcaucasie.

**) History of architecture. II.

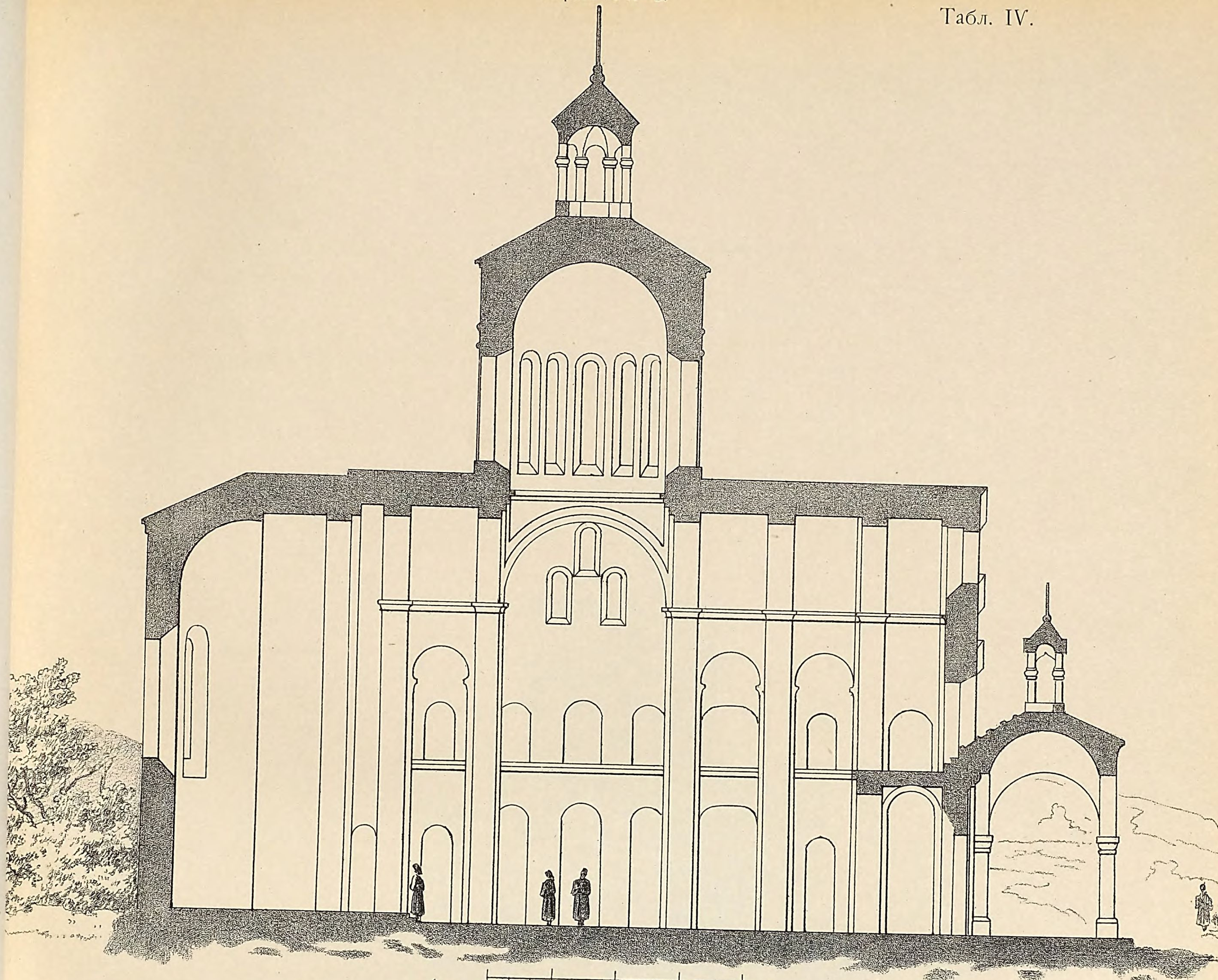
въ Эчміадзинѣ, Саногинѣ, въ Ахпатѣ *) и др.; и въ Моквскомъ храмѣ не составляютъ дизгармоніи съ общими массами церкви и не нарушаютъ общей стройности пропорцій.

Что касается остальныхъ архитектурныхъ подробностей и деталей, то они очень просты: наличникъ западной входной двери окруженъ выпуклымъ орнаментомъ изъ листьевъ, съ тягами, опирающимися на особаго рода полуколонки; но вся эта отдѣлка сравнительно новая, не изящна, и вообще не представляетъ ничего замѣчательнаго ни съ археологической, ни съ художественной стороны.

Планъ церкви въ Мокви (см. табл. IV внизу) по своей сложности превосходитъ церкви не только Абхазіи, но и многія другія на Кавказѣ. Онъ имѣетъ внутри съ каждой стороны по два ряда столбовъ, идущихъ съ запада на востокъ, которые поддерживаютъ обширные хоры и дѣлятъ храмъ на пять частей; изъ нихъ три среднія оканчиваются тремя алтарными выступами, а двѣ крайнія выступовъ не имѣютъ, **) образуя съ востока плоскія стѣнки, что конечно видно и на фасадѣ (см. табл. V). Средній алтарный выступъ съ внутренней стороны имѣетъ въ планѣ окружность круга, а снаружи выходитъ неправильнымъ многогранникомъ, образуя семь граней. Крайніе-же, средніе выступы—сѣверный и южный, снаружи и внутри, какъ видно по плану, круглые. Боковые пристройки у входовъ, показанные на планахъ у Броссе и Фергюссона, теперь уже не существуютъ, какъ видно на табл. VI, гдѣ представленъ боковой фасадъ этого храма безъ пристроекъ, но съ боковыми входами. Общая фигура плана обнаруживаетъ его византійское происхожденіе; тоже можно сказать и про конструкцію храма, т. е. его разрѣзъ (см. табл. IV вверху). Сходство Моквскаго храма съ другими храмами Абхазіи, наприм., съ Пицундскимъ ***), указываетъ, что типъ такихъ храмовъ въ то время въ Абхазіи былъ распространенъ. Пицундскій-же храмъ, судя по плану и конструкціи, скорѣе можно назвать ровестникомъ Моквскаго храма, чѣмъ согласиться съ мнѣніемъ, что онъ выстроенъ въ VI вѣкѣ Юстиніаномъ I. По плану эти церкви сильно разнятся отъ церквей VI-го вѣка, какъ видѣли выше при описаніе Драндъ, гдѣ въ краткихъ чертахъ была обрисована разница тѣхъ и другихъ. Ученые справедливо находятъ сходство Моквскаго плана съ планомъ св. Софіи въ Кіевѣ и Новгородѣ, постройками XI вѣка. Планъ этихъ церквей смѣшанный, представляющій соединеніе базилики съ купольнымъ храмомъ. Такого рода планы выработаны въ X—XI вѣкахъ и являются весьма характерными для этого времени.

*) Гримъ: „Памятники Византійской архитектуры въ Грузіи и Арменіи“. С.-Петербургъ, 1859 г.
**) Въ атласѣ Броссе по ошибкѣ послѣднія показаны тоже полукруглыми.
***) Dubois de Montpereux. Voyage au Caucase. 3 série, vol. II.

Разрѣзъ по А—В.

ПЛАНЪ ЦЕРКВИ ВЪ МОКВѢ.

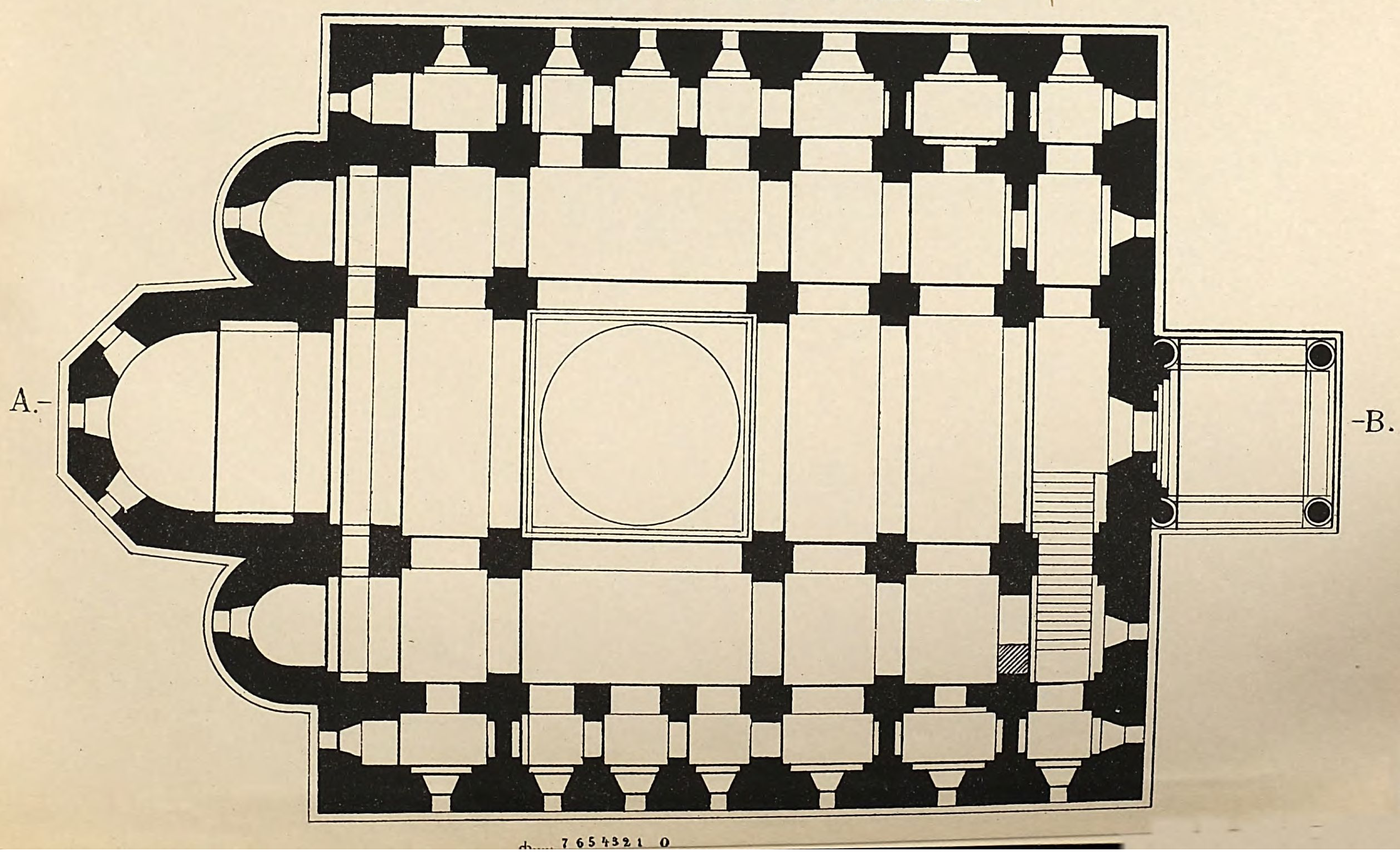

Табл. V.

МОКВА.

Фасадъ съ восточной стороны.

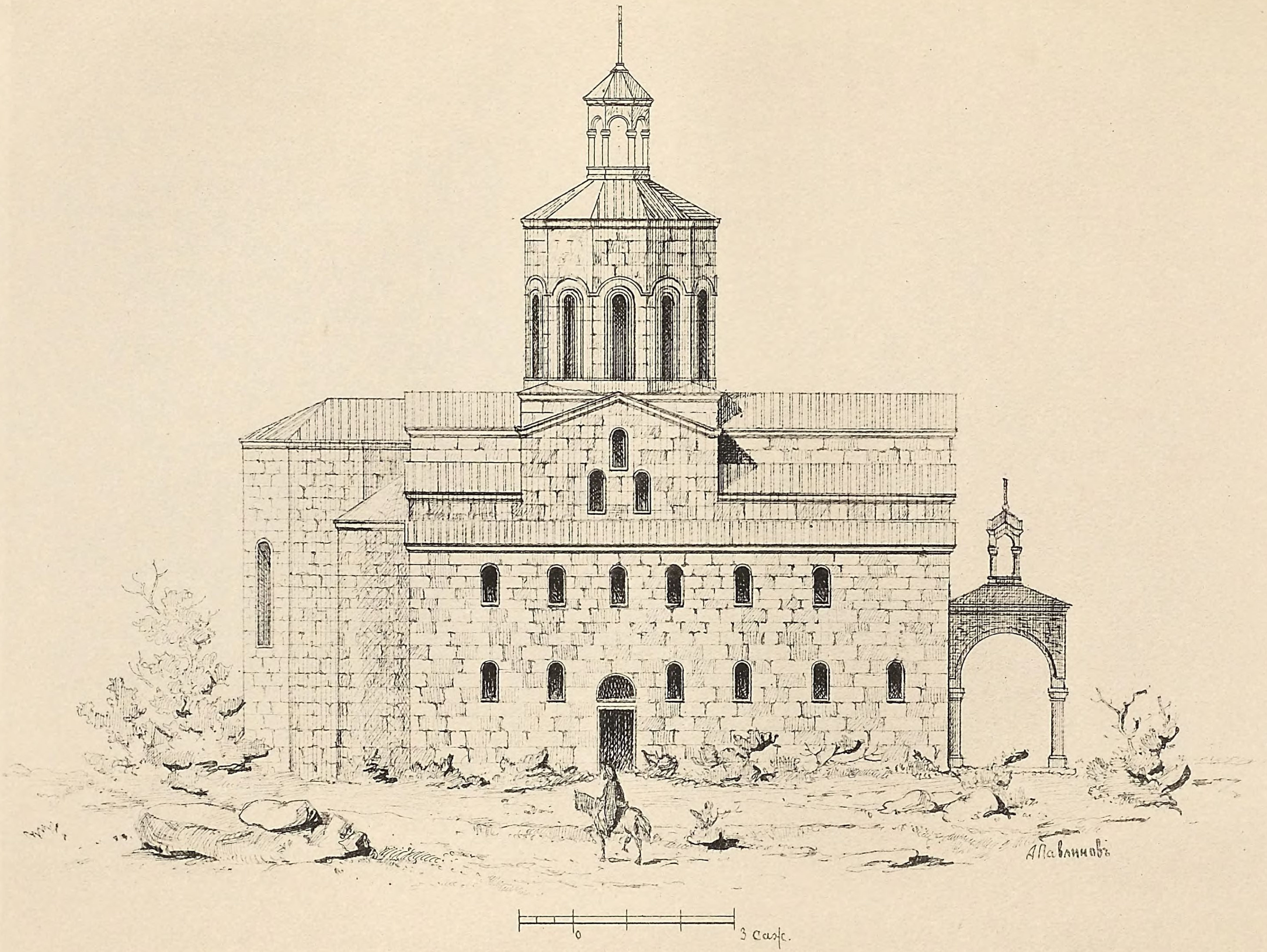

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

МОКВА.

Табл. VI.

Сѣверный фасадъ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

ИЛЛОРИ.

Въ Абхазіи, въ 2-хъ верстахъ отъ берега Чернаго моря, расположено селеніе Иллори съ небольшою церковью во имя Св. Георгія. Главная масса церкви имѣетъ видъ прямоугольнаго четырегранника, покрытаго новой крышей на два ската съ фронтонами на западъ и востокъ. Алтарь на фасадѣ выступа не имѣетъ. На западной стѣнѣ церкви сохранилось полуциркульное окно съ древней отдѣлкой: надъ богатымъ наличникомъ, окружающимъ это окно, вверху идетъ еще вторая полукруглая полоса орнамента съ концами, повернутыми горизонтально на высотѣ центра арки. Съ запада имѣется у входа каменная пристройка въ видѣ трехъ арокъ, покрытыхъ по фронтону; съ юга тоже сдѣлана пристройка у входа. Южная пристройка гораздо больше западной, съ одной аркой, но онѣ обѣ не производятъ цѣльнаго впечатлѣнія съ церковью и очевидно позднѣйшія. Церковь, облицованная тесаннымъ камнемъ, нынѣ выштукатурена и носитъ слѣды многихъ и частыхъ исправленій. Массы ея не представляютъ интереса; она похожа на многія церкви Кавказа, напр., на выше описанную церковь въ Мармалѣ-абагю въ Речи Гальской (см. рис. 1) и друг.

Около церкви находится колокольня. Низъ ея имѣетъ видъ четырегранника, вдоль стѣнъ котораго поднимается снаружи каменная лѣстница до круглаго, невысокаго основанія, заканчиваемаго пятигранникомъ съ аркой въ каждой грани. Колокольня покрыта пятиграннымъ шатромъ съ новою желѣзною крышею и крестомъ на верху.

Въ Иллори имѣется довольно богатая ризница, часть которой воспроизводится на табл. VII. *Чаша,* помѣщенная на серединѣ, украшена выпуклымъ поясомъ изъ двухъ веревочекъ съ гофренымъ краемъ. Поверхность ея раздѣлена по отдѣлкѣ на восемъ частей колонками съ капителями и опирающимися на нихъ арками, въ которыхъ расположены изображенія: благословляющаго Христа, съ Архангелами (Микель и Габріель) по сторонамъ, и съ евангеліемъ въ рукѣ. Ножка сосуда довольно простой формы, въ видѣ раструба съ бусой на верху.

Второй *сосудъ* безъ ножки. Мотивъ его отдѣлки такой же, какъ и на первомъ: тѣ же колонки, тѣ же арки, только число арочекъ больше, потому что и самъ сосудъ большихъ размѣровъ. Отдѣлка арочекъ болѣе мелкая, чѣмъ на первомъ. Въ аркахъ расположены фигуры сидящей Божіей Матери съ Младенцемъ, а по бокамъ стоящія фигуры святыхъ, между которыми находится Апостолъ Павелъ. Надписи на обоихъ сосудахъ грузинскія.

Третій *сосудъ* имѣетъ видъ голубя на подставкѣ; голова его снимается и прикрѣплена цѣпочкой.

Бакрадзе видѣлъ въ 1868 г. въ ризницѣ Иллорской церкви массивную золотую чашу съ надписью хуцури, гдѣ строителемъ Бедійской церкви названъ былъ царь Багратъ (980—1008) съ матерью своею Гурундухтою, а Бедійскимъ митрополитомъ Германъ Чхетидзе. Кромѣ того Бакрадзе упоминаетъ и о нѣкоторыхъ другихъ надписяхъ, относящихся къ исторіи Имеретіи XVI и XVII вѣка *); но мы не нашли болѣе этихъ надписей.

Кромѣ описанныхъ выше трехъ сосудовъ мы нашли въ самой церкви и ризницѣ Иллори нѣсколько иконъ и крестовъ, болѣе или менѣе древнихъ, болѣе или менѣе изящной или грубой работы. Всѣ эти кресты и иконы носятъ тотъ общій характеръ чеканки по серебрянному тонкому листу, присущій предметамъ подобнаго дѣла на Кавказѣ, при чемъ какъ фигуры, такъ и орнаментъ обыкновенно носятъ значительный восточный оттѣнокъ, придающій всѣмъ этимъ предметамъ своеобразный типъ не только по характеру, но и по техникѣ, которая, по нашему мнѣнію, должна бы составить примѣръ особаго изученія.

Часть крестовъ этихъ литые изъ мѣди. Одинъ *запрестольный* очень большихъ размѣровъ, деревянный, прикрытый по переднему фасу чеканными серебряными пластинками съ изображеніемъ Св. Георгія на конѣ и разныхъ событій изъ жизни святаго. Крестъ этотъ довольно хорошо сохранился и по своимъ размѣрамъ и отдѣлкѣ напоминаетъ подобные же кресты, находимые въ значительномъ количествѣ по ту сторону Кавказскаго хребта, въ Верхней Рачѣ и Сванетіи. Иконы ризницы въ Иллори, подобно всѣмъ остальнымъ иконамъ Кавказа, на видъ кажутся одной и той-же техники какъ и вышеописанный запрестольный крестъ, но на самомъ дѣлѣ онѣ представляютъ совершенно иную технику, приближающуюся гораздо ближе къ скульптурѣ, чѣмъ къ какому либо другому искусству. Между тѣмъ какъ кресты (какого бы они не были большаго размѣра) представляютъ гладкую деревянную поверхность прикрытую, чеканной пластинкой, цѣльной или составной изъ болѣе мелкихъ и весьма часто разновременныхъ пластинокъ, иконы (по крайней мѣрѣ главныя ихъ части, фигуры и дробницы) вылеплены изъ твердой желтоватой массы, прикрытой во всѣхъ своихъ частяхъ (даже лицахъ, рукахъ, и пр.) сплошной, болѣе тонкой, чѣмъ на крестахъ серебряной басмой, которая, составляя общее полѣ съ фономъ иконы, изукрашена на этомъ фонѣ цвѣтами, травами и завитками. Масса, составляющая сущность иконы или по крайней мѣрѣ ея главныхъ фигуръ и изображеній, представляется намъ въ видѣ воска, распущеннаго на скипидарѣ и отвердѣвшаго отъ времени. Масса эта могла формироваться прямо рельефомъ на доскѣ при помощи рѣзца или, можетъ быть, заливалась въ заготовленныя чеканныя иконы и преназначалась въ особенности для того, чтобы предохранять чеканку изъ весьма тонкаго серебрянного листа отъ возможной порчи и изломовъ. Какъ бы то ни было, но лѣпка подобныхъ иконъ весьма изящна, и тотъ единственный экземпляръ, который намъ удалось встрѣ-

*) Записки Общества Любителей Кавказской археологіи, книга I. Тифлисъ, 1875 г., стр. 74.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Утварь церковная въ Иллори.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Икона Св. Георгія въ Иллори.

тить въ Верхней Рачѣ безъ серебряной басмы на лицѣ Святаго, напоминалъ поразительно рѣзьбу по слоновой кости и поражалъ тонкостью отдѣлки.

Изъ иконъ Иллори воспроизводятся нами:

Икона Св. Георгія (табл. VIII) въ ростъ, съ копьемъ и острымъ щитомъ въ рукахъ. Одѣтъ онъ въ римскій короткій панцырь, съ хламидой на лѣвомъ плечѣ; на ногахъ высокіе сапоги. Волосы окаймляютъ лицо мелкими кудрями, расположенными въ видѣ прически поздней императорской эпохи; вокругъ головы широкій нимбъ, покрытый рельефными гранатовыми цвѣтами византійскаго типа. Поле вокругъ Святаго состоитъ изъ травъ, переплетенныхъ между собой, но не имѣющихъ ни особаго характера и даже выраженныхъ не довольно рельефно. Главная фигура вставлена въ раму изъ болѣе толстой серебряной басмы во многихъ мѣстахъ исправленной, зачиненной, и лучше всего сохранившейся въ верхней части, гдѣ она украшена тремя дробницами съ изображеніемъ Деисуса. На нижней части (вѣроятно, болѣе поздней) три изображенія херувимовъ; справа—позднѣйшее повтореніе въ маломъ видѣ изображенія Св. Георгія.

Икона Св. Георгія (табл. IX) окованая съ обѣихъ сторонъ серебромъ, представляющая, какъ и вышеописанная, изображеніе Святаго во весь ростъ, но весьма отличная отъ нее какъ по характеру самой фигуры, такъ и вообще по стилю орнамента. Между тѣмъ какъ первое изображеніе въ деталяхъ и одѣяніи сохраняетъ еще византійскій характеръ, описываемая икона представляетъ намъ фигуру болѣе тяжелыхъ, грубыхъ размѣровъ, облеченную въ одѣяніе, напоминающее средневѣковыя рыцарскія латы; нижнее платье, подражая однакожь въ своихъ оконечностяхъ византійскимъ наручникамъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями и богато расшитыхъ, превращаются на лѣвой рукѣ въ рыцарскую перчатку, придерживающую щитъ, принявшій также тяжелую, неуклюжую волнистую форму, не отвѣчающую назначенію самого щита. Голова Святаго окружена вмѣсто нимба рядомъ серебряныхъ выпуклинъ, замѣняющихъ здѣсь, вѣроятно, драгоцѣнные камни; волосы и здѣсь расположены вокругъ лица мелкими локонами, но и прическа эта и самое лицо Святаго имѣютъ нѣчто грубое, реалистичное, придающее всему изображенію характеръ варварскій, между тѣмъ какъ въ первомъ изображеніи сохраненъ идеализмъ классической школы. Поле вокругъ фигуры и углы на оборотной сторонѣ покрыты орнаментомъ византійскаго пошиба, состоящаго изъ переплетенныхъ гранатовыхъ цвѣтовъ, переходящихъ на оборотной сторонѣ въ арабо-персидскій орнаментъ; чеканка орнамента не очень тщательной работы и напоминаетъ скорѣй работу штамбомъ, чѣмъ настоящую чеканку. Икона окаймлена гладкою рамкою весьма грубаго и, вѣроятно, позднѣйшаго дѣла. Той-же, вѣроятно позднѣйшей поддѣлки, слѣдуетъ приписать тѣ три драгоцѣнные камня, которые расположены безъ всякой симметріи въ верхней части иконы, равно какъ и тѣ прорѣзныя неуклюжія цаты, которыя нынѣ подвѣшаны къ лику Святаго и не мало способствуетъ къ обезображенію иконы. Оборотная сторона иконы украшена изображеніемъ креста съ изящною крупною надписью хуцури, изданной Броссе *)

*) Rapport sur un Voyage Archeol. dans la Georgie et l'Arménie. 1 Livr. p 95.

и опредѣляющей время чеканки, если не самой иконы, то по крайней мѣрѣ оборотной ея стороны. Надпись гласитъ: „Св. Георгій Иллорійскій прославь и дай царствовать въ обѣихъ царствахъ сильному и могучему (непобѣдимому) Богомъ вѣнчанному царю царей Давиду, сыну Русудани, по повелѣнію котораго окованъ сей образъ Иллорійскаго первомученика". Такъ какъ царица Русудани, дочь царицы Тамары, царствовала отъ 1223 до 1247 г., а сынъ Русудани, Давидъ-Наринъ былъ провозглашенъ царемъ Имеретіи *) въ 1257 г., гдѣ царствовалъ до 1293 г., то надпись наша указываетъ на то, что вся икона или по крайней мѣрѣ оборотная ея сторона окована въ XIII в. Это послѣднее предположеніе кажется мнѣ болѣе правдоподобнымъ, ибо такъ какъ икона не живописная и вся состоитъ изъ чеканныхъ пластинъ, то если-бы она была вся сооружена при ц. Давидѣ, сынѣ Русудани, то слѣдовало бы сказать, что она при нихъ и сдѣлана (какъ то сказано при описаніи слѣдующихъ иконъ); „оковать" же можно было только заднюю сторону уже существующей иконы, что, вѣроятно, и было сдѣлано царемъ Давидомъ, ищущаго у излюбленнаго на Кавказѣ Святаго воителя защиты и поддержки въ своихъ притязаніяхъ на царствованіе „въ обоихъ царствахъ".

Если предположенія наши покажутся вѣрными, то онѣ объяснятъ и различіе почти тожественнаго орнамента, сохранившаго на полѣ вокругъ фигуры византійскій характеръ, который уже совершенно утраченъ въ арабо-персидскихъ завиткахъ на углахъ оборотной стороны.

Икона дѣяній Св. Георгія (табл. X, большаго размѣра), состоящая изъ четырехъ серебряныхъ чеканныхъ пластинъ грубо соединенныхъ между собой гвоздями и окруженныхъ басебной рамой, верхняя и нижняя часть которой покрыты сплошными грузинскими надписями гражданскаго алфавита. Подобныя же надписи заполняютъ и всѣ свободныя мѣста вокругъ изображеній, то съ цѣлью поясненій изображенныхъ фактовъ изъ жизни Св. Георгія, то чтобы перечислить мощи, уложенныя въ отдѣльные ларцы (дверки въ верхнихъ частяхъ иконы), вдѣланныя въ самую икону.

Св. Георгій на описываемой иконѣ „убиваетъ дракона и освобождаетъ дочь царя", „освобождаетъ (человѣка) изъ плѣна Хораспійскаго"; „оживляетъ быка Мачиментіозу"; пьетъ ядъ присланный ему царемъ идолопоклонникомъ и, когда вмѣсто него умираетъ носитель яда, то воскрешаетъ его. Внизу, въ богатомъ персидскомъ одѣяніи, въ усахъ, съ бритымъ подбородкомъ, воздѣваетъ къ Святому колѣнопреклоненный руки „пкователь сего образа царь, владѣтель Леванъ Дадіани и благодаритъ Его, ибо съ силою Всевышняго и съ помощью Св. Георгія побѣдилъ зло добромъ, былъ милостивъ Господь къ моей молодости. Враги мои... (разсѣялись). Спасъ меня, государя и владѣтеля, Левана Дадіани, отъ бѣды Господь: на охотѣ лошадь упала въ оврагъ, я заболѣлъ... вылѣчился съ помощью Св. Георгія и не воспользовались ничѣмъ враги мои. Оковалъ сей образъ и поставилъ"...

*) При самомъ вторженіи Монголовъ Грузія распалась на два царства: царемъ Имеретіи избранъ Давидъ, сынъ Русудани, а Восточную Грузію получилъ сынъ царя Георгія Лаша, Давидъ Сослани.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Икона Св. Георгія въ Иллори.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Икона дѣяній Св. Георгія въ Иллори.

Всѣ вышеупомянутыя надписи равно какъ и остальныя, покрывающія какъ сказано выше раму иконы и пріурочивающія ее къ 1647 г., изданы Броссе *), но такъ какъ Броссе писалъ на французскомъ языкѣ и въ чтеніи имъ надписей встрѣчается разногласіе съ чтеніемъ А. С. Хаханова, любезно взявшагося за переводъ и объясненіе надписей, вывезенныхъ экспедиціями Московскаго Археологическаго Общества, то мы считаемъ своею обязанностью присоединить въ замѣчаніяхъ къ нашему описанію какъ грузинскій текстъ надписей, такъ и русскій переводъ Хаханова, чего будемъ избѣгать, когда въ прежде изданныхъ надписяхъ не встрѣчается разнорѣчія съ нашимъ чтеніемъ **).

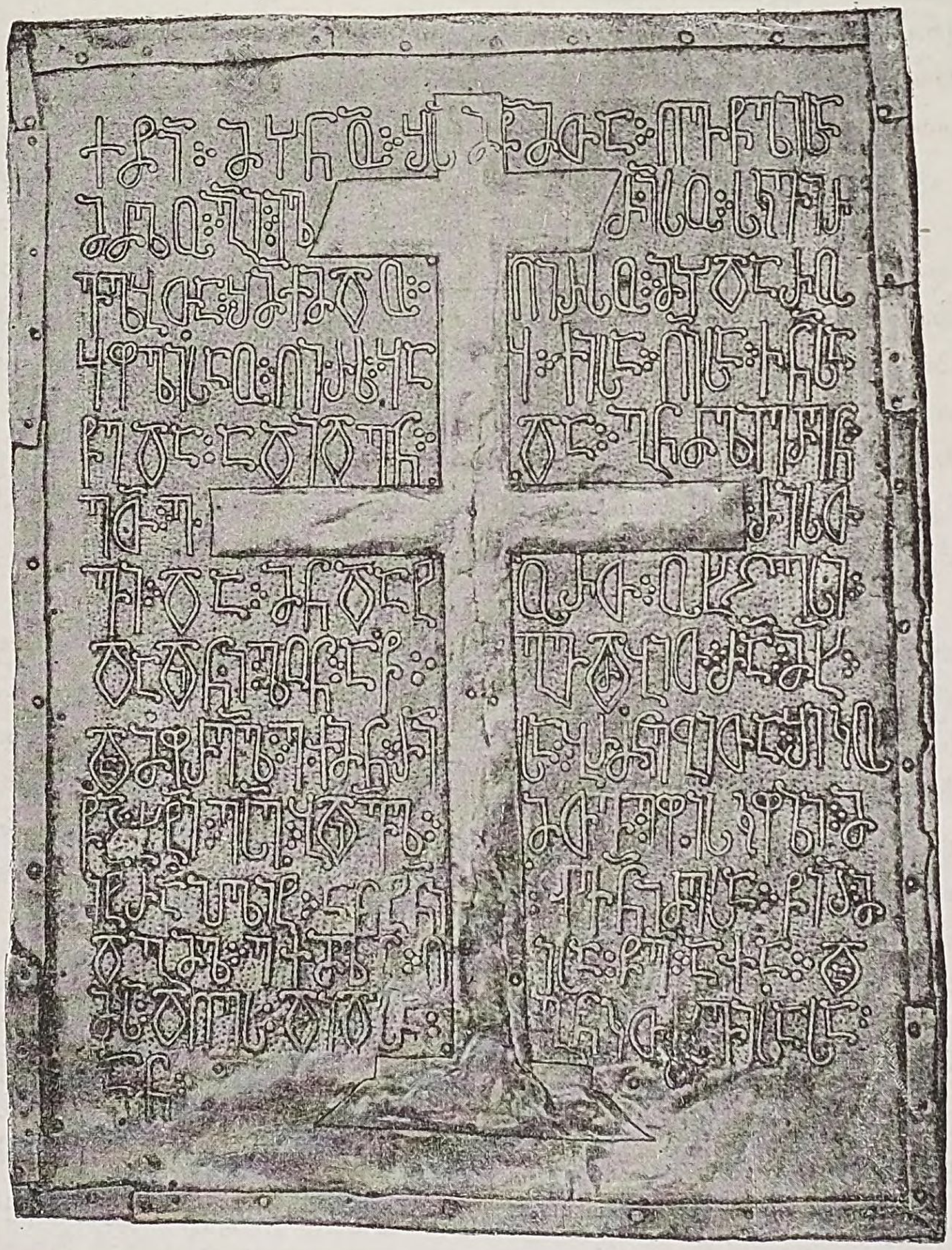
*) Rapport sur un Voyage Archeologique, livr. 1, p. 97—105.

**) Надписи на этой иконѣ гласятъ:

ჵი ქრისტიანეთა ზღუდეო, მორწმუნეთა და მოსავთა შენთა ლხინებაო, ბრძო-
ლათა გამარჯვებაო, დიდო ახოვანო გონებითა, მხედარო ძლიერებითა, უკვდავო
მიუდრეკელობითა, უმჯხნესი ღვაწლითა, ზეცად აღსრულო საქმითა. რომელი ჰნათობ
სოფელსა, დავლი უფსკრულისა, წინაშე მამისა და ძისა და სულისა წმიდისა მდგო-
მარე ხარ უფალო უფლის სოფლისაო ვარსკვლავო განბრწყინვებითაო, ქვეყნისა
დიდებაო, ღირსებისა ქებაო, კადნიერებისა ყვავილო, წამებისა მუშაკო და სატანჯვე-
ლითა განათლებულო, მრავალ ფერითა განსაცდელითა უძლეველო, ძლიერებითა
მძლეო, ჭაბუკობითა ლამაზო ქრისტეს წინა მდგომარეო, მეუფისა დიდო დიდებაო,
ანგელოსთა დასებაო, მჴნეო მჴედარო, ღვაწლითა შემოსილო, შვიდწილ უძლეველო
ახოვანო, მოწამეთა მთავარო, სასწაულთა მოქმედო წმიდაო გიორგი. ჩვენ ცვაფარვითა
შენთა მონდობილმან და მოსავმან შენმან კელწიფემან დადიანმან პატრონმან ლევან,
ძემან კელმწიფისა მანუჩარისამან კიგულე და კიგულის მოდგინე მას ჟამსა ოდეს
განრისხდა ღმერთი კურთხეულის მამის ჩემის პატრონისმანუჩარისგან ზუგდიდის
ნადირობასა ცხენისა რბევასა შიგან შეიმგერდნენ ბატონი და გოშამე ფარუხია და
ცხენი წაიქცა. ამიერ სოფლით მიიცვალა. მაშინ შემოვწირეთ უწინ მისთა მორ-
ჩენისათვის და მერმე მისის სულისა სახსრად და საოხად, ჩვენდა გასაძლიერებლად,
ბატონობისა ჩვენისა წარსამართებლად რქვა ნაეჯიმაუ სასახლე და ექვსი მოსახლე
კაცი. კიდევ შემოვწირეთ მოვაჭედინეთ ხატი სახისა შენისა მას ჟამს ოდეს შევე-
ბენით იმერელ მეფესა გიორგის, ახალსოფელს მისულაზედ, ოლასკურას გაღმა,
ვსძლიეთ ძალითა და შეწევნითა შენითა გამარჯვებული მოველით და შევსწირეთ
წალენჯიხას მეფისა ქაიანური დროშა ჯვარი სალასათა, შეკერული ალმითა და ოქროს,
ხატი მოვაჭედინეთ და შევამკეთ პატიოსნითა თუალითა და მარგალიტითა და და-
ვასვენეთ წალენჯიხას და თქვენ შემოვწირეთ და მოვაჭედინეთ ხატი თქვენისა სა-
ხისა და ერთი მოსახლე, მიხილია შეგვა, მეორე მოსახლე კიკო გერმანია. მას ჟამსა
ოდეს მივხვდით შარვაშიძესა ზუფუს, მუწუს წყალსა აქათ, მოვაოხრეთ. კიდევ
მეორეთ მიუხედით ზუფუს კაპოეტის წყალს აქათ სრულებით დავსწვით და ავა-
ოხრეთ და სადაცა სიმაგრე იყო, ავიღეთ და გავაცუდეთ კაპოეტის წყალზე შემოვ-
ვებნენ ზუფუარი და სიხაური არშანიები და გაგვემარჯვა. დავხოცეთ, ზოგი კელით
დაგვრჩა და გამარჯვებულნი მოველით და შემოვწირეთ ერთი მოსახლე ელიანჯარს
კაჭაბაა მეზეთეთ. კიდევ მას ჟამსა ოდეს შევებენით ბაღდადს იმერელ მეფესა გიორ-
გის და შვილსა მისსა ალექსანდრეს და მამუკასა და მისსა სიმამრსა კახს ბატონს

Икона Спаса, благословляющій двухъ Ангеловъ, носящихъ земной шаръ въ видѣ глобуса (табл. XI), грубое изображеніе, расположенное на чеканномъ полѣ, покрытомъ во всемъ своемъ протяженіи, слабо выясненнымъ орнаментомъ, состоящимъ изъ травъ, цвѣтовъ и птицъ. Спаситель, въ крестообразномъ вѣнцѣ, изображенъ по поясъ и имѣетъ по сторонамъ двухъ херувимовъ. У ногъ Ангеловъ находимъ колѣннопреклоненную фигуру старца, съ молитвенно-воздѣтыми руками, съ бородой, длинными волосами, въ шапочкѣ или камилавкѣ, въ длинномъ грузинскомъ кафтанѣ съ богатой оторочкой вокругъ ворота и рукавовъ. Рама вокругъ иконы

თემურაზს, ვსძლიეთ ძლიითა შენითა და გაგვემარჯვა, გიორგი მეფე ჴელით დაგჳრჩა შვილები და კახი ბატონი გარდაიხვნა, ყუფრასი ერთი იმერელი და კახნი ჴელით

დაგჳრჩა: მოველით ტაძარსა შენსა და შემოგწირეთ კახის ბატონის დროშის თავი ბროლის ჯვარი, იმდროშისა ზედ ოქროქსოვილი სარასლისა გარდავზყურეთ დასავ-ლეთისა საყდრისა კარები ორივე ვეცხლით მოვიჭედეთ და ვეცხლის სასანთლე ქვეშ ნალბაქანი წინ დავიდვით და თხალარებისა ზეგარა ორმოცი მოსახლე კაცი გიორ-

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Икона благословляющаго Спаса въ Иллори.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Икона Св. Онуфрія въ Иллори.

также изъ серебряной басмы, весьма схожей по рисунку съ рамой вышеописанной иконы.

Двѣ иконы Св. Онуфрія (табл. XII) весьма похожія между собой какъ по рисунку, такъ и по техникѣ. Оборотная сторона лѣвой иконы окована серебрянымъ листомъ и покрыта длинною надписью гражданскаго алфавита, которая сообщаетъ намъ, что она окована и украшена камнями и жемчугомъ тѣмъ-же владѣтельнымъ Леваномъ Дадіани, который соорудилъ икону Св. Георгія, на помин̆ъ души супруги его Нестанъ-Дареджани, урожденной Чиладзе. Надпись издана Броссе *).

გობას დღეს მიტანდნენ. სხვა როგორადაცა გამირიგებია შეწირულობის საქმე, სიგელი დამიწერინებია და ის წაიკითხონ. ამავე ჟამსა ავყარეთ სრულობით ქალაქი ჩხარისა მოვასხით ზუგდიდს და დავასახლეთ ადგილსა ხუხისასა.

კიდევ მას ჟამსა ოდეს მიუხდით მეფესა ალექსანდრეს, ქუთათის ქალაქი დავწვით და [ავაოხრეთ და გამარჯვებულნი მოვიდოდით მეფის ძმა მამიუკა წინ დაგვიხვდა და შევიბენით, თვითონ მე დავირჩინე და შენსა კარზედ მივიყვანე მამუკა დაშემოგწირე დიდი ვეცხლის სასანთლე ქვეშე დიდი ნალბაქიანი. კიდევ ძალითა შეწევნითა შენითა მიუხდით მეფესა ალექსანდრესა რიონს გაღმა ქუთათის ქალაქი დავსწვით და ავაოხრეთ და შემოვაღწიეთ გვინაყალს და ავიღეთ სწორზედა ორმოცის თავადითა და აზნაურშვილითა სხვისა მრავლისა მეიოფითა მისის საქონლითა და ალაფითა აკსებულნი მშვიდობით გამარჯვებულნი შინ მოვედით და ვიწყეთ ამის შემკობა და მოჭედა: სრული იქმნა ხატი ესე ქკს. სამასოცდაოთხრამეტსა.

ამ ხატისა გამომყვანელსა ოქრომჭედელსა ტუაშველიძეს ბექიას შეუნდოს ღმერთმან. ამინ.

Въ началѣ (до поставленнаго мною знака ‡) идетъ прославленіе св. Георгія, заканчивающееся словами „храбрый воинъ, прославленный подвигомъ, семь разъ непобѣдимый, глава мучениковъ, чудотворецъ, св. Георгій“! Далѣе идетъ обращеніе къ нему: „мы, уповающіе на твою помощь и покровительство, владѣтель (царь) Дадіани Леванъ, сынъ царя Манучара рѣшилъ по усердію (слѣд.): когда разгнѣвался Богъ на благовѣрнаго отца моего царя, Манучара, на охотѣ въ Зугдиди, въ разбѣгѣ коней, царь и Гошадзе Парухія ударились, лошадь (отца) пала и околѣла, тогда и пожертвовали—сначала для исцѣленія, а потомъ въ утѣшеніе и облегченіе души его, дабы укрѣпить и осчастливить наше царствованіе—домъ Река Наежибау съ 6 семействами.

„Мы пожертвовали и оковали образъ твой, когда сразились съ Имеретинскимъ царемъ Георгіемъ, близъ Ахалсопели, по ту сторону Оласкури, побѣдили съ твоей помощью и вернулись побѣдителями; мы пожертвовали въ Тцалендрѣ знамя Койанурскій **) и крестъ, вышитый ***) и золотую икону оковали, украсили камнями и жемчугомъ и поставили въ Тцалендрѣ. Пожертвовали окованную икону образа твоего и одно семейство Михаила Шегва, а другое семейство Кико Чертанія.

„Когда мы выступили противъ Шарвашидзе въ Зупу, по сю сторону рѣки Муцу опустошили (все), еще разъ напали на Зупу, по эту сторону рѣки Капоста, совершенно выжгли и разорили, и гдѣ только были укрѣпленія взяли и уничтожили. На рѣкѣ Капостѣ напали Зупуаръ и Сихуаръ Аршани

*) Rapport. Livr. 1. p. 106—108.

**) См. объясненіе Броссе, Voyage archéol. Rap. VII, p. 102, n. 2.

***) ალმით Броссе переводитъ „la flamme“. Но la flamme по-грузински значитъ ალი, а ალმა—знамя, ალმა здѣсь у насъ въ надписи.

Складень съ изображеніемъ Св. Георгія (табл. XIII) и Св. Димитрія и Θеодора Тирона на створахъ. Всѣ три фигуры весьма похожи между собой и напоминаютъ всѣ вышеописанныя изображенія. Фонъ всего складня гладкій; вокругъ Георгія ободокъ, слабо выдавленный, состоящій изъ извѣстнаго восточнаго мотива такъ называемаго побѣгуна съ гранатовыми цвѣтами; тотъ же мотивъ повторяется въ верхнихъ и нижнихъ частяхъ створъ. По каймѣ, у ногъ Св. Георгія, маленькое изображеніе женщины—какъ будто напоминаніе о главномъ подвигѣ Святаго—избавленіи дочери царя.

Складень окованъ серебромъ со всѣхъ сторонъ. Оборотная его часть украшена тремя крестами, при чемъ кресты на створахъ расположены на чеканномъ полѣ, разукрашенномъ цвѣтами и травами, повторяющими мотивъ внутренней

(Шервашидзе)? мы остались побѣдителями. Перебили (однихъ) другихъ взяли въ плѣнъ и, вернувшись побѣдителями, пожертвовали одно семейство Елинджари Каджабаіа завѣдующимъ масломъ *).

„Когда мы вступили въ борьбу въ Богдадѣ **) съ царемъ Имеретинскимъ, Георгіемъ и сыномъ его Александромъ и Мамукой, и съ его тестемъ Кахетинскимъ царемъ, Теймуразомъ, побѣдили съ твоей помощью, Георгія царя захватили въ плѣнъ; сыновья и Кахетинскій владѣтель бѣжали, одного изъ важныхъ лицъ Имеретіи захватили, и Кахетинцы остались въ нашихъ рукахъ. Пришли въ храмъ твой и пожертвовали главу знамени Кахетинскаго царя, хрустальный крестъ, окружили тебя чехломъ знамени, вышитымъ золотомъ, западныя двери оковали золотомъ и серебряные подсвѣчники съ подставками пожертвовали и тхаларца ***) 40 человѣкъ въ день св. Георгія въ качествѣ барщины привезутъ ихъ.

Въ это же время угнали жителей города Чхари въ Зугдиди и поселили ихъ въ Рухиси ****). Когда опять напали мы на царя Александра, сожгли городъ Кутаисъ, раззорили и побѣдителями вернулись, тогда второй братъ царя, Мамука, встрѣтилъ насъ, мы сразились, самъ я поймалъ Мамука и привелъ къ тебѣ и пожертвовалъ тебѣ большой серебряный подсвѣчникъ съ подставкой.

„Опять съ твоею помощью и силой напали на царя Александра по ту сторону Ріона, сожгли городъ Кутатисъ и раззорили и осадили Гвилакали, взяли чрезъ недѣлю съ 40 князьями и дворянами, захватили многихъ вооруженныхъ съ полной добычей, спокойно вернулись домой и начали оковывать сей образъ, который оконченъ въ короников 339.

Золотыхъ дѣлъ мастеру Ткавчвеладзе Бежаіа, который сдѣлалъ сей образъ, да проститъ Богъ прегрѣшенія. Аминь". Упомянутый здѣсь Леванъ Дадіани былъ сынъ Манучара и жены его Нестанъ-Дареджаны, дочери Кахетинскаго царя, Александра II. Леванъ II женатъ былъ сначала на дочери Абхазскаго владѣтеля Шервашидзе, а потомъ женился на вдовѣ Георгія I Липарита. Умеръ бездѣтнымъ и погребенъ въ Тцахендрикѣ († 1657). Война Левана съ Георгіемъ, царемъ Имеретинскимъ, относится къ 1624 г. Относительно войны Левана съ Шервашидзе упоминается въ грузинской исторіи, но безъ даты.

Географическія названія могутъ быть также объяснены. Зупа, гдѣ Леванъ разбиваетъ Шервашидзе, есть ничто иное, какъ Соуксу, резиденція послѣдняго владѣтеля Абхазіи. Капосшисъ-Цкали, течетъ къ востоку отъ Бичвинты. Зугдиди—резиденція Дадіановъ.

Дѣти Георгія царя Имеретенскаго Мамука и Александръ извѣстны изъ исторіи. Первый † 1654, а второй † 1661.

Короникон 339 соотвѣтствуетъ 1647 г.

*) Броссе переводитъ მეზეთე какъ собственное имя. Здѣсь, полагаю, оно обозначаетъ то же, что მე-ბაღე, მე-თევზე, и т. д. придаетъ значеніе nomen agentis. ზეთი — масло. მეზეთე — nomenagentis. Имя и фамилія въ надписи приведены и Méséthé (по Броссе) будетъ непонятно.

**) Деревня въ Имеретіи.

***) Wahoucht. Descrsp. de la Géogr. называетъ однозвучное Thkhilnar (p. 473).

****) Мѣсто, извѣстное и нынѣ въ Имеретіи.

Табл. XIII.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Складень въ Иллори.

каймы, появляющейся во всей своей ширинѣ въ верхнихъ частяхъ створъ и только частью по ихъ бокамъ. Крестъ средней части гораздо значительнѣе двухъ остальныхъ и окруженъ изящною грузинскою надписью хуцури, которую воспроизводимъ цинкографически на стр. 22 въ примѣчаніяхъ на томъ основаніи, что въ изданіи Броссе *) она передается гражданскимъ шрифтомъ.

Надпись эта обращеніе къ Св. Георгію „Эристова Эристововъ и мандатуръ ухуцеси **) Дадіани Левана... по повелѣнію котораго украшенъ сей святый образъ. Бедійскому митрополиту архіепископу Антону Жуанидзе будь также заступникомъ"...

Извѣстно, что митрополитъ Антоній Бедійскій былъ современникомъ Левана Дадіани, царствовавшаго отъ 1532—1572 г. и что къ этому-же времени относится постройка митрополичьяго дворца въ Бедіи.

*) Rapport. Livr. 1, p. 96

**) Генералъ-адъютантъ.

ЦЕРКОВЬ ВЪ БЕДИИ.

Благодаря грузинскимъ лѣтописямъ храмъ въ Бедии извѣстенъ съ древнѣйшихъ временъ *). Его основаніе приписываютъ Абхазо-карталинскому царю Баграту III (980—1008 г.) **), прахъ котораго былъ положенъ въ этомъ храмѣ. Что Бедійскій храмъ былъ основанъ Багратомъ III, подтверждается также надписью на золотой чашѣ, которая въ былое время хранилась въ ризницѣ Иллорской церкви, о которой упоминали выше. Надпись на верхнемъ ободкѣ этой чаши по мнѣнію Бакрадзе, была слѣдующаго содержанія: *„Святая матерь Божія будь ходатайницей передъ сыномъ твоимъ за Абхазскаго царя Баграта и матерь его царицу Гурандухту* ***), *пожертвовавшихъ сію чашу, украсившихъ сей алтарь и построившихъ сію святую церковь“*. Другая надпись на ножкѣ чаши гласила: *„Пресвятая Влахернская Богоматерь, будь помощью мнѣ бедіель-митрополиту Герману Чхетидзе, удостоившемуся украсить ножку святой сей чаши, да будешь ходатайницей передъ сыномъ твоимъ въ день судный, аминь“*. Броссе на одномъ изъ угловыхъ камней западной стѣны храма нашелъ надпись слѣдующаго содержанія: *„св. Матерь Божія, будь ходатайницей за того, кто построилъ этотъ святой храмъ, за Симона начальника каменьщиковъ“*. Внутри на южной стѣнѣ возлѣ женской фигуры во весь ростъ Броссе прочелъ: *„королева королевъ (Marikh) Морахъ ея сынъ Эриставъ эриставовъ и начальникъ адъюнктовъ Дадьянъ, Георгъ*. (Броссе полагаетъ что здѣсь идетъ рѣчь о Георгіи III сынѣ Левана, который правилъ съ 1572г. по 1582 г.). Изъ надписей этихъ видимъ, что Бедійскій храмъ былъ выстроенъ въ честь Влахернской Богоматери Абхазскимъ царемъ Багратомъ и матерью его Гурандухтой, что постройкой его завѣдывалъ каменщикъ Симонъ и что въ Бедии жилъ епископъ, который управлялъ паствой между Эгриси и Дадиси, нынѣ Оходжъ и Эртицкали ****). Епископъ Бедійскій во время единства Грузіи занималъ 26-е мѣсто въ спискѣ грузинскихъ іерарховъ и при короновании царя ставился ниже Цхомскаго т. е. Сухумскаго. Въ XVII вѣкѣ, на Кутаисскомъ соборѣ въ числѣ прочихъ епископовъ присутствовалъ и Бедійскій. Когда Бедія была оставлена, свѣдѣній не имѣется.

*) Бакрадзе, стр. 39.

**) Вахуштъ, стр. 401.

***) Гурандухта была дочь царя Георгія и мать Баграта III.

****) Бакрадзе, стр. 39.

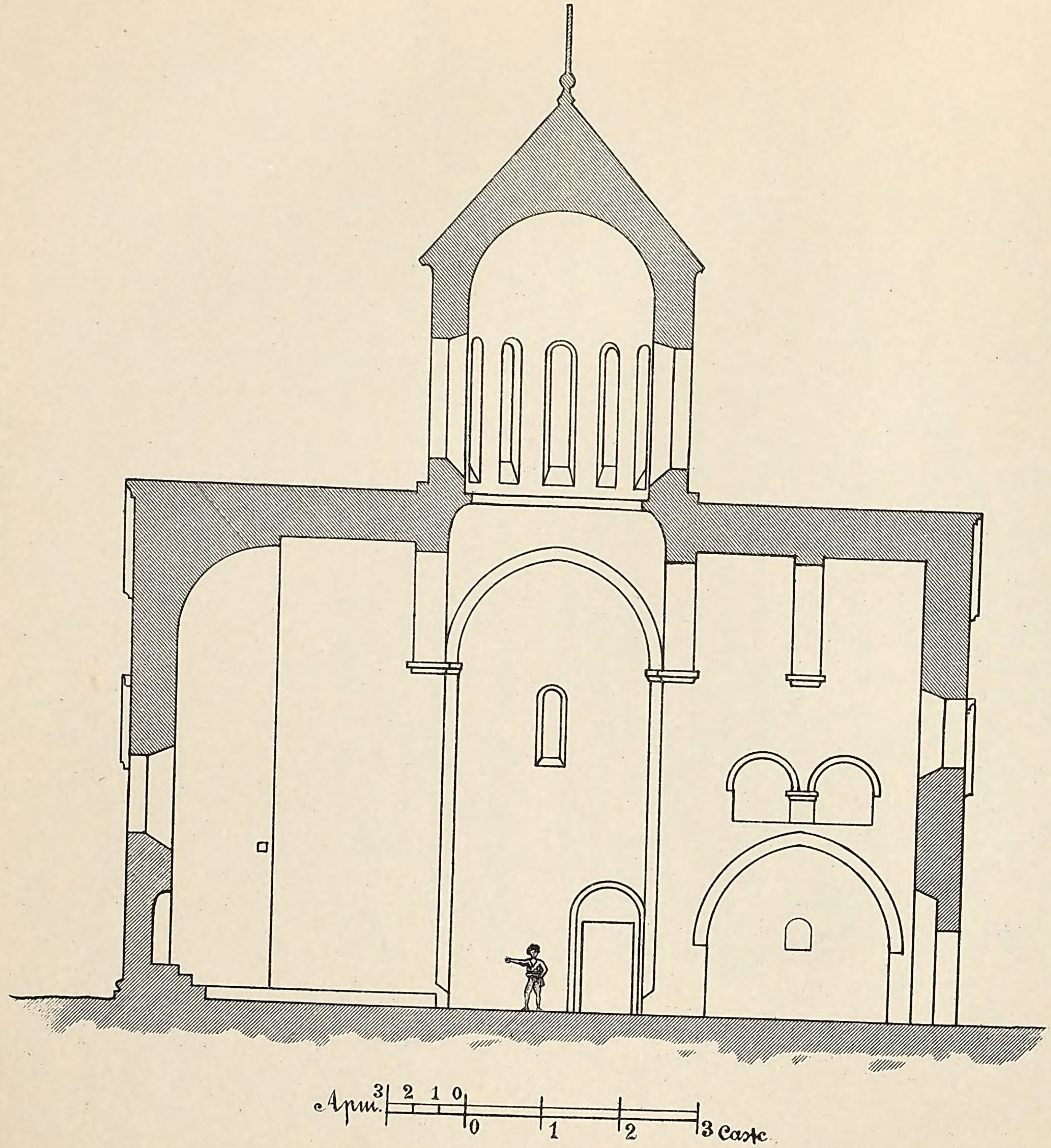

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

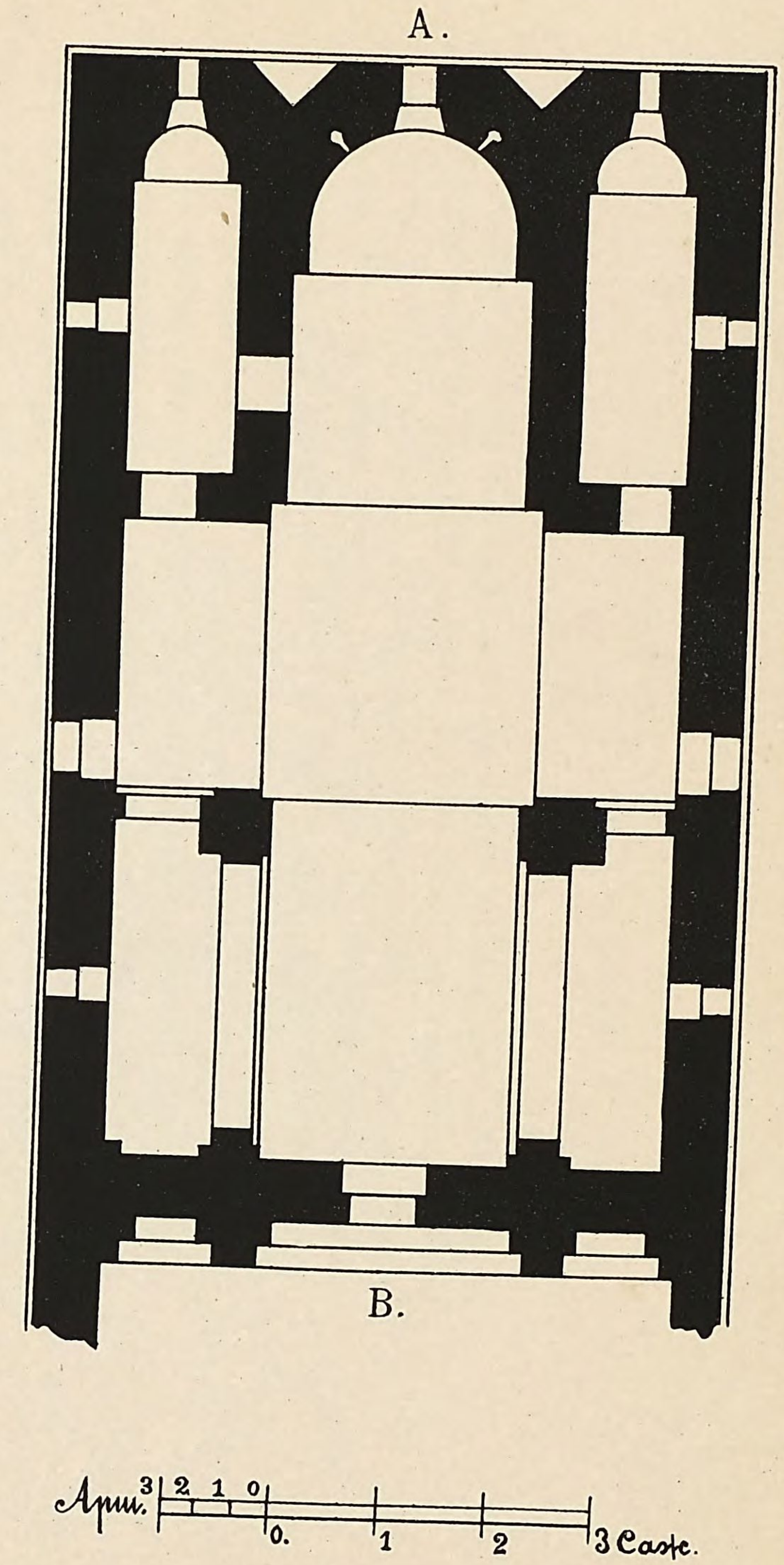
Развалины церкви въ Бедіи.

ЦЕРКОВЬ ВЪ БЕДИИ.

Разрѣзъ по А—В.

ПЛАНЪ ЦЕРКВИ ВЪ БЕДИИ.

Въ настоящее время Бедійскій храмъ находится въ полуразрушенномъ положеніи, какъ видно на табл. XIV, но онъ все-таки настолько сохранился, что по оставшимся частямъ возможно сдѣлать полное представленіе о его первоначальномъ видѣ. Храмъ обросъ густо зеленью, своды его большею частью обвалились, часть главы и купола находятся на вѣсу и едва держатся. Эта ветхость, къ сожалѣнію, помѣшала намъ при обмѣрахъ добраться до его вершины, и мы принуждены были, снявъ всѣ остальныя части, ограничиться рисовкой его на глазъ. По прилагаемому плану (табл. XV), видно, что съ западной стороны храма находится развалины какой-то пристройки, теперь совершенно исчезнувшей, но которая вѣроятно играла роль открытаго портика. Такое мнѣніе возможно потому, что западная стѣна церкви сохранила остатки двери, по устройству скорѣе наружной нежели внутренней (табл. XVI).

Бедійскій храмъ несомнѣнно имѣетъ въ основѣ византійскій типъ, какъ всѣ подобные храмы, разбросанные по разнымъ мѣстамъ Кавказа и въ особенности Грузіи. Въ самомъ дѣлѣ планъ Бедійской церкви имѣетъ расположеніе византійскаго храма X вѣка, но при болѣе внимательномъ его обслѣдованіи находимъ въ немъ нѣкоторыя особенности, что позволяетъ намъ считать его за особый видъ *византійскаго* типа. Такъ, напримѣръ: снаружи онъ не имѣетъ алтарныхъ выступовъ, вслѣдствіе чего восточный фасадъ теряетъ троечастную пристройку алтаря, а это придаетъ совершенно иной характеръ зданію не только съ востока (табл. XVII), но съ сѣвера и юга (табл. XVIII). Двѣ ниши раздѣляютъ алтарныя полукружія, что не рѣдко встрѣчается въ кавказскихъ церквахъ подобнаго склада; дѣлали ихъ, вѣроятно, для сохраненія матеріала, такъ какъ безъ этихъ нишъ стѣна между алтарными полукружіями достигла бы безъ надобности значительной толщины.

Внутреннее устройство храма также разнится отъ византійскаго. Мы находимъ здѣсь открытую часть храма въ видѣ креста; (см. планъ и разрѣзъ табл. XV), угловыя же части сѣверо и юго-западныя, являются въ два этажа съ хорами, не имѣющими между собою никакого соединенія. Подобныя хоры съ внутренностью церкви обыкновенно сообщаются открытыми арками, но въ Бедійской церкви нынѣ хоръ нѣтъ, и потому второй этажъ арокъ не имѣетъ никакого назначенія.

Полъ средняго алтарнаго полукружія значительно приподнятъ, а предъ алтарные столбы имѣютъ на высотѣ двухъ саженей горизонтальный деревянный переводъ, въ видѣ деревянной связи или балки, въ которомъ, можетъ быть, слѣдуетъ видѣть остатокъ стараго иконостаса.

Боковыя алтарныя полукружія, какъ бы отвѣчая хорамъ, тоже раздѣляются на два этажа, при чемъ въ 1-й имѣется свободный проходъ, а 2-й замаскированъ: въ него можно попасть, только подставивъ лѣстницу чрезъ небольшое отверстіе вверху стѣны. Такія потайныя помѣщенія часто встрѣчаются въ церквахъ Кавказа; они, вѣроятно, служили казной для сокровищъ храма, или ризницей,—куда въ случаѣ надобности можно было убрать всѣ цѣнные предметы, а самый ходъ заложить и такимъ образомъ скрыть его слѣдъ.

Внутренность храма облицована тесанымъ камнемъ, безъ всякихъ особыхъ архитектурныхъ украшеній. По всей вѣроятности вся церковь прежде была расписана; остатки росписи замѣтны и теперь преимущественно на сѣверной стѣнѣ.

Снаружи та же облицовка но мѣстами съ орнаментами (рис. 11), тягами и поясками тоже изъ тесанаго камня.

Въ общемъ церковь имѣетъ стройный и изящный видъ. Прежнее расположеніе крышъ до настоящаго времени очевидно; профиль карниза легко возстановить по сохранившимся остаткамъ; восточная стѣна украшена большимъ рѣзнымъ крестомъ, вставленнымъ надъ окномъ. Между основаніемъ креста и наличникомъ окна въ натурѣ замѣтно несогласіе архитектурныхъ обломовъ, что, конечно, указываетъ на произведенную здѣсь нѣкогда передѣлку. Наличники оконъ и дверей, по своей отдѣлкѣ, просты, но изящны. Куполъ церкви, какъ легко замѣтить по

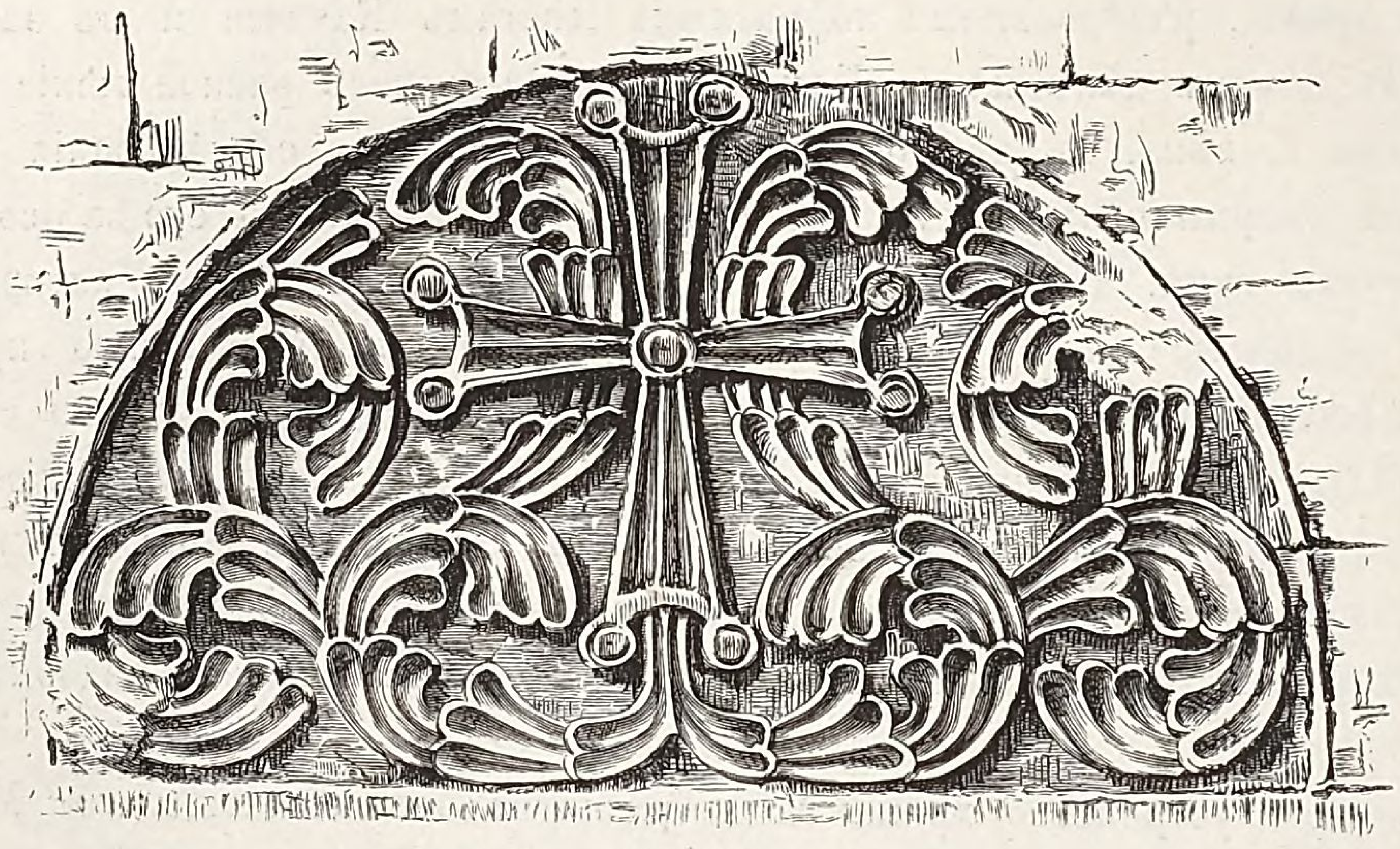
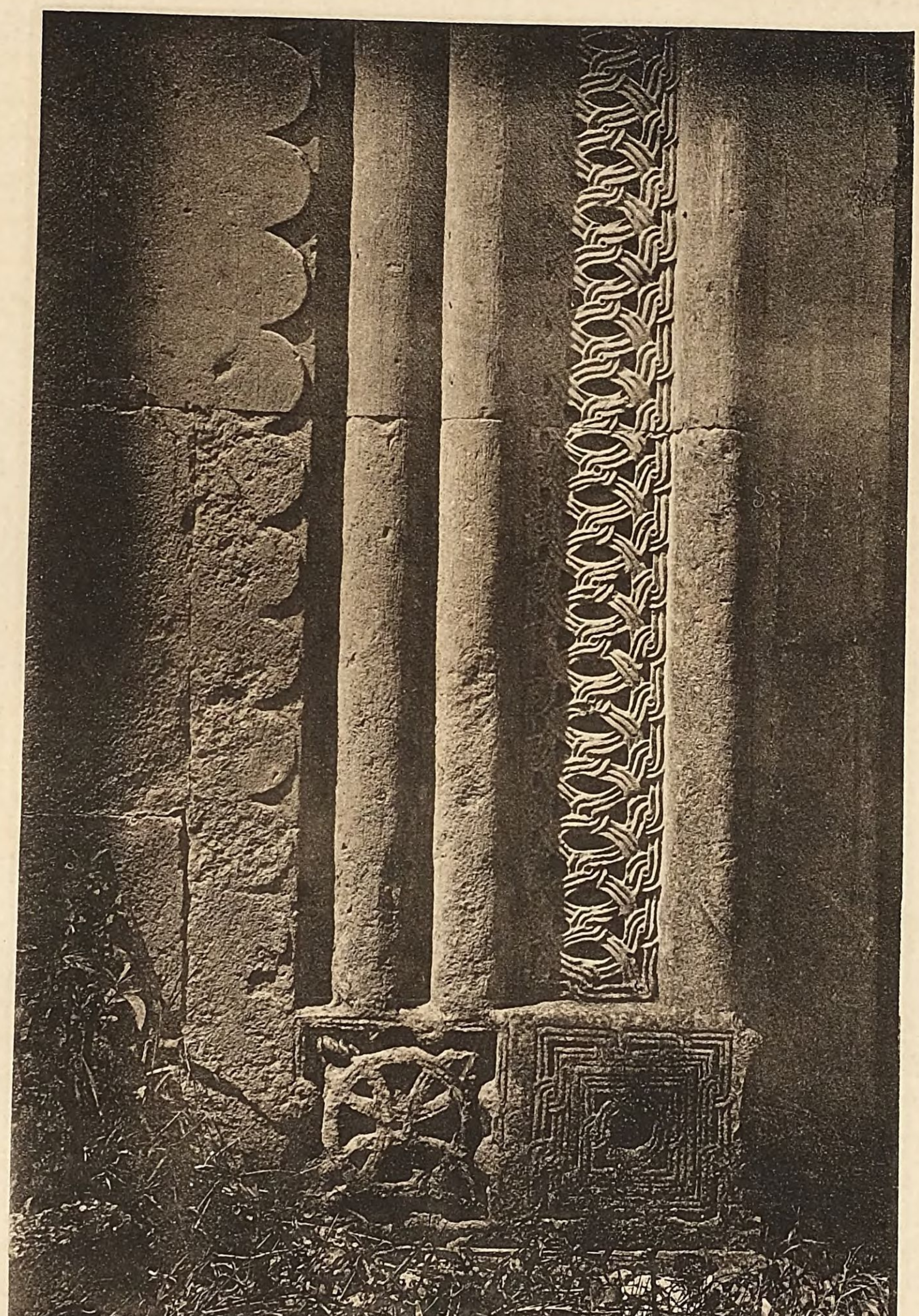

Рис. 11.

сохранившимся частямъ, имѣлъ 12-ть граней и столько же оконъ, расположенныхъ по одному въ каждой грани. Въ окнахъ нѣтъ никакихъ признаковъ, которые бы указывали на присутствіе когда-либо рамъ. Такимъ образомъ фасадъ церкви возстановляется безошибочно въ его первоначальномъ видѣ, кромѣ шатра и креста надъ нимъ, который на нашихъ рисункахъ сдѣланы по образцу другихъ церквей подобныхъ Бедійской.

Имѣя такимъ образомъ планъ, фасадъ и разрѣзъ получаемъ полное представленіе о Бедійскомъ храмѣ, который слѣдуетъ отнести къ памятникамъ чисто грузинской архитектуры. Въ его отдѣлкѣ появляется растительный орнаментъ совмѣстно съ плетеніемъ, происхожденіе котораго весьма древне и вполнѣ присуще всему христіанскому Кавказу, между тѣмъ какъ растирительный орнаментъ, отдѣльно употребляемый, можетъ быть болѣе поздній результатъ заноснаго вліянія. Всѣ жгуты и тяги здѣсь тоже еще не обработаны по западному въ формѣ колонокъ, и скорѣе напоминаютъ Сирію и вообще востокъ, нося вмѣстѣ съ тѣмъ и свой индивидуальный кавказскій характеръ, свою самостоятельную особенность. Подобныхъ

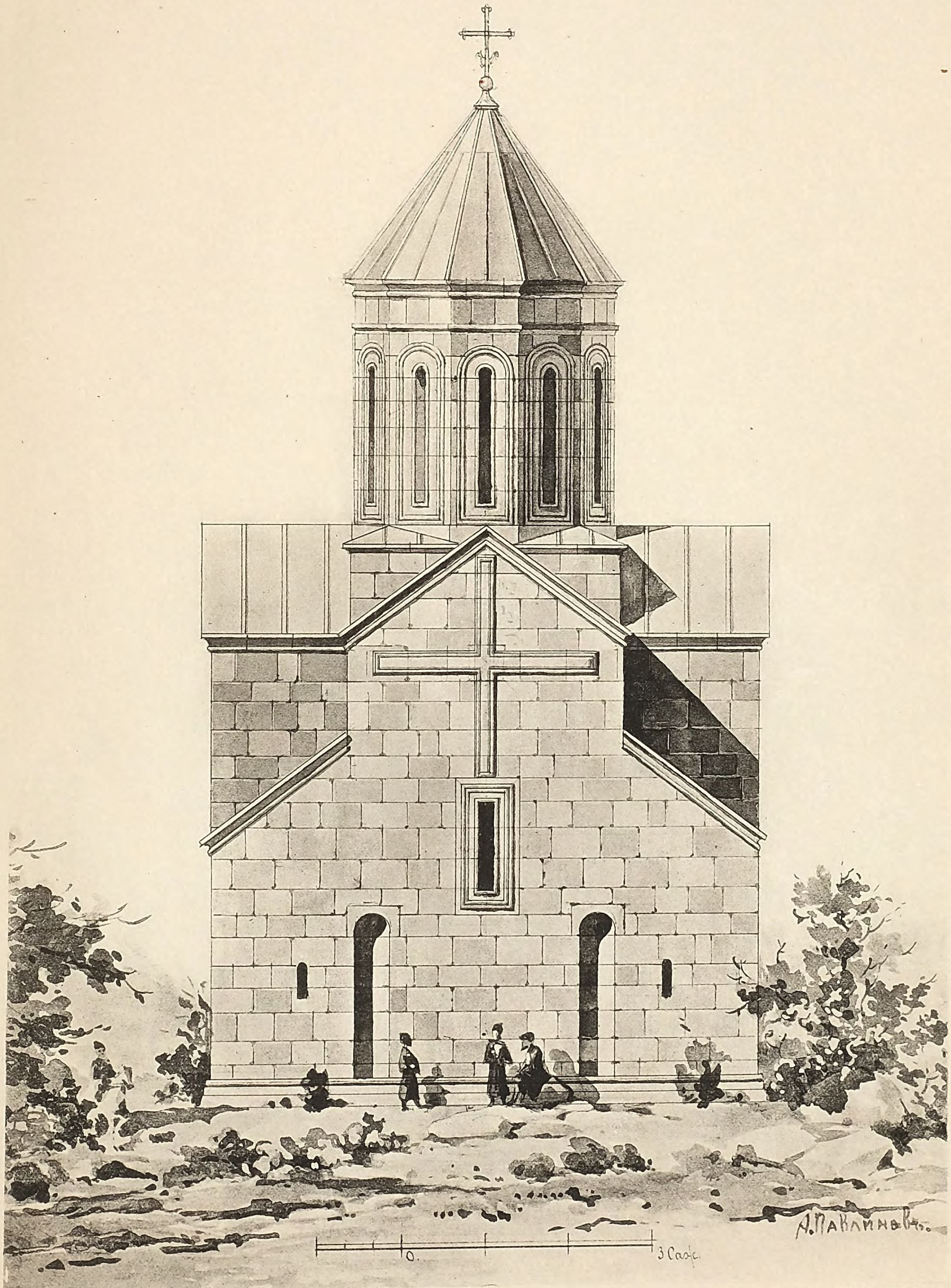
Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Бедіа.

Деталь наличника двери.

БЕДІЯ.

Фасадъ съ восточной стороны.

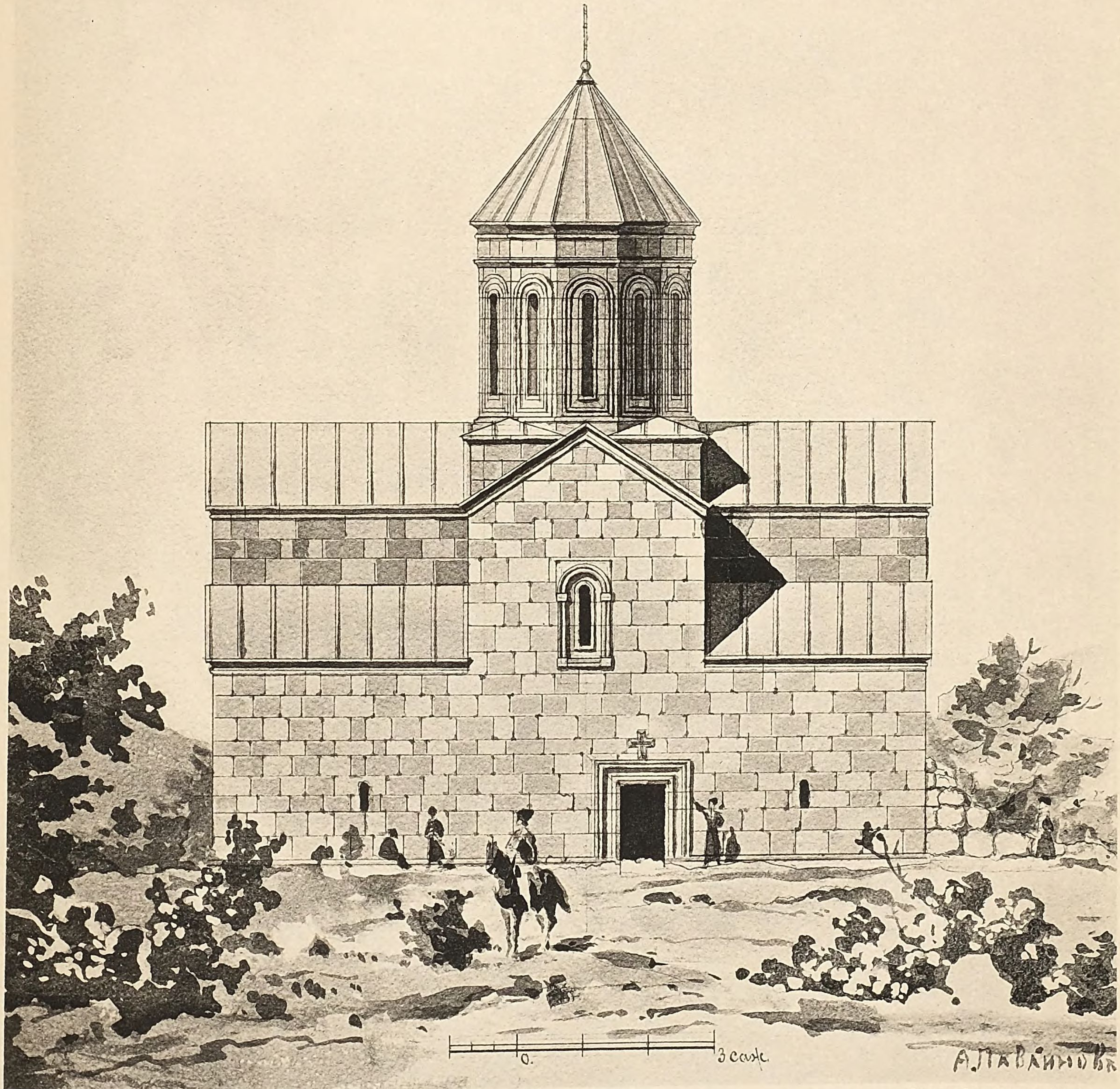

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Табл. XVIII.

Бедія.

Боковой фасадъ церкви.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

церквей, лишенныхъ колонокъ и имѣющихъ свою оригинальную кавказскую отдѣлку, на Кавказѣ имѣется значительное количество, а потому, чтобы отличить ихъ отъ тѣхъ, которыя разукрашиваются позднѣе колонками, назовемъ ихъ *грузинскими*.

На обширной площади, гдѣ стоитъ Бедійскій храмъ, находятся развалины воротъ съ колокольней. Броссе нашелъ здѣть еще большое помѣщеніе со сводами и столбами. Онъ передаетъ также прочитанную здѣсь надпись слѣдующаго содержанія: „*Да будетъ милостивъ Богъ митрополиту Бедіелю Антонію Іоаннисъ Тире-дзе, который выстроилъ это зданіе. Аминь*". Залъ этотъ могъ служить трапезной и заломъ собранія, какъ видимъ въ Бертѣ, Опизѣ и другихъ монастыряхъ. Броссе полагаетъ, что надъ этимъ заломъ было помѣщеніе для митрополита. На колокольнѣ съ запада читалось: „*Возвысь короля королей Константина и сына его Давида. Аминь*".

КУТАИСКІЙ СОБОРЪ.

Кутаискій соборъ, извѣстный подъ именемъ храма Баграта, расположенъ на окраинѣ г. Кутаиса и въ настоящее время находится въ развалинахъ. Соборъ пострадалъ въ 1691 г. отъ Турокъ, которые взорвали сосѣднюю крѣпость и близъ

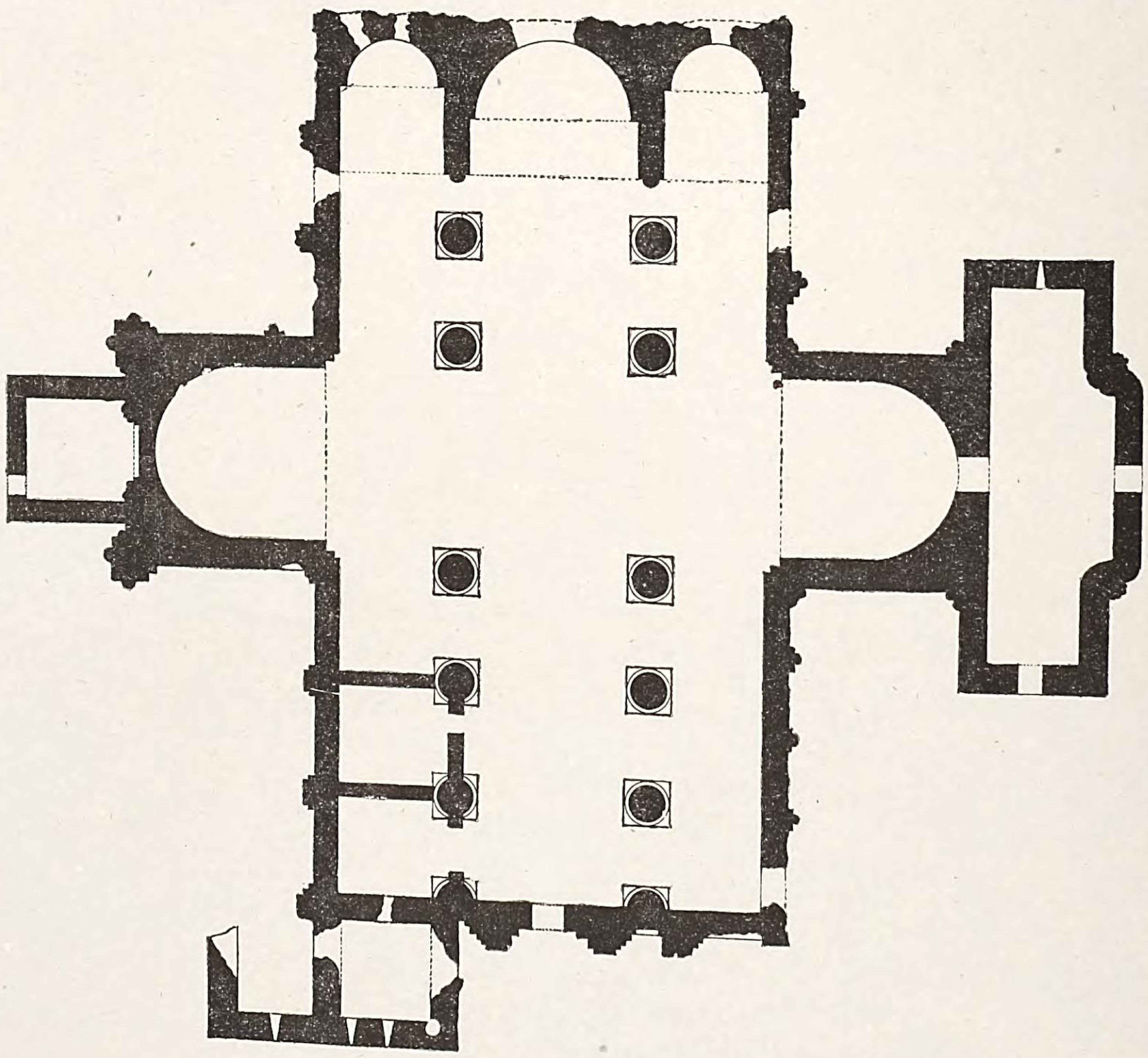

Рис. 12.

лежащія къ ней постройки. Но, не смотря на то, что его глава и всѣ своды обрушились, соборъ достоинъ полнѣйшаго вниманія, какъ самый богатый памятникъ кавказской архитектуры. По оставшимся развалинамъ возстановленіе плана его возможно почти безошибочно; что же касается массъ фасада и разрѣза, то это дѣло представляется болѣе труднымъ и требуетъ большаго вниманія.

Приступая къ подробному описанію храма, считаемъ необходимымъ привести мнѣніе Броссе и Дюбуа, изъ которыхъ въ особенности послѣдній занялся его описаніемъ весьма серьезно. Оба изслѣдователя даютъ планы собора (рис. 12 планъ Броссе и рис. 13 планъ Дюбуа); но оба плана разнятся между собою, что и даетъ намъ возможность провѣрить наши собственныя наблюденія, а раз-

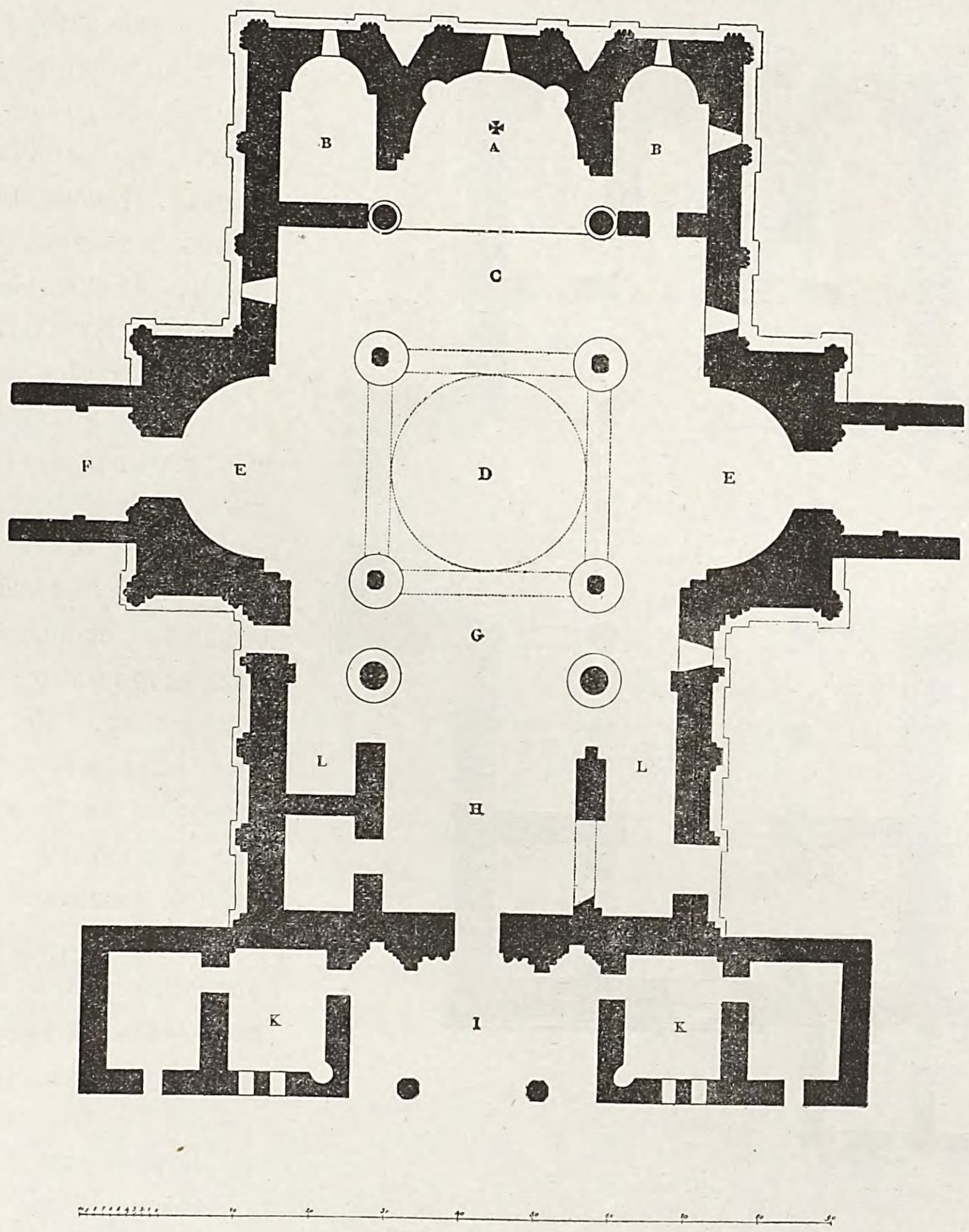

Рис. 13.

бирая объясненія Броссе и въ особенности Дюбуа, высказать свои соображенія относительно возможности возстановленія храма въ его первоначальномъ видѣ, при чемъ придется не всегда соглашаться съ мнѣніемъ Дюбуа.

Не смотря на то, что строителемъ собора обыкновенно считаютъ Баграта IV, Броссе находитъ возможнымъ на основаніи надписи, которую онъ нашелъ на сѣверо-восточной сторонѣ собора, пріурочить его основаніе ко времени Баграта III. Одна изъ надписей (арабская) указываетъ на 233 г., т. е. 1003 г. по Р. Х. и относится

къ нижней настилкѣ храма; другая же гласитъ, что церковь построена для спасенія королевы Гурандухты, матери Баграта III. На основаніи этого Броссе полагаетъ, что при Багратѣ III постройка была доведена, по крайней мѣрѣ, до высоты надписи и что честь этой постройки должна остаться за Багратомъ III, который умеръ въ 1014 г. Багратъ же IV, женившійся на Еленѣ, дочери византійскаго императора Романа Аргира, для окончанія Кутаискаго собора позаимствовалъ у императора греческихъ архитекторовъ и рабочихъ, съ помощью которыхъ и закончилъ постройку. Признавая также строителемъ храма Баграта III, Дюбуа говоритъ, что стиль Кутаискаго собора есть смѣсь византійскаго съ армянскимъ. По его мнѣнію византійскій стиль былъ принятъ для внутренней отдѣлки зданія, между тѣмъ какъ внѣшняя декорація зданія была скорѣе подражаніемъ армянскому. Но прежде чѣмъ высказаться по этому поводу, приступимъ къ болѣе подробному разсмотрѣнію развалинъ храма.

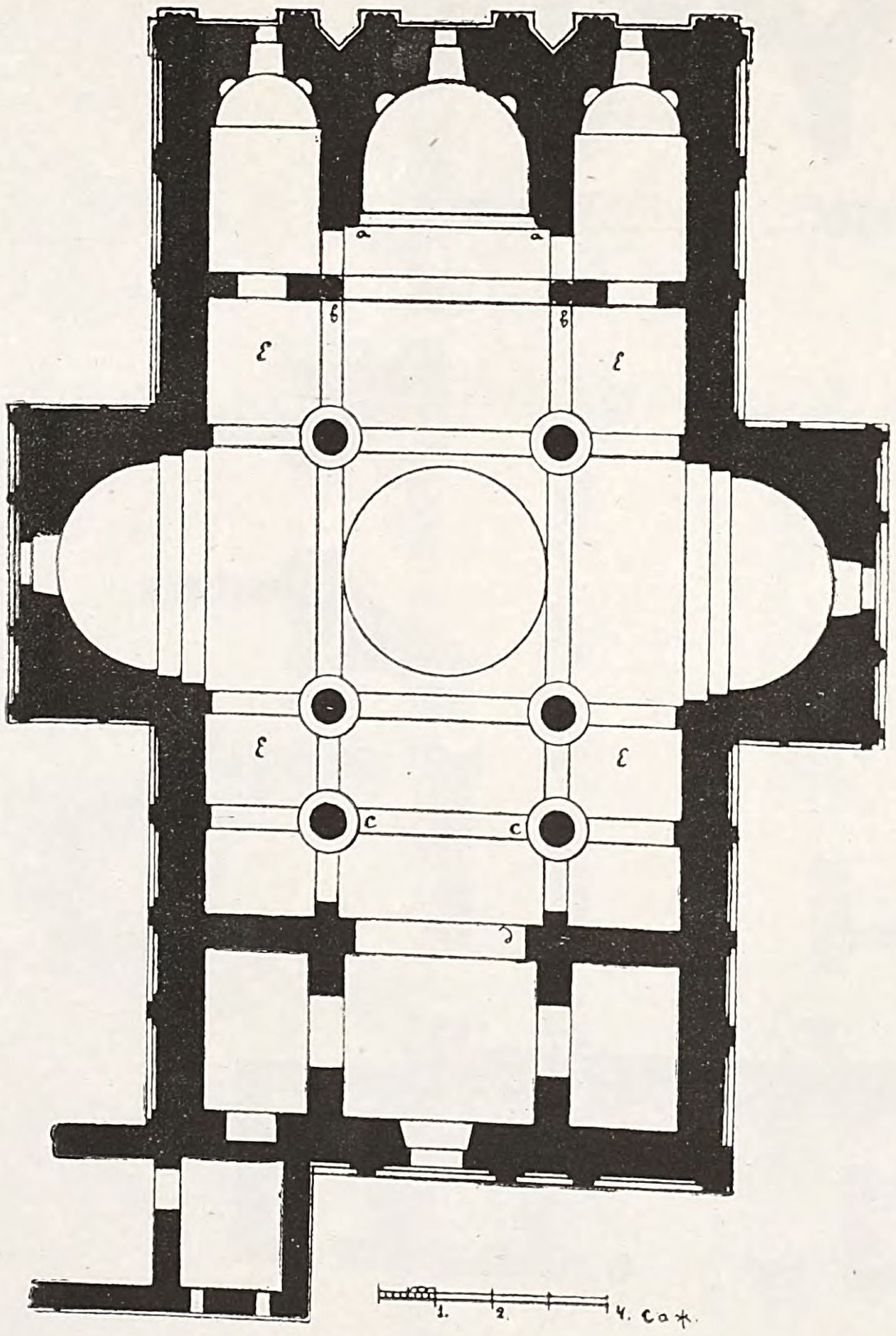

Рис. 14.

Дюбуа, приступая къ описанію плана, который онъ даетъ на таблицѣ XV своего атласа (а здѣсь рис. 13), говоритъ, что по бокамъ алтаря находились ризницы, гдѣ помѣщалась казна церкви и гардеробная. Передъ ними былъ амвонъ на одну ступень ниже абсида. Сравнивая рисунокъ (13) Дюбуа съ составленнымъ нами лично (рис. 14), находимъ большое сходство восточной части храма по расположенію, но у Дюбуа: 1) въ боковыхъ полукружіяхъ пропущены имѣющіяся небольшія ниши, 2) среднее алтарное полукружіе не имѣетъ круглыхъ колонокъ (а) съ сохранившимися еще въ натурѣ бусами, 3) колонны, стоящія у поперечной стѣны (в) по бокамъ алтаря, слишкомъ велики діаметромъ, между тѣмъ какъ ихъ діаметръ въ натурѣ всего 2′10″ и 4) амвонъ поднятъ не на одну ступень, какъ говоритъ Дюбуа, а на три.

Далѣе Дюбуа говоритъ, что куполъ поддерживался 4-мя колоннами, которыхъ детали представлены у него на таблицѣ Ser. III. XVII, фиг. 5. (а здѣсь рис. 15), но онъ не объясняетъ, почему эти колонны показаны имъ осьмигранными и неправильной формы. Судя по его плану, колонны эти кажутся черезчуръ тонкими и недостаточно устойчивыми для поддержки главы собора, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ сосредоточена наибольшая тяжесть и требуется наибольшая устойчивость. Нераціональность размѣра этихъ колоннъ дѣлается еще очивиднѣе, когда въ нѣскольких шагахъ къ западу оказываются толстые круглые столбы, предназначенные для поддержки болѣе легкой части храма. Для насъ также совершенно непонятна и деталь колонны съ восьмиграннымъ стержнемъ, приводимая у Дюбуа (здѣсь рис. 15), такъ какъ капитель неправильно посажена. Капитель эту мы узнаемъ по ея рисунку, хотя и не совсѣмъ вѣрно переданному, что легко провѣрить по прилагаемымъ рисункамъ №№ 16 и 17 (другая сторона). Низъ ея круглый, слѣдовательно, если ее посадить на осьмигранный стержень, какъ желаетъ Дюбуа, то посреди каждой грани она будетъ имѣть значительный свѣсъ, чего конечно въ натурѣ не могло быть. То же можно сказать и про круглую базу той-же колонны (рис. 15). Она также не имѣетъ перехода отъ осьмигранника ни къ кругу, ни къ квадрату.

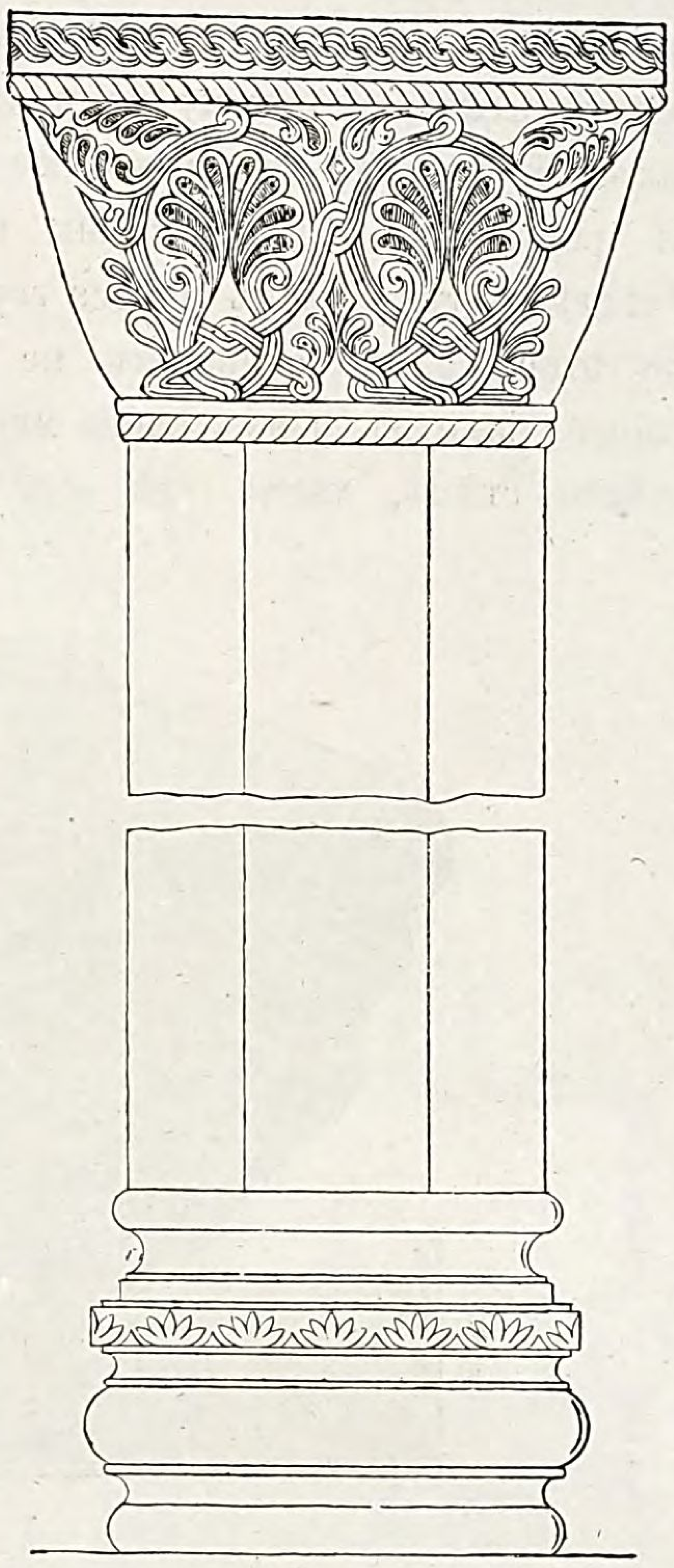

Рис. 15.

Рис. 16.

Капитель, по всему вѣроятію, принадлежала круглой колоннѣ; осьмигранный же стержень, если Дюбуа его взялъ съ натуры, находился гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ собора, только не подъ главой. При личномъ осмотрѣ развалинъ мы не нашли никакихъ данныхъ на основаніи которыхъ возможно поставить здѣсь граненые столбы и потому на планѣ показали ихъ круглыми, толщиною въ 4′ 6″ какъ въ натурѣ. Къ такому же заключенію видимо пришелъ и Броссе: у него на планѣ (рис. 12) показаны столбы достаточной толщины и тоже круглые. Вмѣстѣ съ тѣмъ планъ Броссе гораздо произвольнѣе, чѣмъ планъ Дюбуа. Пропорціи этого плана слишкомъ не вѣрны, боковые выступы сильны, столбы всѣ одного діаметра, и ихъ очень много: они показаны даже въ западной части храма вмѣсто стѣнъ, тамъ, гдѣ ихъ никогда не было, и проч. Не смотря на всѣ

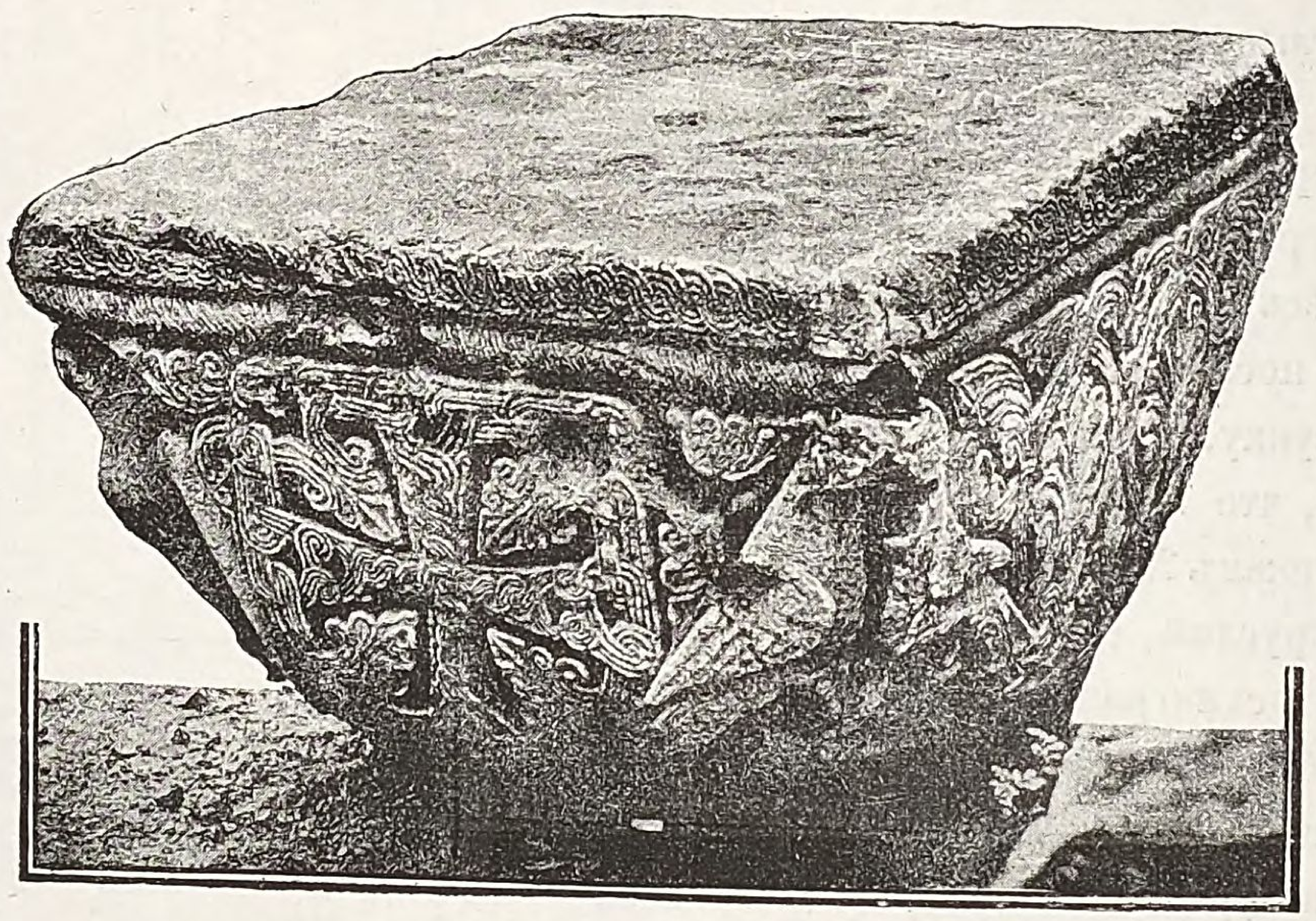

Рис. 17.

эти неточности, нѣкоторыя подробности, показанныя у Броссе, можетъ-быть, и не совсѣмъ вѣрно, для насъ будутъ пригодны и потому считаемъ необходимымъ принять во вниманіе и его планъ.

Дюбуа на своемъ рисункѣ обозначаетъ буквами H и L западную часть храма, гдѣ были хоры, и говоритъ, что боковыя хоры (L) сообщались между собой. Дѣйствительно, боковыя хоры, какъ показываютъ остатки ихъ сводовъ, кончались у столбовъ *cc* (рис. 14); съ этого мѣста, какъ видно по боковому фасаду (рис. 18), части стѣнъ храма были нѣсколько подвышены, въ мѣстахъ *E*. (см. планъ рис. 14), то есть въ самой срединѣ храма, гдѣ хоры уже кончались. Что же касается ширины средней части хоръ, то онѣ вѣроятно шли до поперечной стѣнки (*д*), которая у Дюбуа и Броссе пропущена. Стѣна *д*, отдѣливъ храмъ отъ помѣщенія подъ хорами, образуетъ внизу западной его части три помѣщенія, два боковыя и одно среднее, въ видѣ паперти. Входъ въ среднее помѣщеніе былъ изъ подъ портика. Портикъ этотъ обрушился весной 1833 г. Дюбуа вскорѣ послѣ паденія видѣлъ его развалины, что придаетъ его разсказу большее значеніе. Но мы

никакъ не можемъ согласиться съ его описаніемъ, такъ какъ между прочимъ онъ выражаетъ мнѣніе, что бока портика упирались въ стѣны двухъ особыхъ помѣщеній, которыя служили квартирами для священниковъ. Квартиры эти онъ на своемъ планѣ показалъ симетрично справа и слѣва отъ входа въ храмъ съ нишами въ углахъ для каминовъ. Съ лѣвой стороны отъ входа въ храмъ, дѣй-

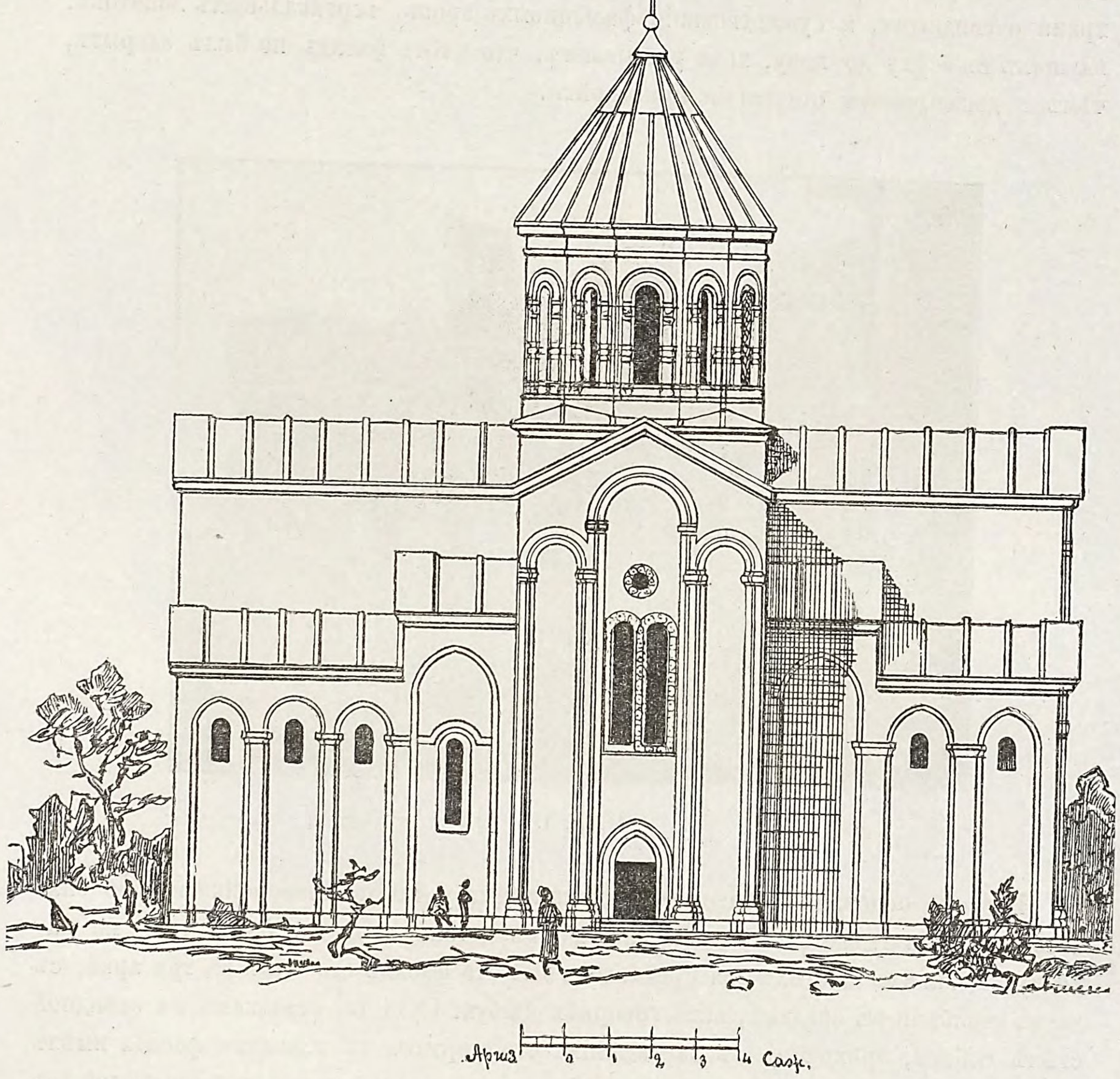

Рис. 18.

ствительно, находится пристройка въ два этажа (табл. XIX). Низъ ея состоитъ изъ двухъ помѣщеній, а верхъ — изъ одного и поставленъ такъ, что верхняя часть (см. бокъ рис. 19 справа) его стѣны съ сѣвера была открыта и шла подлицо съ сѣверной частью стѣны собора, составляя какъ бы ея продолженіе; но судя по отдѣлкѣ, эта стѣна разнится отъ стѣны храма, и потому ее едва ли возможно признать современной храму. Она могла быть выстроена вслѣдствіе

какихъ-либо объявившихся впослѣдствіи нуждъ, а храмъ, такъ прекрасно скомпанованный, конечно былъ задуманъ безъ пристройки, тѣмъ болѣе что и планъ этой пристройки весьма дурно связанъ съ планомъ храма. Что же касается пристройки съ правой стороны собора, показанной у Дюбуа совершенно симетрично лѣвой, то въ ея существованіи слѣдуетъ сомнѣваться. Того же мнѣнія, вѣроятно, и Броссе, такъ-какъ на его планѣ она совсѣмъ не показана. Развалины западной стѣны собора (табл. XIX съ правой стороны) дѣлаютъ первоначальный фасадъ храма очевиднымъ, а существованіе фальшивыхъ арокъ, вертикальныхъ лопатокъ, идущихъ съ верху до низу, ясно указываютъ, что этотъ фасадъ не былъ закрытъ, чѣмъ и доказывается отсутствіе пристройки.

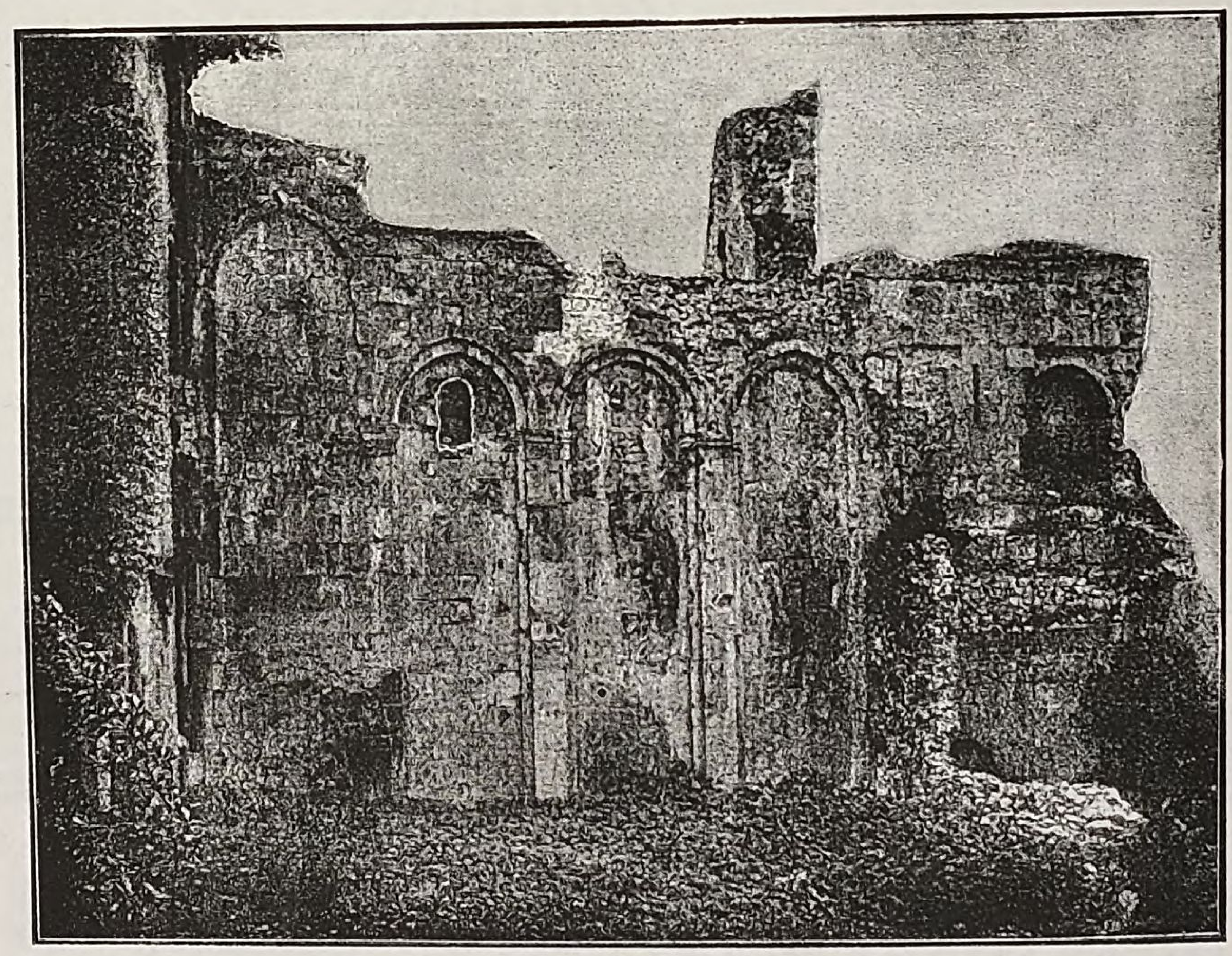

Рис. 19.

На этомъ основаніи отбрасываемъ показанныя у Дюбуа пристройки и дѣло значительно распутывается; всматриваясь же въ детали портика, опять таки не находимъ никакихъ данныхъ для предположенія, что фасадъ его былъ въ три арки, съ двумя столбами въ срединѣ, какъ говоритъ Дюбуа. Судя по остаткамъ на западной стѣнѣ собора, приходимъ къ заключенію, что портикъ съ главнаго фасада имѣлъ одну арку и открытые боковые фасады, при чемъ арки ихъ опирались на двѣ лопатки у стѣнъ и двѣ колонны или два передніе столба. Эти колонны или столбы у Дюбуа на планѣ показаны осьмигранными, но значительно толще столбовъ, поддерживающихъ среднюю, самую тяжелую часть храма, какъ выше уже было замѣчено. Это обстоятельство снова даетъ намъ возможность убѣдиться, что средніе столбы храма у Дюбуа показаны, вѣроятно по ошибкѣ, слишкомъ тонкими. И такъ, принявъ во вниманіе вышесказанное, для возстановленія первоначальныхъ массъ храма отбросимъ западную лѣвую пристройку. Тогда фасадъ западной стѣны стараго

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Развалины Кутаисскаго Собора.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Развалины Кутаисскаго Собора.

Кутаискаго собора представится въ слѣдующемъ видѣ: впереди у входа въ соборъ можетъ быть былъ портикъ, вѣроятно со стрѣльчатой аркой, какъ самый входъ и многія арки на фасадѣ, но портикъ этотъ у насъ не показанъ, потому что отдѣлка входной двери въ соборъ не связана съ отдѣлкой портика, какъ это видно на рисункѣ Дюбуа (нашъ рис. 20), поэтому есть вѣроятіе полагать, что портикъ выстроенъ позднѣе дверей, т. е. не современенъ собору. Выше портика по стѣнѣ храма возвышается средняя фальшивая арка съ двумя окнами (см. табл. XIX) и четыре арки по бокамъ; изъ нихъ двѣ пониже средней принадлежатъ фронтону, а двѣ крайнія,

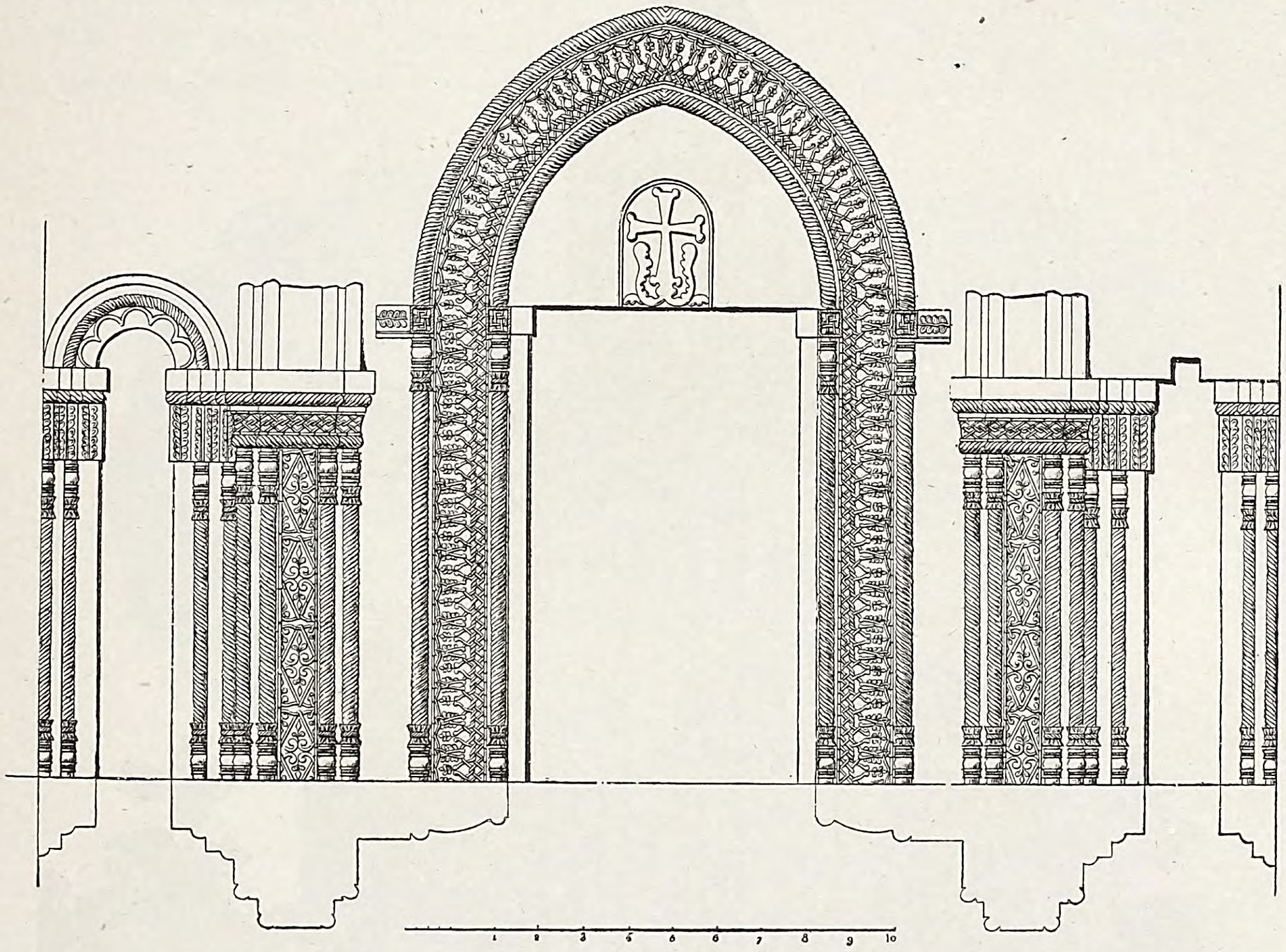

Рис. 20.

болѣе широкія и низкія, соотвѣтствуютъ боковымъ частямъ собора, т. е. хорамъ. Такимъ образомъ, получимъ полную реставрацію фасада западной стѣны собора, какъ показано на рис. 21.

Восточная стѣна собора реставрирована у Дюбуа правильно. Она вообще аналогична съ западной и настолько сохранилась (табл. XX), что возстановляется легко. По мотиву она очень напоминаетъ фасадъ западной стѣны, съ той разницею, что ея тяги богаче украшены, а по бокамъ средней арки расположены двѣ ниши, которыя и обрисовываютъ среднее алтарное полукружіе.

Боковой фасадъ стѣнъ тоже легко представить въ его первоначальномъ видѣ. Возьмемъ для примѣра сѣверную сторону (рис. 18). Въ срединѣ выступъ отъ сѣвернаго полукружія храма выразится въ видѣ трехъ арокъ, перекрытыхъ од-

нимъ фронтономъ, какъ это видѣли на западномъ и восточномъ фасадахъ; боковыхъ болѣе низкихъ арокъ нѣтъ, такъ какъ хоры не примыкаютъ къ боковымъ выступамъ. Арки эти въ данномъ случаѣ какъ бы заворочены подъ прямымъ угломъ и занимаютъ боковыя стѣны выступовъ (см. планъ рис. 14). По обѣ стороны выступа распо-

Рис. 21.

ложены двѣ арки, соотвѣтствующія среднему квадрату храма, гдѣ нѣтъ хоръ. Онѣ, какъ уже было выше замѣчено, нѣсколько выше прочихъ боковыхъ арокъ, которыя отвѣчаютъ къ западу хорамъ храма, а къ востоку боковымъ полукружіямъ также двухъэтажнымъ. Съ южной стороны фасадъ, конечно, будетъ тотъ же, какъ и съ сѣвера. Къ сѣверному и южному выступамъ, внизу, передъ входными дверьми, примыкали особаго рода пристройки въ родѣ входовъ. Судя по рисунку Дюбуа,

эти входы имѣли глухія боковыя стѣнки и крышу на два ската съ фронтономъ надъ входной аркой, но рисунки ихъ сдѣланы поверхностно; поэтому, не имѣя полнаго понятія о ихъ формѣ, на нашемъ рисункѣ они не показаны.

Все, что было сказано выше относительно реставраціи стѣнъ, болѣе или менѣе основано на тѣхъ остаткахъ, которые сами намъ указываютъ первоначальныя формы собора. Мы легко можемъ также возстановить покрытіе собора, кромѣ средней его части, гдѣ, несомнѣнно, стояла глава, которая стройностью своею должна была достойно завершить величіе храма. Но тутъ то и является рядъ вопросовъ: какая была глава, сколько имѣла оконъ, какое было ея покрытіе, какъ она была связана съ общей массой собора и какія были ея детали? На эти вопросы, можно отвѣтить только приблизительно. Дюбуа на таблицѣ XIV даетъ

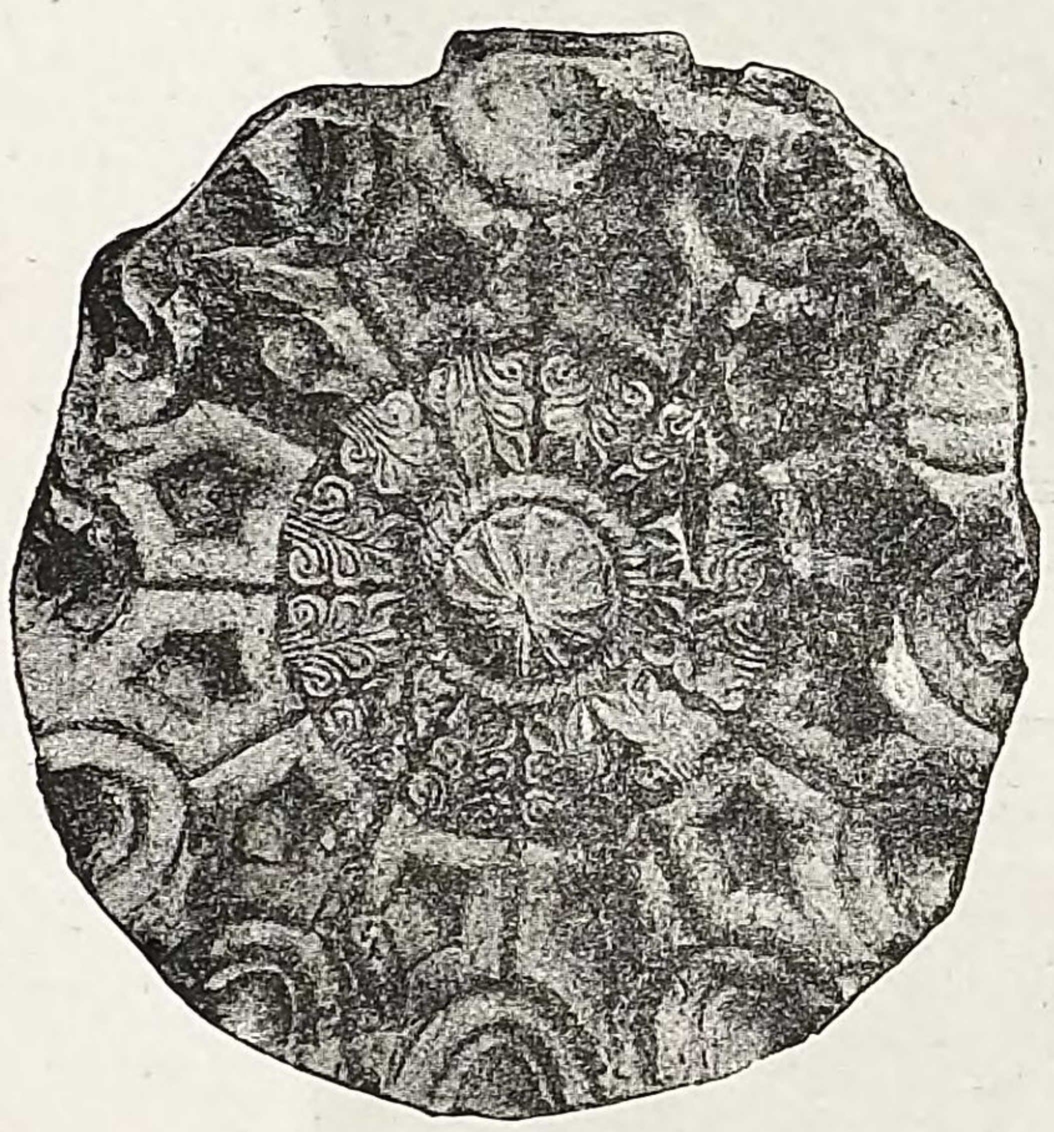

Рис. 22.

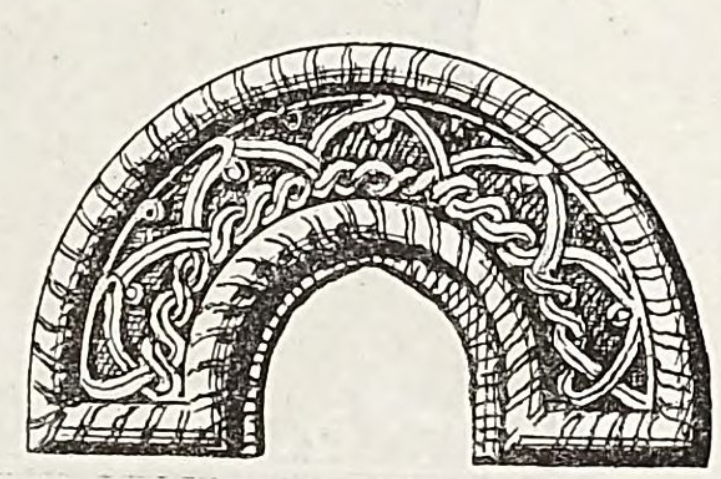

Рис. 23.

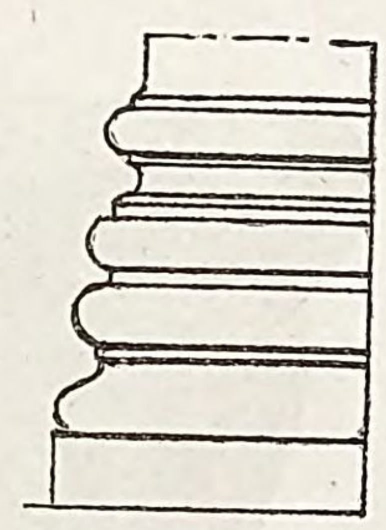

Рис. 24.

реставрацію восточной части собора, въ томъ числѣ и главы. Реставрація его очень правдоподобна по своимъ массамъ, но сдѣлана она по аналогіи съ другими церквами, такъ сказать, прикомпанована. Дюбуа даетъ главѣ 12 оконъ, предполагаетъ её вѣроятно граненой хотя на его рисункѣ этого не замѣтно, что, зависитъ можетъ быть отъ несовершенства рисунка; по угламъ каждой грани онъ ставитъ по двѣ колонки, но при этомъ не соблюдаетъ самыхъ необходимыхъ техническихъ правилъ. Колонки у него поставлены прямо на четырегранный постаментъ, лишенный крыши; такая постановка невозможна потому, что четырегранный постаментъ долженъ имѣть крышу. Такого рода крыша обыкновенно дѣлалась на четыре ската т. е. шатромъ и, потому подходя къ главѣ, надъ углами значительно поднималась и закрывала часть барабана главы, образуя такимъ образомъ при встрѣчѣ съ барабаномъ кривую (см. рис. 18). Чтобы поставить колонки, слѣдуетъ сначала поверхъ крыши сдѣлать какую-нибудь горизонтальную тягу т. е. дать главѣ поясъ, а потомъ уже на него ставить базы колонокъ, чтобы онѣ всѣ

были на одномъ уровнѣ. Далѣе съ колонки на колонку Дюбуа перекидываетъ арочки. Арочки эти у него слишкомъ сухи, а продѣланныя между ними окна лишены наличниковъ и тоже кажутся голыми. Въ общемъ вся глава бѣдна и, не смотря на значительную величину рисунка, имѣетъ не разработанный видъ. Между тѣмъ глава, какъ самая видная часть собора, конечно, была отдѣлана богаче другихъ частей.

Рис. 25.

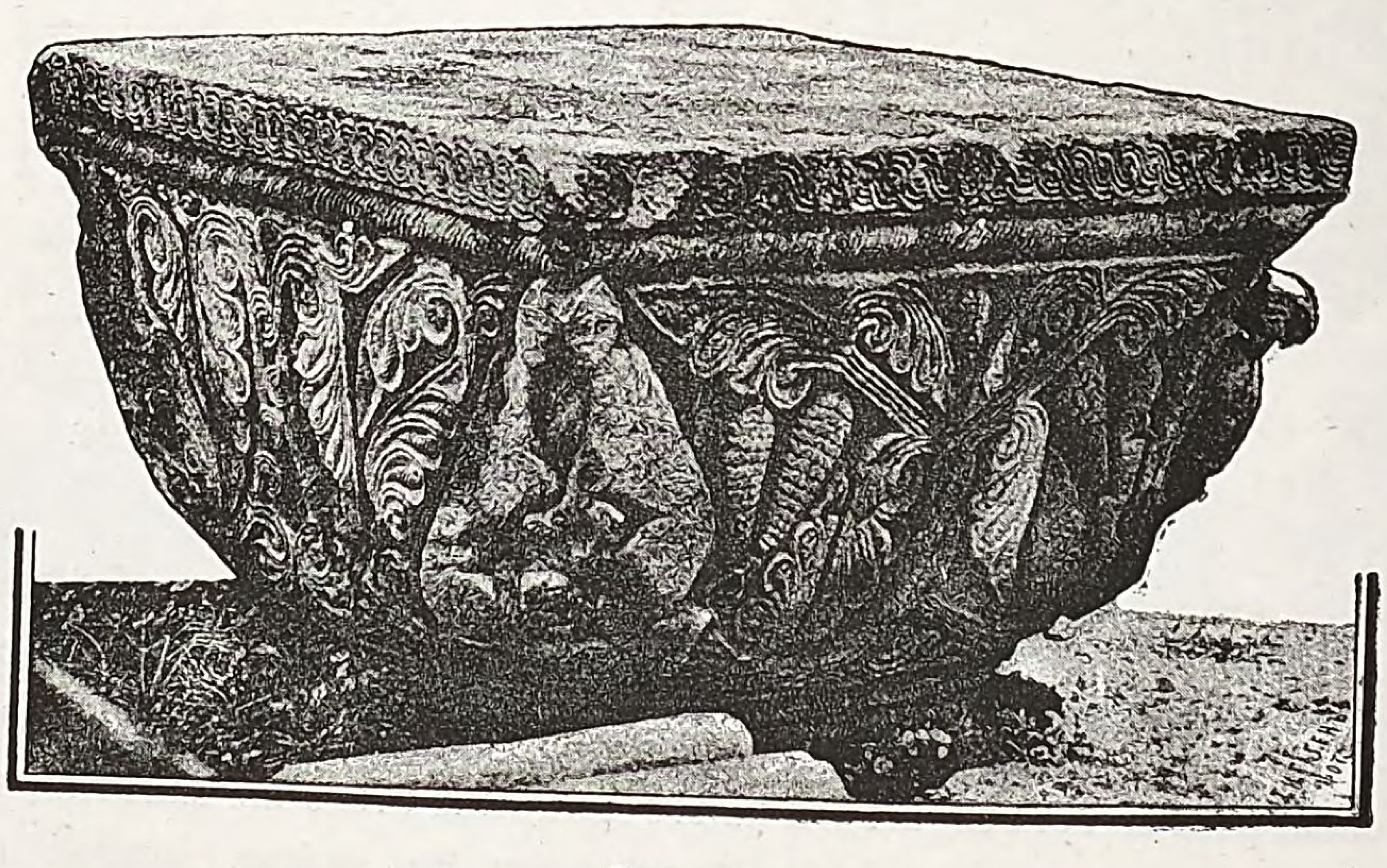

Рис. 26.

Не берясь точно возстановить ее за неимѣніемъ данныхъ, все-таки наносимъ ее на наши рисунки, хотя и приблизительно, при чемъ пользуемся слѣдующими соображеніями: 1) сохранившаяся часть купола своимъ узоромъ съ 12-ю дѣленіями указываетъ, что и барабанъ имѣлъ 12-ть оконъ (рис. 22); 2) среди развалинъ собора есть много рѣзныхъ небольшихъ арочекъ (рис. 23), которымъ по величинѣ и формѣ едва-ли можно найти лучшее назначеніе, какъ перекрывать окна на барабанѣ главы. Показанныя же нами окна въ нижней своей части тоже прикомпановы (рис. 18 и 21).

Дѣлая вообще рисунки реставраціи храма въ небольшомъ видѣ, мы старались только выяснить массы храма насколько это было возможно, не вдаваясь въ подробности деталей. Возстановить детально этотъ храмъ едвали возможно, такъ-какъ многія его части уже совершенно утрачены. Рисунки и описанія Дюбуа тоже не пополняютъ пробѣловъ, да и какъ видѣли выше и еще увидимъ дальше

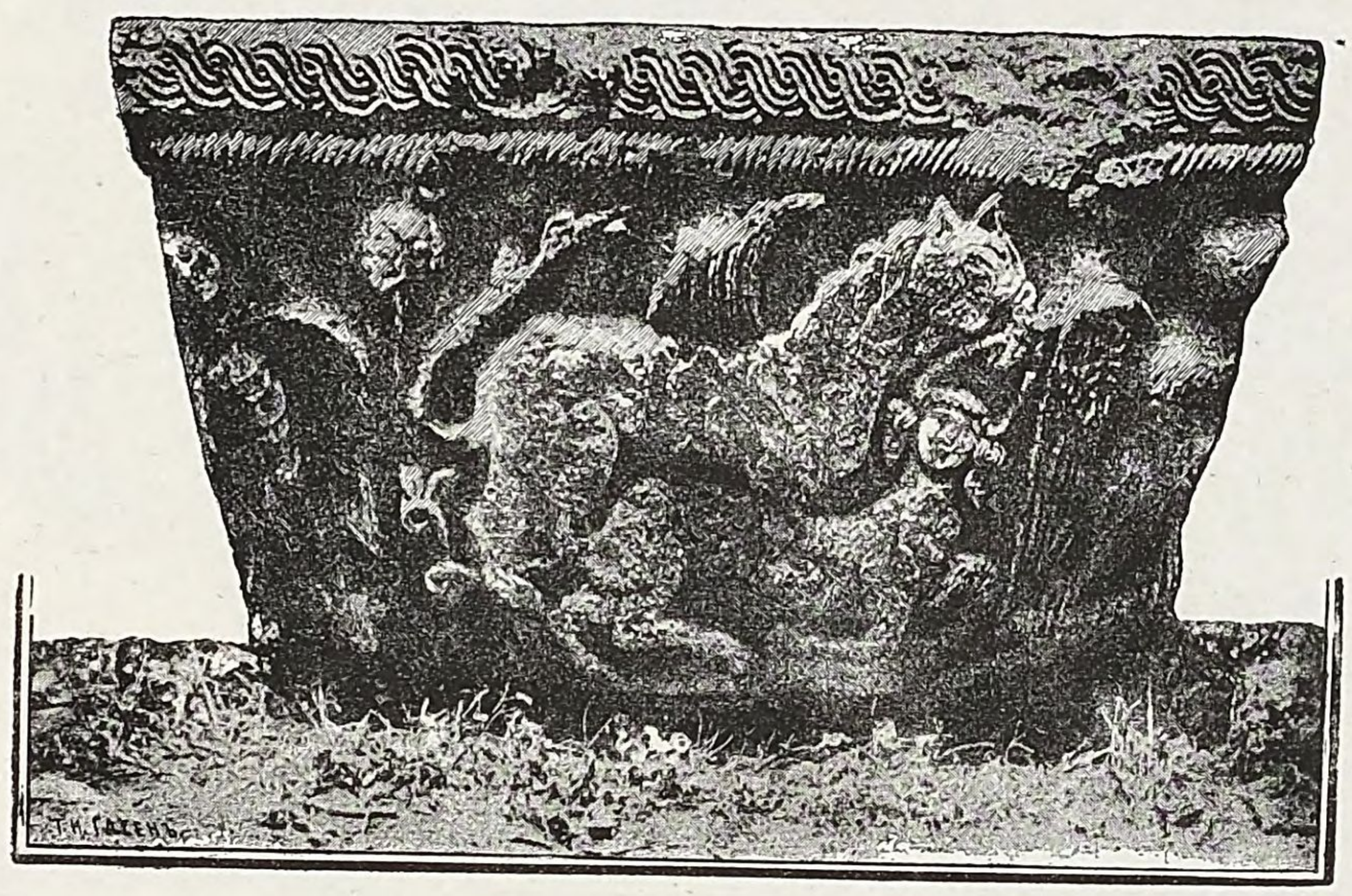

Рис. 27.

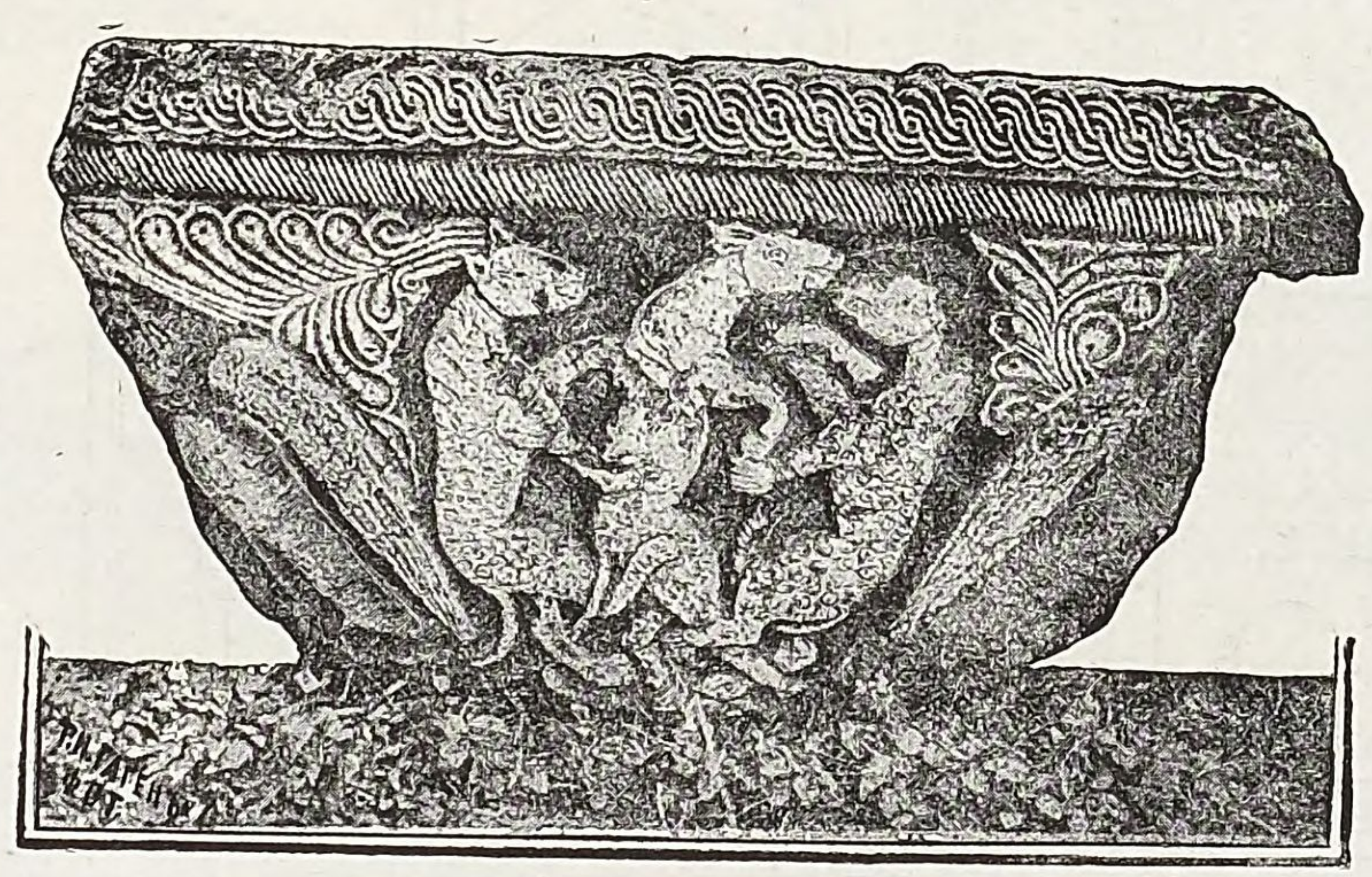

Рис. 28.

не отличаются точностью. Такъ, въ своемъ атласѣ (таблица XVI, рис. 1) Дюбуа даетъ рисунокъ западной стѣны подъ портикомъ и около него, при чемъ, указывая на стрѣльчатую арку входа (рис. 20), говоритъ что входъ представляетъ единственный примѣръ стрѣльчатой формы, которую онъ встрѣтилъ въ храмѣ. Мы же выше указали, что надъ входомъ вверху (табл. XIX) всѣ три арки стрѣльчатыя; такія-же находимъ и съ боковъ и внутри храма, только съ востока арки будто бы безъ стрѣлокъ.

Возстановляя планъ храма, мы уяснили его фасады со всѣхъ сторонъ. Теперь обратимся къ его разрѣзамъ, т.-е. внутреннему расположенію. Остатки стѣнъ, (табл. XXI) сохранившія на себѣ слѣды упавшихъ сводовъ, арокъ, карнизовъ и тягъ, имѣютъ для насъ важное значеніе потому что указываютъ на конструкцію и высоту тѣхъ или другихъ частей храма, а валяющіеся внизу обломки говорятъ о его детальныхъ украшеніяхъ. Поэтому начнемъ съ среднихъ столбовъ или колоннъ храма, под-

Рис. 29.

державшихъ главу. Въ натурѣ на мѣстѣ колоннъ остались еще большіе круглые камни въ 7′ 4″ діаметромъ, которые вѣроятно служили основаніемъ для базъ колоннъ. Базы походили приблизительно на рисунокъ воспроизведенный нами подъ № 15 (у Дюбуа на т. XVII, рис. 5). Колонны по Вахушту были мраморныя; капители колоннъ были кубическія, вырубленныя изъ цѣльныхъ кусковъ камня. Въ настоящее время всѣ остатки ихъ собраны во внутренности развалинъ собора. Здѣсь кромѣ указанной выше (рис. 16 и 17) капители съ ея разновидными фасами

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Развалины Кутаисскаго Собора.

имѣются и другія капители разукрашенныя орнаментами и животными (рис. 25 и 26), при чемъ среднія части граней заняты почти повсемѣстно орнаментомъ различнаго рисунка, а углы фигурами людей, птицъ и животныхъ (рис. 27 и 28); одна изъ этихъ капителей покрыта почти исключительно рисункомъ состоящимъ изъ животныхъ: по угламъ птицы съ полураспущенными крыльями въ родѣ совъ, а на срединѣ изображеніе цѣлой группы животныхъ. На капи-

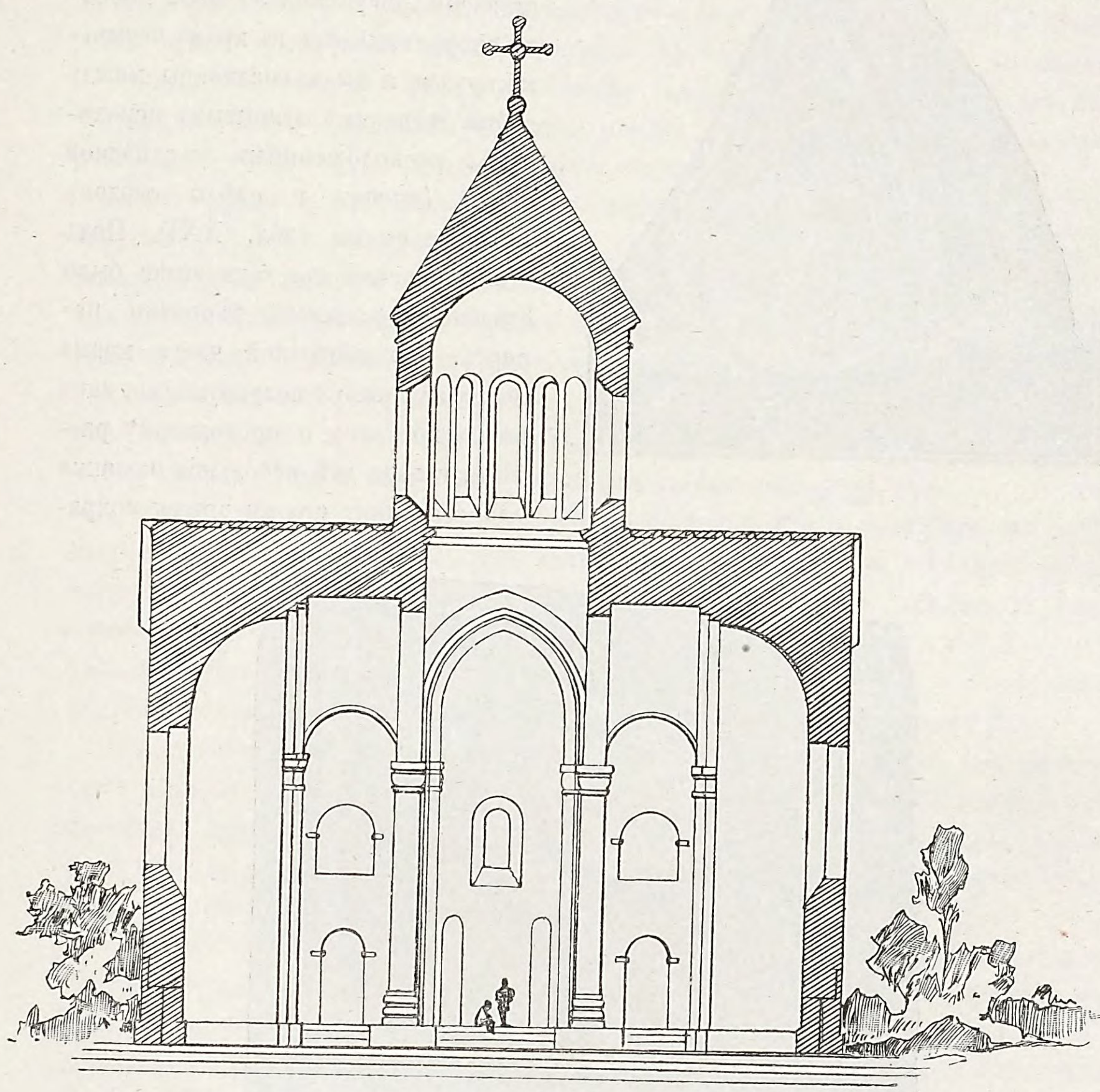

Рис. 30.

тели колоннъ опирались четыре стрѣльчатыя арки и поддерживали паруса подъ главой храма (рис. 29 продольный разрѣзъ и рис. 30 — поперечный разрѣзъ). Паруса были украшены особыми фигурами, изваянными изъ камня (рис. 31). Мы уже знаемъ что глава имѣла 12 оконъ и что куполъ же былъ украшенъ особымъ узоромъ (рис. 22). Съ капителей среднихъ столбовъ храма, кромѣ 4-хъ главныхъ арокъ, шли восемь арочекъ меньшей величины; четыре изъ нихъ опирались на боковыя стѣны, двѣ шли къ алтарю и двѣ—къ хорамъ, образуя такимъ

образомъ въ углахъ средняго квадрата храма четыре квадратныя помѣщенія *E* (см. рис. 14 планъ), которыя, судя по остаткамъ наружныхъ стѣнъ, могли быть перекрыты только крестовыми сводами. Главный же крестъ храма, т.-е. нефъ и трансепсъ, были перекрыты коробовыми стрѣльчатыми сводами, детальныя украшенія которыхъ представлены рисунками 31 и 32. Боковыя хоры выходили въ храмъ четырьмя арками и были соединены между собой широкимъ открытымъ переходомъ, расположеннымъ у западной стѣны (высоты и слѣды сводовъ тоже видны на табл. XXI). Подъ этимъ переходомъ, какъ выше было сказано находилась вѣроятно паперть. Въ восточной части храма между алтарными полукружіями, какъ видно по плану и продольному разрѣзу, стояли двѣ небольшія колонки или столбики, отъ которыхъ сохра-

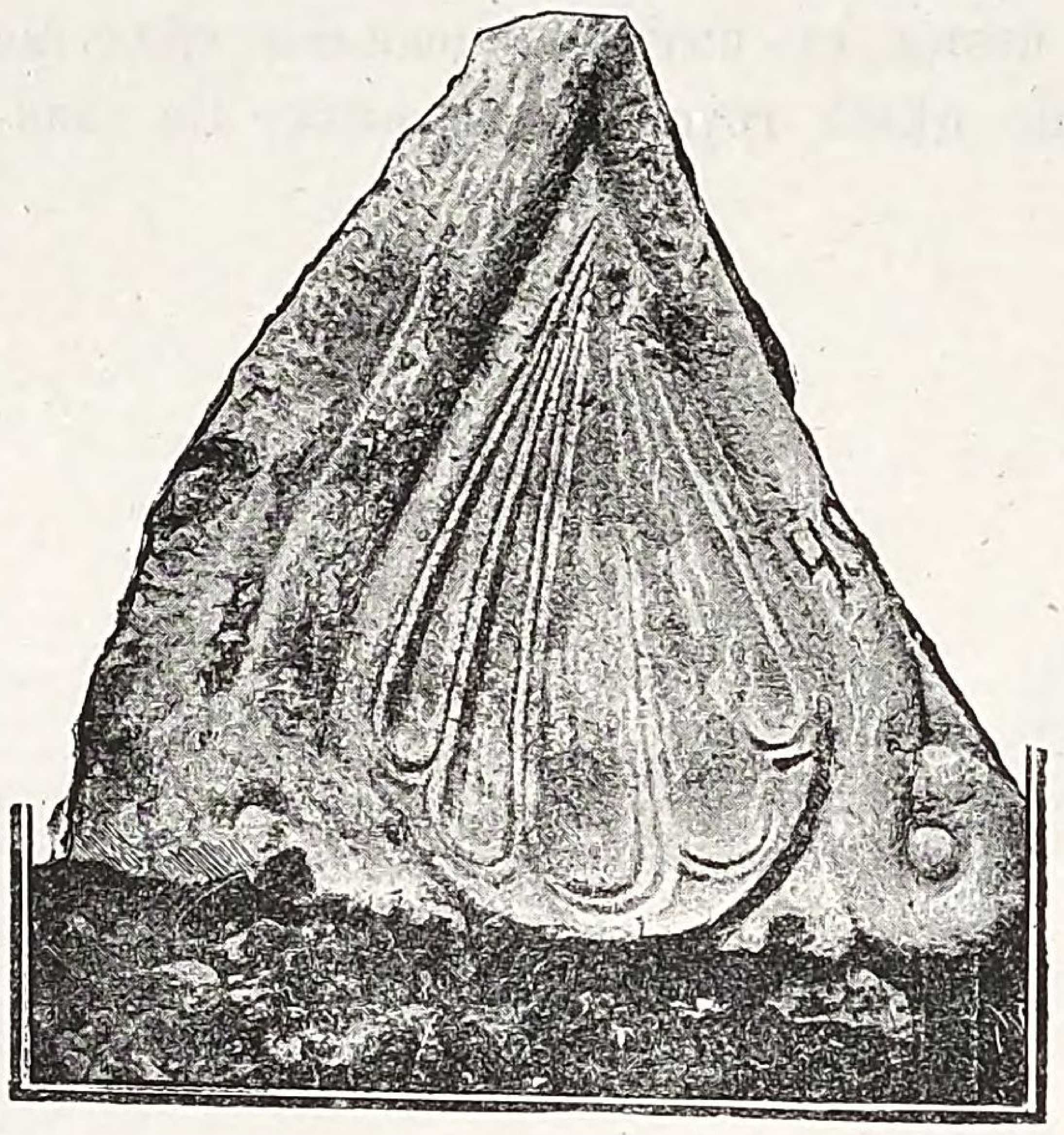

Рис. 31

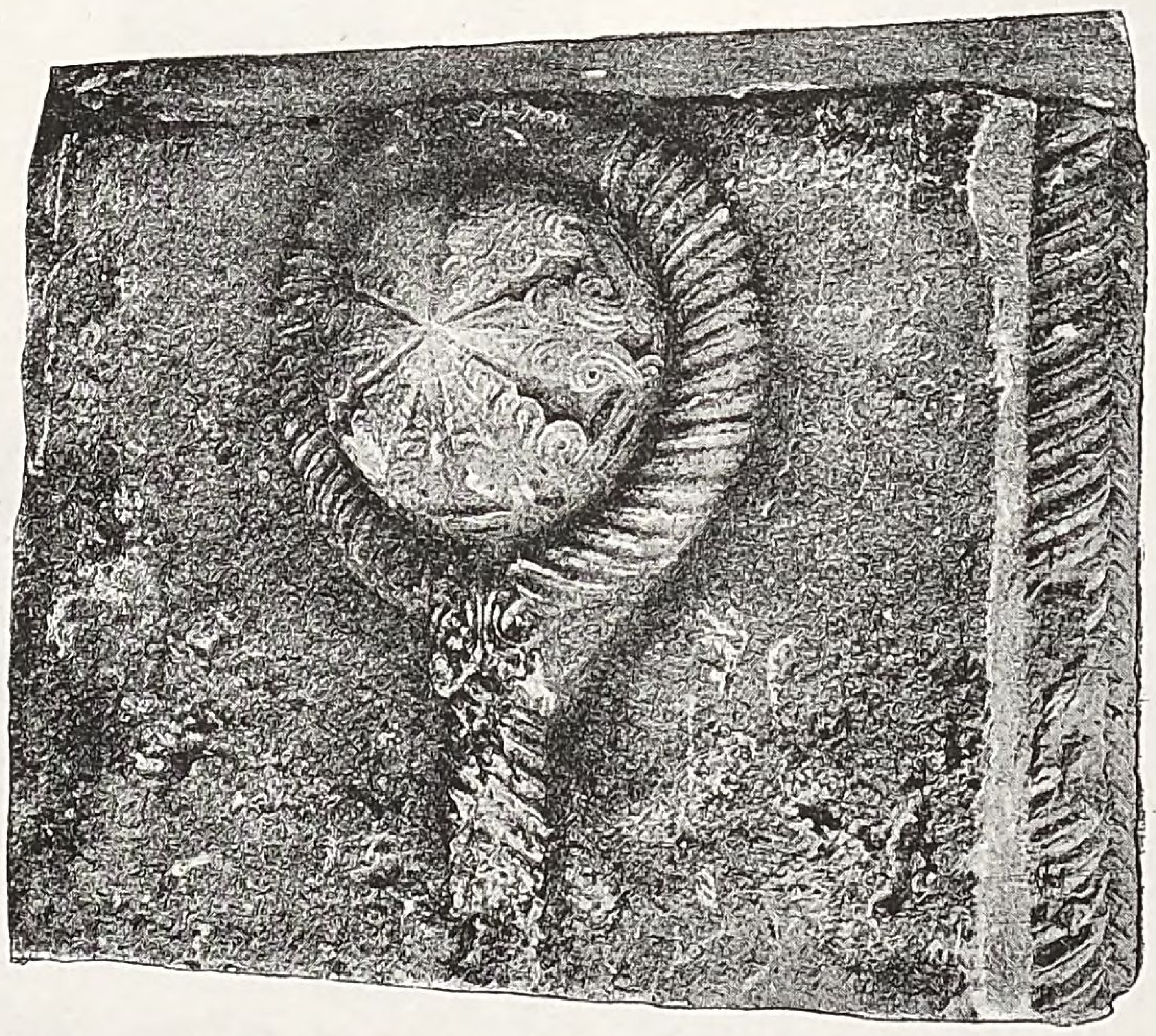

Рис. 32.

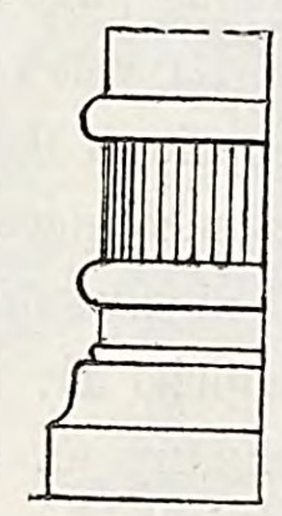
нилась только часть основанія (рис. 33). Столбы эти были много тоньше главныхъ столбовъ храма и слѣдовательно короче. Эти столбы вѣроятно поддерживали арочку, перекрывающую проходъ между среднимъ и боковыми полукружіями.

По словамъ исторіи храмъ этотъ былъ украшенъ фресками что представляется весьма вѣроятнымъ. Внутренность состояла изъ орнаментовъ, высѣченныхъ

по камню, которые украшали своды, арки, капители и проч., живопись же занимала гладкія мѣста стѣнъ, нишъ и проч.

Не входя въ большія подробности касательно конструкціи храма, которая и такъ очевидна по рисункамъ, можемъ себѣ нынѣ сдѣлать полное представленіе о первоначальной формѣ этого знаменитаго храма. Планъ Кутаисскаго собора представляетъ уже поздній соединенный типъ плана, въ смыслѣ слитія *развитаго* центральнаго плана съ планомъ базиличнымъ—явленіе довольно рѣдкое на Кавказѣ хотя можно указать на подобные церкви въ Эохванкѣ и Тортумѣ въ Арменіи.

Фасады Кутаисскаго храма, какъ видѣли выше, разнятся своей отдѣлкой: самый бѣдный изъ нихъ—западный, вѣроятно потому что онъ былъ менѣе видѣнъ со стороны дороги. Съ запада же впослѣдствіи появляются и пристройки. Боковые фасады богаче западнаго, но самый богатый—восточный. Вѣроятно съ этой стороны храмъ былъ болѣе открытъ глазу зрителя. Богатыя тяги въ три валика съ базами и капителями представляютъ собой стволы вытянутыхъ колонокъ и по формѣ напоминаютъ отдѣлку кавказскихъ храмовъ въ Тбетѣ, Гелатѣ и друг. Отдѣлка подобнаго рода конечно есть заимствованіе изъ развитаго уже византійскаго и романскаго искусства; но несомнѣнно храмъ этотъ имѣетъ и свои кавказскія, грузинскія особенности, свой особый складъ, какъ-то алтарныя ниши, плетеный орнаментъ и проч. Все это вмѣстѣ взятое не позволяетъ назвать этотъ храмъ чисто византійскимъ, но скорѣе грузинскимъ и отнести его къ XI — XII вѣку. Такимъ образомъ приходится только отчасти согласиться съ вышеприведенными мнѣніями г. Дюбуа, что Кутаисскій храмъ представлялъ смѣсь византійскаго стиля съ армянскимъ и что внутренняя отдѣлка имѣла характеръ византійскій, а внѣшняя же болѣе армянскій.

Рис. 33.

Памятники Кавказа вообще слѣдуетъ раздѣлить на двѣ группы, изъ которыхъ одни имѣютъ тяги и орнаменты иногда весьма богатые, но безъ всякаго слѣда колонокъ; другіе же украшены колонками. Въ первыхъ выразился болѣе мѣстный элементъ; во вторыхъ видно иноземное вліяніе сравнительно поздняго искусства къ которому принадлежитъ и Кутаисскій соборъ.

Что же касается до отличія грузинскаго стиля отъ армянскаго, то едвали возможно ихъ разграничить: детали тѣхъ и другихъ одинаковы, въ особенности въ болѣе древнихъ храмахъ. Позднѣе въ армянскихъ храмахъ замѣтна склоность къ возведенію небольшихъ башенъ — колоколенъ, которыя не остались безъ вліянія и на грузинскую архитектуру.

МАРТВИЛЬСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Мартвильскій монастырь прежде былъ извѣстенъ подъ туземнымъ названіемъ Дчконъ-диди, что по словамъ грузинской лѣтописи значитъ *большой дубъ* *).

Вахуштъ **) говоритъ про церковь въ Мартвили, что „она была основана Георгіемъ 8-мъ, королемъ Абхазіи, который обогатилъ ее всякими украшеніями, утварью необходимою для богослуженія, поставилъ тамъ епископа, а по кончинѣ своей самъ былъ положенъ въ этомъ монастырѣ". Сказаніе это относится къ королю Георгію II, царствовавшему между 921 — 955 г. По мнѣнію же Броссе, основанному на греческой надписи, высѣченной на стѣнѣ алтаря, основаніе храма слѣдуетъ приписывать Константину Великому. Броссе самъ видѣлъ надпись, въ которой сказано: „*Константинъ основалъ Дчкон-диди*", но послѣднія буквы (быть можетъ дата) стерлись, поэтому неизвѣстно о какомъ Константинѣ здѣсь упоминается; употребленное же грузинское выраженіе „основалъ" имѣетъ два значенія: построилъ и перестроилъ. На западномъ фасадѣ церкви, прибавляетъ Броссе, „я скопировалъ прекрасную рельефную надпись церковнаго характера такого содержанія: „*Богъ заботится о двухъ жизняхъ короля Абхазіи и Картли, который построилъ это освященное мѣсто... въ 600 г.*", что соотвѣтствовало бы 6600 г. грузинскаго исчисленія или 996 г. по Р. Х. Эта послѣдняя дата указывала бы на возможность считать строителемъ храма Баграта III.

Дюбуа не нашелъ никакой даты, относящейся къ основанію этого храма, но посвящаетъ описанію монастыря длинный текстъ, который для насъ столь интересенъ, что мы приводимъ здѣсь значительную его часть со всѣми его любопытными сравненіями и заключеніями. Дюбуа говоритъ ***), что „церковь въ Мартвили была посвящена св. мученикамъ и была нѣсколько разъ реставрирована, и что ея древній планъ есть ни что иное, какъ копія съ Сіонской церкви въ Атенѣ (рис. 34), которая въ свою очередь была копіей съ храма св. Рипсимы въ Вагаршапатѣ (рис. 35). Правильный крестъ ея плана внутри былъ означенъ четырьмя большими выступами въ видѣ полукруговъ, раздѣленныхъ столькими же высокими нишами; круглый куполъ обозначалъ центръ креста. Стѣны были окрашены по крайней мѣрѣ четыре раза. Портикъ былъ разукрашенъ множествомъ портретовъ князей, похороненныхъ въ церкви. Все это очень пострадало отъ дыма и огня, который

*) Brosset. Hist. de la Georg. стр. 239 и 278. Бакрадзе; стр. 96.
**) Вахуштъ; стр. 395.
***) Т. III, стр. 48 и далѣе.

Турки разводили среди церкви, когда овладѣли монастыремъ". Такимъ образомъ можно предполагать что наружность зданія испытала, самыя жестокія поврежденія столько же отъ вліянія времени, сколько отъ рукъ враговъ. Скульптура, которая украшала фризъ части церкви, была уничтожена; сохранились нѣкоторые куски, изъ которыхъ потомъ составили рельефъ, украшающій нынѣ хоры; но куски эти не составляютъ цѣлаго сюжета, такъ наприм.: находимъ св. Георгія, преслѣдующаго лань и грифа; дракона же и конецъ пики перенесены на другую сторону; на одномъ боковомъ фасадѣ представленъ Іисусъ Христосъ окруженный ангелами, а на другомъ—отдѣльный кусокъ какой то сцены съ изобра-

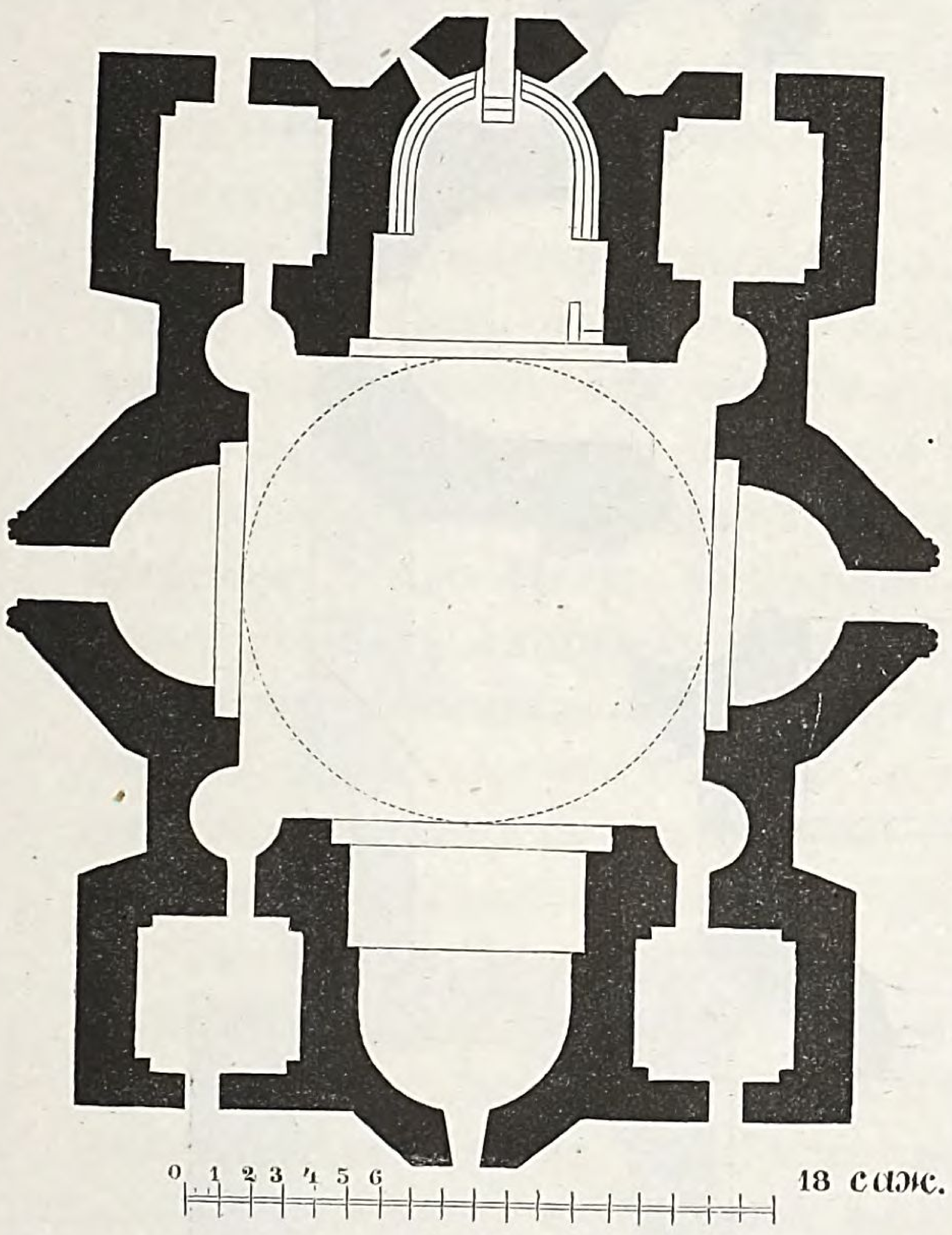

Рис. 34.

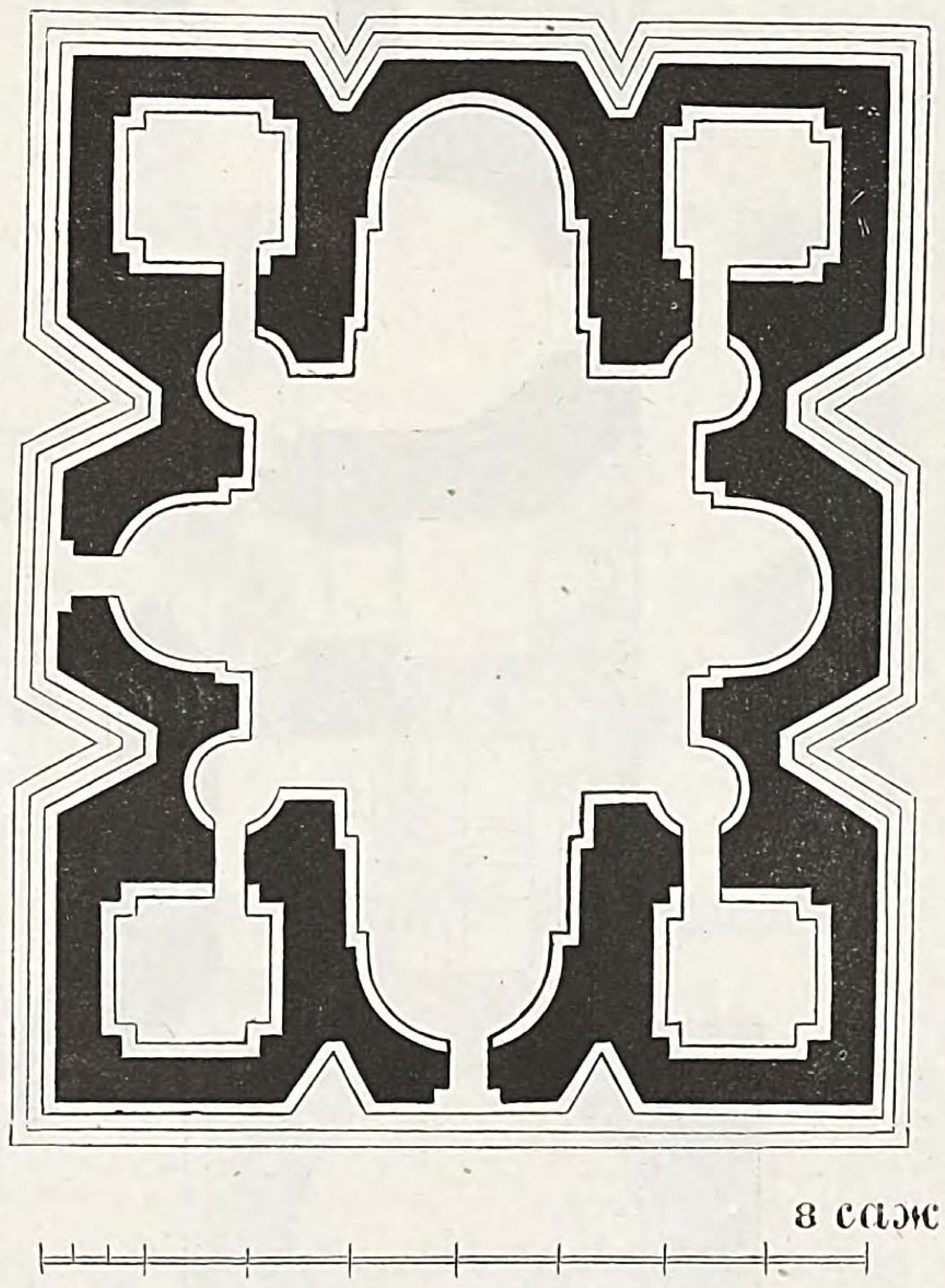

Рис. 35.

женіемъ животныхъ. Дюбуа нашелъ надъ дверью, обращенной къ югу, нѣсколько фрагментовъ стараго фриза, которые были задѣланы въ стѣну храма, и былъ пораженъ сходствомъ этихъ изваяній съ предметами, найденными въ Куль-Обской могилѣ въ Керчи: тотъ-же левъ, преслѣдующій лань или грифонъ, растерзывающій туже лань. Изваянія эти однакожъ по нашему мнѣнію не носятъ слѣдовъ столь глубокой древности и во многомъ напоминаютъ рѣзьбу на капителяхъ епархіальной церкви въ Кутаисѣ.

Всѣ эти рельефы весьма характерны но замѣчательнѣйшій изъ нихъ, по словамъ Дюбуа, поражаетъ своимъ содержаніемъ: онъ представляетъ короля или священное лицо, которое сидитъ на разукрашенномъ креслѣ и подноситъ къ губамъ большой кубокъ; на право отъ него, на складномъ, напоминающемъ древнія формы, стулѣ, другая фигура; вокругъ главной группы нѣсколько зрителей; вокругъ рама изъ

грифоновъ, волка пожирающаго человѣка и другихъ. Грифоны почти такіе же, какъ на остальныхъ рельефахъ, но стиль ваянія совсѣмъ другой: рисунокъ фигуръ лучше,

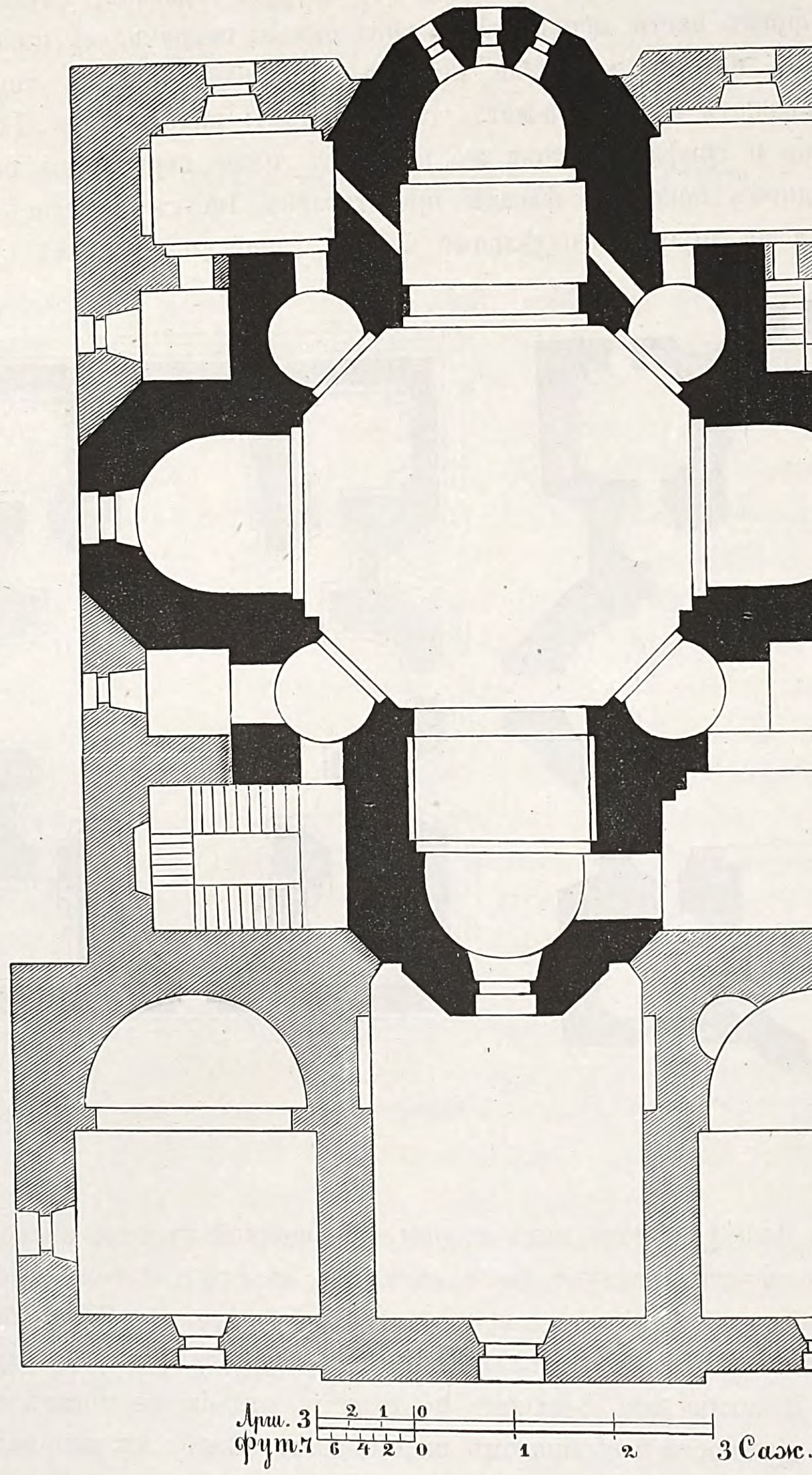

Рис. 36.

а сама рама прекрасной работы. На фасадѣ передъ входомъ декоративный портикъ. Подъ угломъ фронтона фигура Спасителя съ воздѣтой десницею, съ грузинской надписью, высѣченной прекрасными буквами въ двухъ мѣстахъ на наличникѣ большаго окна, слѣдующаго содержанія: „*я простираю свою руку къ небесамъ, я*

утверждаю (я поклянусь) правой рукой говоря: я живущій въ вѣчности". Архитекторъ, строившій церковь подобно строителю храма въ Никорцминдѣ, начерталъ между орнаментомъ и свое имя большими прекрасными буквами: „Христосъ помилуй архитектора Михаила Уплари". На карнизѣ хоръ сдѣланы кесоны, въ которыхъ изваяны двойныя фигуры святыхъ, тяжелой работы, подобно Никорцминдскимъ и рельефамъ Сіонскаго монастыря; никакой надписи, никакого намека на дату объ основаніи. Опредѣлить время постройки возможно такимъ образомъ только по аналогіи. Дюбуа причисляютъ её къ концу XI вѣка или началу XII вѣка и помѣщаетъ между постройками архіерейской церкви въ Кутаисѣ и церковью въ Никорцминдѣ, при чемъ замѣчаетъ что храмъ изъ мѣловаго известняка, желтоватаго цвѣта, какъ церкви въ Кутаисѣ, въ Гелатѣ, въ Никорцминдѣ и т. п.

Вотъ главныя историческія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Мартвили; свѣдѣнія весьма разнорѣчивыя, такъ какъ Вахуштъ и Броссе приводятъ даты его основанія и пріурочиваютъ къ X вѣку, а Дюбуа, видившій Мартвиль раньше Броссе, не находитъ ни какихъ данныхъ къ такому заключенію и только чрезъ сравненіе съ другими храмами дѣлаетъ приблизительное заключеніе о времени его сооруженія въ XI и XII вѣкѣ. Дѣйствительно, всматриваясь въ планы церквей св. Рипсимы въ Вагаршападѣ (рис. 35) и Сіонской церкви въ Атени (рис. 34), находимъ большое сходство между ними и Мартвильскимъ храмомъ (рис. 36). И тамъ и здѣсь четыре внутреннихъ полукруглыхъ выступа образуютъ главный крестъ, въ углахъ котораго находятся по полукруглой нишѣ; общія фигуры плановъ также были весьма сходны. Снятый нами планъ въ 1888 году, на первый взглядъ представляетъ снаружи фигуру нѣсколько отличную отъ первыхъ двухъ, но это несходство зависитъ отъ его позднѣйшихъ пристроекъ. Нѣтъ сомнѣнія, что было время, когда онъ былъ и снаружи той же формы какъ Рипсиме и Сіонъ. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая нашъ планъ (рис. 36) съ планомъ, показаннымъ у Дюбуа (серія III, табл. IV, фиг. 9, у насъ рис. 37), находимъ значительную разницу во внутреннихъ переходахъ и въ расположеніи западной пристройки; прибавленіе же сѣверныхъ и южныхъ кусковъ стѣнъ уничтожили бывшіе выступы и обратили сѣверный и южный фасады храма въ плоскія стѣны, образовавъ четыре небольшихъ внутреннихъ помѣщенія. При Дюбуа ихъ еще не было, а потому на планѣ, снятомъ имъ (рис. 37), они и не показаны, что даетъ намъ право вывести заключеніе, что онѣ позднѣйшія пристройки; кромѣ того, внутренній осмотръ церкви показалъ, что низъ стѣнъ въ этихъ четырехъ пристройкахъ обдѣланъ наружнымъ

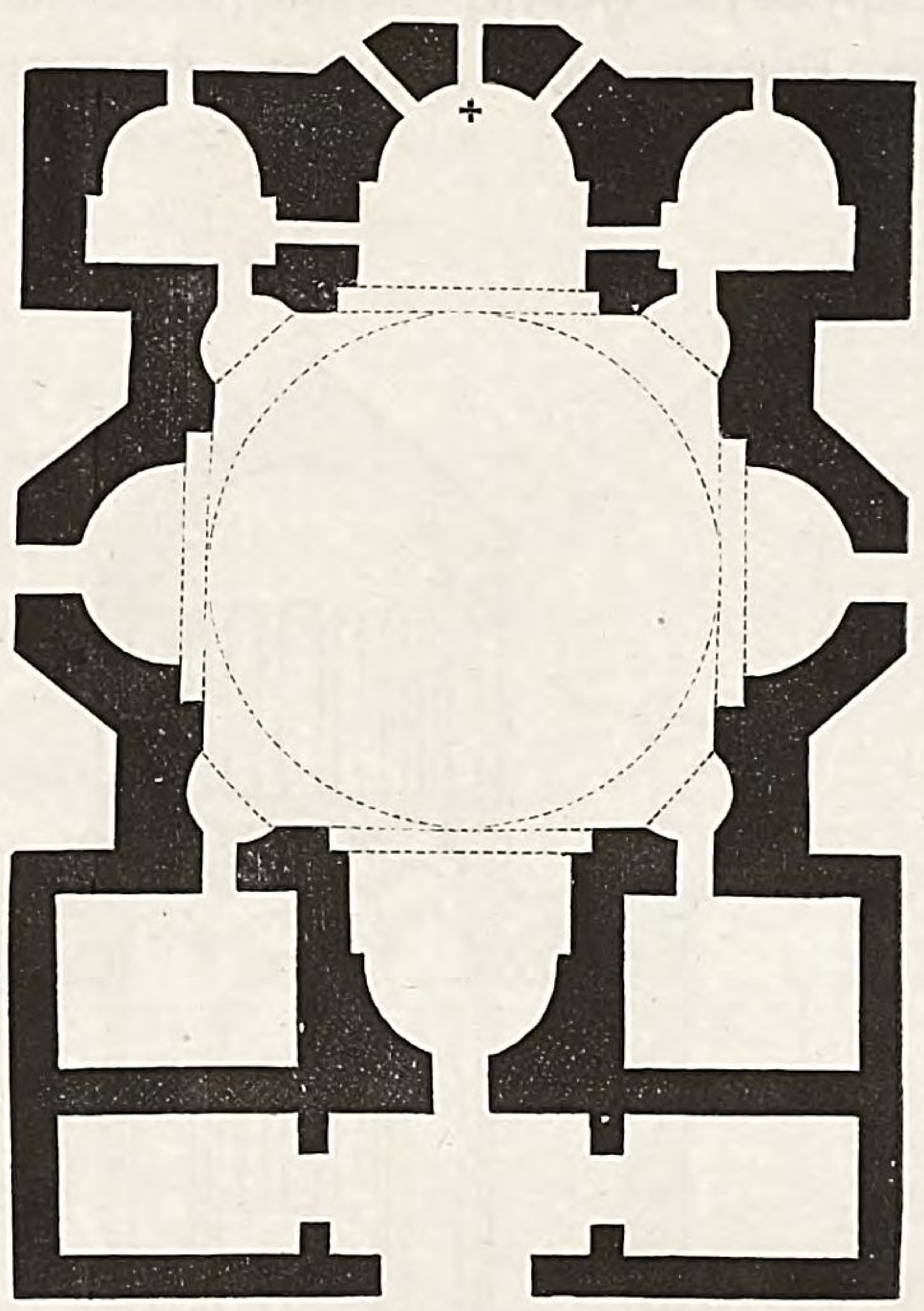

Рис. 37.

цокольнымъ профилемъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ, что они когда-то были наружными стѣнами. Западныя три пристройки, загораживающія теперь древній фасадъ церкви, конечно также произведеніе позднѣйшее, на что указываетъ, какъ ихъ наружный видъ, такъ и сохранившійся фасадъ граненаго западнаго выступа древней части храма, съ барельефомъ вверху. Выступъ этотъ нынѣ находится внутри зданія, а его барельефъ во второмъ этажѣ паперти, что, конечно, не могло быть допущено при первоначальной постройкѣ храма.

Отбросивъ всѣ эти пристройки т. е. три западныя помѣщенія, сѣверные и южные пристройки, примыкающія къ сѣверному и южному выступу, получимъ наружную фигуру плана очень похожую на планы вышеупомянутыхъ церквей въ Вагаршападѣ и Атени. Фигуры этихъ трехъ крестовыхъ плановъ такъ близки между собой, что отрицать заимствованій невозможно. Всѣ три плана конечно имѣли одинъ и тотъ же прототипъ. Принявъ же во вниманіе приведенныя историческія сказанія о Мартвильскомъ монастырѣ и сужденіе Дюбуа, должны обратить вниманіе и на угловыя его части: неправильность обработки ихъ въ планѣ, скорѣе говоритъ также въ пользу позднѣйшаго ихъ сооруженія; такъ что къ первоначальной древнѣйшей крестовой части храма, вѣроятно, принадлежитъ только то, что показано черной краской у насъ на рис. 36.

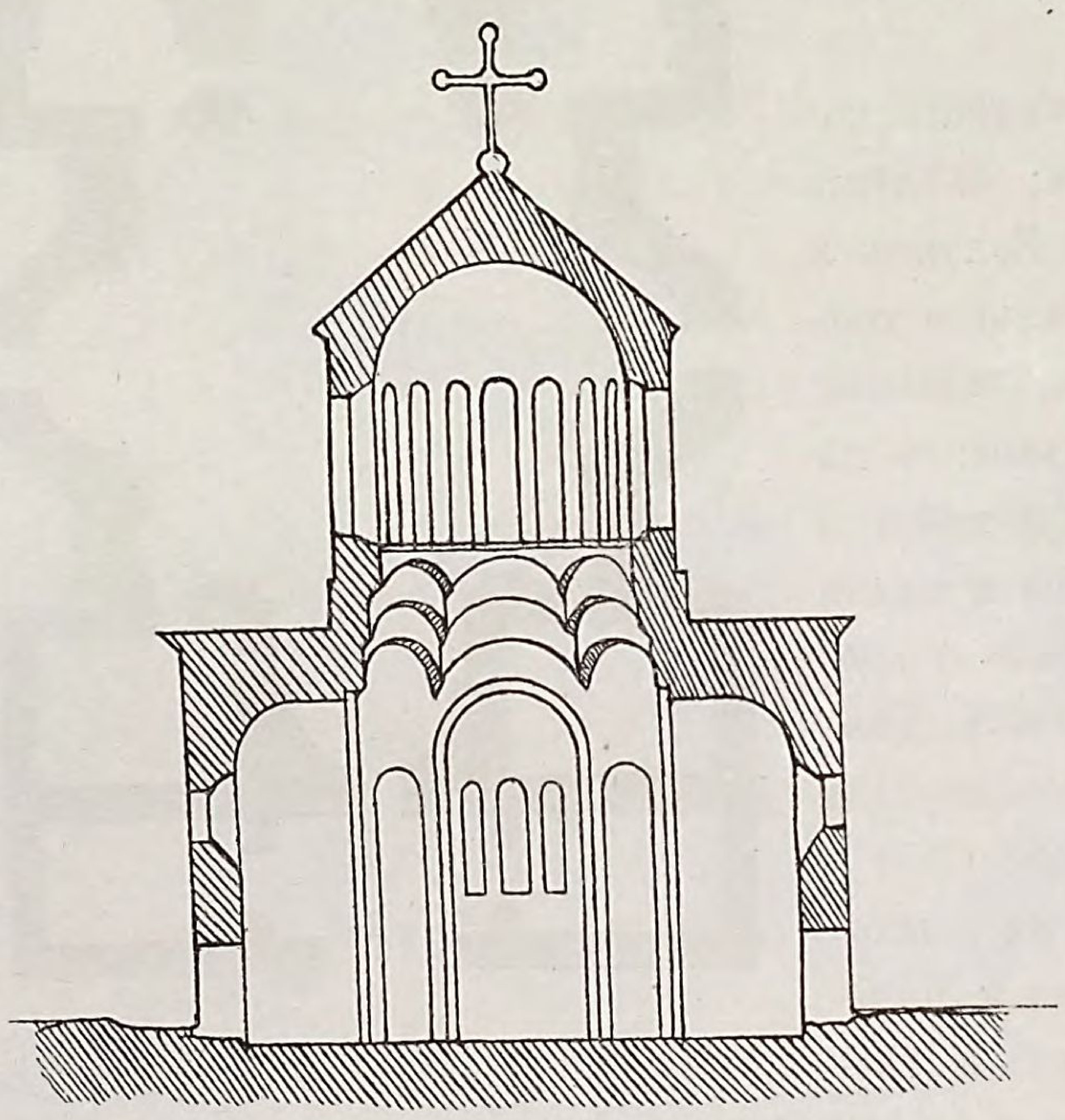

Рис. 38.

Конструкція этаго храма представляетъ немаловажный интересъ, въ особенности при переходѣ главы съ четырехъ подпружныхъ арокъ въ круглый барабанъ: паруса его представляются въ видѣ арочекъ, свѣшивающихся рядъ надъ рядомъ (рис. 38), такъ, что глава не покоится прямо на подпружныхъ аркахъ, а нѣсколько съужена и находится на вѣсу.

Конструкція перехода барабана главы съ подпружныхъ арокъ весьма интересна въ техническомъ отношеніи. Такое устройство находимъ и въ Россіи, напр. въ старой церкви села Спаскаго (нынѣ разобранной), близъ Москвы, и въ церкви села Медвѣдкова. Если смотрѣть снизу на подобную конструкцію, то всѣ пять арокъ окажутся на вѣсу, почему пріемъ этотъ на первый взглядъ кажется теоретически невозможнымъ, и противорѣчащимъ требованіямъ строительнаго искусства и законамъ строительной механики. Но тѣмъ не менѣе разъ фактъ существуетъ для него должно быть найдено и объясненіе. Подобнаго рода объясненія уже

извѣстны въ печати но онѣ не разъясняютъ достаточно представленія игры силъ, которое по нашему мнѣнію только и можетъ вполнѣ разъяснить вопросъ. Рядъ арочекъ расположенныхъ одинъ надъ другимъ какъ въ Мартвильскомъ храмѣ можетъ быть и болѣе сложнымъ, но если число арочекъ въ каждомъ ряду будетъ и болѣе восьми, то устойчивость будетъ вполнѣ возможна и объяснима.

Чтобы понять игру силъ разсмотримъ расположеніе этихъ арокъ въ планѣ, но прежде чѣмъ это сдѣлать вспомнимъ, что для устойчивости какой бы то ни было арки необходимо чтобы *кривая давленія* проходила *въ средней части арки*. При графическомъ разсчетѣ обыкновенныхъ арокъ (рис. 39) плоскость излома получается приблизительно подъ угломъ въ 52° у центра, при чемъ кривая давленія проходитъ въ вершинѣ арки черезъ верхнюю треть; а въ плоскости излома черезъ нижнее третье дѣленіе и затѣмъ идетъ по прямой (*a c*) подъ тѣмъ уклономъ, который получился при пересѣченіи плоскости излома, выражая длиной своей величину самой силы. Уклонъ кривой давленія позволяетъ въ извѣстномъ размѣрѣ безъ нарушенія устойчивости подъ пятами вынуть часть (*t*); словомъ сдѣлать именно то, что видимъ въ Мартвили, Медвѣковской церкви и друг. Сила (*a c*) по закону параллелограма разлагается на двѣ силы: горизонтальную (*ab*) (распоръ) и вертикальную (*bc*) тяжесть. Первая (распоръ) будетъ дѣйствоватъ перпендикулярно опорѣ т. е. опрокидывать, а вторая какъ тяжесть будетъ давить внизъ. Въ планѣ кривая давленія силы тяжести и распоръ выразятся прямой проходящей по срединѣ арки. Такимъ образомъ при разсмотрѣніи силъ въ горизонтальной плоскости будемъ имѣть дѣйствительную ихъ величину кромѣ вертикальной силы тяжести, стремящейся раздробить опору.

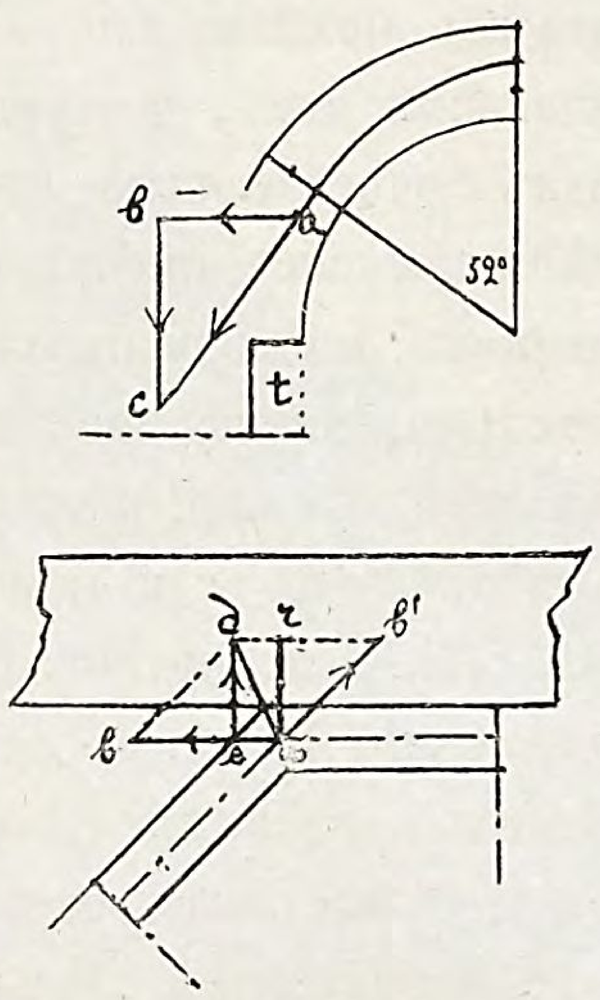

Рис. 39.

Чтобы изобразить игру силъ въ арочкахъ, поддерживающихъ барабанъ главы въ храмѣ Мартвильскаго монастыря, достаточно разсмотрѣть прилагаемый рисунокъ двухъ полуарокъ (см. рис. 39). Кривыя давленія пройдутъ по срединѣ ихъ и пересѣкутся въ точкѣ (*a*); горизонтальныя силы кривыхъ давленій выразимъ черезъ (*ab*) и (*ab'*), которыя прямо переходятъ на стѣну; чтобы соединить обѣ силы въ одну строимъ параллеограмъ, и получаемъ равнодѣйствующую (*ad*). Эту послѣднюю (*ad*) разлагаемъ посредствомъ другаго параллеограма на силы (*ae*) и (*ar*) перпендикулярную и параллельную стѣнѣ; сила *ar* будетъ опрокидывать стѣну, а сила (*ae*) разрывать. Не забудемъ при этомъ, что то же расположеніе силъ получится и съ другой стороны слѣдовательно опрокидывающихъ силъ (*ar*) будетъ двѣ и разрывающихъ (*ae*) расположенныхъ въ разныя стороны тоже двѣ.

При такомъ расположеніи арокъ, на стѣну дѣйствуютъ слѣдовательно три силы: опрокидывающая, разрывающая и раздробляющая. Устойчивость же обусловливается выступомъ т. е. шириной самихъ арочекъ въ зависимости отъ того насколько возможно вынуть часть *t*.

Подобный пріемъ сравнительно поздній; онъ часто встрѣчается въ византійскомъ и турецкомъ искусствѣ, гдѣ при подобной конструкціи устроены очень большія главы и куполы, но на Кавказѣ подобный пріемъ встрѣчаемъ весьма рѣдко, что и наводитъ на мысль о позднѣйшей передѣлкѣ главы. Соображеніе это подтверждается и нижнею частью главы (табл. XXII), которая начата въ очень изысканномъ стилѣ, (быть можетъ современномъ Кутаискому собору), и потому рѣзко отличается отъ простоты древнихъ частей храма; кончается же она гладкою многогранною призмою, которая также не вяжется съ богатствомъ нижнихъ ея частей. Такимъ образомъ невольно является заключеніе, что глава не современна храму и что она начата не въ томъ стилѣ, какъ окончена. Была-ли когда либо глава окончена въ стилѣ своего основанія и позднѣе приведена въ болѣе простой видъ, или только начата богато, пріостановлена стройкой и закончена болѣе просто — для насъ не важно; намъ интересно то, что она не современна основанію храма и слѣдовательно позднѣе его. Поэтому, если бы реставраторъ, приводя храмъ въ первоначальный видъ, отбросилъ позднѣйшія пристройки, на которыя указано выше, снялъ существующую, какъ извѣстно, уменьшеннаго діаметра главу, уничтожилъ-бы свѣшивающіяся арочки, вмѣсто нихъ поставилъ-бы болѣе простой широкій осьмигранникъ, придерживаясь фасада Сіонской церкви въ Атенскомъ ущельѣ, то получилъ-бы храмъ простыхъ древнихъ формъ, близкій по фасаду къ Атенскому и, вѣроятно къ первоначальному виду Мартвильскаго храма. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что если глава и паруса храма болѣе поздніе, то есть вѣроятіе предположить, что подпружныя арки и вообще всѣ своды тоже поздніе, то есть не современны нижнимъ стѣнамъ храма. Разъ допущены подобныя передѣлки, становятся понятными тѣ древніе фрагменты, которые Дюбуа находилъ въ стѣнахъ осмотреннаго имъ храма.

Обращаясь къ храмамъ подобнаго типа видимъ, что фасадъ храма св. Рипсиме, въ Вагаршападѣ (полагаютъ VII в.), имѣетъ тяжелый, приземистый, серьезный, покойный характеръ и отличается простой отдѣлкой; тоже самое можно сказать про церковь Хачь-Гунъ въ Узунларѣ, постройку которой относятъ къ VIII в.: стѣны его гладки, тягъ кромѣ карнизовъ никакихъ нѣтъ; подобной-же конструкціи церковь Сіонъ въ Атенскомъ ущельѣ и церковь св. Креста на высотахъ, около Мцхета, основанныя, если не раньше Баграта II, то никакъ не позднѣе XI вѣка; фасадъ этихъ церквей чрезвычайно простъ; массы ихъ распредѣлены такъ, что снаружи, по фасаду легко составить себѣ представленіе и о самомъ планѣ.

Попробуемъ, однакожъ, подробнѣе разсмотрѣть массы этихъ церквей и воспользоваться ими для уясненія вообще конструкціи и стиля, какъ самого Мартвильскаго храма, такъ и вообще церквей Кавказа. Разсматривая фасады этихъ церквей видимъ, что самая простая, скажемъ *первая основная масса* храма есть четырегранникъ, верхняя часть котораго переходитъ или въ восьмигранникъ чрезъ срѣзку четырехъ угловъ (рис. 40), или въ цилиндръ, отъ чего и получается основная фигура храма съ шатровымъ покрытіемъ, не рѣдко встрѣчающаяся на Кавказѣ, какъ наприм., часовня въ Квахрели (рис. 41), на берегу р. Куры, въ

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Церковь Мартвили близь Кутаиса.

Горійскомъ уѣздѣ, Тифлисской губерніи, гдѣ глава круглая. Если глава восьмигранная то ея четыре грани составляетъ продолженіе стѣнъ нижняго четырегранника (рис. 41), а потому карнизы подъ четырьмя крышами, покрывающими срѣзанные углы четырегранника не опоясываютъ зданіе непрерывной тягой, но съ сѣвера, юга, востока и запада образуютъ *разрывы*, равные ширинѣ граней главы (рис. 41). Изъ вышесказаннаго заключаемъ, что на Кавказѣ не существовало

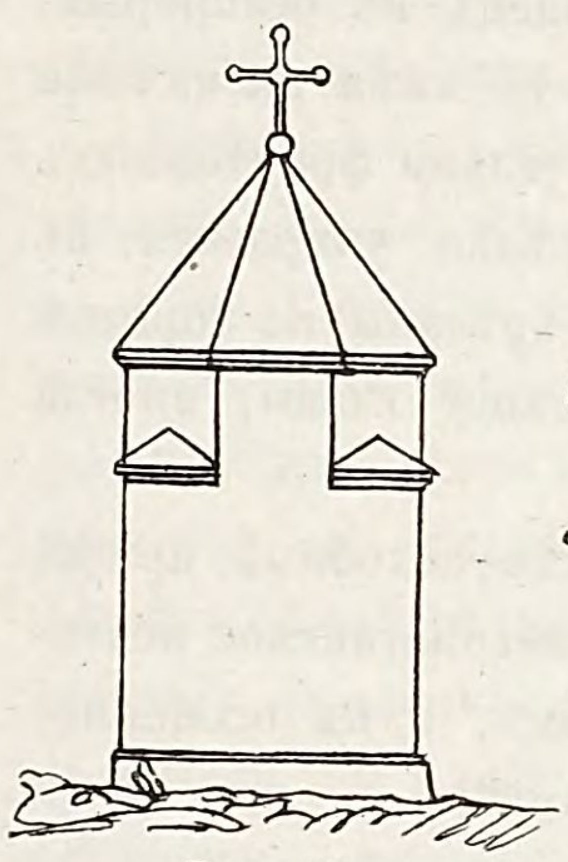

Рис. 40.

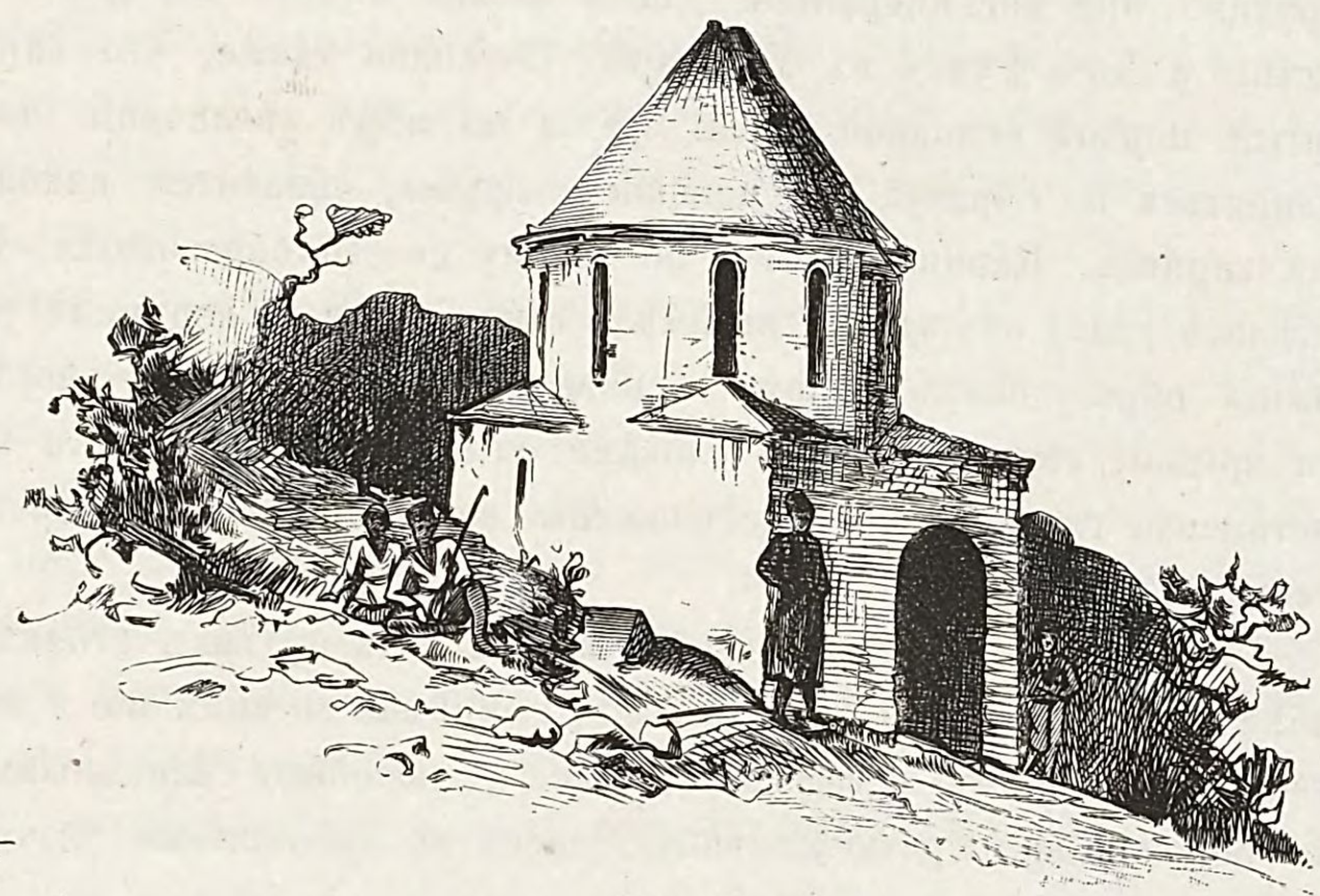

Рис. 41.

первоначально правила отдѣлять главу отъ зданія особымъ поясомъ или тягою. Внутри же подобныя постройки имѣютъ для поддержанія четырехъ висящихъ стѣнъ главы ниши вмѣсто парусовъ.

При болѣе сложныхъ зданіяхъ, въ полученную такимъ образомъ *первую основную фигуру* врѣзываютъ крестъ, концы котораго внутри въ планѣ образуютъ полукруглые выступы, а снаружи граненые.

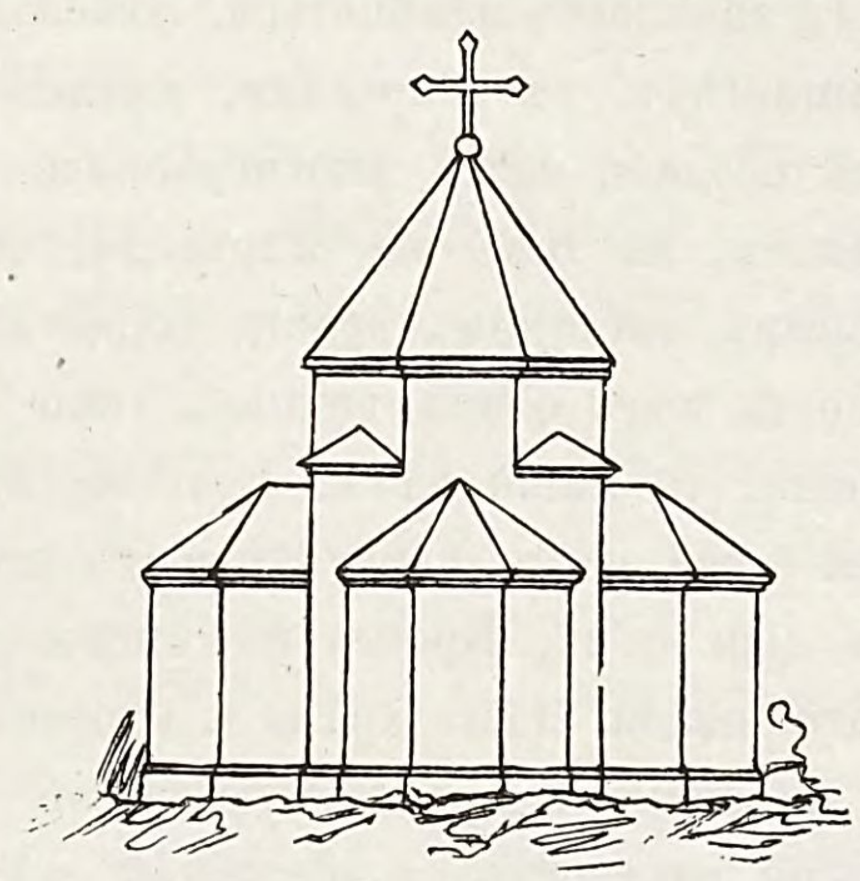

Рис. 42.

Полученная такимъ образомъ болѣе сложная фигура (рис. 42), которую назовемъ *второй основной массой*, легко переобразуется въ различные виды кавказскихъ церквей: такъ, при увеличеніи угловыхъ нишъ планъ будетъ приближаться къ круглому, какъ, наприм., въ базарной церкви Ани, Сурбъ Григоръ *), а при уширеніи выступовъ въ планѣ угловыя внутреннія ниши уменьшаются; такимъ образомъ когда ширина выступовъ будетъ равна ширинѣ главы внутреннія угловыя ниши совершенно пропадутъ и получится болѣе простой, обыкновенный планъ крестовой церкви, при чемъ концы креста обыкновенно

*) См. Гриммъ. Памятники византійской архит., табл. 7 (е).

дѣлаются уже, не граненые, а прямоугольные, и въ фасадѣ кроются фронтонами. Фронтонныя крыши врѣзываются угломъ въ первую основную массу зданія на разной высотѣ, такъ какъ они не зависятъ отъ карнизовъ, образующихъ разрывы подъ крышами срѣзанныхъ угловъ первой основной массы. Слѣдовательно, фронтоны, врѣзываясь въ гладь первой основной массы, могутъ быть выше горизонтальныхъ карнизовъ перекрытыхъ угловъ или ниже ихъ. Подобную конструкцію при восьмигранной главѣ можно видѣть на древней церкви св. Маріамны и Хачь-Гунтъ въ Узунларѣ. Очевидно также, что карнизъ угловыхъ покрытій первой основной массы зданія по мѣрѣ увеличенія числа граней будетъ удлиняться и, образуя все меньшіе разрывы, обратится наконецъ въ безпрерывный карнизъ. Карнизъ этотъ, по закону своего образованія, не имѣя назначенія отдѣлить главу отъ зданія, не имѣлъ также связи съ верхними углами фронтонныхъ крышъ образующихъ вторую основную массу и потому нерѣдко упирается въ эти крыши; говоря другими словами: углы фронтоновъ часто врѣзаны въ карнизъ постамента главы, т. е. расположены вершиной выше основанія главы, иногда весьма значительно.

Такова особенность церквей Кавказа. Въ другихъ стиляхъ подобный пріемъ избѣгаютъ, что можно даже сказать, принимая во вниманіе и магометанское искусство, въ которомъ встрѣчаются массы, подобныя кавказскимъ, и въ особенности похожія на первую основную массу со срѣзанными углами.

Теперь считаемъ не лишнимъ представить ходъ видоизмѣненій въ планахъ и фасадахъ кавказскихъ церквей, какими они намъ представляются. Мы брали за основаніе крестовый планъ и считали его принадлежащимъ къ древнѣйшему типу кавказскихъ храмовыхъ построекъ. Съ появленіемъ же угловыхъ пристроекъ фасадъ начинаетъ измѣняться. Низенькія и болѣе высокія пристройки въ углахъ, какъ, напримѣръ, въ Мартвили, имѣютъ съ каждаго фасада храма покрытія отдѣльныя отъ средней части многограннаго крестоваго выступа; но пристройки эти, какъ видимъ, въ томъ же Мартвили, съ восточной стороны при соединеніи съ граненымъ выступомъ креста образуютъ откосъ какъ бы для ниши, сверху кроются иногда подъ одинъ карнизъ, при чемъ если карнизъ сохраняетъ очертанія линій плана, то ниши нѣтъ. Если же наружныя стѣны угловыхъ пристроекъ въ верхней своей части перекидываютъ арочки на крестовый выступъ, какъ, напримѣръ, въ церкви св. Креста и Рипсиме, то линія карниза отступаетъ отъ линіи нижняго плана стѣнъ храма и кроется по прямой линіи, что образуетъ нишу, хотя и не совсѣмъ правильную. Если же стѣны угловыхъ пристроекъ находятся въ одной плоскости съ восточной стѣной средняго граненаго выступа креста, то при соединеніи средней части крестоваго выступа съ угловыми частями, перекинутыя арочки подъ карнизомъ обращаются часто въ коническіе сводики, и такимъ образомъ получаются тѣ ниши, которыя, какъ извѣстно, играютъ такую огромную роль въ фасадахъ церковныхъ зданій Кавказа, уже не съ одной восточной стороны, а со всѣхъ. При этомъ наклонныя крыши угловыхъ пристроекъ, встрѣчаясь съ

крышами крестовыхъ выступовъ, образуютъ общее покрытіе на два ската, т. е. фронтонъ.

Дюбуа полагаетъ, что храмъ Мартвильскаго монастыря былъ основанъ на мѣстѣ какого-то храма, болѣе древняго чѣмъ самое христіанство. „Не видимъ ли мы того же во всѣхъ странахъ міра, говоритъ Дюбуа; первыя церкви въ Литвѣ, не были-ли основаны на тепломъ еще пеплѣ отъ огня Перкуна; въ Россіи и Арменіи не дѣлалось-ли то же самое; Пантеонъ въ Римѣ, не сталъ-ли онъ храмомъ всѣхъ святыхъ. Какое христіанство сохранилось чистымъ и не вмѣстило въ себя древней религіи тѣхъ странъ, въ которыхъ оно проповѣдовалось; сколько разъ христіане, не смотря на свою ревность къ вѣрѣ были вынуждены терпѣть соблюденіе древнихъ праздниковъ и пр.?“

Какъ бы въ подтвержденіе подобнаго мнѣнія близъ Мартвилскаго храма стоитъ древняя башня, которую называютъ колокольней и о которой существуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ преданіе, что она служила мѣстопребываніемъ столбнику, давшему обѣдъ Богу никогда не спускаться на землю. Башня четыреугольная, очень простой формы; она имѣетъ остатки украшеній, сходныя съ подобными же украшеніями въ церквахъ въ Никорцминдѣ, Энирабатѣ и Кутаискомъ соборѣ, принадлежащихъ XI вѣку. Всматриваясь ближе, мы готовы однакожъ отнести башню эту къ болѣе раннему времени; она весьма проста по композиціи, а орнаменты, украшающіе ее только съ одной стороны по карнизу и вокругъ арки, по своей густотѣ и богатству нарушаютъ ея покойный характеръ и не вяжутся съ общимъ характеромъ всего зданія; украшенія эти похожи на низъ главы храма и могли быть сдѣланы въ одно время съ ними при передѣлкѣ зданія, основаніе котораго, какъ видѣли выше, можемъ отнести къ глубокой древности. Для сообщенія со столбникомъ къ башнѣ подставлялась длинная деревянная лѣстница, которую называли лѣстницей Іакова. „Каждый часъ дня, говоритъ Дюбуа, было видно поднимающихся и спускающихся богомольцевъ, которые посѣщали старца, чтобы принять его благословеніе“.

Мы, видимо, имѣемъ здѣсь дѣло съ сказаніемъ, подобнымъ тому, которое находимъ у Кирилла Туровскаго: *) „По се^{м} блжньи, на бо^{л}шия по^{д}виги желая, в сто^{л}пъ вше^{д} за^{т}вори^{с}, и ту пребы^{с}ть нѣколико время, постомъ и молитва^{ми} паче тружаяся і многи бж^{с}тве^{н}ная писанія и^{з}ложи^{в}“.

Столпничество, конечно, имѣетъ восточное начало. Въ Сиріи представителями столпничества были Симеонъ Столпникъ и Симеонъ Дивногорецъ **). Появленіе ихъ тѣсно связано съ такъ называемымъ культомъ высотъ. Въ древности на высотахъ воздвигались алтари и капища, а впослѣдствіи высокій каменный конусъ сталъ символомъ святости. Очень можетъ быть, что отъ этого конуса происходятъ не только всѣ коническія церковныя покрытія, но вообще всѣ шатровыя. Культъ высотъ посвящавшійся у Евреевъ и Израильтянъ собственно Іеговѣ, часто превращался въ идолослуженіе, что особенно замѣтно у Хананеевъ и Ассиріянъ.

*) Рукописи графа А. Уварова. С.-Петербургъ. 1858 г., т. II, 1-я Кирилла Туровскаго.

**) О происхожденіи и составѣ Славяно-русскаго печатнаго пролога (иноземные источники). Петрова. Кіевъ 1875 г.

Христіанскіе подвижники въ Сиріи и Палестинѣ, конечно, не могли быть равнодушными зрителями этого языческаго культа, и вѣроятно старались прекратить дальнѣйшее его существованіе, замѣнивъ его вѣрой въ истиннаго Бога. Съ этою цѣлью они поселялись на мѣстахъ священныхъ въ глазахъ язычниковъ, занимали ущелья и высоты горъ, жили здѣсь въ оградахъ безъ покрова или на столпахъ, напоминавшихъ собой языческія священныя мѣста и жертвенники. Это подтверждается боголюбивой исторіей Θеодорита и др. о подвигахъ нѣкоторыхъ преподобныхъ отцевъ, обитавшихъ близь языческихъ капищь. Такъ, преподобный Миронъ жилъ на верху горы, почитаемой нечестивцами, преподобный Θалалей жилъ въ могилѣ близь капища бѣсовскаго, Маркіанъ Кирскій убилъ молитвою какого-то миθическаго змѣя, преподобный Авраамій поселился на Ливанской горѣ, гдѣ его оскорбляли злочестивцы, но онъ своими добродѣтелями и подвигами достигъ того, что обратилъ язычниковъ въ христіанство и былъ святителемъ въ храмѣ, который они построили *).

Если преданіе справедливо и башня Мартвильскаго монастыря была столпомъ гдѣ жилъ святой, то едва-ли она, носящая теперь названіе колокольни, когда-либо предназначалась для этой цѣли. Колокола служили обыкновенно для призыва богомольцевъ и потому вѣшались въ открытыхъ мѣстахъ или въ аркахъ, чтобы звукъ могъ безпрепятственно расходиться во всѣ стороны; на этой же башнѣ никакихъ подобныхъ приспособленій нѣтъ. Кромѣ того, извѣстно, что древнѣйшій призывъ къ богослуженію, производился не звономъ колоколовъ, а ударами въ било, указаніе на существованіе которыхъ появляется уже въ V и VI вѣкахъ (билъ малыхъ и великихъ, деревянныхъ и желѣзныхъ, а позднѣе и мѣдныхъ). Деревянное било состояло изъ доски, повѣшенной на веревкѣ, въ которую били молоткомъ или колотушкой; иногда деревянному билу придавали форму дуги и для звука придѣлывали особыя пружины, какъ это было напр. въ Іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія Христова. Желѣзныя била дѣлались въ видѣ изогнутой полосы желѣза и вѣшались тоже на веревкѣ; удары по разнымъ мѣстамъ била давали возможность извлекать изъ него различные по тону звуки и такимъ образомъ производить родъ музыки. У Торнестора находимъ рисунокъ сучковатаго дерева на которомъ повѣшены два била. По свидѣтельству же Алляція и Гоара била обыкновенно вѣшались у входныхъ дверей храма; но въ такъ называемой колокольнѣ Мартвильскаго монастыря нѣтъ даже мѣста гдѣ бы возможно было его повѣсить. Колокола при церквахъ явились сравнительно поздно, и употребленіе ихъ при богослуженіи возникло на западѣ. Являясь впервые въ VIII вѣкѣ, они входятъ во всеообщее употребленіе только въ слѣдующемъ столѣтіи. Древнѣйшія колокола были малы и далеко не совершенны; изготовлялись они изъ жести и листоваго желѣза; болѣе крупные изъ нихъ являются въ XI и XII столѣтіи, а такіе, вѣсъ которыхъ доходилъ до сотни пудовъ стали отливать не ранѣе XV столѣтія **).

*) Боголюбивая исторія Θеодора Кирскаго; глава 17 и проч.

**) См. мою статью архитектура въ Россіи. „Домонгольскій періодъ“. Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ. 1888 г.

И такъ принимая во вниманіе значительную древность башни въ Мартвильскомъ монастырѣ, а также и многія другія подобныя ей, мы не можемъ приписать имъ значеніе колоколень. Эти каменныя башни иногда въ нѣсколько этажей, раздѣлены сводами. Этажи не имѣя между собою сообщеній, конечно, не были ни колокольнями, ни бильницами, а имѣли какое-либо другое назначеніе. Можетъ быть они въ самомъ дѣлѣ и служили пріютомъ подвижниковъ и назывались столпами, какъ на то указываетъ преданіе связанное съ Мартвильскою башнею.

Батумская область.

МАМА-ЦМИНДА.

Развалины церкви Мама-цминда (означаетъ отецъ святой), расположены на высотѣ 3400 футовъ надъ уровнемъ моря и лежатъ на крутомъ склонѣ горы (табл. XXIII). Планъ ея (табл. XXIV) весьма простъ и состоитъ изъ двухъ частей: собственно церкви и пристройки съ западной части — нѣчто въ родѣ паперти. Она имѣетъ очень высокую главу, съ четырьмя окнами, для установки которой понадобились тѣ два столба, которые приставлены внутри къ сѣверной и южной стѣнамъ, вѣроятно для того чтобы перекинутые на нихъ арки имѣли достаточную опору. На этихъ аркахъ покоятся паруса, которые и служатъ основаніемъ круглой главы съ сравнительно высокой шеей (см. на табл. XXIV поперечный разрѣзъ). Съ сѣвера, юга и востока церковь имѣетъ по окну. Надъ дверью западной стѣны имѣется также окно, но оно закрыто папертью, что доказываетъ позднѣйшую пристройку послѣдней. Фасадъ церкви сильно пострадалъ отъ времени, но формы его угадать и возстановить легко; облицованъ онъ тесанымъ камнемъ; карнизы и тяги его очень просты. Внутренность когда-то была расписана и слѣды фресокъ видны до сихъ поръ: въ куполѣ изображенъ Спаситель; у основанія главы, подъ окнами, поясъ изъ круговъ, съ головными изображеніями святыхъ; на парусахъ замѣтны слѣды евангелистовъ; между ними съ сѣвера и юга, помѣщены еще другія поясныя фигуры; стѣны обрамлены красными каемками, отдѣляющими изображенія одинъ отъ другаго; въ самомъ верху замѣтны также нѣкоторые слѣды изображеній и вертикальныхъ надписей, такъ напр. на западной стѣнѣ Распятіе, и нѣсколько другихъ фигуръ и ликовъ, части архитектурныхъ зданій и орнаментовъ. Нижняя часть церкви совершенно лишена штукатурки и не имѣетъ никакихъ слѣдовъ живописи. Воспроизведенный нами орнаментъ на табл. XXIV находится на сѣверной щекѣ малой арки. По формѣ своей онъ напоминаетъ орнаменты встрѣчаемые въ армянскихъ рукописяхъ XVI вѣка, что-же касается до характера всей росписи этой церкви, то нельзя не прійти къ убѣжденію, что она сравнительно весьма пло-

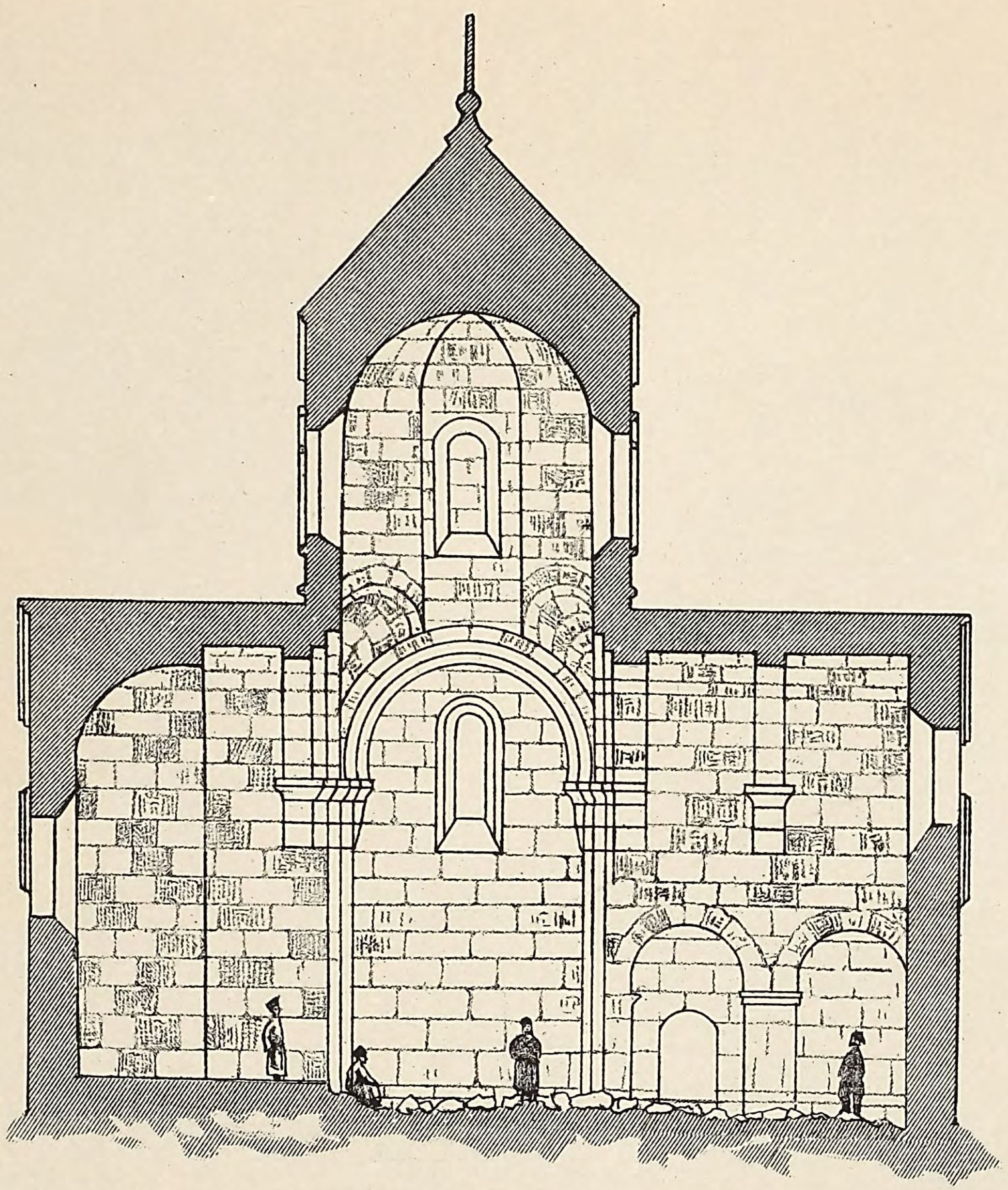
Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Церковь въ Мама-Цминдѣ.

Табл. XXIV.

ЦЕРКОВЬ ВЪ ПОРТѢ.

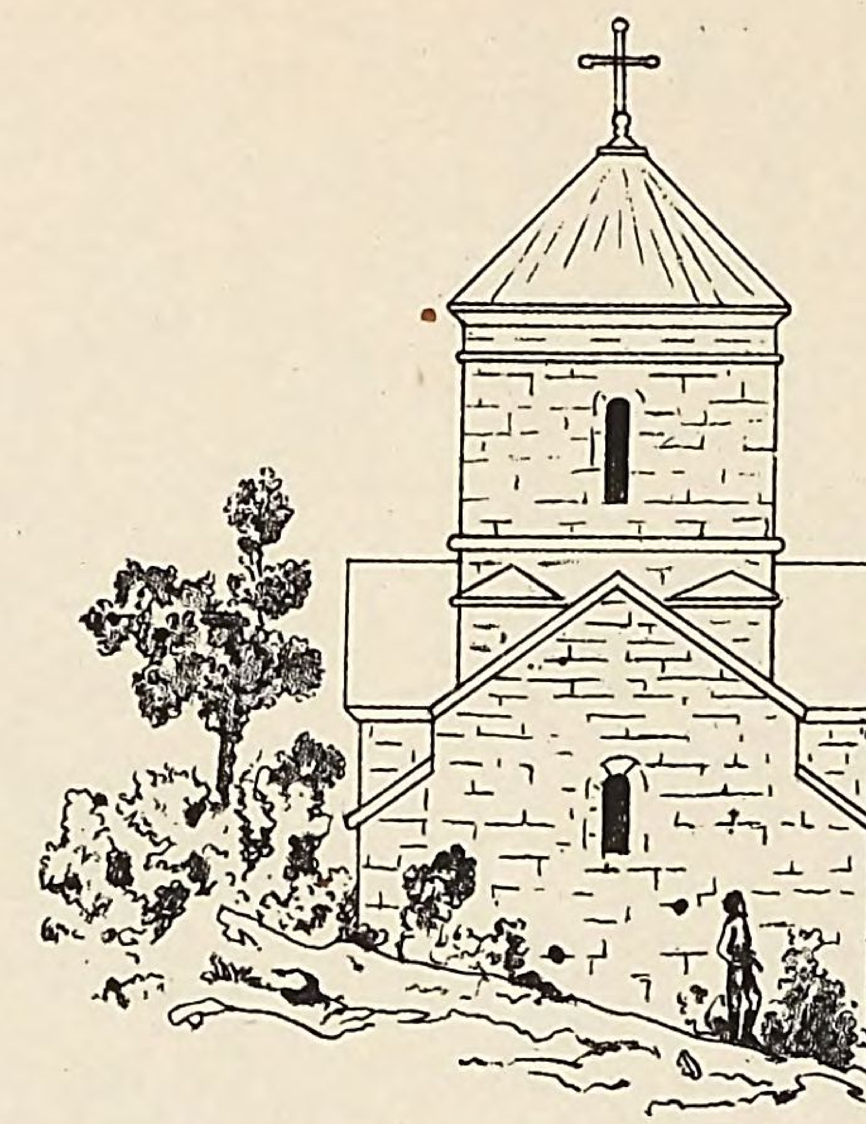
Разрѣзъ по А—В.

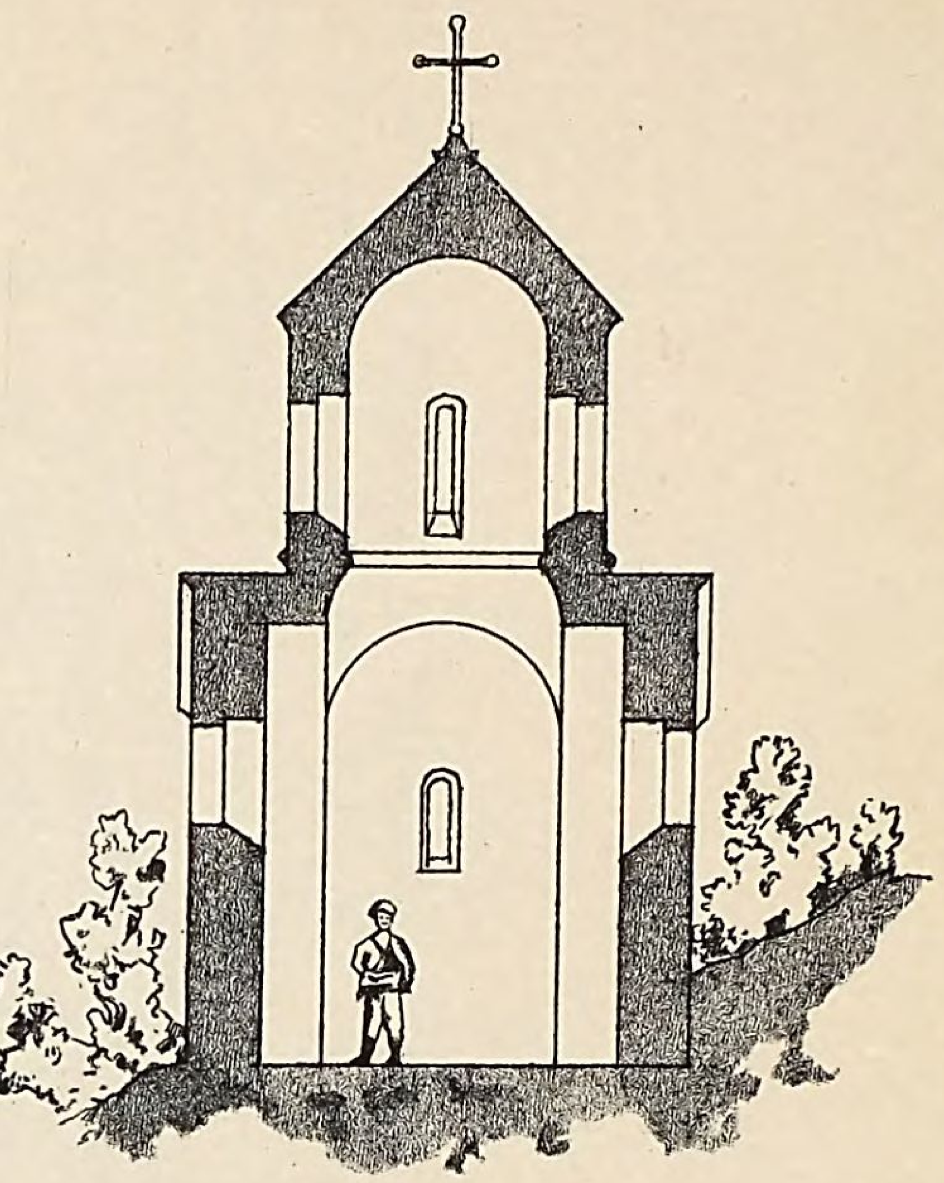
Арш. 3 2 1 0 1 1 2 Саж.

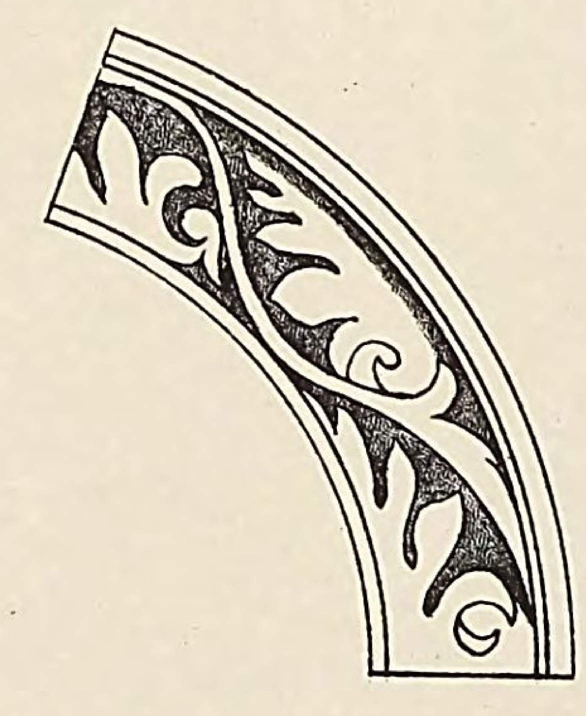
ЦЕРКОВЬ МАМА-ЦМИНДА.

Восточный фасадъ.

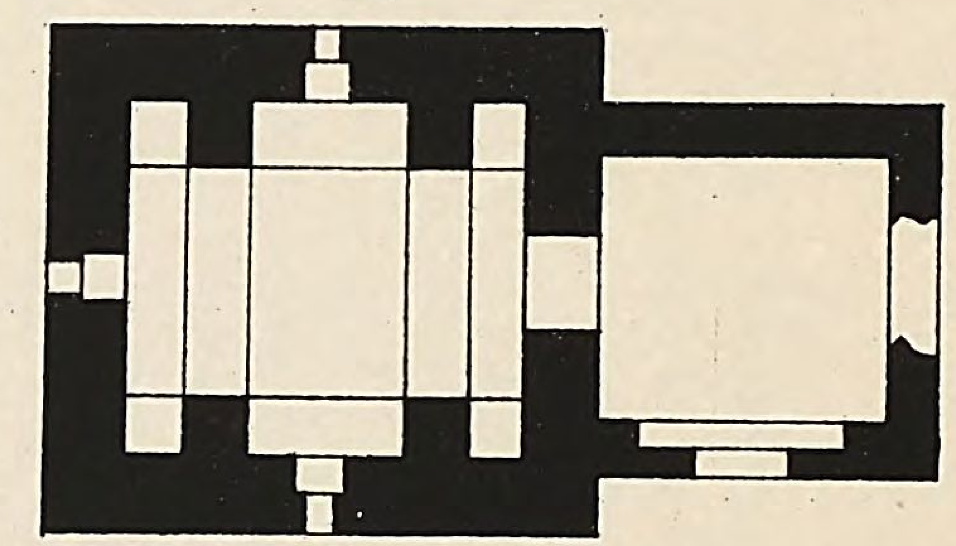

Разрѣзъ по А—В.

В.

А.

Арш. 3 2 1 0 1 2 Саж.

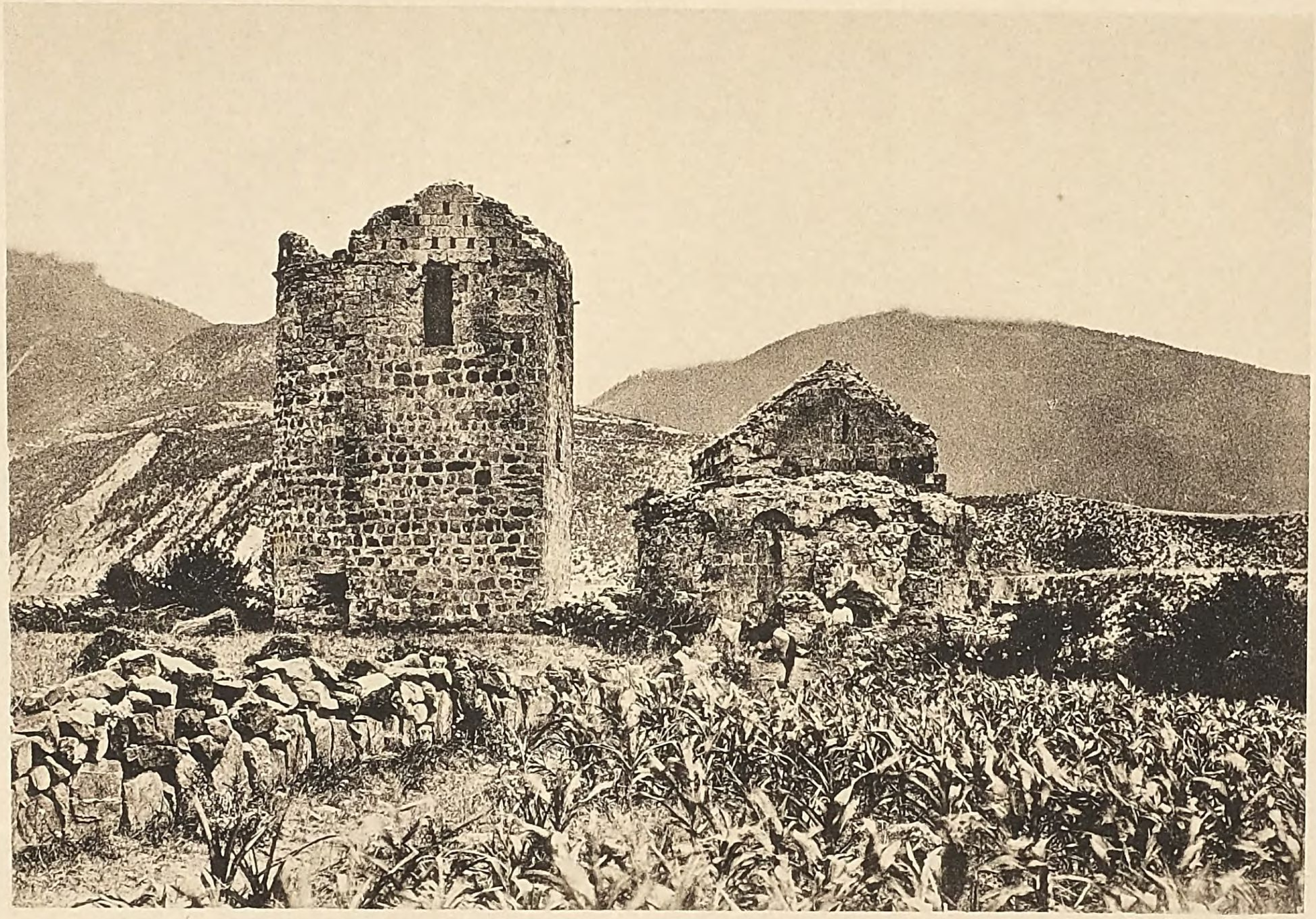
хой кисти и небрежнаго исполненія. Сохранившіяся на стѣнахъ надписи вѣроятно написаны древнимъ шрифтомъ, хуцури, такъ какъ бывшіе со мной грузины не могли ихъ разобрать. Признаковъ иконостаса въ церкви нѣтъ. Касательно времени къ которому возможно было-бы отнести построеніе этой церкви — нѣтъ никакихъ указаній. Форма ея плана безъ алтарныхъ выступовъ указываетъ на ея сравнительно позднее происхожденіе, когда въ кавказкихъ церквахъ перестали дѣлать алтарные выступы. Слишкомъ длинная шея главы, какъ принадлежность сравнительно позднихъ церквей тоже не позволяетъ придать ей большую древность. Если же при всемъ этомъ принять во вниманіе внутреннюю роспись (которая конечно можетъ быть и не современна постройкѣ храма), и стиль тѣхъ архитектурныхъ зданій, которыя находимъ среди этой росписи, то не можемъ не прійти къ убѣжденію, что церковь сравнительно не очень древняя и принадлежитъ вѣроятно къ постройкамъ XVI вѣка.

СВЕТИ.

Въ мѣстечкѣ Свети, расположенномъ въ шести верстахъ отъ г. Артвина, находятся развалины нѣкогда укрѣпленной церкви, которую называютъ Килиса-Каписи (Килиса значитъ церковь, Каписи дверь). Историческихъ свѣдѣній про эту церковь мы никакихъ не имѣемъ и не смотря на то, что церковь эта стоитъ на видномъ мѣстѣ близь дороги въ Артвинъ, въ описаніяхъ Кавказа ее нигдѣ не встрѣчаемъ. Названіе Свети (т. е. столбъ) на Кавказѣ встрѣчается нѣсколько разъ. Вахуштъ указываетъ на подобныя сооруженія въ Сванетіи, Имеретіи и въ Картли, но про Свети, о которомъ идетъ рѣчь, не говоритъ ни слова. Казбекъ въ своемъ сочиненіи „Три мѣсяца въ Турецкой Грузіи“ *), оканчивая описаніе Тбетскаго храма (стр. 55), указываетъ на развалины, находящіяся къ сѣверу отъ Тбета и выражаетъ только предположеніе, что это можетъ быть древній городъ Тухариси или крѣпость Свети, построенная епископомъ Саввой. Епископъ Савва жилъ въ началѣ XI вѣка въ Тбетѣ и завѣдывалъ паствой всего Шавшета; въ началѣ XI вѣка, когда подъ вліяніемъ императорской политики подданные оставили царя Баграта IV и перешли на сторону Византіи, епископъ Савва остался приверженцемъ Баграта и приложилъ все свое стараніе къ защитѣ страны противъ иноземнаго порабощенія; въ своей епархіи онъ укрѣпилъ церкви и замки и съ успѣхомъ отражалъ всѣ покушенія Грековъ; церковь въ Свети тоже была укрѣплена въ это время и служила оборонительнымъ пунктомъ для Шавшета. Вахуштъ, описывая Шавшетъ, указываетъ на его границы, которыя близко подходятъ къ Артвину и Чороху (стр. 115), говоритъ: „съ юга Шавшетъ граничитъ скалой, которая, какъ стѣна, отдѣляетъ Ардануч отъ Шавшета и идетъ на западъ отъ горы Арсіанъ почти до Чороха (къ Артвину). На эту скалу есть дорога, похожая на *дверь*, единственная, чрезъ которую можно пройти“ и т. д. Изъ этого описанія видно, что епископія Саввы доходила до Артвина; *дверь* же, о которой говоритъ Вахуштъ, можетъ быть именно Свети, такъ какъ церковь въ Свети и до сихъ поръ слыветъ подъ названіемъ Килиса-Каписи. И могла своими укрѣпленіями (табл. XXV) служить препятствіемъ или входною дверью въ Шавшетъ и быть той цитаделью, которую, какъ выше сказано, епископъ Савва воздвигъ у входа въ Шавшетъ. Церковь эта безъ купола, имѣетъ оригинальный планъ и фасадъ; внутренній планъ ея представ-

*) Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, книжка X. Тифлисъ, 1876 г.

Табл. XXV.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Развалины церкви въ Свети.

ляетъ прямоугольникъ, почти квадратной формы (табл. XXVI), къ которому со всѣхъ сторонъ прилегаютъ полукруги, такъ что фигура пола церкви образуетъ крестъ, между тѣмъ какъ наружная фигура стѣнъ является въ видѣ многогранника обдѣланнаго черезъ грань нишами. Внутренность покрыта коробовымъ сводомъ, идущимъ съ сѣвера на югъ (см. поперечный разрѣзъ табл. XXVI и продольной табл. XXVII). Стѣны этого свода на фасадѣ возвышаются надъ боковыми покрытіями многогранника и выходятъ фронтонами на западъ и востокъ (табл. XXVII). Въ промежуткахъ стѣнъ, какъ видно по плану (таб. XXVI), находятся небольшія помѣщенія, которыя выходятъ внутрь храма небольшими отверстіями. Какое назначеніе имѣли эти помѣщенія неизвѣстно, но едвали они сдѣланы для сохраненія матеріала; вѣроятнѣе всего они играли роль тайниковъ, въ которые можно было спрятать въ случаѣ нужды цѣнныя вещи. Алтарь находится на возвышеніи съ частью каменной алтарной преграды, какъ видно по разрѣзамъ; къ несчастію остатки этой преграды непозволяютъ сдѣлать какого либо заключенія о ея первоначальной формѣ. Въ церковь было два входа съ запада и юга; около этихъ входовъ находятся развалины какихъ-то стѣнъ и фундаментовъ, идущихъ по разнымъ направленіямъ: вѣроятно остатокъ оборонительныхъ построекъ. Храмъ видимо былъ расписанъ, но отъ росписи этой остался только крестъ краснаго цвѣта съ чернымъ ободкомъ. Внутри храмъ мѣстами закопченъ, какъ говорятъ, отъ бывшаго въ немъ пожара, но вѣроятнѣе отъ костровъ, раскладываемыхъ мѣстными жителями во время празднествъ, когда они собираются въ самую церковь, приносятъ съ собой куръ и барановъ, тамъ-же ихъ рѣжутъ, жарятъ и съѣдаютъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ храма стоитъ башня (табл. XXV) въ видѣ четырегранника съ полукруглой пристройкой на сѣверъ (планъ ея показанъ на табл. XXVI подъ разрѣзомъ). Входа въ башню нигдѣ нѣтъ, но съ юга, въ самомъ низу, въ стѣнѣ проломано небольшое отверстіе, чрезъ которое видно, что внутренность башни раздѣлена сводами на нѣсколько этажей. Подобное устройство зданія оставляетъ насъ въ недоумѣніи относительно его назначенія. Можетъ быть она подобно башни въ Мартвильскомъ монастырѣ, служила также убѣжищемъ какому-нибудь отшельнику, что и подтвердило бы и самое названіе Свети —столпъ.

Храмъ въ Свети по плану имѣетъ нѣкоторое сходство съ другими церквами Кавказа; тоже сходство можно найти и въ пріемахъ расположенія массъ. На этомъ основаніи приступая къ его реставраціи, разсмотримъ нѣкоторые изъ сходныхъ съ нимъ церквей напримѣръ Катцскій монастырь въ Имеретіи *), постройку котораго приписываютъ Баграду IV-му (1027 — 1072), тому самому, который воевалъ съ Греками и въ защиту котораго, какъ сказано выше, возсталъ епископъ Савва. Планъ Катцскаго монастыря представляетъ тоже видъ многогранника, съ пристройкой передъ входными дверьми съ сѣвера, запада и юга, какъ въ Свети **), которая вѣроятно здѣсь служила предвходной галлереей, пригодной на случай обороны. Фасадъ Катцскаго храма во многомъ отличается

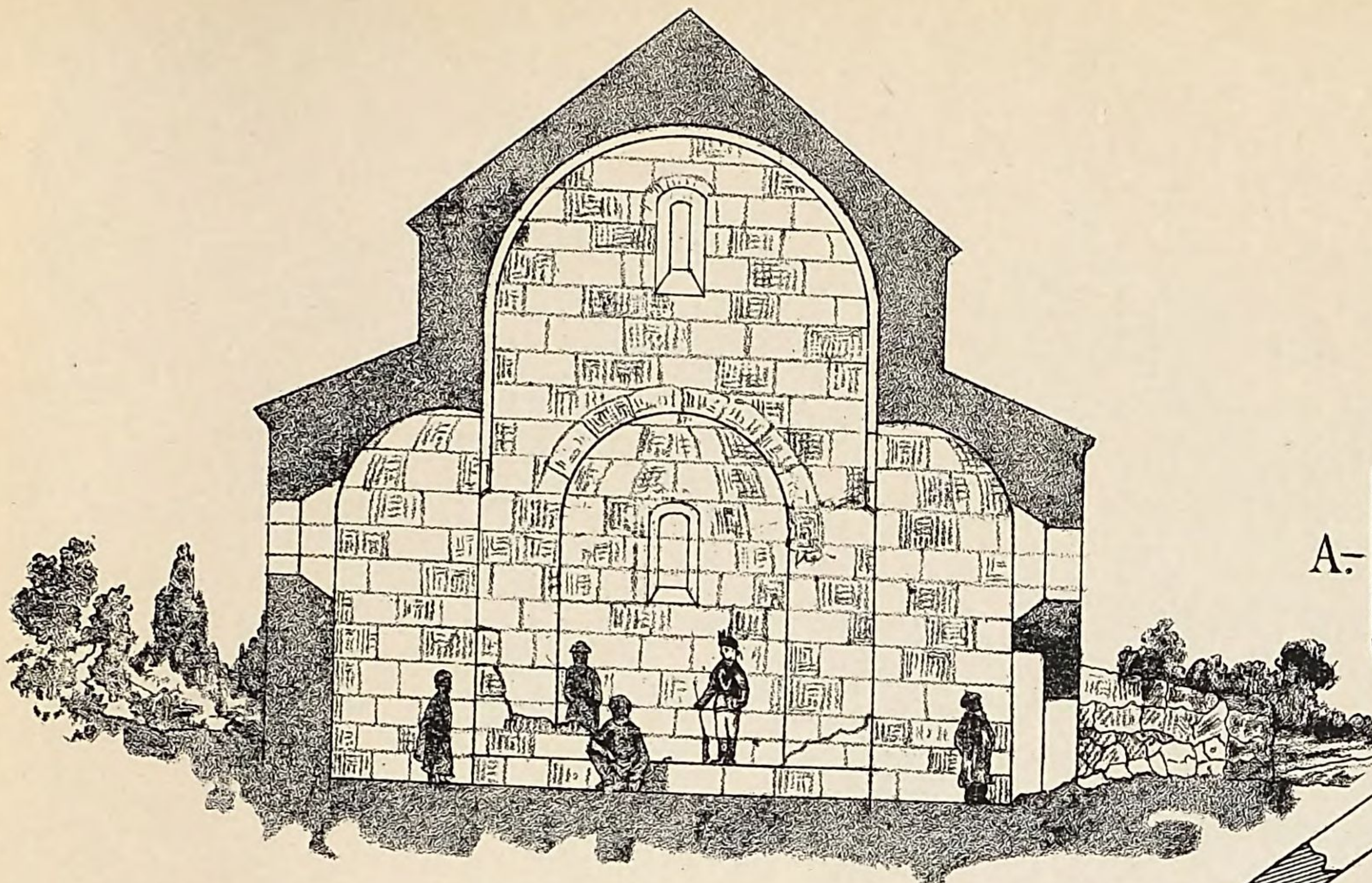
*) Dubois; atlas, serie III, fig. 12.
**) Dubois; atlas, serie II, 6.

отъ Свети (онъ въ три этажа, съ высокимъ барабаномъ и куполомъ), но галлерея его и 2-й этажъ въ расположенiи массъ имѣетъ сходство съ храмомъ въ Свети, причемъ покрытiе крыши многогранника и галлереи сдѣлано по фронтонамъ, чего, вѣроятно не было въ Свѣти. Еще болѣе схожiй фасадъ съ Свети находимъ въ Ани, въ церкви Сурбъ Григоръ или базарной *), основанiе которой относится къ 1000 г. Фасадъ этой послѣдней церкви съ нишами черезъ грань, какъ въ Свети; покрытiе же горизонтальнымъ карнизомъ, которое можно предполагать и въ Свети, такъ какъ тамъ признаковъ фронтонныхъ крышъ никакихъ нѣтъ, а отсутствiе въ углахъ ендовъ прямо говоритъ въ пользу горизонтальнаго покрытiя, какое и показано на нашемъ рисункѣ (табл. XXVII).

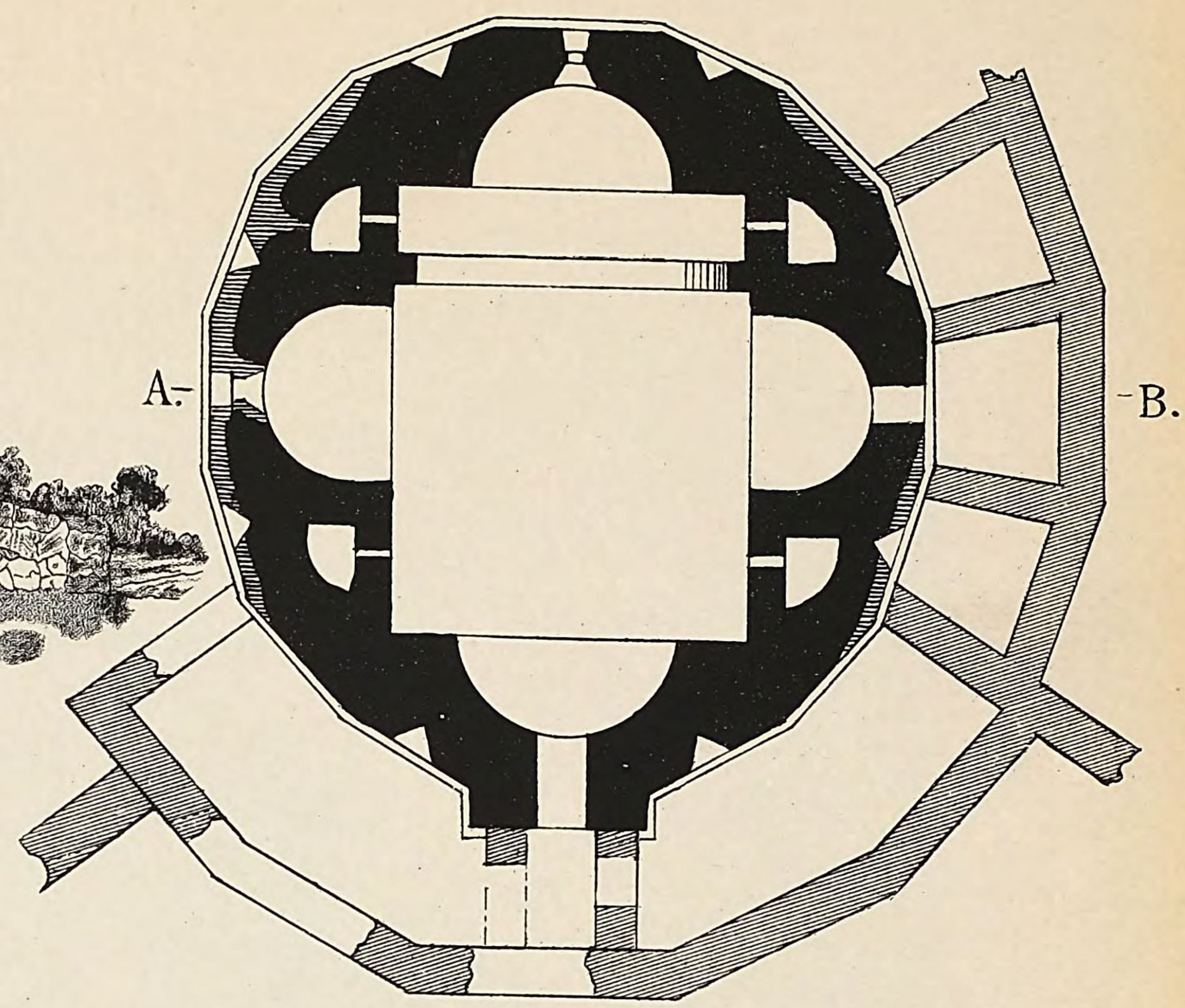
*) Гриммъ; таблица I и II.

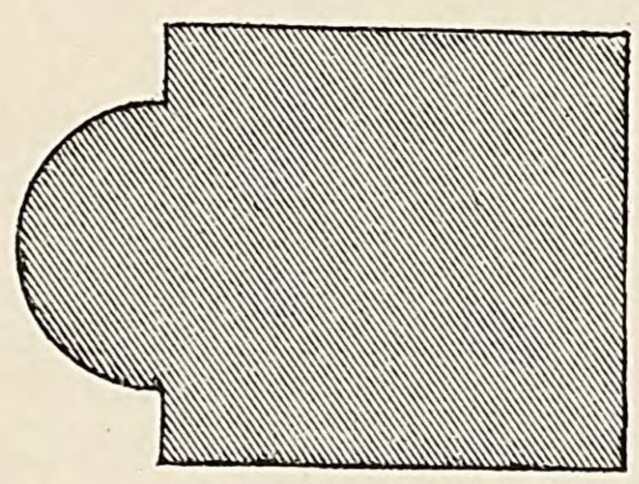
ХРАМЪ ВЪ СВЕТИ.

Разрѣзъ по А—В.

ПЛАНЪ ХРАМА ВЪ СВЕТИ.

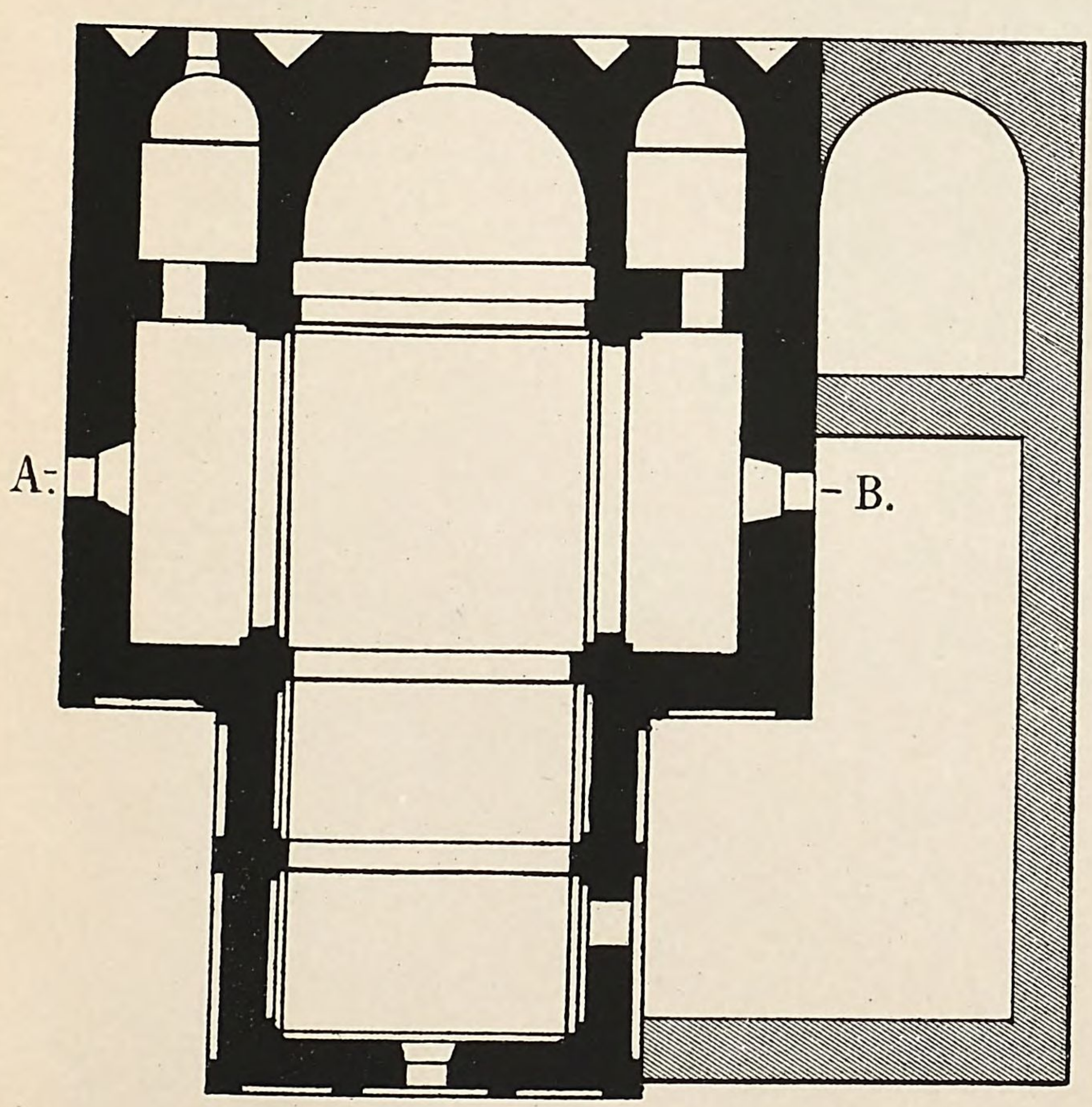

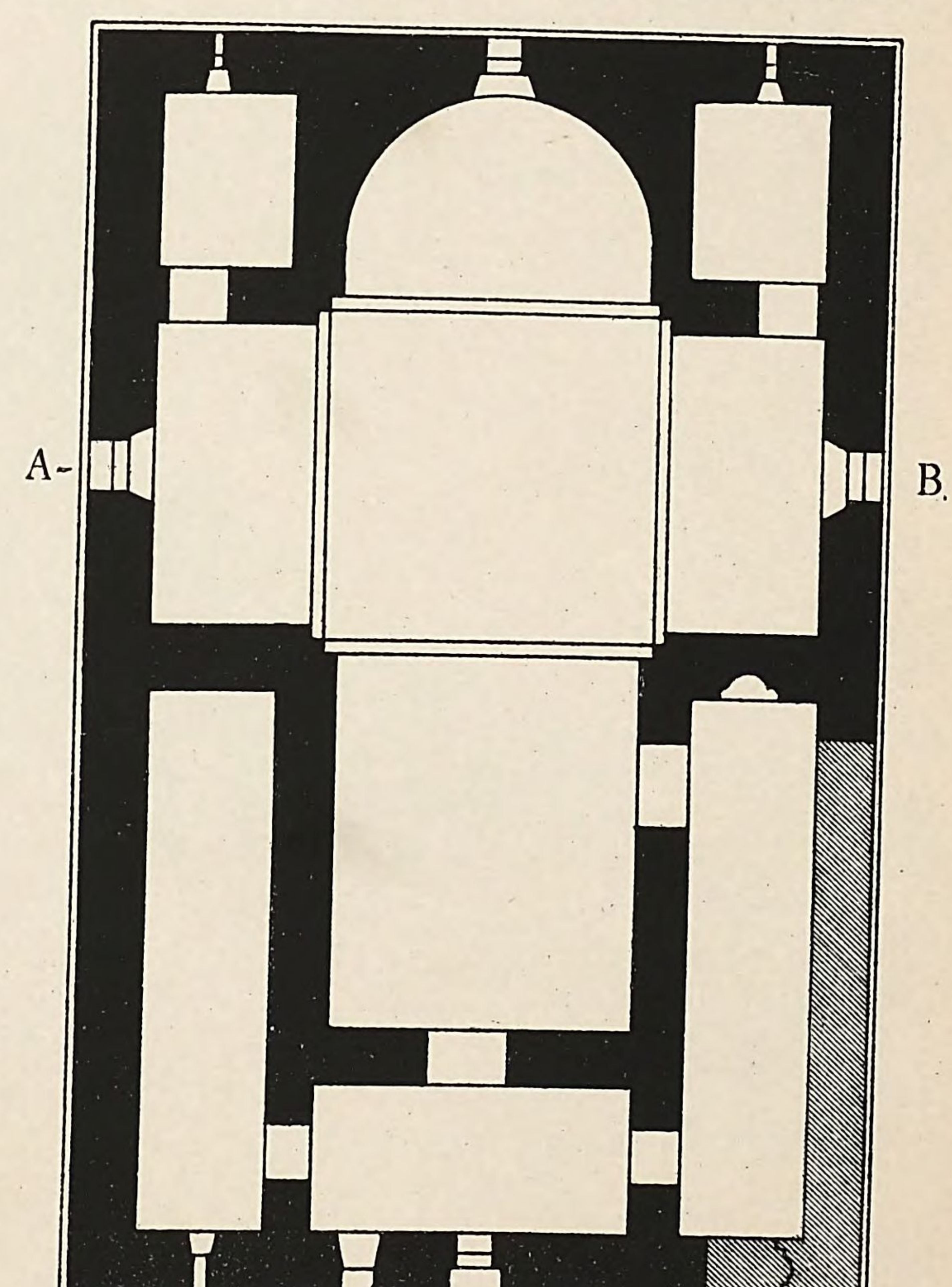

Арш. 3 2 1 0 1 2 3 Саж.

ПЛАНЪ ЦЕРКВИ ВЪ ДОЛИСЪ-ХАНѢ.

ПЛАНЪ ЦЕРКВИ ВЪ ЭНИРОБАТѢ.

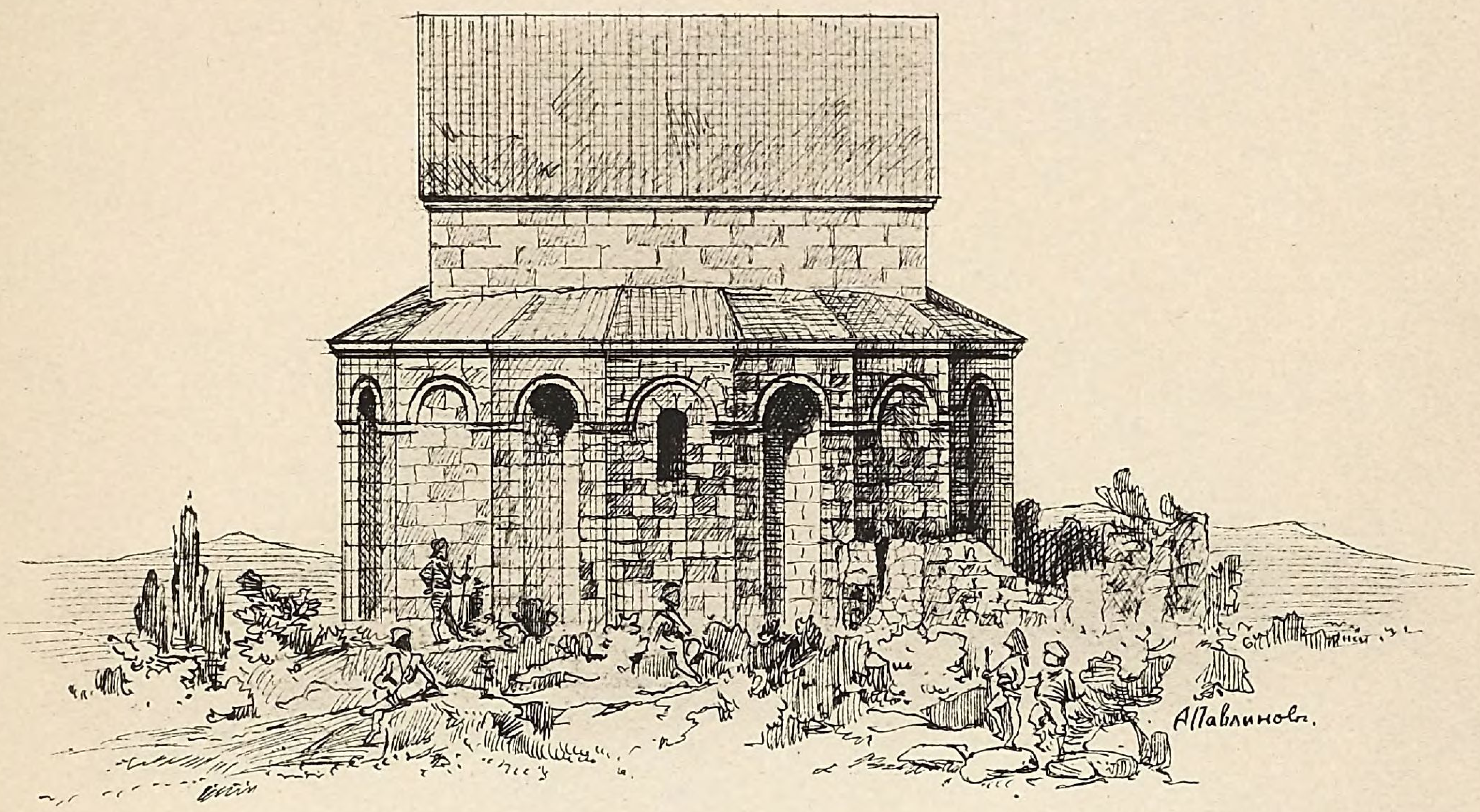

Арш. 3 2 1 0 1 2 3 Саж.

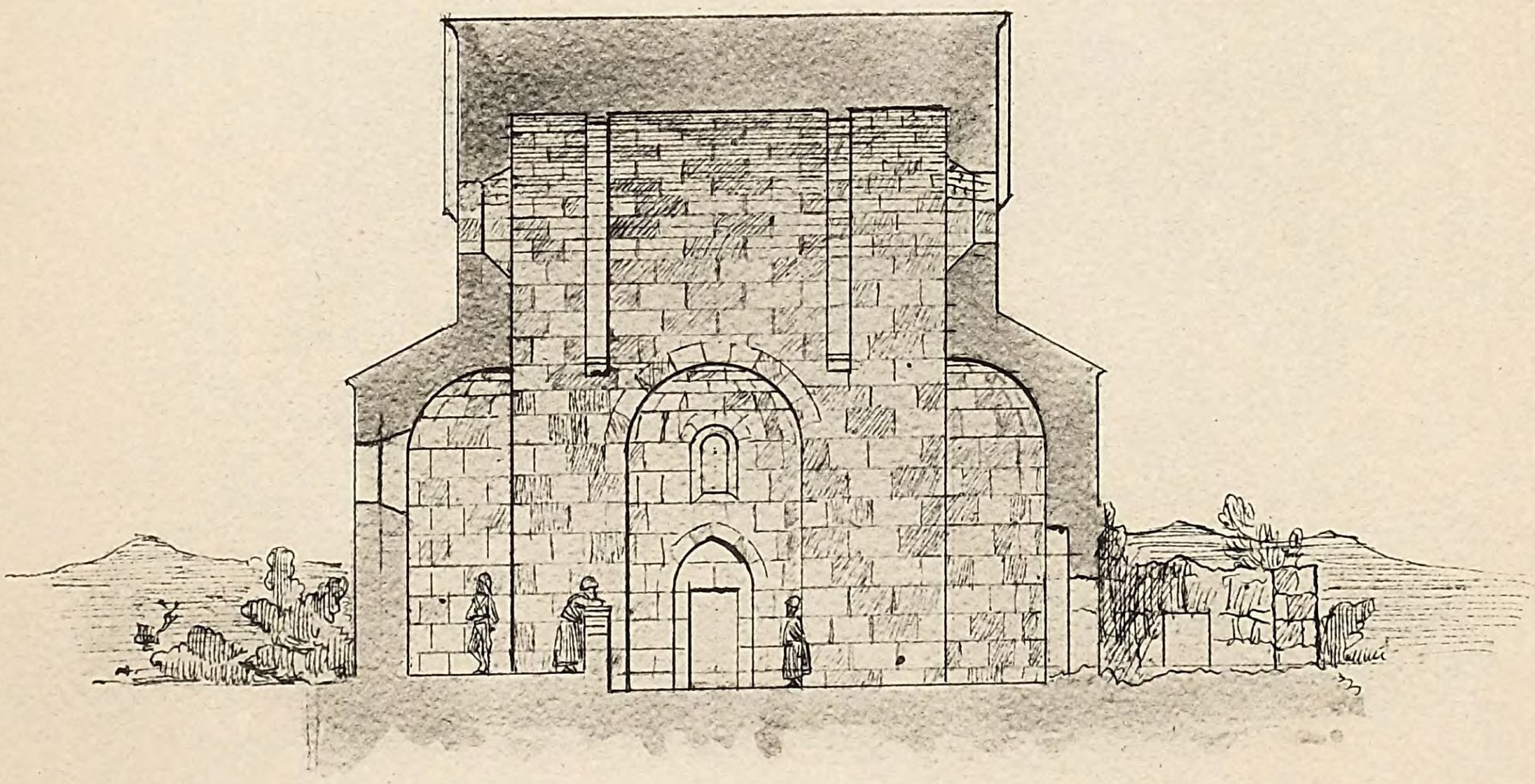
Арш. 3 0

Света.

Фасадъ.

разрѣзъ по А.В.

0 3 саж.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

ХРАМЪ ВЪ ОПИЗѢ.

Опизскій храмъ былъ уже описанъ не разъ, при чемъ постройку его обыкновенно относятъ на основаніи сказаній и сохранившихся надписей (въ Тифлисскомъ Музеѣ) къ IX вѣку (надпись гласитъ, что Опизскій монастырь былъ вновь воздвигнутъ Ашотомъ Великимъ † 826 г.) *). Существуетъ также грамота (безъ начала и конца) Опизскаго монастыря отъ 1027 года **), которая разсказываетъ про споръ между отцами Миджнадзорскими и Опизскими и также доказываетъ древность этого монастыря ***). Ашотъ далъ монастырю мощи (горло) Іоанна Крестителя а по кончинѣ своей былъ тамъ похороненъ. Опизскій монастырь въ свое время пользовался большою извѣстностью. Вахуштъ (стр. 113), говоритъ, что это былъ монастырь „Nathlis - Mtzémel" и управлялъ двѣнадцатью другими монастырями, владѣлъ многими землями и пастбищами, имѣлъ огромное число монаховъ и славился своимъ богатствомъ. Въ XVIII вѣкѣ зданія Опизскаго монастыря были еще цѣлы, но теперь представляютъ однѣ развалины.

Монастырь построенъ на крутой горѣ и такимъ образомъ, что главный храмъ поставленъ выше всѣхъ остальныхъ построекъ. Фигура его, какъ видно по плану (табл. XXVIII), представляетъ крестъ съ удлиненіемъ корабля на западъ. Сѣверная стѣна, подходя къ западной, вдается въ гору; западная же пристройка вся въ горѣ и имѣетъ фасадъ не полный, открытый только съ юга, какъ и всѣ почти зданія монастыря. Сѣверная стѣна храма болѣе другихъ сохранилась; южная же разрушена наполовину. Около нея находится предѣлъ, который, вѣроятно, пристроенъ въ болѣе позднее время, потому что въ верхней части южной стѣны, есть окна, загороженныя этой пристройкой. Весь храмъ, равно какъ и всѣ остальныя сооруженія сложены изъ тесанаго камня. Замѣчательно то, что въ главный храмъ можно попасть только черезъ очень маленькую дверь изъ западной пристройки или паперти, пройдя предварительно черезъ предѣлъ и другія приле-

*) Извѣстія Кавказскаго Общества Ист. и Археол. Тифлисъ 1882 г. Статья Д. Бакрадзе. Объ отношеніяхъ Арменіи и Грузіи къ Византіи вообще и въ X вѣкѣ въ особенности, стр. 81.

**) Грузинскія церковныя гуджари (грамоты). Пурцеладзе. Тифлисъ, 1881.

***) Миджнадзорстkіе отцы пришли въ Кутаисъ къ Баграту (царст. 1027—1072) и вмѣстѣ съ иконами принесли мощи и грамоты, имѣвшіяся у нихъ отъ Эристава Эриставовъ царя Гургена (который умеръ въ 980 году и былъ прадѣдомъ царя Баграта III) грамоту царя царей Баграта Куропалата (980—1014 г.) и царя Георгія (1014—1027), а Опизцы представили документъ, писанный гурамомъ Монпало, сыномъ Ашота Куропалата, которому обыкновенно и приписываютъ постройку Опизскаго монастыря.

гающія строенія (табл. XXIX представляетъ внутренность паперти). Явленіе это, какъ увидимъ ниже, едва-ли случайное. Опизскій храмъ имѣетъ внутреннюю отдѣлку, выходящую изъ ряда вонъ по своему богатству (см. разрѣз. табл. XXVIII), но не смотря на это, параднаго входа онъ не имѣлъ. На первый взглядъ это кажется непонятнымъ, но если разсмотримъ другіе сосѣдніе храмы, наприм.: въ Тбетѣ, Портѣ и друг., то замѣтимъ, что такіе ничтожные входы иногда въ очень богатые храмы есть явленіе не единичное. Во всѣхъ этихъ храмахъ двери очень малы и всегда выходятъ не наружу, а въ пристройку. Не дѣлалось ли это съ цѣлью замаскировать входъ въ главный храмъ, гдѣ могли быть сокровища монастыря, и сдѣлать его менѣе доступнымъ на случай появленія непріятеля?

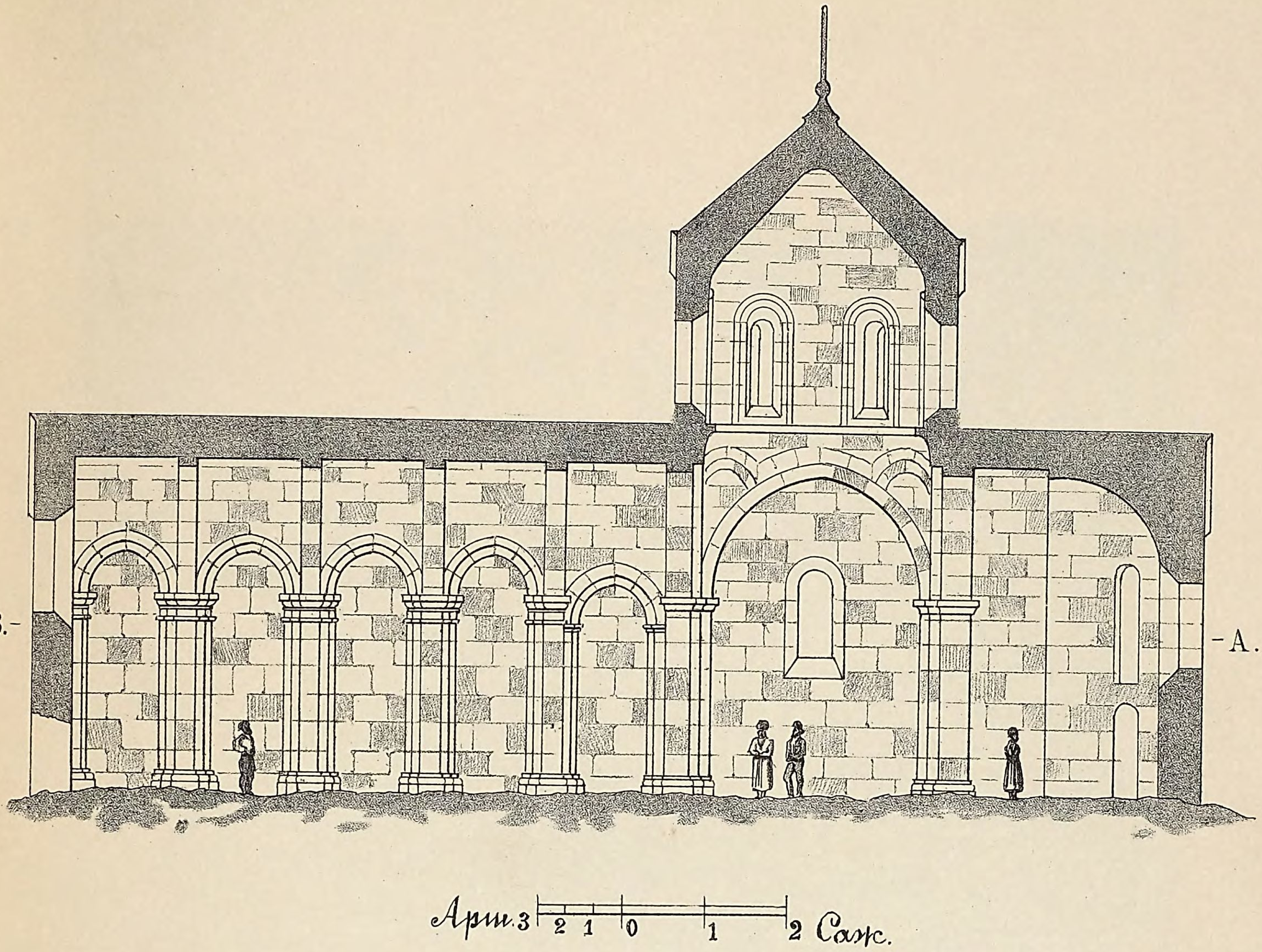
Опизскій храмъ внутри облицованъ камнемъ и расписанъ; слѣды росписи сохранились кое-гдѣ и теперь. Своды надъ длинной частью храма упали (табл. XXX). Они подобно подпружнымъ аркамъ были стрѣльчатые. Паруса въ углахъ имѣютъ разгрузныя арочки. Окна въ шеѣ главы внутри обведены валикомъ; самая глава покрыта коническимъ сводомъ, который снаружи выходитъ шатромъ. Боковыя стѣны храма украшены двойными арками и пилястрами, на которыя опираются арки коробоваго стрѣльчатаго свода, покрывающаго нефъ. Снаружи храмъ болѣе всего сохранился съ восточной стороны.

Фасадъ его поддается реставраціи, что мы и сдѣлали на табл. XXXI. Храмъ этотъ, какъ видно, имѣетъ детали самыя простыя; глава его снаружи имѣетъ двѣнадцать граней; внутри же она круглая. Всѣхъ оконъ шесть, они рамъ не имѣли; окна окружены арочками, которыя опираются на пару колонокъ съ капителями и базами простой формы; каждая грань покрыта фронтономъ. Карнизомъ служатъ двѣ полочки, свѣшенныя одна надъ другой. Вся глава покрыта шатромъ съ выходящими двугранными углами (ребрами).

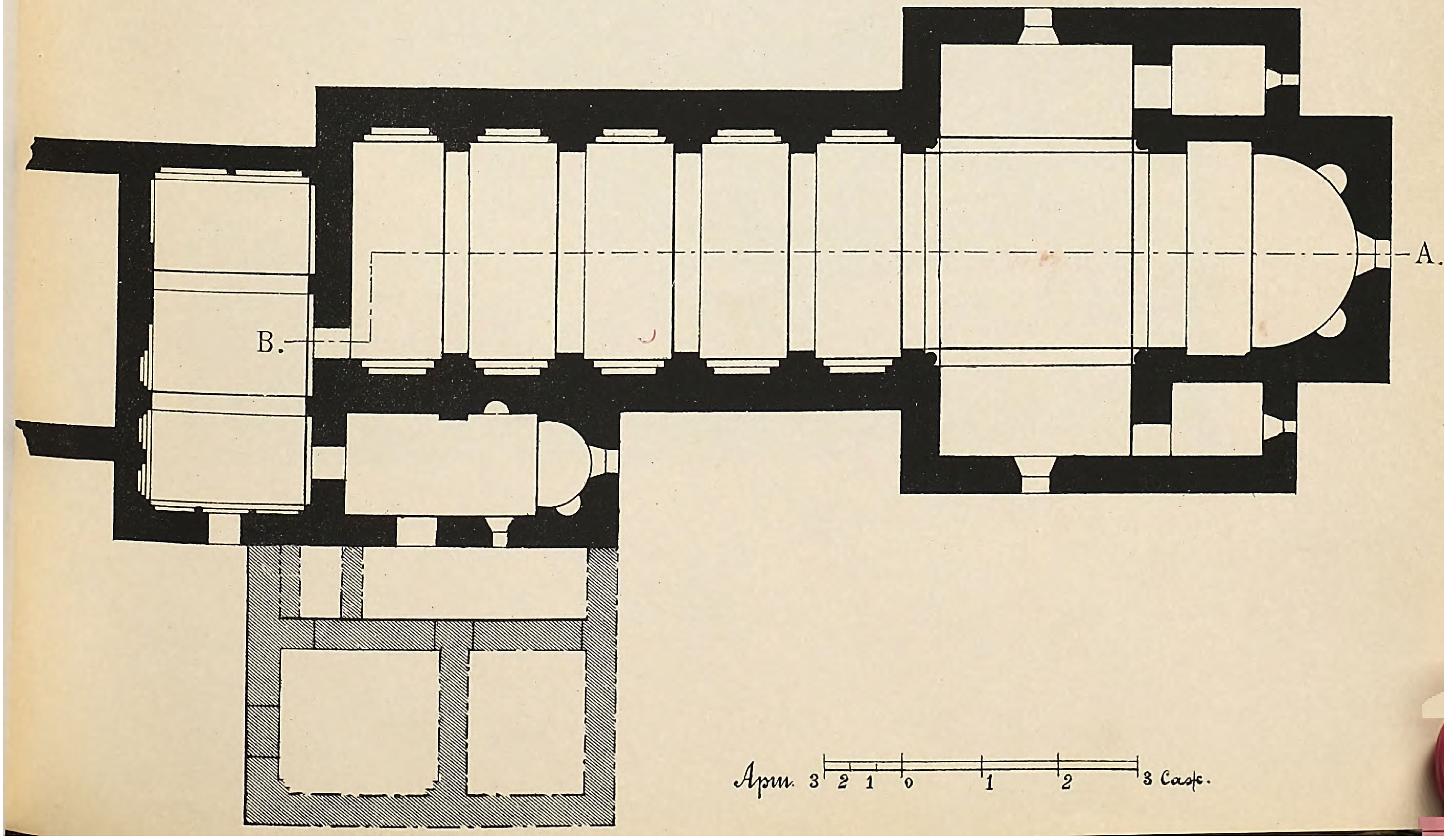
Главныя массы храма образуютъ крестъ, покрытый также фронтонною крышею. Съ востока видны слѣды трехъ арочекъ (табл. XXXI); остальные фасады были гладкіе. Планъ Опизскаго храма хотя и представляетъ фигуру креста, но не греческаго; внутри алтаря въ углахъ есть ниши, съ наружи алтарь выдается прямоугольникомъ и этимъ напоминаетъ планъ Сафарскаго храма XIII в. Западный конецъ креста Опизскаго храма по своей внутренней боковой отдѣлкѣ (см. разрѣзъ табл. XXVIII), напоминаетъ (bas côtés) низкія бока западныхъ средневѣковыхъ храмовъ. Если въ планѣ Опизскаго храма существующія на боковыхъ стѣнахъ фальшивыя арки открыть и придѣлать bas côtés, то планъ его будетъ напоминать планъ западнаго кафедрала. Однимъ словомъ, храмъ, представляетъ явное соединеніе двухъ плановъ, базиличнаго съ крестовымъ—купольнымъ, при чемъ въ отдѣлкѣ храма дана большая роль пилястрамъ, а барабанъ главы (шея) значительно возвышенъ. Все это признаки сравнительно позднія и не смотря на вышеупомянутую надпись не позволяютъ пріурочить Опизскій храмъ къ IX вѣку, а скорѣе приближаютъ его основаніе къ XIII вѣку. Монастырскія пристройки, какъ видно на рис. 44, расположены ниже самаго храма. Съ запада онѣ примыкаютъ къ паперти храма, но не соединяются съ нею проходомъ. Здѣсь находимъ большой залъ P съ двумя рядами столбовъ, по четыре съ каждой стороны

МОНАСТЫРЬ ВЪ ОПИЗѢ.

Разрѣзъ по А—В.

ПЛАНЪ МОНАСТЫРЯ ВЪ ОПИЗѢ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Внутренность развалинъ монастыря въ Опизѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Внутренность развалинъ церкви въ Опизѣ.

Опиза.

Фасадъ съ восточной стороны.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Табл. XXXII.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Развалины монастыря въ Опизѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Внутренность развалинъ монастыря въ Опизѣ.

(на табл. XXXII представлены развалины его средней части, а на табл. XXXIII его бокъ, соединенный съ срединой арками), залъ этотъ могъ служить трапезною для братіи; въ одномъ изъ помѣщеній *q* (см. рис. 43), были найдены остатки зерна. Недалеко отъ этого мѣста вѣроятно, находилось, и жилье, то есть помѣщенія для братіи; помѣщеніе же самого настоятеля, находилось съ другой стороны церкви на востокъ но разобраться въ этихъ послѣднихъ развалинахъ почти что невозможно.

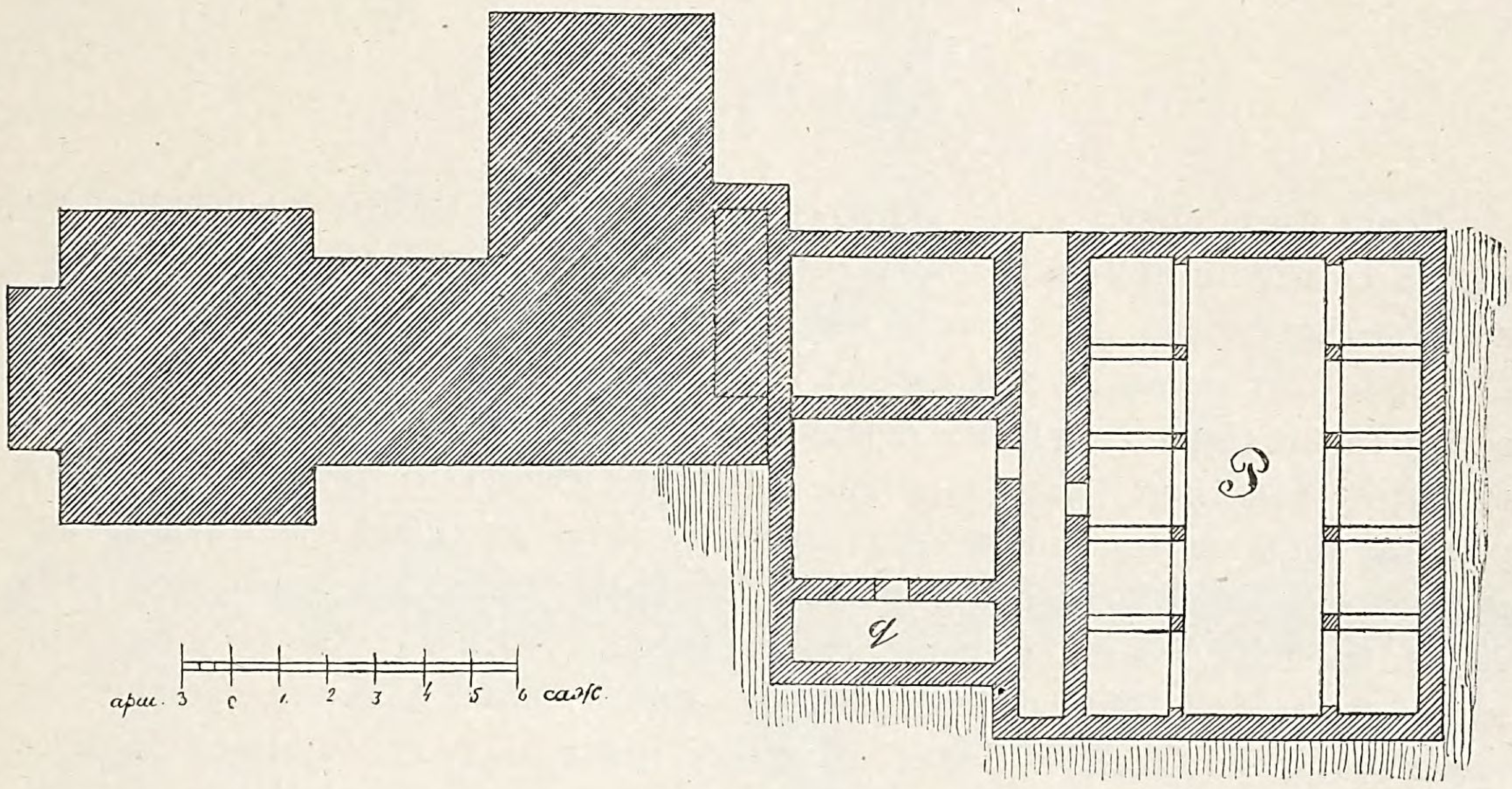

Рис. 43.

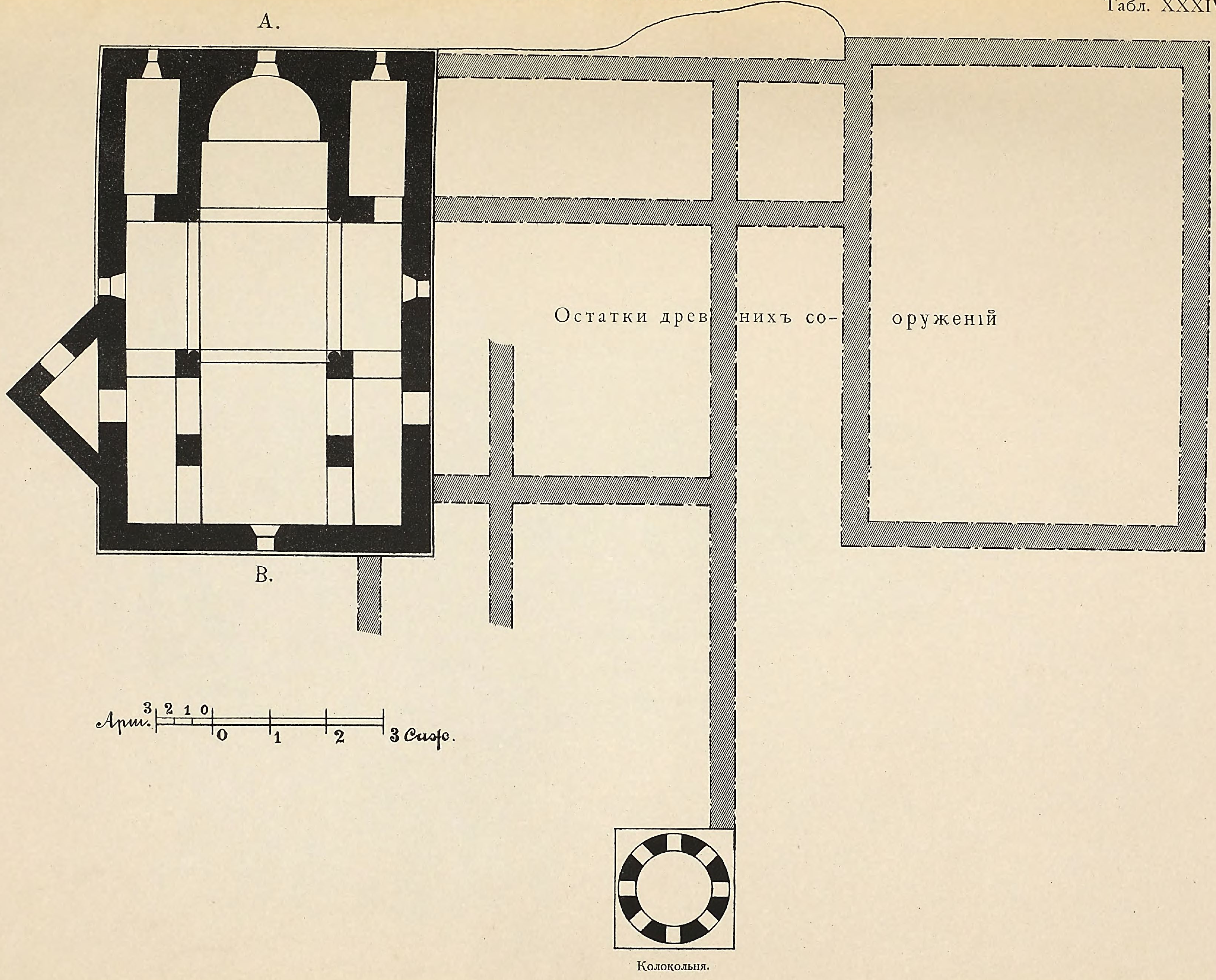
Кончая описаніе, Опизскаго храма позволю себѣ указать на внутреннюю отдѣлку паперти (табл. XXIX), гдѣ нижнія аркасоли по формамъ своимъ напоминаютъ мѣста древнихъ погребеній. Можетъ быть и здѣсь каменныя стѣны скрываютъ до сихъ поръ чей-нибудь прахъ, предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что исторія указываетъ намъ на лицъ, положенныхъ въ Опизскомъ монастырѣ, какъ наприм., Ашота Куропалата, названнаго строителемъ монастыря; другія же изъ сохранившихся надписей гласятъ что „храмъ сей (возведенъ) для нашего погребенія, — спаси отъ всѣхъ мучительныхъ страданій Іоанна. Аминь“; „помилуй, Господи, душу Эристова“; „Эристова Свимони помилуй“...

ПОРТА.

Порта расположена не въ далекомъ разстояніи отъ Опизы, но переходъ до нее на столько неудобенъ и опасенъ, что изученіе ея развалинъ представляетъ не мало затрудненій. Расположена она подобно Опизскому монастырю, на крутой горѣ. Объ основаніи или постройкѣ находящагося здѣсь храма надписи говорятъ весьма глухо, но мѣстное преданіе передаетъ, что архитекторъ, строившій въ Портѣ монастырь, находился при постройкѣ Опизскаго храма въ качествѣ ученика; когда же ему впослѣдствіи поручили работы въ Портѣ и онъ удачно выполнилъ свою задачу, пріѣхалъ его учитель, строитель Опизскаго храма и, осмотрѣвъ Порту, призналъ, что его ученикъ строитъ лучше его самого, и потому отъ стыда и досады удавился. Трудно опредѣлить на сколько справедливо это преданіе, но сравнивая храмы Опизы и Порты, нельзя не найти въ нихъ большаго сходства и не признать родства формъ не смотря на то что храмъ въ Портѣ не такъ великъ и строенъ по другому плану (см. табл. XXXIV и фасадъ табл. XXXV). Пропорціи его болѣе стройны, весь храмъ не такъ расплывчатъ, какъ Опизскій, и болѣе возвышенъ. Шатеръ главы такой-же, какъ въ Опизѣ, съ выступающими двугранными ребрами; грани шеи тоже обрѣзаны по фронтонамъ и обведены двумя полочками вмѣсто карниза. Окна не имѣютъ рамъ и окружены арочками того-же профиля, какъ въ Опизѣ; опираются они тоже на двѣ колонки съ такими-же базами и капителями. Главныя массы храма и фронтоны тоже образуютъ крестъ и подходятъ къ главѣ, гакъ въ Опизѣ, и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ храмъ въ Портѣ имѣетъ и свои отличія: такъ наприм. (см. разрѣзъ табл. XXIV) глава внутри не круглая, какъ въ Опизѣ, а осьмигранная, хотя снаружи она и имѣетъ тоже двѣнадцать граней, какъ въ Опизѣ; покрытіе внутри не коническое, а въ видѣ осьмиграннаго сомкнутаго свода; оконъ въ главѣ—четыре; парусные своды имѣютъ по угламъ коническія распалубки; подпружные арки и своды тоже стрѣльчатые, но арки помѣщены на кронштейнахъ. Таблица XXXVI представляетъ развалины внутренности этого храма, гдѣ болѣе подробно видна конструкція кронштейновъ и подпружной арки. Принимая во вниманіе все вышеприведенное, можемъ признать, что храмъ въ Портѣ ровесникъ храму въ Опизѣ, и что его подобно первому слѣдуетъ отнести ко времени болѣе позднему, чѣмъ IX вѣкъ.

И здѣсь вокругъ храма находятся обширныя развалины, которыя какъ видно по плану (табл. XXXIV), напоминаютъ Опизу и примыкаютъ какъ и тамъ къ самому храму. Очень вѣроятно, что мы и здѣсь имѣемъ дѣло съ монастыремъ.

ПЛАНЪ МОНАСТЫРЯ ВЪ ПОРТѢ.

ПОРТА.

Фасадъ съ восточной стороны.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и Ко въ Москвѣ.

Табл. XXXVI.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Внутренность церкви въ Портѣ.

ЦЕРКОВЬ ВЪ ПОРТѢ.

Южный фасадъ.

Тутъ также есть обширная зала; впрочемъ слѣды подобныхъ залъ сохранились и во многихъ другихъ монастыряхъ этой мѣстности наприм., въ Бертѣ что доказываетъ, что монастыри этой мѣстности строились по одному образцу, имѣли однѣ и тѣ же потребности и были сходны по своему быту и уставу. Парадааго хода въ храмъ нѣтъ и здѣсь, а дверей двѣ—съ сѣвера и юга. Южная дверь въ храмъ не велика и тоже выходитъ въ пристройку; сѣверная же дверь выходитъ въ помѣщеніе особаго рода, устроенное угломъ (планъ табл. XXXIV). Снаружи вся эта часть вдается въ землю, кромѣ узенькаго прохода сквозь откосъ горы. Очень можетъ быть, что подобный способъ постройки имѣлъ цѣлью замаскировать входъ на случай опасности отъ нападенія: входъ снаружи можно было легко завалить и замаскировать склономъ горы. Южныя же двери были съ своей стороны также защищены пристройками; чтобы въ нихъ попасть, надо было въ случаѣ нападенія предварительно взять ихъ приступомъ.

Боковой фасадъ храма въ Портѣ (табл. XXXVII) представляетъ по массамъ своимъ весьма обыкновенный типъ кавказскаго храма XI и XII вѣка. Тѣ же массы мы видѣли уже въ Бедійскомъ храмѣ, съ тою только разницею, что въ детальную отдѣлку храма въ Портѣ входятъ колонны чего въ Беди нѣтъ. Планы ихъ въ общемъ сходны, но въ храмѣ Порты нѣтъ нишъ въ стѣнахъ алтаря; кромѣ того храмъ этотъ, имѣя низкіе бока, поддерживаемые двумя столбиками, не имѣетъ хоръ.

Впереди, при разборѣ другихъ церквей, намъ еще придется упомянуть объ этомъ храмѣ, а теперь для окончанія перейдемъ къ колокольнѣ, находящейся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ храма (см. планъ табл. XXXIV).

Низъ колокольни имѣетъ въ основаніи квадратъ и какъ показываютъ сохранившіяся развалины соединялся съ храмомъ каменными постройками. Второй этажъ колокольни имѣетъ круглый низъ, а вверху образуетъ шестнадцатигранникъ съ восьмью пролетами въ видѣ арочекъ. По каждому ребру шестнадцатигранника идетъ вертикально валикъ; всѣ эти валики вверху врѣзываются въ горизонтальную тягу, и образуютъ какъ-бы часть карниза также въ формѣ валика. Шатровая крыша покрыта каменными плитами; свѣсъ каждой грани надъ карнизомъ обрѣзанъ по дугѣ круга, такъ что средина каждой грани кажется провѣшенною. Въ общемъ линія карниза нѣсколько разыгривается. Колокольня конечно выстроена значительно позднѣе храма.

Нѣсколько камней съ надписями, принадлежащихъ, видимо, къ древней облицовкѣ храма, были найдены въ стѣнахъ домовъ прилегающаго къ храму селенія. Двѣ изъ этихъ надписей, крупнымъ четкимъ хуцури, говорятъ о нѣкомъ Маркѣ, его отцѣ и матери и призываютъ на него милость Божью; третья гласитъ: „Христе, помилуй каменьщиковъ стѣны Абесалома и его товарищей. Да будетъ ему поясъ на радость. Помилуй, Господи, кто пошлетъ намъ прощеніе“.

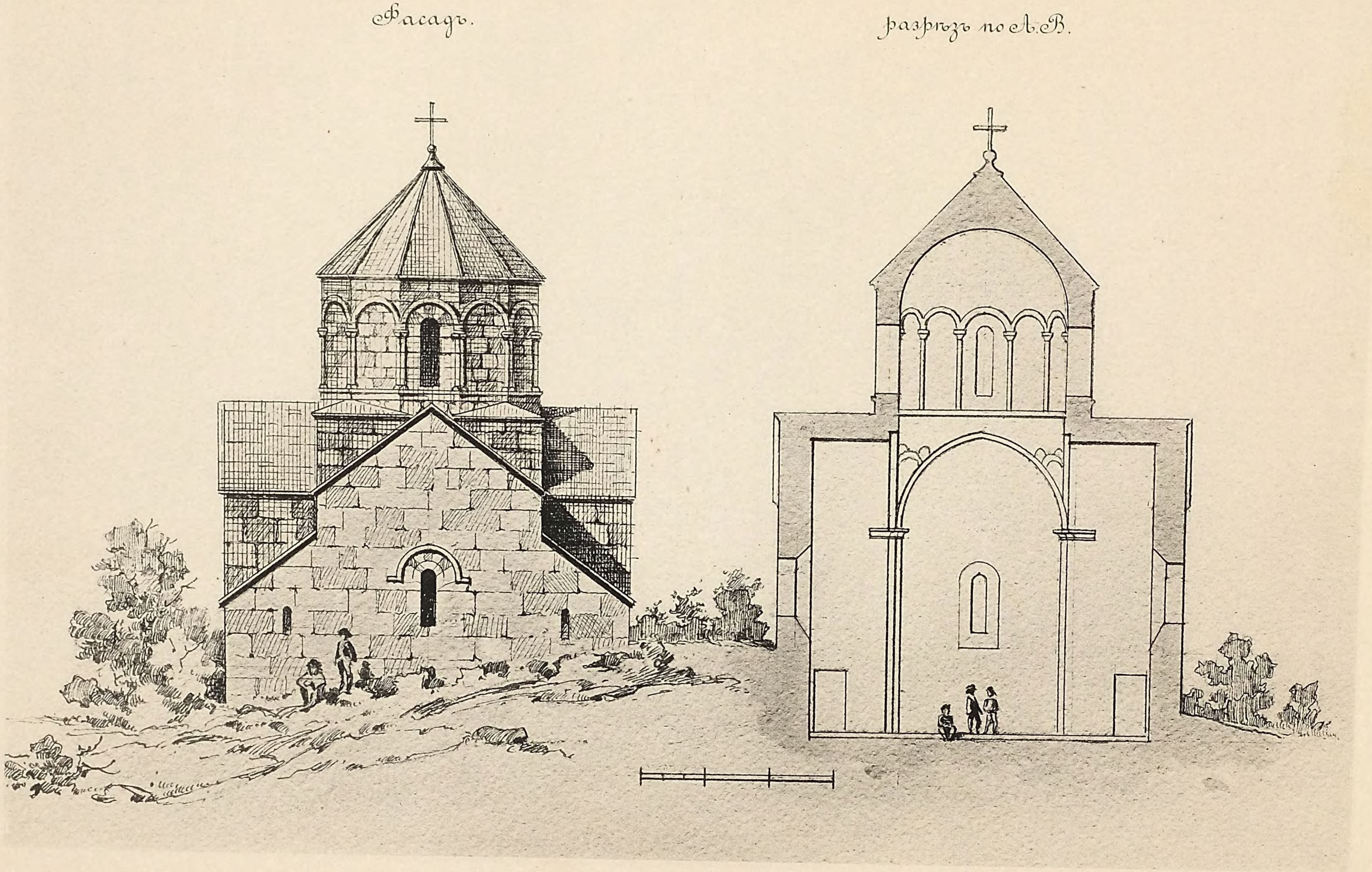
ДОЛИСЪ-ХАНЕ.

На основаніи сохранившейся надписи первую закладку храма въ Долисъ-Хане пріурочиваютъ къ третьему сыну Адарнасе, царю-куропалату Сумбату, извѣстному по сказанію арабскаго историка Массуди, умершаго въ 958 году *). Такимъ образомъ, церковь эта должна была быть одного и того же времени съ храмами въ Опизѣ и Портѣ; планъ ея, однакоже, какъ видно по рисунку (таб. XXVI) значительно разнится отъ Опизскаго, но имѣетъ большое сходство съ планомъ церкви въ Портѣ. Общая его фигура представляетъ простой четыреугольникъ безъ выступовъ, съ крестомъ внутри и хорами въ западной его части. Подъ хорами имѣется помѣщеніе въ видѣ паперти, съ дверями по срединѣ и по бокамъ. Пройти въ церковь можно было только съ юга чрезъ боковой придѣлъ, а изъ церкви черезъ паперть въ лѣвый придѣлъ. Ходъ на хоры былъ расположенъ снаружи въ пристройкѣ, отъ которой сохранилась теперь одна наружная дверь. Такимъ образомъ мы видимъ что и здѣсь приходится наталкиваться на ту же подробность входа, замаскированнаго пристройками. Внутренняя отдѣлка храма очень проста: облицовка изъ тесанаго камня, арки стрѣльчатыя, капители подпружныхъ арокъ того же рисунка, какъ въ Опизѣ, паруса такіе-же и состоятъ изъ комбинаціи трехъ коническихъ сводиковъ (см. разрѣз. табл. XXXVIII). Глава внутри круглая и украшена, какъ въ Опизѣ, арочками на колоннахъ; покрыта она купольнымъ сводомъ. Весьма вѣроятно, что внутреннія стѣны церкви были нѣкогда росписаны; живопись сохранилась и до сихъ поръ на среднемъ алтарномъ полукружіи, гдѣ находимъ два ряда святыхъ.

Снаружи церковь (табл. XXXVIII), по массамъ напоминаетъ фасадъ церкви въ Портѣ: тяги очень просты, глава многогранная, съ четырьмя окнами, отдѣлана арочками, упирающимися на пару колонокъ съ базами и капителями такими же, какъ въ Портѣ и Опизѣ. Покрытіе также шатровое, но опирается на горизонтальный карнизъ. Общія пропорціи церкви не такъ стройны, какъ въ Портѣ,— церковь болѣе приземиста и этимъ напоминаетъ Опизу. Не имѣя указаній, кѣмъ построена эта церковь, готовы отнести ее къ произведенію тѣхъ же строителей, которые трудились надъ возведеніемъ храмовъ въ Опизѣ и Портѣ. Нынѣ церковь эта обращена въ мечеть.

*) Извѣстія Кавказскаго Общества Исторіи и Древностей. Тифлисъ. 1882 г. Т. I, вып. I, стр. 79, ст. Бакрадзе.

Долисъ-Хана.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ

ЭНИ-РАБАТЪ.

Селеніе Эни-Рабатъ (т. е. новыя мѣста), расположено на рѣкѣ Ардануч-су. О древнемъ храмѣ этой мѣстности историческія свѣдѣнія весьма скудны; преданіе говоритъ только, что Рабатомъ называли неудобныя мѣста, отводимыя въ былое время христіанамъ, а что настоящее названіе этой мѣстности — Антонисъ; по армянски же мѣсто именуется Нарошенъ, что значитъ тоже „новыя мѣста". Когда и кѣмъ построенъ храмъ въ этой мѣстности, неизвѣстно; тоже молчаніе исторіи и преданій насчетъ развалинъ древняго города и кладбища, расположенныхъ вблизи самаго храма.

Планъ этого храма какъ видно по рисунку (см. табл. XXVI), имѣетъ фигуру на первый взглядъ нѣсколько отличную отъ всѣхъ плановъ вышеупомянутыхъ церквей; но, всматриваясь ближе и сравнивая его съ типомъ прямоугольныхъ плановъ, къ которому принадлежатъ планы Долисъ-Хане и Порты, заключаемъ, что планъ Эни-Рабатскаго храма отличается отъ первыхъ двухъ только отсутствіемъ сѣверо-западной и юго-западной пристроекъ т. е bas côtès; въ остальномъ же имѣетъ большое съ ними сходство: внутреннее расположеніе въ видѣ креста, входъ въ южной стѣнѣ не прямо наружу, а въ пристройку, слѣды которой ясно видны по остаткамъ фундаментовъ.

Внутренняя отдѣлка храма плохо сохранилась. Стѣны сложены изъ колотаго камня, неправильной кладки; они сохранили слѣды штукатурки; столбы же, арки и паруса сложены изъ тесанаго камня (см. табл. XXXIX). На столбахъ вмѣсто капителей проведенъ поясокъ, состоящій посрединѣ изъ двухъ рядовъ полуваликовъ расположенныхъ между двухъ полочекъ; арки стрѣльчатыя. Паруса въ видѣ арочекъ окаймлены тѣмъ же узоромъ, какъ капители, но внутри каждый имѣетъ свою узорчатую отдѣлку. Такого рода капители, пояски и отдѣлку парусовъ находимъ на соотвѣтственныхъ мѣстахъ въ Гелатскомъ монастырѣ, построенномъ Давидомъ-Возобновителемъ (1089—1025) и въ развалинахъ Кутаисскаго Собора, заложеннаго около того же времени.

Снаружи (табл. XL) въ отдѣлкѣ храма играютъ большую роль ниши: ихъ четыре, съ востока двѣ большихъ по срединѣ, и двѣ малыхъ по бокамъ, какъ видно по плану (табл. XXVI). Барабанъ главы круглый, съ четырьмя окнами, окруженъ арками, упирающимися на пару колоннъ, черезъ арку украшенъ нишами; покрытъ онъ каменнымъ конусомъ, который опирается на карнизъ, состоящій изъ полочки и откоса, украшеннаго орнаментомъ, состоящимъ изъ кон-

центрическихъ кружковъ. Подобныя украшенія встрѣчаются въ деталяхъ Ани. Подъ откосомъ расположены два полувалика. Барабанъ стоитъ на четырегранникѣ, къ которому подходятъ четыре фронтонныя крыши средней массы храма (см. табл. XXXIX).

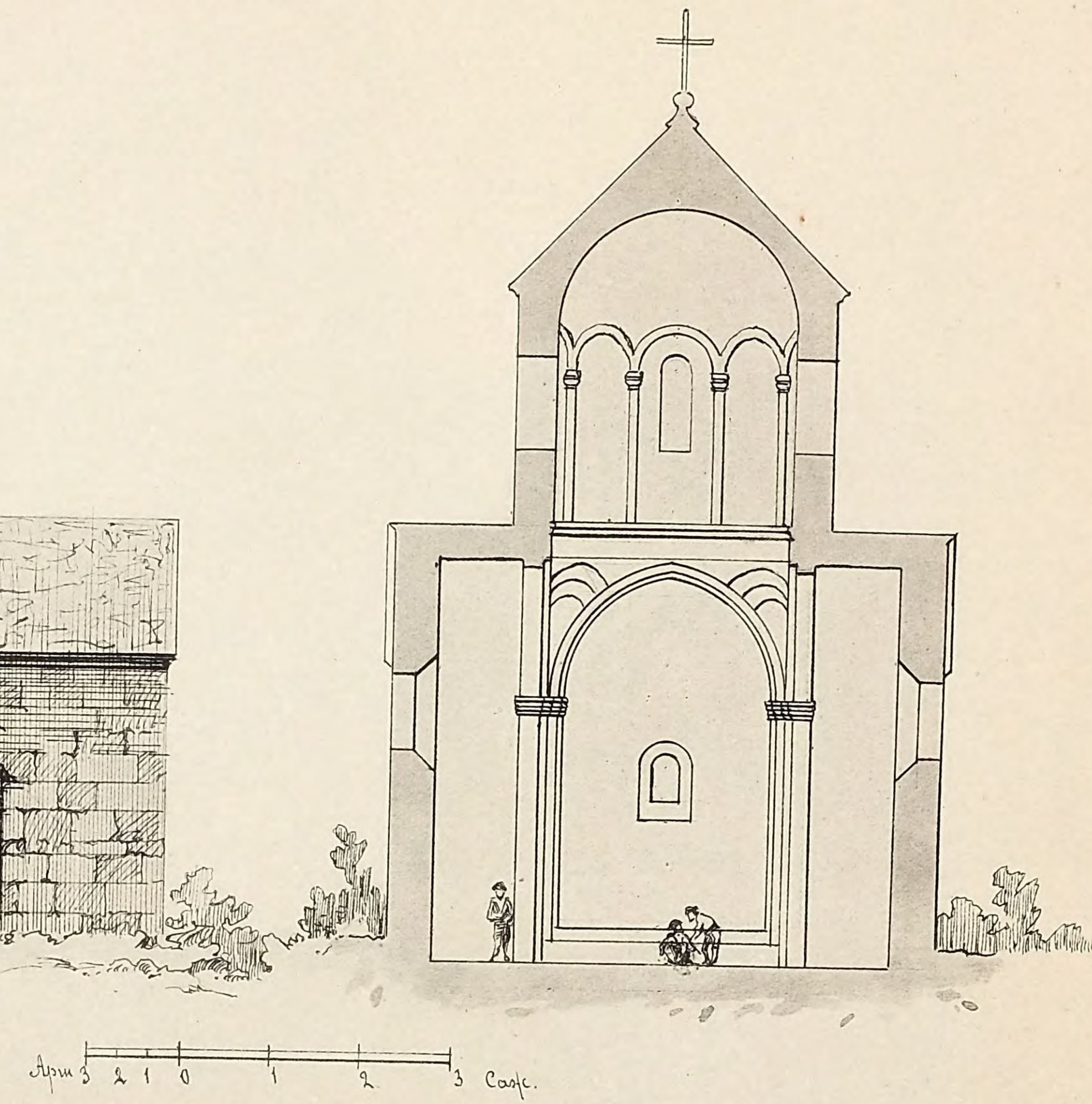
Отдѣлка наружныхъ боковыхъ стѣнъ плохо сохранилась и носитъ слѣды позднѣйшихъ измѣненій. На южномъ фронтонѣ два окна окружены широкимъ орнаментомъ изъ плетеній. Оба эти окна находятся подъ выступающимъ орнаментомъ въ видѣ арки, съ горизонтальными заворотами у пятъ. Ниже оконъ по всему фасаду выступа идутъ лопатки съ остатками поясковъ вмѣсто капителей того же профиля, какъ и внутри подъ подпружными арками т. е. полочки двухъ полуваликовъ и полочки, Очевидно, что эта часть фасада прежде была внутренностью южнаго предѣла, арки которой опирались на лопатки, а своды на стѣну. На прилагаемой таблицѣ XXXIX представлена реставрація этого храма въ его первоначальномъ видѣ, насколько возможно было это исполнить по имѣющимся у насъ данныхъ. Принявъ все вышесказанное во вниманіе, не можемъ точно опредѣлить времени основанія этого храма, —но можемъ высказать предположеніе, что онъ ровестникъ Гелатскому, и что въ отдѣлкѣ его фасада видна другая рука, чѣмъ въ церквахъ въ Опизѣ, Портѣ и Долисъ-Ханѣ, не смотря на то, что планъ его по внутреннему расположенію напоминаетъ послѣднюю церковь; а общая его фигура и отсутствіе низкихъ боковъ напоминаютъ болѣе Опизу.

Энироватъ.

Фасадъ.

разрѣзъ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Церковь въ Эни-Работѣ.

ТБЕТЪ *).

Нѣкогда знаменитый храмъ въ Тбетѣ пользуется и въ настоящее время, сравнительно большою извѣстностью. Основаніе этого храма приписываютъ также Ашоту Куропалату и пріурочиваютъ къ 918 году. Существуетъ предположеніе, что онъ былъ посвященъ Св. Георгію, на томъ основаніи, что имѣется блюдо съ надписью, которая гласитъ что блюдо принадлежитъ храму св. Георгія въ Тбетѣ; съ другой стороны имѣется четвероевангеліе, писанное въ соборѣ св. Апостоловъ въ Тбетѣ, что заставляетъ предположить, что храмъ, при своей обширности, могъ быть соборнымъ во имя св. Апостоловъ. Упоминая о храмѣ въ Тбетѣ Вахуштъ сообщаетъ тѣ историческія свѣдѣнія о борьбѣ Баграта IV съ Греками, объ епископѣ Саввѣ и объ укрѣпленіи имъ входа въ Шавшетъ подъ названіемъ Свети, о которыхъ упоминалось выше при описаніи Свети.

Тбетскій храмъ въ настоящее время еще настолько крѣпокъ, что при незначительной реставраціи, могъ бы считаться лучшимъ памятникомъ Батумской Области. Сложенъ онъ изъ тесанаго камня и представляетъ оригинальное зданіе, какъ по плану, такъ и по внутренней отдѣлкѣ. Общая фигура плана имѣетъ видъ неправильнаго креста съ четырьмя большими столбами внутри, которые поддерживаютъ подпружныя арки главы. (табл. XLI). Средина восточнаго выступа внутри образуетъ алтарное полукружіе, съ боковъ котораго находятся два небольшія четвероугольныя неправильной формы помѣщенія, соединяющіяся съ главнымъ алтаремъ небольшими дверями. Въ сѣверномъ выступѣ внизу имѣется предѣлъ, надъ которымъ вверху находятся хоры; западная часть этого выступа развалилась, но нѣтъ сомнѣнія, что именно въ немъ то и помѣщалась лѣстница, которая вела на верхнія хоры. Часть марша еще сохранилась и хотя подробности выяснить трудно, но видимо что ступени шли съ сѣвера на югъ. Западный выступъ имѣетъ разную толщину стѣнъ, какъ видно по плану; здѣсь находятся хоры, болѣе низкіе, чѣмъ вышеописанные на сѣверной сторонѣ (см. разрѣз. табл. XLI). Хоры эти расположены на сводахъ, для поддержанія которыхъ, среди западнаго выступа, стоитъ колонка (табл. XLI), которой подъ хорами отвѣчаетъ лопатка на срединѣ западной стѣны храма. Стало быть и здѣсь не смотря на обширность храма, его прекрасную внутреннюю отдѣлку (табл. XLII и XLIII), важную роль въ Шавшетіи и все его великолѣпіе, онъ опять-таки не имѣлъ хода въ срединѣ западной стѣны,

*) Слово Тбетъ значитъ озеро.

какъ это дѣлалось и дѣлается въ другихъ церквахъ не только Кавказа, но и всего земнаго шара. На планѣ показанъ существующій небольшой входъ подъ сѣверо-западнымъ угломъ хоръ; входъ этотъ весьма невзраченъ и не похожъ даже на маленькую дверь, а скорѣе на временный проломъ (табл. XLII съ права). Такой входъ, какъ видѣли выше при разсмотрѣніи другихъ сосѣднихъ церквей, не есть явленіе единичное и встрѣчается во всѣхъ храмахъ описываемой мѣстности. Онъ вызванъ, вѣроятно, мѣстной потребностью, частою необходимостью въ защитѣ. Даже и этотъ существующій незначительный входъ вѣроятно не выходилъ прямо наружу, а въ пристройку, въ которой, по разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, находилась лѣстница для хода на западныя хоры.

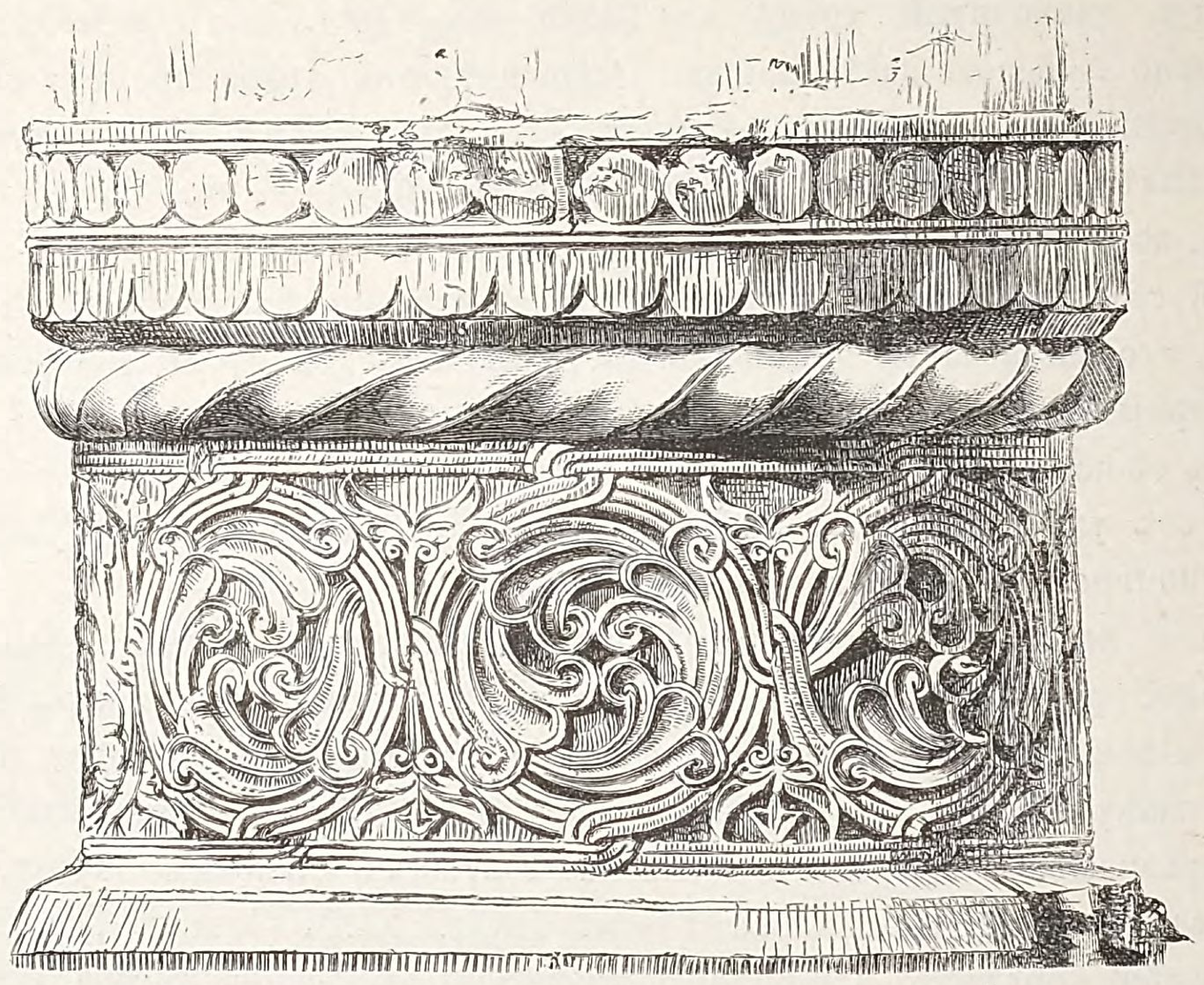
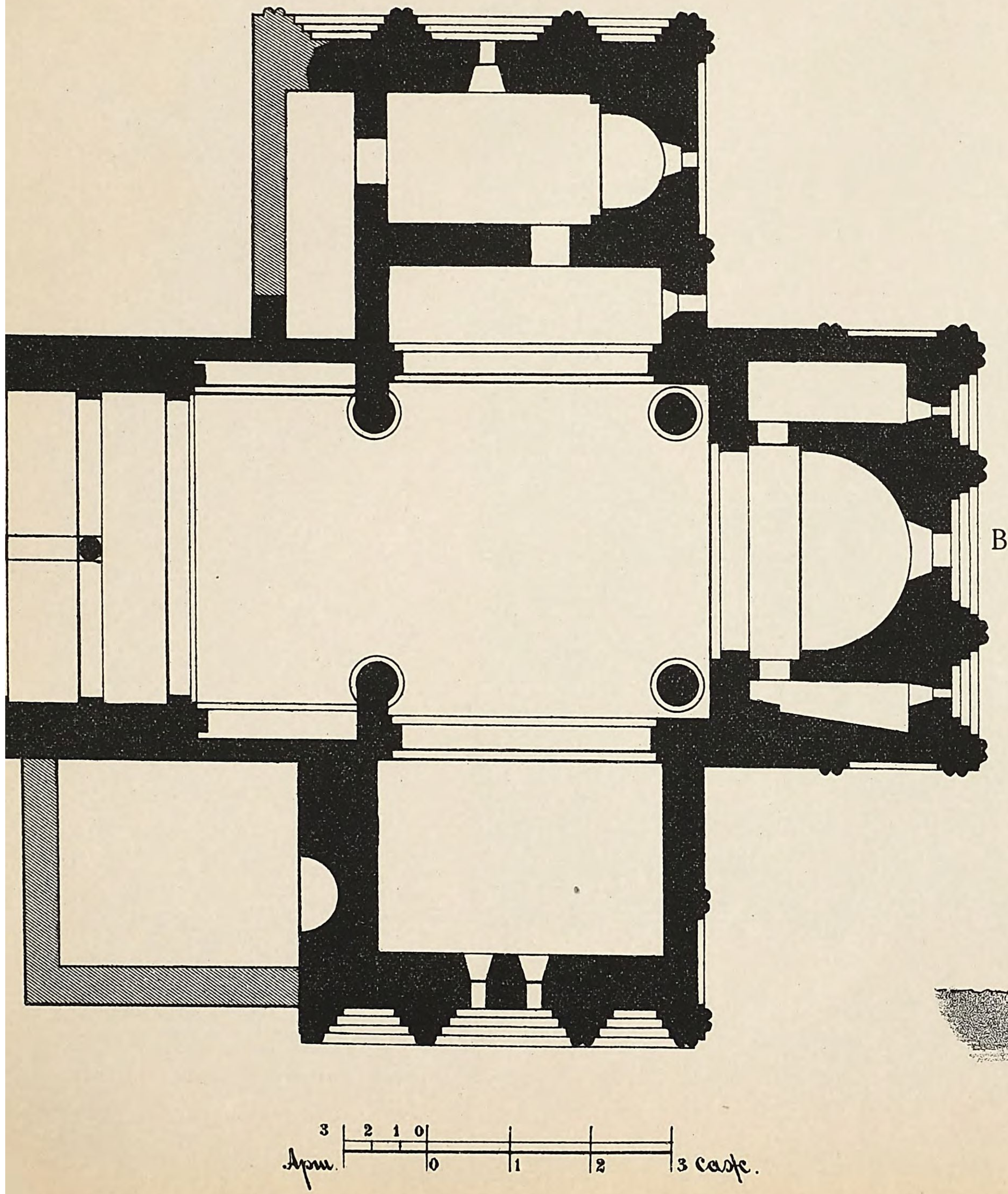

Рис. 44.

Кругомъ храма много развалинъ, а съ юго-запада остатки фундаментовъ весьма значительны и возвышаются надъ землей, въ видѣ отдѣльныхъ массъ стѣнокъ. Здѣсь найденъ камень съ надписью, которая снята графиней Уваровой, но къ несчастію плохо сохранилась и потому не даетъ при чтеніи желательныхъ результатовъ; часть этой надписи прочитанной А. С. Хахановымъ, слѣдующаго содержанія: „Св. Богородица и святые первоапостолы Петръ и Павелъ, будьте заступниками предъ Христомъ при его пришествіи“... недостаетъ имени; вторая же часть совершенно непонятна и Хахановъ высказываетъ только предположеніе, что среди отрывистыхъ словъ и буквъ можно прочитать имя „Кухъ“, что подтверждало бы преданіе о построеніи храма при Ашотѣ Кухѣ или Куропалатѣ.

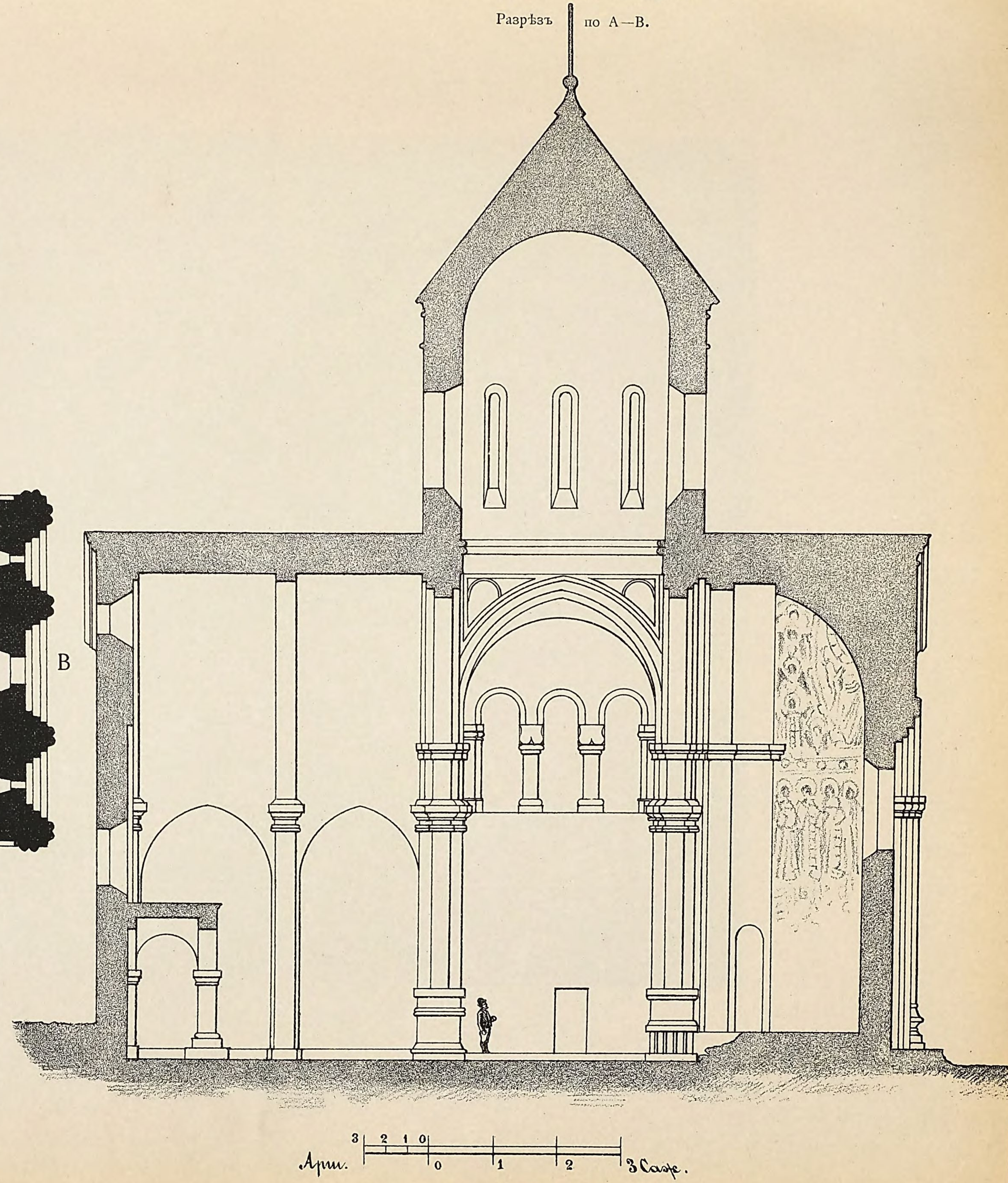
Внутри храма находимъ прекрасныя детали. Четыре столба, поддерживающіе подпружныя арки (табл. XLIII) состоятъ изъ осьмиграннаго ствола, съ капителями богатаго профиля; вниз столбы переходятъ въ круглые пьедесталы, послѣдніе имѣютъ каждый свой особый профиль и орнаменты (табл. XLIV и рис. 44).

ПЛАНЪ ХРАМА ВЪ ТБЕТѢ.

ХРАМЪ ВЪ ТБЕТѢ.

Разрѣзъ по А—В.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Тбетъ.

Часть западныхъ хоръ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Внутренній видъ церкви въ Тбетѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

Тбетъ.

Деталь столба внутри церкви.

Выше капителей столбы мѣняютъ планъ и, переходя въ крестъ, образуютъ другую капитель у самыхъ пятъ подпружныхъ стрѣльчатыхъ арокъ, на которыхъ расположена глава съ восьмью узкими окнами и куполомъ. Сѣверныя хоры сообщаются съ храмомъ тремя круглыми арочками, съ двумя красивыми колоннами, чѣмъ и розыгриваютъ сѣверную стѣну храма, какъ видно на разрѣзѣ (табл. XLI). Внутри храмъ былъ покрытъ живописью, остатки которой и теперь видны въ разныхъ мѣстахъ, въ особенности на алтарномъ выступѣ, гдѣ находимъ крупное изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ и окруженнаго фигурами меньшаго размѣра (таб. XLIII). Западная стѣна, внутри надъ хорами, имѣетъ въ срединѣ арку и двѣ полуарки по бокамъ, которыя не вяжутся съ окружающимъ и производятъ впечатлѣніе позднѣйшаго переустройства. Оканчивая внутреннее описаніе не можемъ не упомянуть, что въ западной стѣнѣ южнаго выступа имѣется, очевидно, древняя металлическая четвероугольная вставка, въ срединѣ которой круглая впадина, обведенная валикомъ; никто изъ мѣстныхъ жителей не могъ объяснить этой детали и я съ своей стороны не найду никакого объясненія для ея значенія.

Наружныя массы Тбетскаго храма представляютъ четвероконечный крестъ съ четырьмя фронтонами. Въ срединѣ на четырегранномъ постаментѣ стоитъ многогранная глава почти съ коническимъ шатромъ, оканчивающимся шаромъ, который, вѣроятно, служилъ основаніемъ креста (табл. XLV, перспектива). Фасады фронтоновъ по своей отдѣлкѣ, хотя и незначительно, но все же отличаются другъ отъ друга. Они имѣютъ одинъ и тотъ же мотивъ украшеній: три впадины въ видѣ трехъ арокъ, не всегда правильно исполненныхъ. Мотивъ отдѣлки столбовъ, довольно богатый; наружная линія храма въ планѣ иногда недурно обработана, но при взглядѣ на фасадъ каждаго фронтона васъ поражаетъ несоразмѣрно тяжелая гладь, разположенная надъ тремя арками богатаго профиля, хотя нѣсколько и разыгранная круглыми окнами, окруженными орнаментами. (Табл. XLVI представляетъ реставрацію фасада южной стороны). Художникъ какъ будто чувствовалъ этотъ недостатокъ: онъ колебался, придавалъ аркамъ разныя пропорціи и возвышеніемъ средней арки старался уничтожить эту скучную гладь. На сѣверномъ фронтонѣ между арками, во впадинахъ на глади, рисуются фигурныя окна (табл. XLVI), полуциркульныя или прямоугольныя, съ богатыми наличниками, украшенными архитектурными обломами, тягами съ капителями, базами, плетеными углами и орнаментами; въ деталяхъ эти орнаменты очень недурны и разнообразны, какъ видно на прилагаемой таблицѣ XLVII.

Такіе мотивы и подобные имъ находимъ и въ болѣе позднихъ и богатыхъ церквахъ, какъ напр. въ Кутаисскомъ соборѣ, въ Гелатѣ и др. Орнаментъ, украшающій основаніе одного изъ внутреннихъ столбовъ Тбетскаго храма (рис. 44), имѣетъ поразительное сходство съ орнаментомъ, украшающихъ наружную арку въ церкви въ Тигви XII вѣка, въ Горійскомъ уѣздѣ. Вообще же здѣсь преобладаетъ орнаментъ изъ плетеній, иногда смѣшанный съ листьями и розетками.

Ознакомившись такимъ образомъ съ Тбетскимъ храмомъ, должны признать его крестовый планъ, нѣсколько выходящимъ изъ обыкновеннаго ряда плановъ кавказскихъ церквей. Паруса и высокая глава съ сравнительно малымъ діаметромъ не

позволяетъ придать этому храму большую древность; присутствіе же колонокъ, различныхъ бусъ и тягъ очень сближаетъ стиль Тбетскаго храма съ старымъ Кутаискимъ соборомъ, на основаніи чего мы не можемъ отнести его къ порѣ ранней XI вѣка.

Заканчивая обзоръ церквей Кавказа, считаю не безполезнымъ сдѣлать сводъ всего сказаннаго. Церкви Кавказа, по своему плану и массамъ, можно раздѣлить *на два главныхъ типа*: къ *первому*, отнесемъ церкви *съ центральнымъ купольнымъ планомъ*, какъ храмъ въ Драндѣ, въ Мартвили, Рипсиме въ Вагаршападѣ, св. Креста близъ Мцхета и др. Всѣ эти храмы, къ какому бы времени они не принадлежали, строились по весьма древнему типу храмовъ VI—VIII вѣкѣ. Эфектъ этихъ храмовъ, подобно множеству византійскихъ церквей въ Сиріи, Константинополѣ и проч., основанъ на перспективѣ, ведущей глаза къ верху, къ вершинѣ купола, изображающаго небесную іерархію, съ воображаемой главой всемогущаго Бога. „Сравнительно невысокій куполъ служилъ образомъ неба, говоритъ г-нъ Госсетъ *), и, прорѣзанный внизу множествомъ оконъ, казался висящимъ въ воздухѣ". Подобные купола не имѣли снаружи шатра и были крыты посводно.

Второй типъ храма, болѣе поздній, представляетъ *смѣсь купольной церкви съ базиликой*, въ которыхъ эффектъ сосредоточивается у алтаря и надъ нимъ; къ этому типу принадлежатъ большая часть кавказскихъ церквей: Кутаискій соборъ, храмъ въ Мокви, Бедіи, Портѣ, Пицундѣ и друг.; всѣ онѣ сравнительно поздніе, и типъ ихъ плана несомнѣнно принадлежитъ X—XII вѣку. Фасады ихъ становятся стройными, а главы поднимаются все выше и разукрашиваются карнизами и орнаментами въ противоположность церквамъ перваго типа, которые почти неимѣютъ барабана подъ куполомъ, а если барабанъ и есть, то онъ не высокъ и отличается тяжестью и приземистостью.

Такимъ образомъ видимъ, что барабаны церковныхъ главъ служатъ мѣриломъ времени построекъ: первыя церкви VI вѣка въ Сиріи и Византіи почти не имѣли барабана у своихъ куполовъ или имѣли ихъ въ весьма малыхъ размѣрахъ; фасады этихъ церквей ихъ еще мало разработаны. Послѣ смѣшенія базилики съ купольнымъ храмомъ, куполъ поднимается къ верху и барабану его придается бо́льшее значеніе. Снаружи являются отдѣльныя массы, стройное сочетаніе которыхъ даетъ возможность изъ безформенной смѣси покрытій, какъ, напр., въ св. Софіи въ Константинополѣ, выработать красивый фасадъ. Высокій и стройный куполъ на Кавказѣ, покрытый чаще всего шатромъ или конусомъ (древній символъ святости), достойно заканчиваетъ храмъ. Таковы храмы: въ Бедіи, въ Энирабатѣ, Тбетѣ, Долисъ-ханѣ и др. Гораздо рѣже встѣчается на Кавказѣ покрытіе посводное какъ въ Драндѣ и въ Пицундѣ. Глава храма въ Мокви, какъ видѣли выше, передѣлана, но имѣла первоначально посводное покрытіе, что доказывается планомъ и массами самого храма несомнѣнно византійскаго проис-

*) Les coupoles d'Orient et d'Occident. Annales de la Société d'Archéologie de Bruxelles, т. 4, 1890 г.

Табл. XLV.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

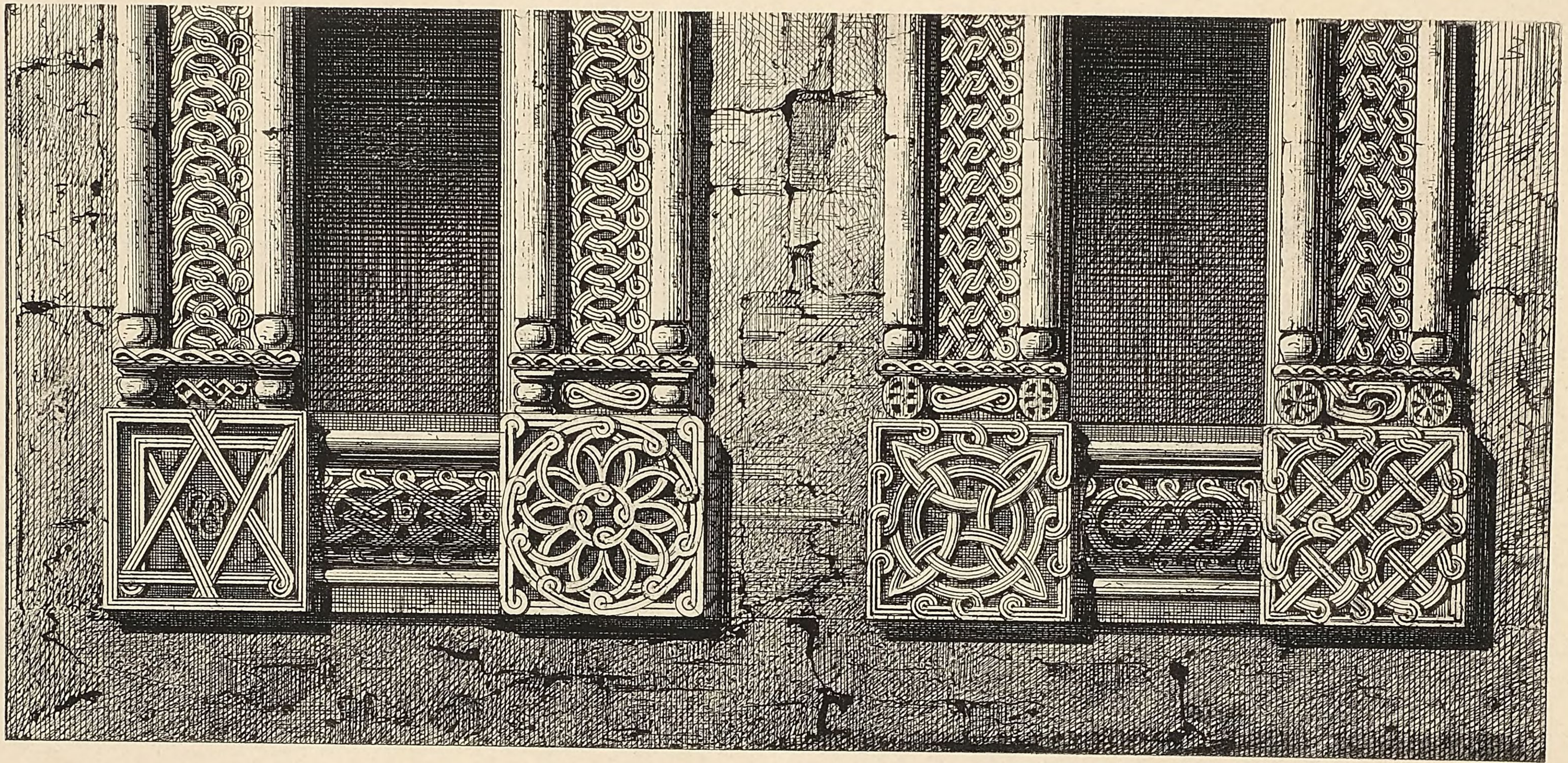
Церковь въ Тбетѣ съ сѣверо-восточной стороны.

Тбетъ.

Фасадъ съ южной стороны.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ

Тбетъ.

Детали наружныхъ оконъ.

хожденія, какъ и Пицунда. Церкви эти, съ ихъ шаровымъ посводнымъ покрытіемъ, хотя и принадлежатъ Кавказу, но вѣроятно построены Греками. Другія церкви, какъ, напр., въ Бедіи и въ Портѣ весьма похожи на нихъ и того же времени, но имѣютъ уже свои отличія и въ планѣ и въ фасадѣ: алтарные выступы пропадаютъ, являются ниши, стѣны покрываются своеобразными жгутами и длинными тягами, образуя кресты и другія фигуры, окаймляя окна, двери и проч.; промежутки между тягами заполняются орнаментами изъ плетеній и растеній; глава кроется шатромъ; колонокъ еще нѣтъ, но тяги уже въ изобиліи. Позднѣе встрѣчаемъ и третій родъ церквей, на которыхъ кромѣ всѣхъ выше приведенныхъ украшеній прибавляются капители и базы, обращая такимъ образомъ тяги въ колонны различной длины; къ подобнымъ церквамъ слѣдуетъ отнести богатѣйшіе памятники Кавказа—старый Кутаискій соборъ, Портскую церковь, Долисъ-хане и др. Всѣ церкви, среди украшеній которыхъ не находимъ колоннъ, носятъ болѣе мѣстный *грузинскій характеръ;* подробности ихъ отдѣлки скорѣе приближаются къ востоку, чѣмъ къ западу. Что же касается церквей, въ отдѣлку которыхъ вошли колонки, то, хотя онѣ и имѣютъ иногда свои особенности, но нельзя все-таки отрицать вліянія *западнаго искусства;* невозможно это уже потому, что иногда имѣются прямыя указанія на призывъ западныхъ архитекторовъ, какъ это видѣли при разборѣ Кутаисскаго собора; такимъ образомъ церкви эти нельзя признать чисто грузинскаго стиля, а скорѣе признавать въ нихъ смѣсь грузинскаго съ романскимъ.

И такъ на основаніи сказаннаго церкви Кавказа можно раздѣлить на два *типа*: къ первому типу отнесемъ церкви, имѣющія *центральный купольный планъ*; ко второму церкви, имѣющія *соединенный планъ*. Второй типъ, согласно вышесказанному, можно также раздѣлить на три вида: а) церкви съ *купольнымъ покрытіемъ* и съ явными слѣдами Византійскаго вліянія, какъ напр. Пицунда, Мокви и другія; б) церкви съ *шатровымъ покрытіемъ безъ колонокъ* явно грузинскаго стиля, какъ напр. Бедія и наконецъ в) *церкви шатровыя съ колонками*, какъ напр. Кутаискій соборъ, церковь въ Портѣ и др.

Ко всѣмъ этимъ особенностямъ церквей Батумской области отнесемъ весьма незначительные входные двери, замаскированыя или имѣющія выходъ въ другія пристройки на случай обороны. Церкви же въ остальныхъ мѣстностяхъ Кавказа, какъ и вообще церкви всего свѣта, имѣютъ парадный открытый входъ съ запада иногда и боковъ, при чемъ западный входъ, какъ главный, бываетъ отмѣченъ особою важностью и, какъ лучшее украшеніе, составляетъ нераздѣльное цѣлое съ фасадомъ.

Кромѣ вышеописанныхъ церквей можно указать на нѣсколько исключеній отъ общепринятаго типа, исключеній какъ по планамъ, такъ и по фасаду, напр., церковь въ Свети, но подобныя исключенія весьма не многочисленны и потому не могутъ составить особаго типа.

ПАМЯТНИКИ МАГОМЕТАНСКІЕ.

Покончивъ съ осмотрѣнными нами христіанскими памятниками на Кавказѣ, скажемъ нѣсколько словъ и о памятникахъ, принадлежащихъ магометанскому искусству, которые мы встрѣтили какъ въ Батумской области, такъ и въ Баку. Въ Батумской области вниманіе наше привлекли, главнымъ образомъ, деревянныя мечети, изъ которыхъ опишемъ три: одну въ Батумѣ, вторую въ Мачахелисъ—Пири и третью въ Марадиди. Мечети эти деревянныя и рѣзныя, со всей своей обстановкой и утварью. Снаружи нѣтъ никакой отдѣлки: стѣны гладкія, обшитыя тесомъ; фасадъ безъ всякой выработки, безъ всякой игры массъ въ видѣ куба возлѣ котораго стоитъ минаретъ. Мечеть въ селеніи Мачахелисъ-Пири въ планѣ представляетъ квадратъ, внутри котораго постановлены столбы для поддержки хоръ и потолка (см. рис. 45). Передъ входомъ въ мечеть нѣсколько ступеней ведутъ на открытую террасу. Съ террасы дверь ведетъ внутрь зданія подъ хоры, которыя поддерживаются пятью столбами и съ трехъ сторонъ окружаетъ внутреннее помѣщеніе. Стѣны мечети сложены изъ каштаннаго дерева, а внутренняя отдѣлка рѣзана изъ орѣха. Окна волоковыя съ внутренними задвижными ставнями. Мечеть эта не особенно древняя, какъ, другія подобныя ей, деревянныя мечети; по характеръ украшеній, ихъ рѣзьба, основанная на старыхъ традиціяхъ, по оригинальности своей отдѣлки вполнѣ заслуживаютъ вниманія.

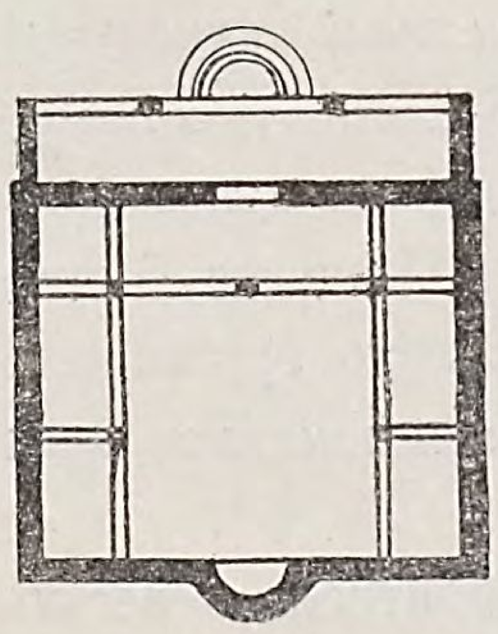

Рис. 45.

По словамъ мѣстнаго старика муллы, всѣ эти мечети строились и украшались одними и тѣми же мастерами, живущими издавна въ мѣстечкѣ Архавѣ, близь Чернаго моря, въ 35 верстахъ отъ Макріали.

Рис. 46 представляетъ рѣзную деревянную дверь, ведущую во внутренность мечети. Рѣзьба ея, какъ видно, заимствована изъ плетеній, встрѣчающихся во множествѣ на каменныхъ храмахъ Кавказа (укажемъ, напр., на наличники оконъ въ Тбетѣ. Табл. XLVII). Такого рода плетенія встрѣчаются весьма часто на Кавказѣ и составляютъ особую принадлежность мѣстной орнаментики. Узоръ, расположенный надъ дверью, образуетъ арочку. Онъ по композиціи имѣетъ самый обыкновенный пріемъ, употребляемый при сочиненіи растительныхъ орнаментовъ.

Тѣмъ не менѣе по остальной отдѣлкѣ онъ отличается отъ растительнаго орнамента и скорѣе напоминаетъ плетеніе. Такимъ образомъ, образуя нѣчто среднее между растеніемъ и плетеніемъ, онъ не составляетъ дисгармоніи съ окружающими его плетеными украшеніями. Тотъ же пріемъ видимъ и внутри мечети на боковой сторонѣ лѣстницы, ведущей на каѳедру.

Подъ балюстрадой расположены завитки, еще болѣе похожіе на плетеную тесьму съ небольшими листиками съ обѣихъ сторонъ. При болѣе тщательной отдѣлкѣ этотъ орнаментъ все болѣе и болѣе становится растительнымъ, какъ это видимъ на плафонѣ батумской мечети (Рис. 47). Мейрабъ мечети въ селеніи Марадиди представляетъ нишу по бокамъ которой идетъ орнаментъ съ листьями, розеточками, травами и цвѣтами. Узоръ этотъ, имѣя въ основаніи своемъ то же начало плетеной тесьмы, развивается

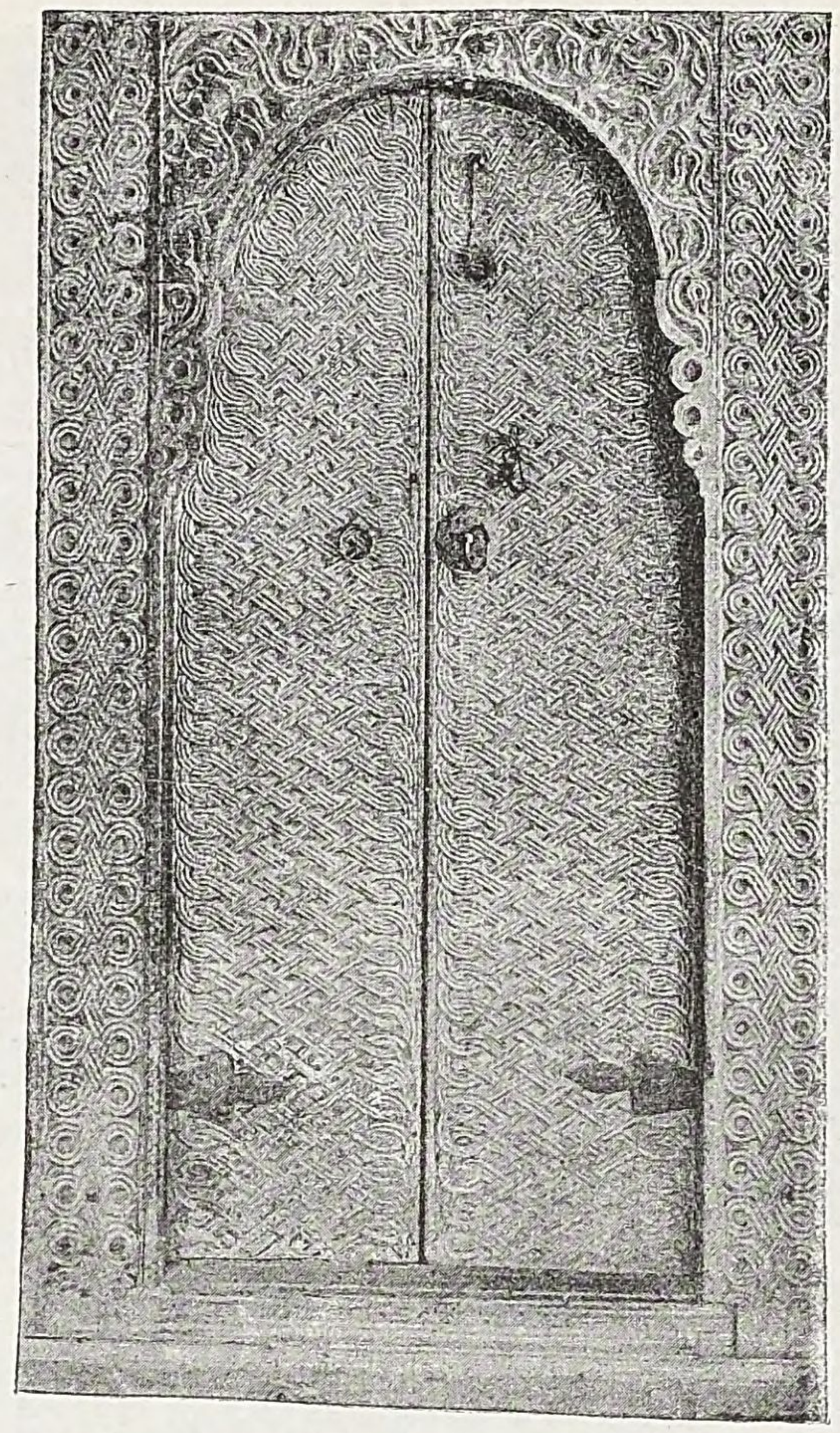

Рис. 46.

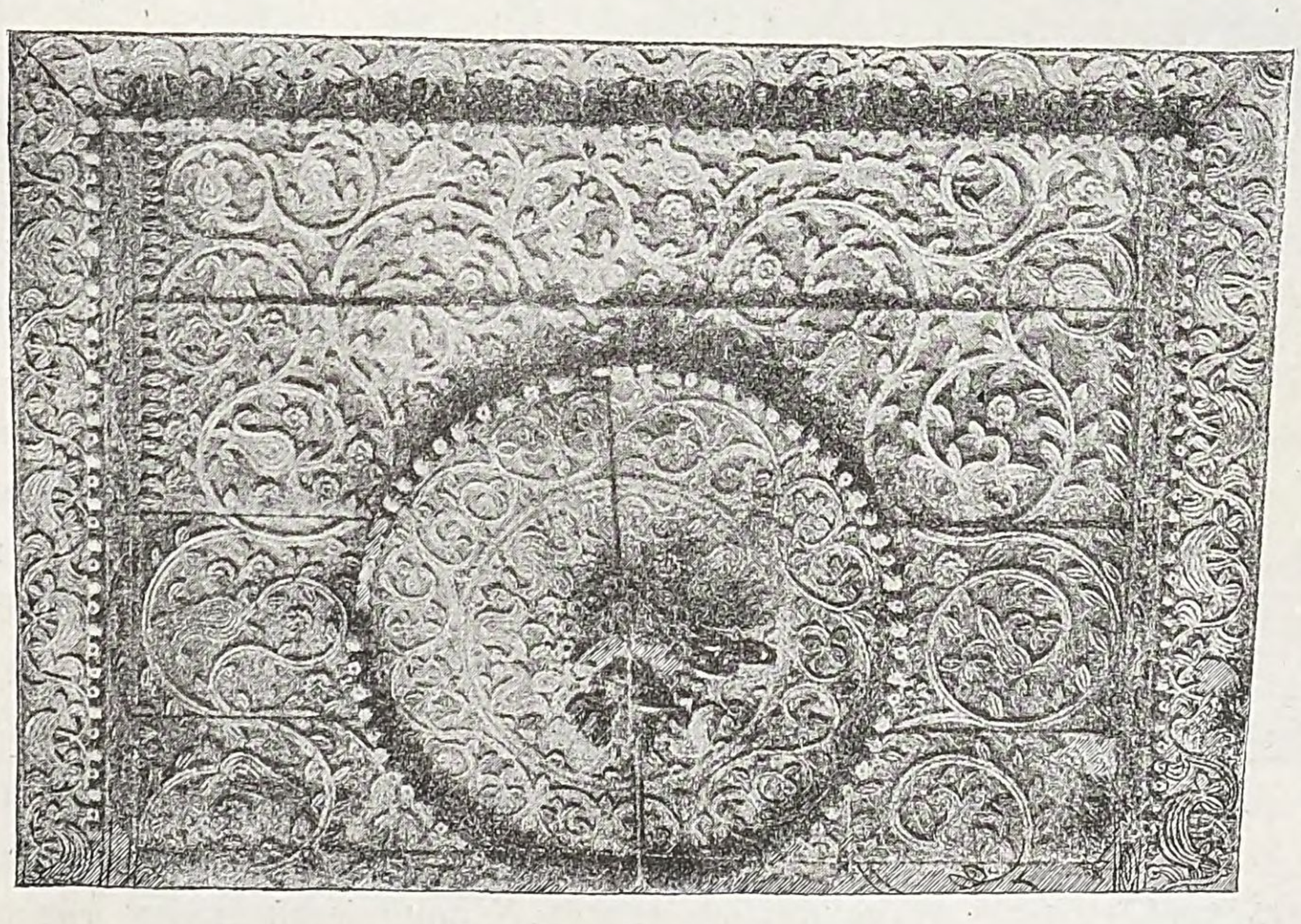

Рис 47.

въ особый оригинальный характеръ. Тотъ же пріемъ, но съ деталями выпуклыми вмѣсто врѣзанныхъ, представляетъ верхняя отдѣлка мейраба (рис. 48). Горизон-

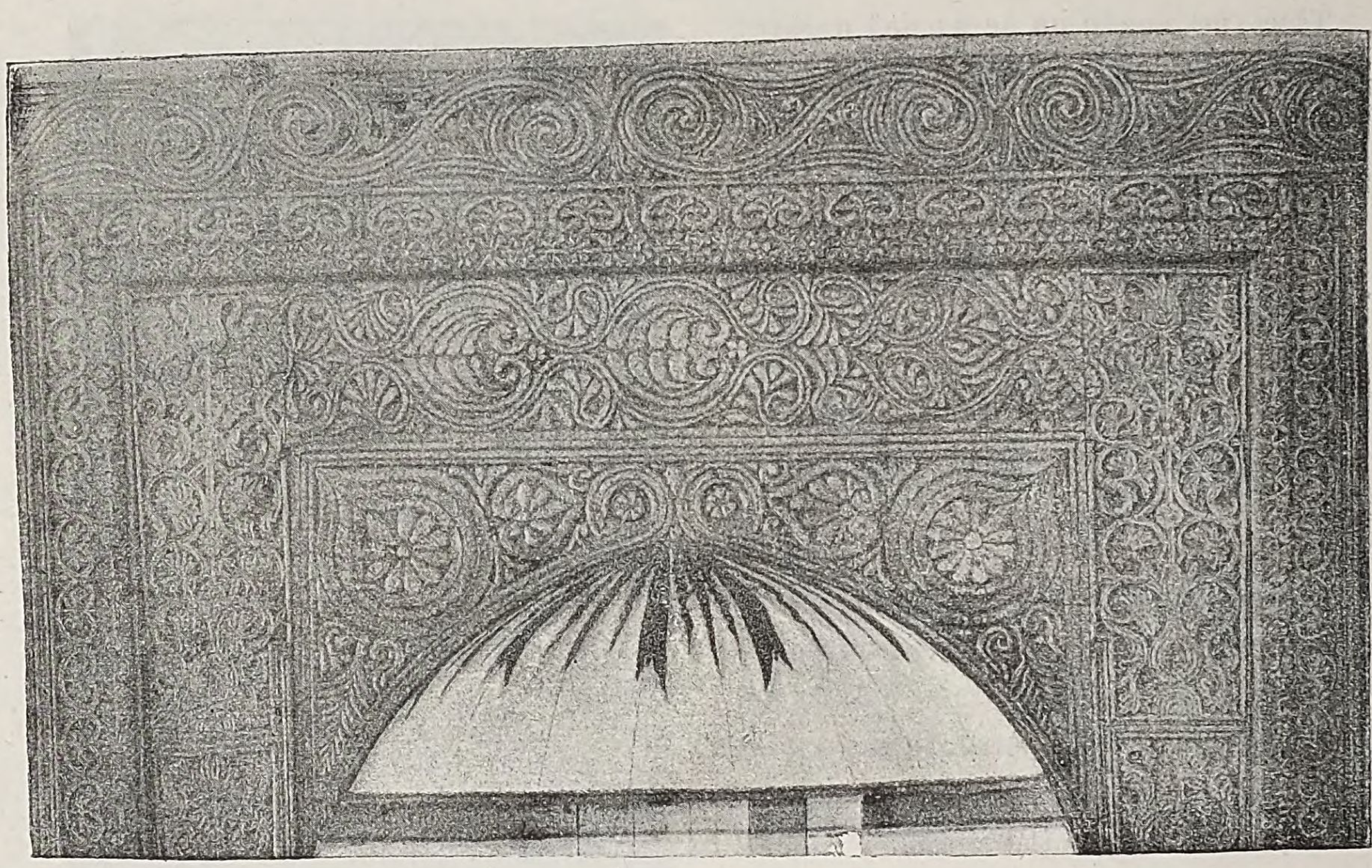

Рис. 48.

Рис. 49.

тальная полоса орнамента, расположенная надъ верхней аркой, хотя и напоминаетъ обыкновенныя розетки и пальметки, но все-таки имѣетъ свою особенность. То же можно сказать и про самый верхній орнаментъ, имѣющій въ основѣ обыкновенный пріемъ, употребляемый въ древности для изображенія волнъ. Рисунокъ 49 представляетъ кюрси, т. е. малую каѳедру въ той же мечети, съ которой приходскій мулла читаетъ проповѣди. Въ общемъ каѳедра эта представляется весьма богатой: верхнія три полосы орнамента столь обыкновенны по пріему, что мы на нихъ не остановимся; за ними слѣдуетъ поясъ, украшенный балясинами, ниже которыхъ идетъ горизонтальный поясъ изъ особаго рода широкихъ завитковъ. Промежутки между точеными поясками походятъ на узоры индійскихъ сосудовъ въ Кесингтонскомъ музеѣ.

Другая замѣчательная деревянная мечеть находится въ небольшомъ селеніи Марадиди, расположенномъ на лѣвомъ берегу Чороха. Мечеть эта также рѣзная

и, сравнительно, болѣе обширныхъ размѣровъ. По мѣстному преданію она выстроена на пожертвованія прихожанъ. Внутри мечети расположены хоры на 8-ми столбахъ (рис. 50) и имѣются три двери, изъ подъ галлереи. Всѣ онѣ рѣзной работы, сходны между собой по общей формѣ, но нѣсколько разнятся въ деталяхъ. Рис. 51 воспроизводитъ одну изъ этихъ дверей. Створы ея покрыты по всей поверхности растительнымъ орнаментомъ съ тѣмъ же оригинальнымъ оттѣнкомъ, который видѣли выше на мечети въ Мачахелисъ-Пири. На нижнихъ половинахъ этихъ створъ изображены растенія съ прямыми стволами, къ которымъ примыкаютъ по обѣимъ сторонамъ листья съ широкими завитками. Тотъ-же орнаментъ находимъ надъ аркой и на стѣнѣ правой стороны той же двери. Верхняя часть этого растительнаго орнамента рѣзана совершенно иначе и подходитъ по своему характеру къ узору верхнихъ половинокъ створъ, гдѣ изображены растенія съ листьями и цвѣтами на

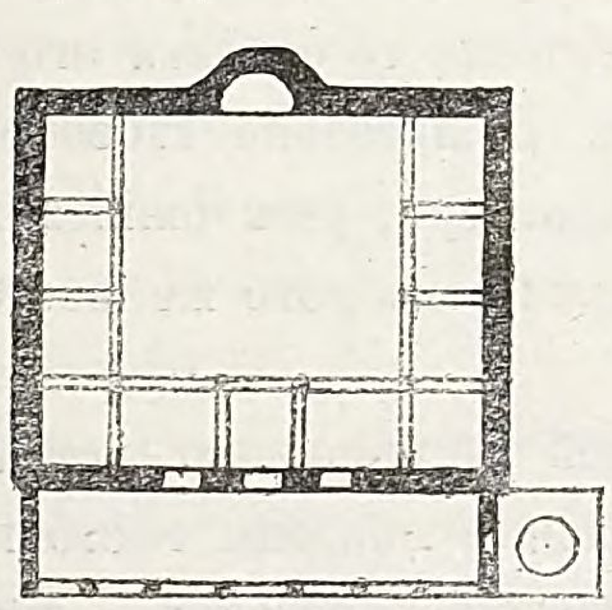

Рис. 50.

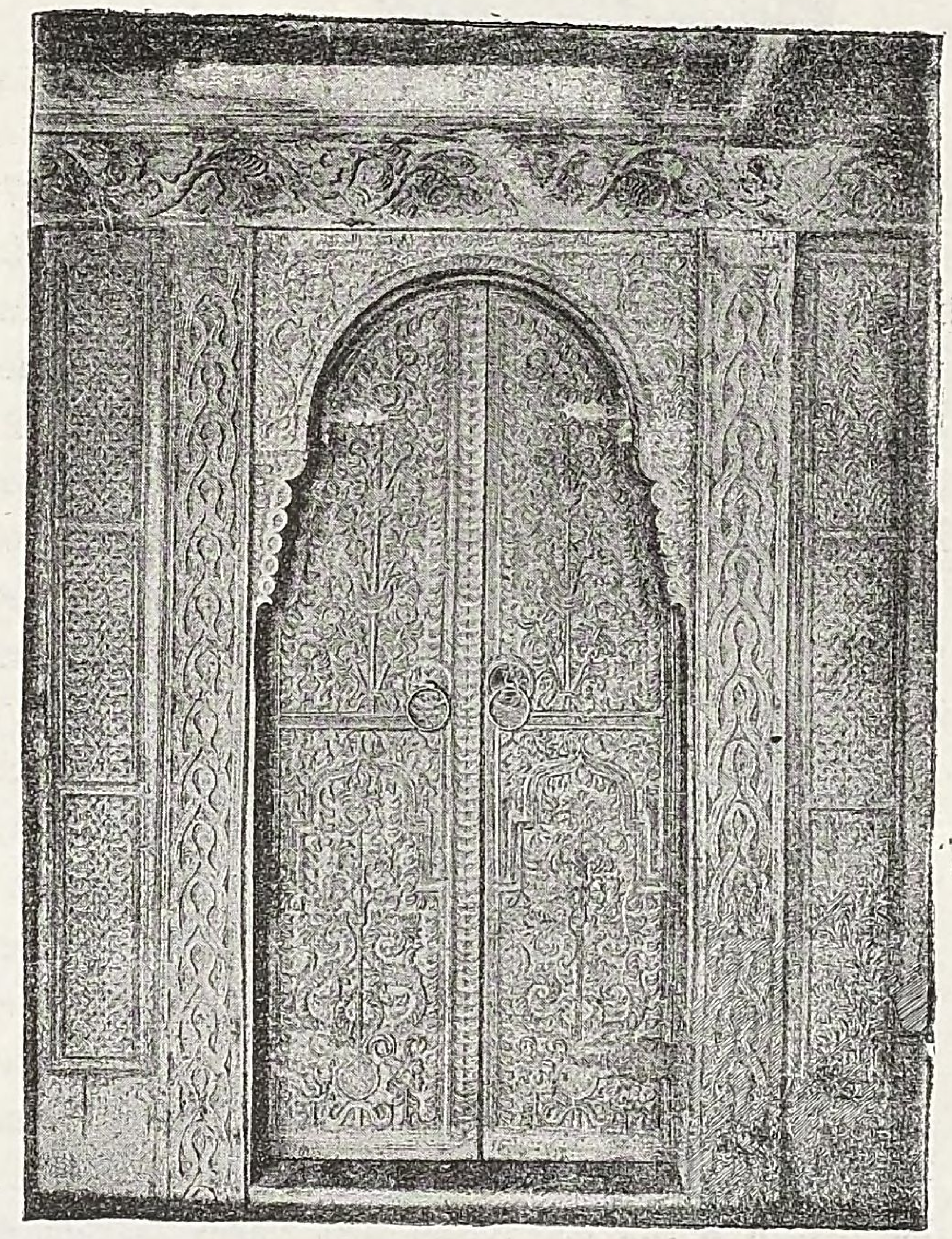
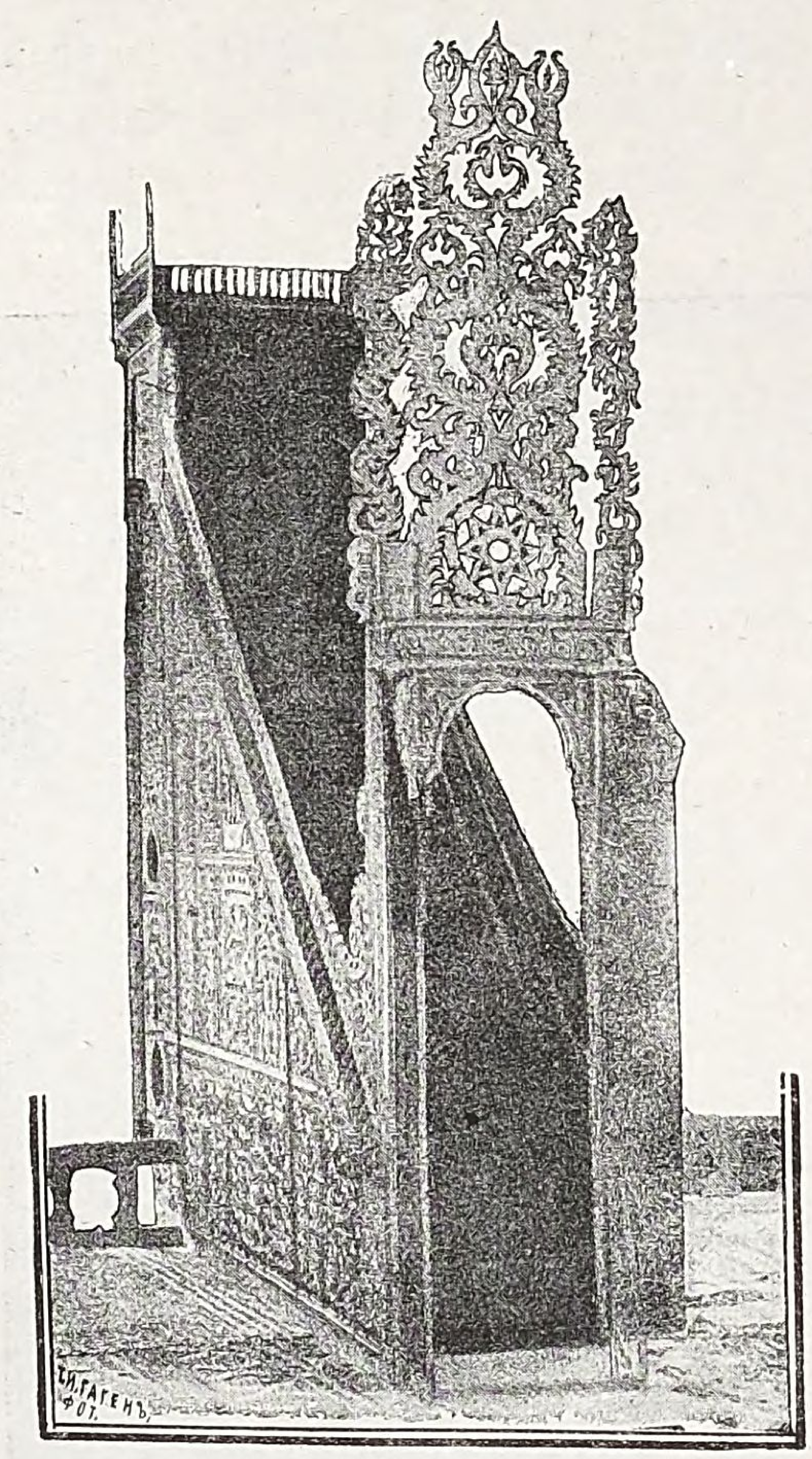

Рис. 51.

прямолинѣйныхъ стволахъ и вѣтвяхъ. По бокамъ двери находятся наличники съ узоромъ, весьма похожимъ на плетеніе. На остальныхъ двухъ дверяхъ, какъ было сказано выше, повторяются съ нѣкоторымъ варіантомъ тѣ же узоры. Внутри мечети, кромѣ вышеописаннаго мейраба, заслуживаетъ вниманія менберъ (рис. 52), или главная каѳедра. Входъ на лѣстницу состоитъ изъ двухъ столбиковъ, украшенныхъ рѣзнымъ растительнымъ узоромъ, на мотивъ такъ называемаго побѣгуна. Столбы перекрыты перекладиной, съ внутренней арочкой, и прорѣзнымъ верхомъ, заканчивающимся съ боковъ орнаментомъ въ видѣ двухъ вьющихся змѣй. Входъ этотъ своеобразенъ, хотя и не особенно красивъ. Боковая отдѣлка этой каѳедры сходна по узорамъ съ отдѣлкой створовъ входныхъ дверей, хотя здѣсь встрѣчаются мотивы весьма своеобразные; такъ напримѣръ среди узоровъ

введены разные предмѣты какъ то: сабля, пистолетъ, пороховница, парусное судно, и проч. Подъ каѳедрой находится пустое пространство, которое соединяется съ мечетью изящными прорѣзами, образующими на общемъ рѣзномъ фонѣ красивыя фигурныя пятна.

То же самое находимъ и въ мечети Батума. Менберъ украшенъ двойною баллюстрадой, а самое сидѣнье вверху по бокамъ имѣетъ стѣнки изъ мелкихъ балясинокъ съ рѣзнымъ орнаментомъ. Хоры также расположены на столбахъ, а потолокъ мечети убранъ рѣзной работой (рис. 47) изъ растительнаго орнамента, съ круглою розеткой на серединѣ.

Рис. 52.

И такъ, кончая съ деревянною рѣзьбой мечетей Батумской области, не можемъ не придти къ убѣжденію, что, по мотивамъ своимъ, рѣзьба эта имѣетъ много общаго съ плетеніями, которыя встрѣчаются на каменныхъ церквахъ Кавказа. Если въ основу этого орнамента и вошелъ растительный завитокъ, который, какъ извѣстно, встрѣчается во множествѣ на Западѣ и Востокѣ, то отдѣлка его въ деталяхъ имѣетъ рѣшительно своеобразный мѣстный характеръ, развившійся несомнѣнно подъ вліяніемъ того же восточнаго плетенія.

Полы мечетей обыкновенно устланы восточными коврами, которые также представляютъ прекрасные образцы восточной работы, и могли бы также дать массу матеріала для изученія восточнаго орнамента, до сихъ поръ еще такъ мало изученнаго.

БАКУ.

Дорнъ относитъ основаніе Баку ко временамъ Сассанидовъ, то есть къ VI вѣку. Время не могло не измѣнить береговыхъ очертаній; часть древняго берега теперь подъ водой и на днѣ моря, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нынѣшняго города, виднѣются и до нашего времени развалины башенъ и другія сооруженія.

Исторія говоритъ, что послѣ арабскаго владычества Баку подпалъ подъ власть Ширванъ-Хановъ, пострадалъ отъ нападенія Тохтамыша и Измаилъ Софы, а въ 1509 г. былъ подчиненъ Персамъ. Потомъ его взяли Турки, но при Абассѣ I Великомъ онъ снова перешелъ подъ владычество Персовъ. Въ 1723 г. Баку былъ взятъ Русскими, но въ 1735 г. снова уступленъ Персамъ и управлялся ханами. Въ 1806 г. послѣ убіенія русскаго полководца, князя Циціанова, Баку присоединенъ къ Россіи и съ 1807 г. обращенъ въ губернскій городъ.

Древній Баку былъ обнесенъ двумя стѣнами. Внѣшнюю изъ нихъ пріурочиваютъ ко времени Абасса I, равно какъ и круглую башню, извѣстную подъ названіемъ Кыз-Калеси, то есть Дѣвичьей башни, получившей свое имя, какъ говоритъ преданіе, отъ царской дочери, которая бросилась въ море, чтобы спастись отъ преслѣдованій роднаго отца.

Постройку внутренней стѣны относятъ ко времени Мустафы Паши.

Интереснѣйшими изъ древнихъ памятниковъ Баку является, безъ сомнѣнія, *Ханскій Дворецъ съ его Мечетями, Судилищемъ и Усыпальницей.*

Ханскій дворецъ состоитъ изъ разнородныхъ зданій, расположенныхъ въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, замкнутыхъ дворикахъ, расположеныхъ на трехъ разныхъ уровняхъ. Первый дворъ, находящійся на низшей площадкѣ, представленъ табл. XLVIII. Вы входите въ этотъ дворъ черезъ особыя ворота, отчасти видимыя справа на нашей фототипіи; ворота эти, какъ и многія другія въ этомъ дворцѣ, представляютъ стрѣльчатую арку, окаймленную четыреугольной рамой. Дворъ довольно тѣсный; прямо противъ входа расположена дюрбе или Усыпальница матери и сына Хана (рис. 53 представляетъ его планъ, а рис. 54 разрѣзъ). Планъ усыпальницы снаружи имѣетъ видъ продолговатаго четыреугольника; внутреннее же помѣщеніе представляетъ крестъ съ пристройками въ углахъ; средину вѣнчаетъ большой куполъ, который опирается на стрѣльчатые своды, покрывающіе руки креста. Самый куполъ въ основаніи имѣетъ довольно сложный переходъ къ парусамъ (рис. 54); вся же постройка, съ ея внутреннимъ крестовымъ планомъ и купо-

ломъ, не имѣющимъ барабана, по конструкціи весьма напоминаетъ массы христіанской церкви съ купольнымъ центровымъ планомъ. Планъ этой усыпальницы, а равно и другихъ подобныхъ ей сооруженій, конечно, есть отголосокъ первыхъ христіанскихъ церквей или тѣхъ грандіозныхъ мечетей, которыя строили магометанамъ греки въ подраженіе своимъ великолѣпнымъ христіанскимъ храмамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ постройкахъ находимъ и нѣкоторыя особенности, присущія исключительно магометанскому искусству: стрѣльчатая арка принимаетъ болѣе выгнутую форму съ заостреннымъ подвышеніемъ; куполъ убранъ поливой въ видѣ звѣздъ и украшенъ ребрами; фасадъ вмѣсто крыши имѣетъ плоскую, чисто восточную, площадку, предназначенную для гулянья, на которую можно пробраться изъ мечети довольно узкою лѣстницею. Боковыя стѣны фасада облицованы тесанымъ гладкимъ камнемъ и не имѣютъ никакихъ украшеній; только входъ, возвышаясь нѣсколько надъ стѣнами зданія, разукрашенъ со всевозможною роскошью. Общая фигура этого входа, въ видѣ прямоугольной рамы, содержитъ въ себѣ нишу въ видѣ двойной арки съ заостреннымъ подвышеніемъ. Надъ аркой все тѣло покрыто орнаментомъ, надъ которымъ расположена надпись на арабскомъ языкѣ, которую профессоръ Лазаревскаго института, г-нъ Аттая, читаетъ слѣдующимъ образомъ:

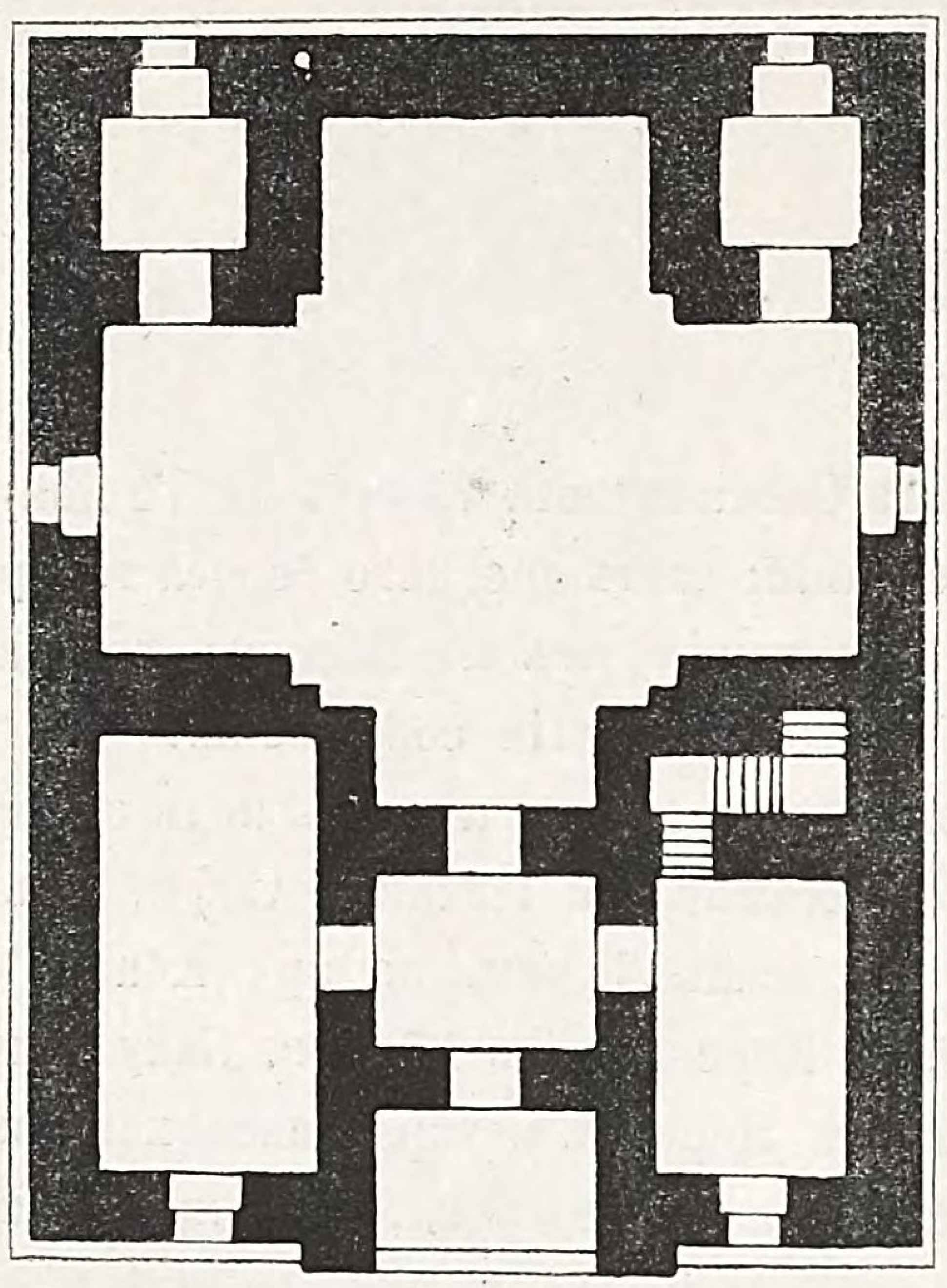

Рис. 53.

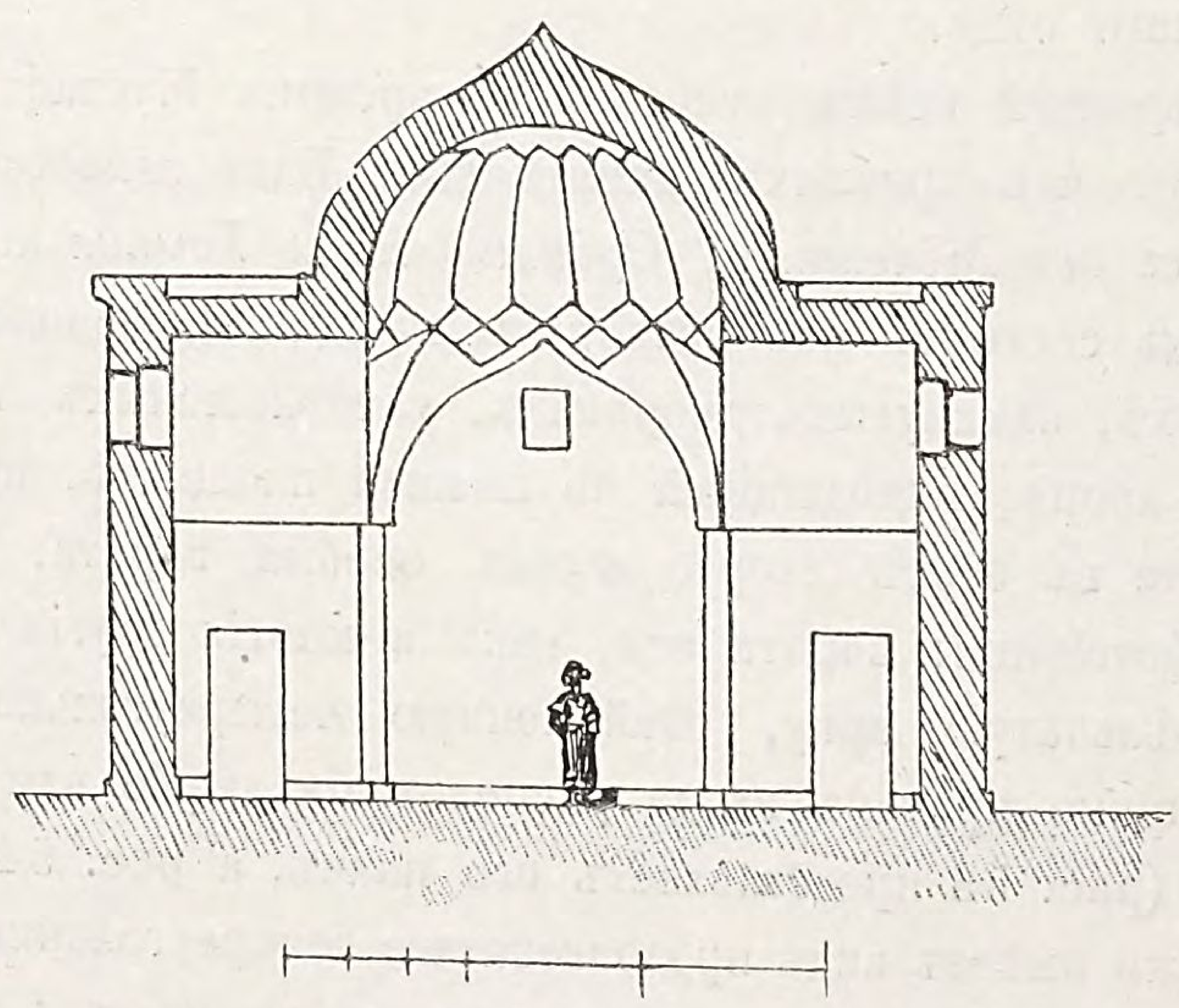

Рис 54.

на нижней строкѣ: *Сказалъ Пророкъ да будутъ самыя благочестивыя молитвы надъ нимъ и совершеннѣйшіе привѣты ему....;* на верхней: *Сказалъ Богъ слава*

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Ханская мечеть въ г. Баку

ему, да будетъ онъ благословенъ и высокъ... Проститъ самъ Богъ грѣхи ваши и отложитъ наказанія ваши... Конецъ первой строки читается съ трудомъ по несовершенству фотографическаго снимка. По бокамъ ниши имѣются два медальона также съ надписями, но онѣ не поддаются совершенно чтенію, и Аттая разобралъ въ нихъ только одно слово „Али". Внутренность ниши въ верхней своей части имѣетъ ребровидный сводъ, который въ своемъ основаніи опирается на систему выступовъ, весьма похожихъ на такъ называемые сталактиты, которые и переводятъ давленіе на прямоугольникъ. Въ глубинѣ ниши находится дверь

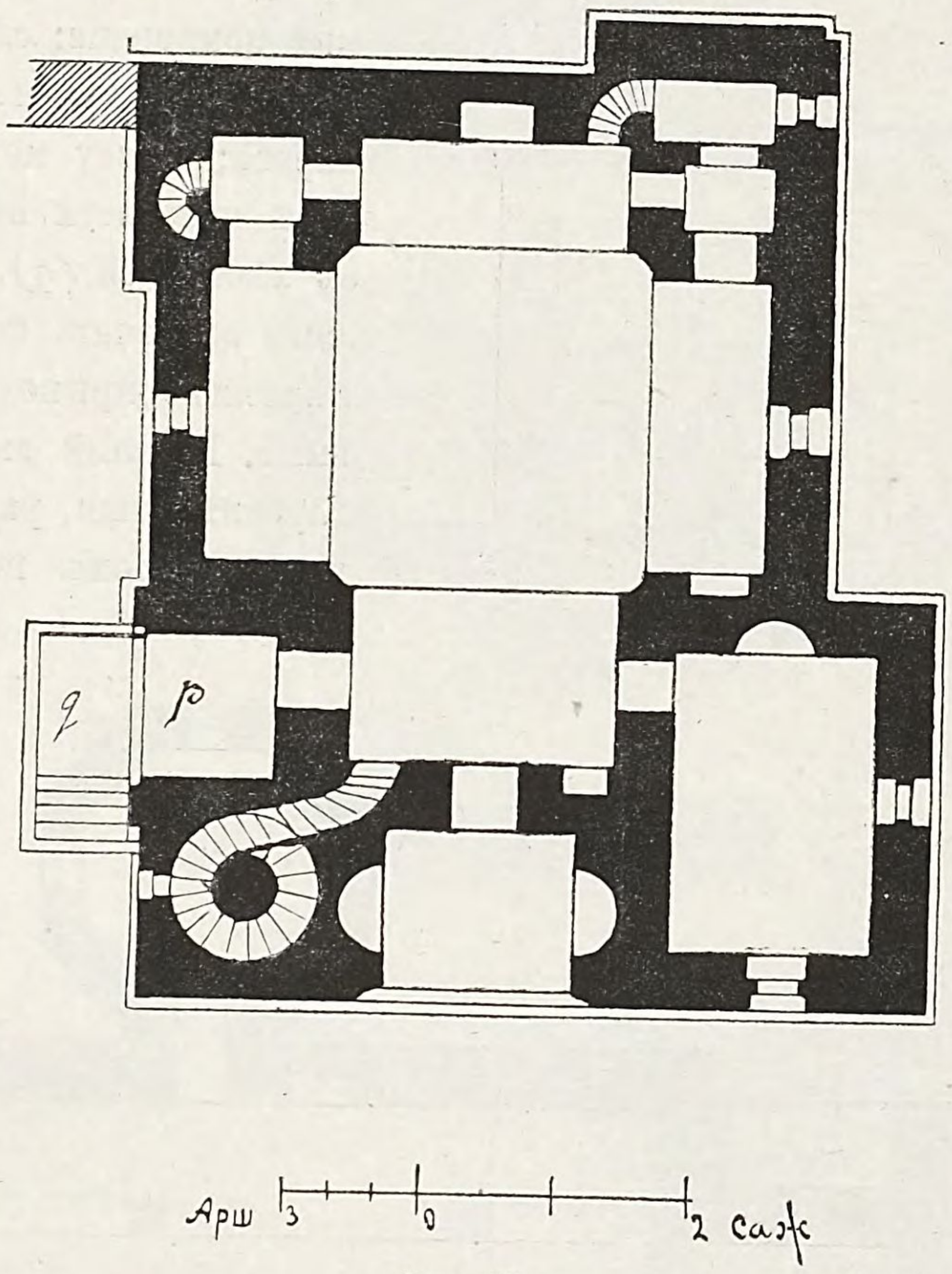

Рис. 55.

тоже стрѣльчатая съ узорами, надъ которыми расположена надпись, состоящая изъ двухъ отдѣленій, съ двумя строками въ каждомъ; содержаніе ея слѣдующее: въ первомъ: „*Приказалъ Султанъ величайшій по чести Шахъ почитаемый укрѣпленнымъ Богомъ, опора вѣры, другъ Божій, да продлитъ Богъ вѣчно его могущество*"; во второмъ: „*И его власть соорудитъ эти свѣтлыя усыпальницы для матери своей и сына своего, да помилуетъ Богъ ихъ обоихъ. Въ году девять, тридцать и восемьсотъ*" *839=14$^{35}/_{36}$* г. нашей эры. Весьма вѣроятно, что Султанъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, никто иной, какъ Султанъ Шахъ Рокъ четвертый сынъ Тимура, царствовавшій отъ 812—850, т. е. отъ 1409—1446 г. нашей эры.

На лѣво отъ усыпальницы расположена Ханская мечеть, зданіе бо́льшихъ раз-

мѣровъ чѣмъ вышеописанное; носитъ она имя „Шамереде“ и представлена нами на табл. XLVIII и рисункахъ 55 и 56. Мечеть эта по плану внутри также крестообразная какъ и Усыпальница; разрѣзъ ея и вообще вся конструкція та же, но съ небольшой разницей въ деталяхъ. Такъ руки креста крыты въ мечети плоскими трехцентровыми сводами, куполъ расположенъ на обыкновенныхъ парусахъ, но имѣетъ въ основаніи поясъ изъ арочекъ, похожихъ на наши русскіе кокошники.

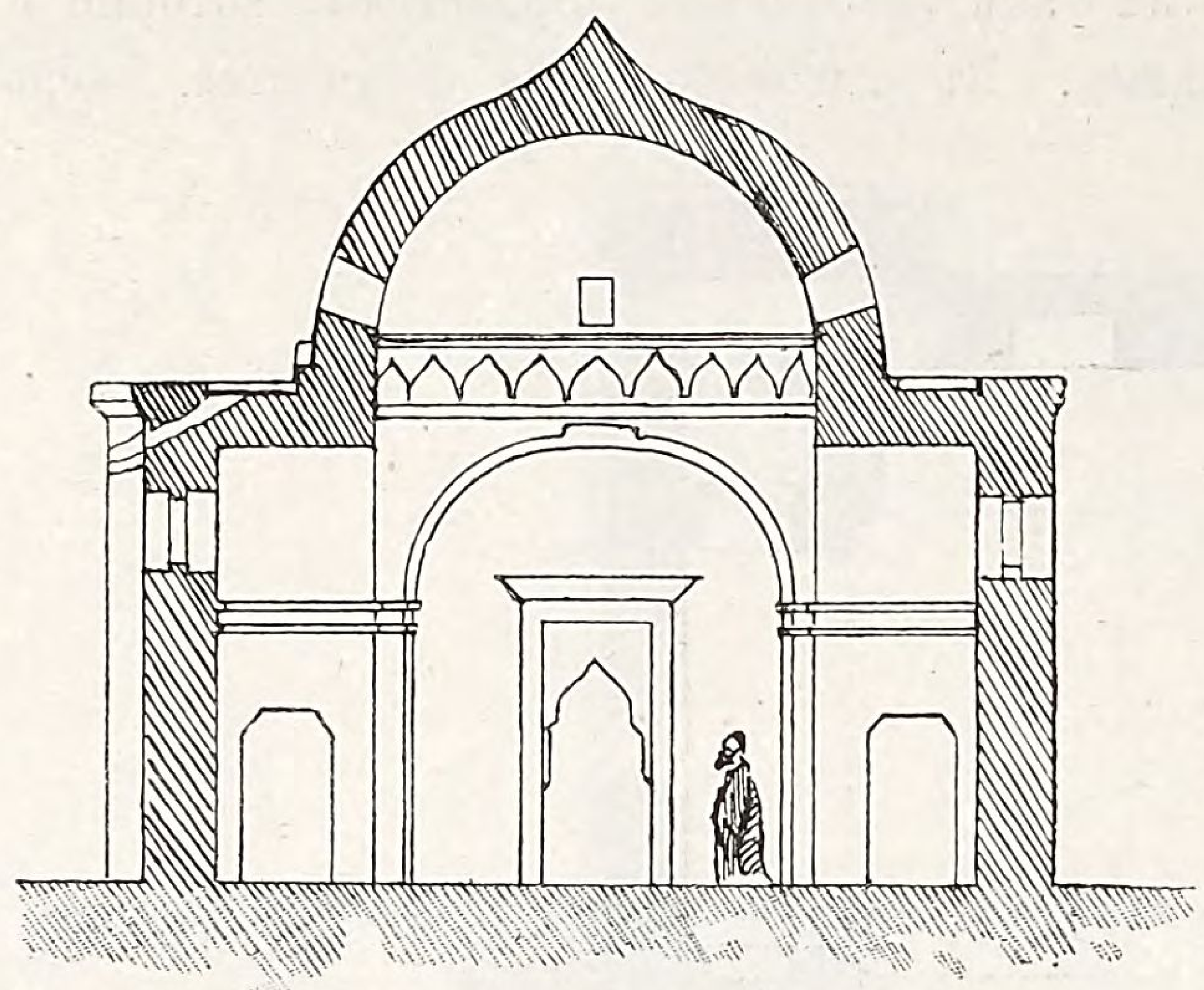

Рис. 56.

Планъ креста осложненъ разными пристройками; со стороны мейрабе находятся небольшія двухъэтажныя помѣщенія; слѣва возлѣ главнаго входа поставленъ высокій минаретъ; между мечетью и минаретомъ находится второй выходъ *(p)* съ лѣстницей *(q)*, служащей входомъ въ мечеть со стороны двора, нѣсколько приподнятаго надъ первымъ. Главный входъ находится въ глубинѣ ниши, разукрашенной рѣзнымъ узоромъ по камню, въ несчастію, нынѣ закрытымъ новою

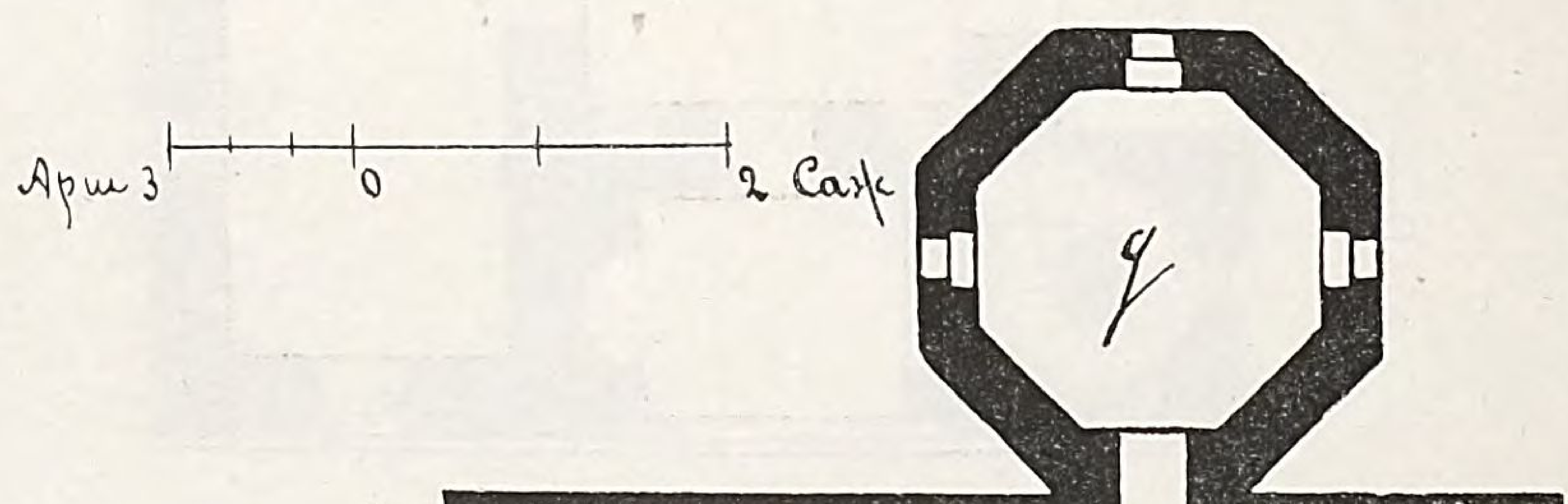

Рис. 57.

безобразною оконною рамою, которая мѣшаетъ ихъ изученію. Снаружи мечеть гладко лицована камнемъ, украшеній никакихъ нѣтъ, кромѣ входной ниши и верхушки минарета, балконъ котораго поддерживается кронштейнами въ видѣ ста-

Фототипія Г. Ю. Тиле, Москва.

Ханскій Дворецъ въ г. Баку.

лактитовъ, возвышающихся надъ поясомъ, изъ арабской надписи; древняя каменная рѣшетка балкона замѣнена нынѣ простой желѣзной.

Второй дворъ расположенъ выше перваго и имѣетъ также свою мечеть, называемую „старой". Она теперь въ развалинахъ, что ясно видно и на прилагаемой табл. XLIX. Къ этой мечети примыкаетъ осмигранная башня *(q)* (рис. 59) съ

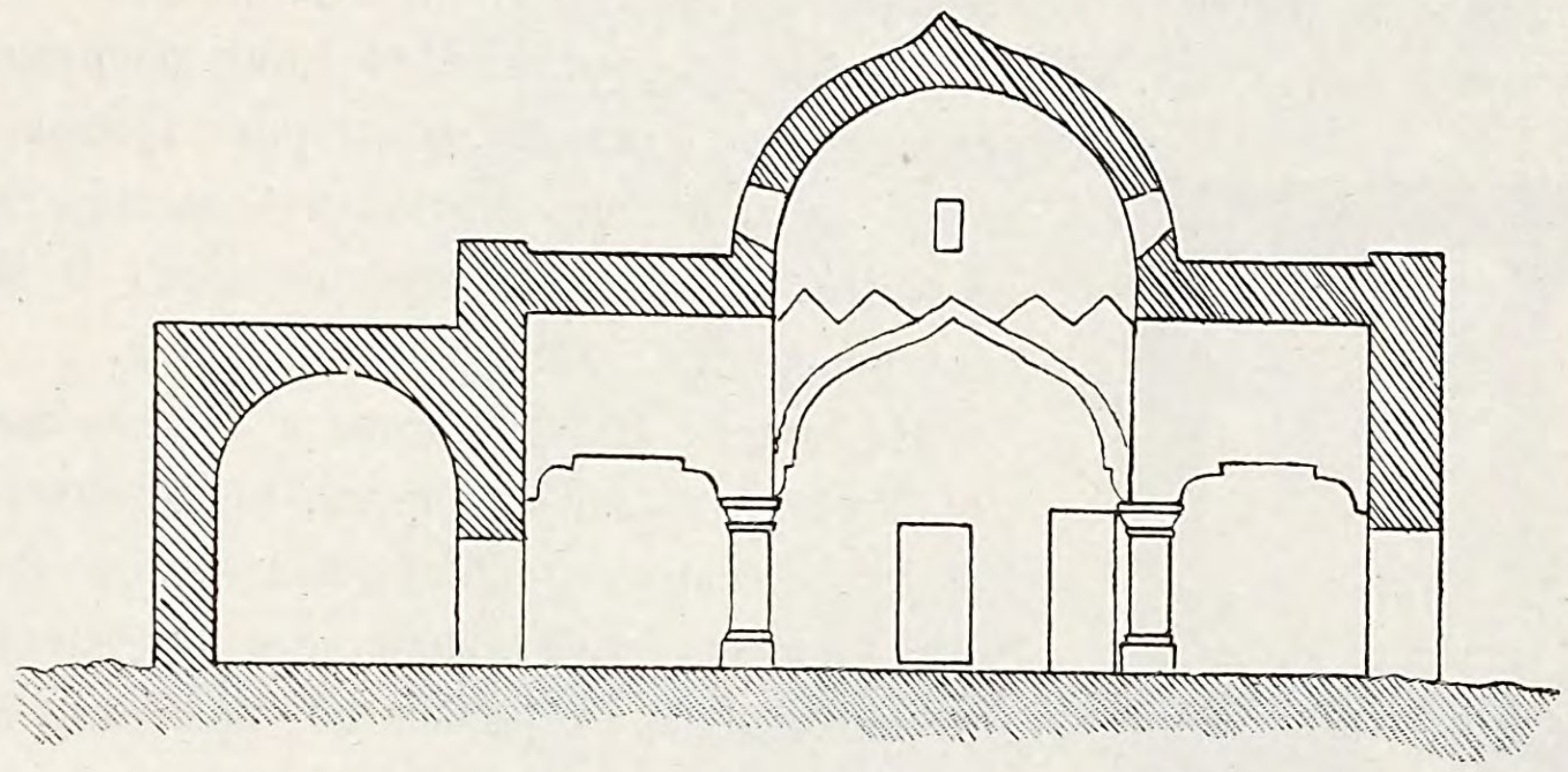

Рис. 58.

шатровымъ покрытіемъ, входъ въ которую находится нѣсколько правѣе мейрабе; трудно опредѣлить назначеніе, которое имѣла эта башня, но можетъ быть она служила также усыпальницей. Самая мечеть, сравнительно, обширна; куполъ ея расположенъ на 4-хъ столбахъ, какъ это видно по плану (рис. 57); главныя

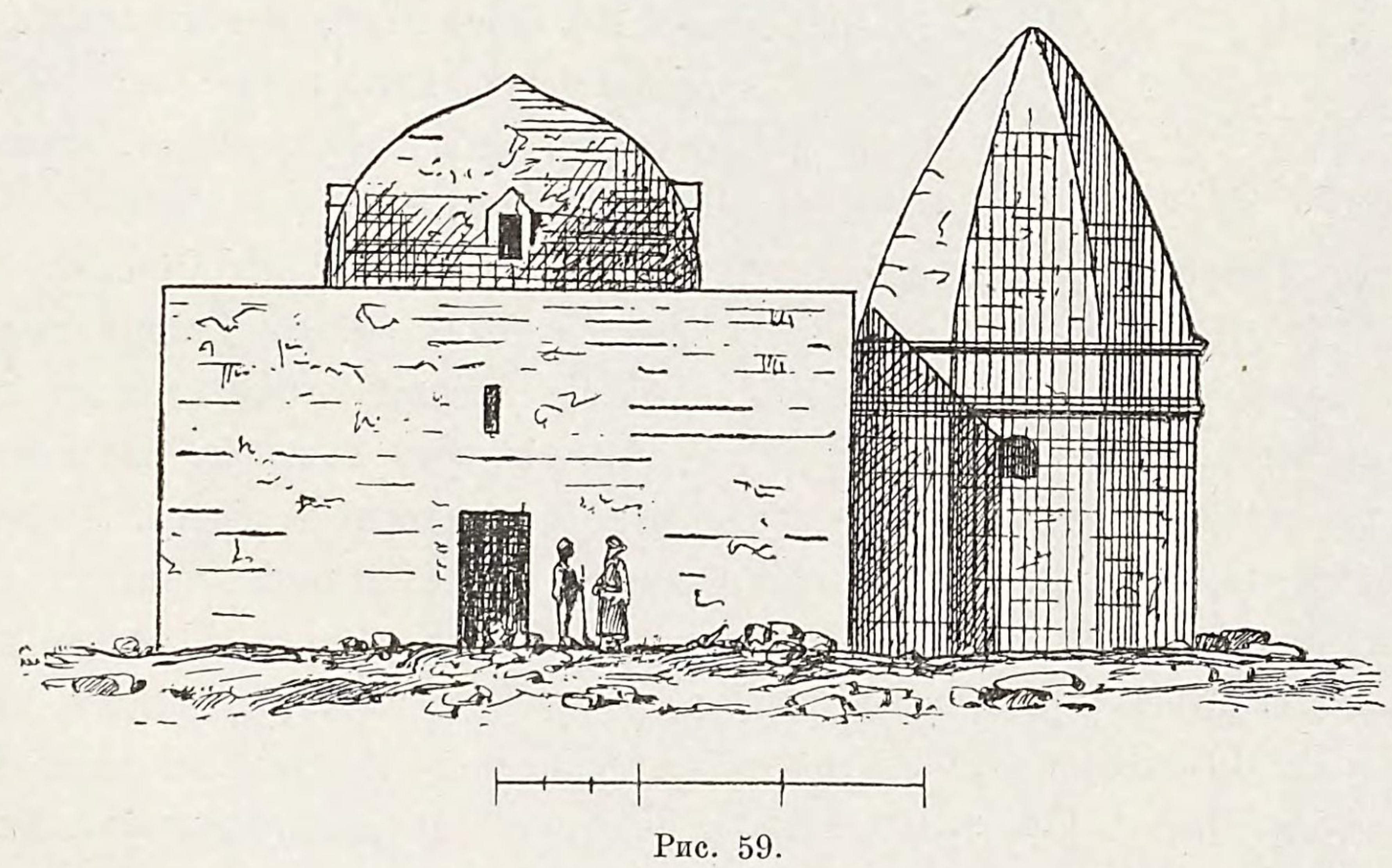

Рис. 59.

арки, или своды, на которыхъ покоится куполъ, стрѣльчатые (см. поперечный разрѣзъ рис. 58); куполъ въ основаніи своемъ имѣетъ рядъ выступовъ, какъ въ ханской мечети (рис. 56) и освѣщается четырьмя окнами. Мечеть эта надписей не имѣетъ; фасадъ ея гладкій, обложенъ тесанымъ камнемъ съ плоской крышей (рис. 59). Съ задней стороны мечети имѣются пристройки *a*, *b*, *c*, которыя находятся частью въ развалинахъ; здѣсь, вѣроятно, помѣщалась лѣстница

на крышу; помѣщеніе *b* сообщается съ мечетью дверью и имѣетъ узенькое окно въ открытую наружную нишу *c*, которая вѣроятно служила главнымъ входомъ въ мечеть, что можно провѣрить по кладкѣ окна, указывающей на существованіе двери. Мечеть имѣетъ небольшія окна и потому внутри ея темно. Видъ ея вообще нѣсколько расплывчатый, а пропорціи придаютъ ей давящій характеръ.

Мы не имѣемъ данныхъ опредѣлить время построенія этой мечети, но судя по формамъ, менѣе изящнымъ, чѣмъ въ выше разсмотрѣнныхъ нами сооруженіяхъ и особенно въ Судилищѣ, о которомъ говоримъ ниже, готовы признать что мечеть эта должна принадлежать другому времени, другой эпохѣ и даже другому строителю, чѣмъ первыя зданія.

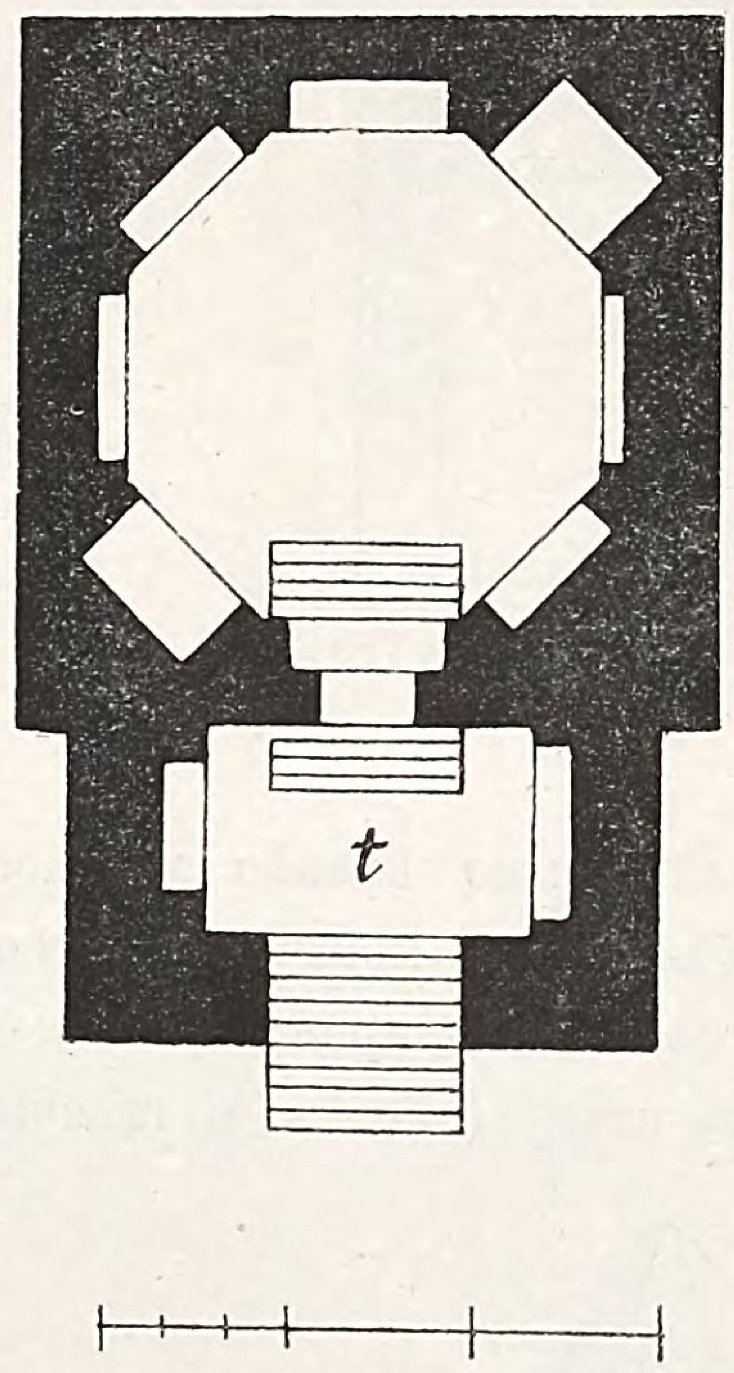

Рис. 60.

На дворѣ, среди котораго расположена Старая Мечеть, имѣются ворота, представляющія памятникъ весьма изящной композиціи (табл. L). Общая фигура его въ видѣ четвероугольной рамы. Внутри двойная стрѣльчатая арка съ круглымъ сводомъ, который системой сталактитовъ переходитъ въ прямоугольникъ. Въ глубинѣ ниши отверстіе воротъ съ стрѣльчатою аркой. Снаружи, вверху между двумя большими розетками, помѣщена надпись, которая, къ несчастію, не поддается прочтенію по нашему рисунку. Самая арка украшена тягами изъ плетенія и растительнаго орнамента, составляющихъ прекрасное сочетаніе. Арка опирается на двѣ небольшія колонки, стоящія на сталактитовыхъ выступахъ.

Противъ Старой Мечети расположено обширное зданіе самого Ханскаго Дворца (табл. XLIX). По мѣстнымъ разсказамъ верхняя часть этого Дворца выстроена недавно; между тѣмъ какъ нижній этажъ, болѣе древній, принадлежитъ ко временамъ ханскаго владычества. Дворецъ этотъ занимаетъ большую площадь и выходитъ на третій дворъ, который расположенъ выше двухъ первыхъ. Дворъ этотъ имѣетъ два входа — одинъ со второго двора, около дворца, противъ ханской мечети и другой — снаружи по горѣ, который можно видѣть на табл. LI и XLVIII. Въ серединѣ таблицы LI видна часть дворца, носящая названіе Ханскаго сидѣнья (рис. 60). Зданіе это внутри 8-ми-гранное, со сводомъ; въ каждой грани устроены впадины и ниши; наружныя стѣны представляютъ квадраты, къ которымъ примыкаетъ верхняя часть новой дворцовой пристройки, не имѣющей впрочемъ, никакого съ нимъ сообщенія. Передъ дверью, ведущей къ ханскому сидѣнью, находится особый входъ *(t)* съ нишами по бокамъ.

Дворецъ состоитъ изъ множества комнатъ, но всѣ онѣ смотрятъ нежилыми, стѣны хотя и облицованы камнемъ но безъ всякихъ украшеній, и въ настоящее время все это помѣщеніе служитъ складочнымъ мѣстомъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ханскаго Дворца въ отдѣльномъ дворикѣ, но

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Ворота Ханскаго Дворца въ г. Баку.

какъ бы въ связи съ остальными постройками, располагается постройка, извѣстная подъ названіемъ Ханскаго Судилища (табл. LII и рис. 61).

Самое зданіе Судилища расположено къ одной сторонѣ окружающаго его двора. Внутреннее его помѣщеніе представляетъ въ планѣ 8-ми угольную фигуру съ купольнымъ сводомъ, который при переходѣ въ осмигранникъ имѣетъ выступы въ родѣ сталактитовъ съ пятью равными нишами. Каждая ниша въ срединѣ имѣетъ

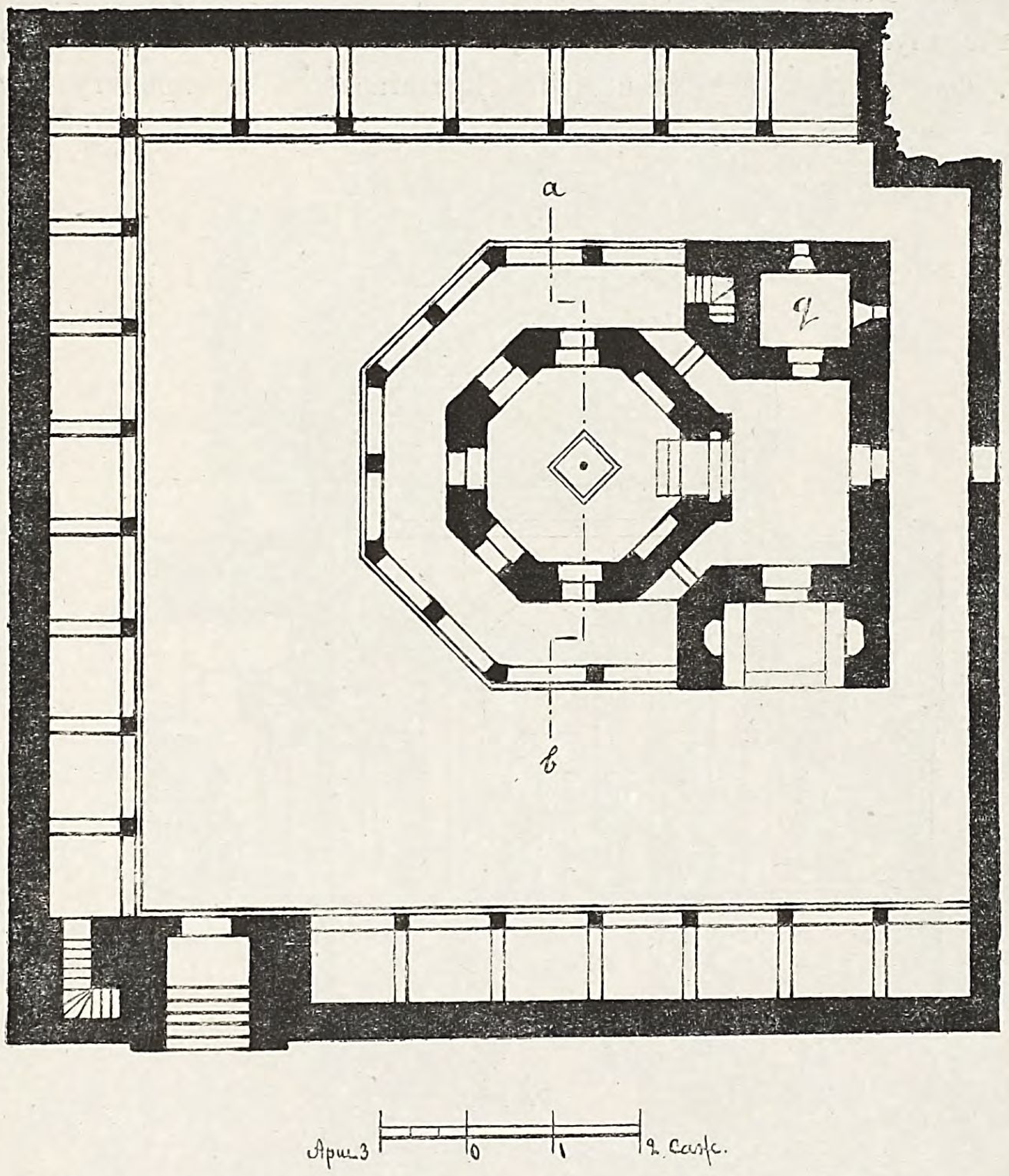

Рис. 61.

не большую дверку, выходящую на галлерею окружающую это зданіе (рис. 62) и украшенную также небольшими нишами; въ срединѣ помѣщенія на полу устроенъ мраморный резервуаръ для воды. Снаружи главный входъ нѣсколькими ступеньками вводитъ васъ въ особое помѣщеніе, которое соединяется съ окружающей галлереей узенькими проходами. Въ одномъ концѣ этого помѣщенія находится лѣстница, ведущая на плоскую крышу галлереи, а съ другаго конца устроена большая ниша разукрашенная орнаментами и сталактитами. Входъ этотъ, по мотиву, весьма напоминаетъ разсмотрѣнные нами выше входы въ мечети, но отличается своими детальными подробностями. Изящный по пропорціямъ, онъ прекрасно связанъ съ прилегающей къ нему легкой аркадой галлереи и вообще со всѣмъ зда-

ніемъ. Зданіе исполнено во всѣхъ своихъ деталяхъ изъ камня; входная дверь украшена орнаментомъ, и имѣла, вѣроятно, какъ и всѣ вышеописанныя, поверхъ этого орнамента надпись, которая или разрушилась отъ времени, или, вѣрнѣе всего, увезена любителемъ. Другихъ надписей или датъ о времени построенія этого зданія нѣтъ; но стиль и сходство его съ разсмотрѣнными выше зданіями дворца заставляетъ отнести постройку Судилища къ тому же времени какъ и ханскую Усыпальницу, т. е. къ XV вѣку. Легкая галлерея окружаетъ центральный восьмиугольникъ съ трехъ сторонъ десятью стрѣльчатыми арочками на колонкахъ. Фасадъ каждой арки снаружи представляетъ по пролету какъ бы по-

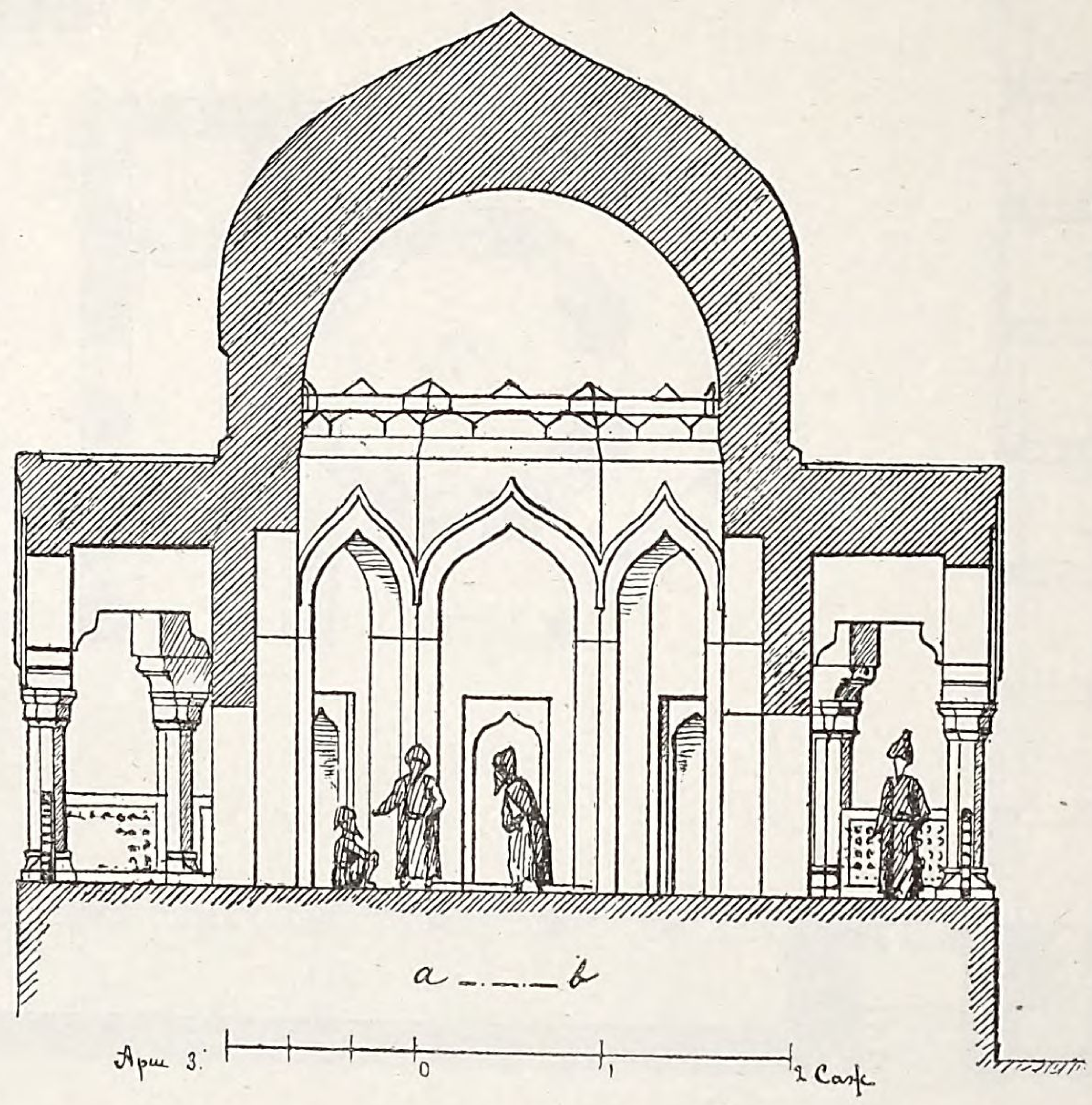

Рис. 62.

втореніе фигуры главнаго входа. Каждое звено галлереи тоже обведено рамой и какъ нельзя болѣе вяжется со входомъ, представляя прекрасное родство формъ. Граненый куполъ зданія, возвышаясь пропорціонально надъ всей постройкой, красиво завершаетъ весь этотъ павильонъ.

Фасадъ этого зданія, конечно, самый изящный изъ всѣхъ Бакинскихъ.

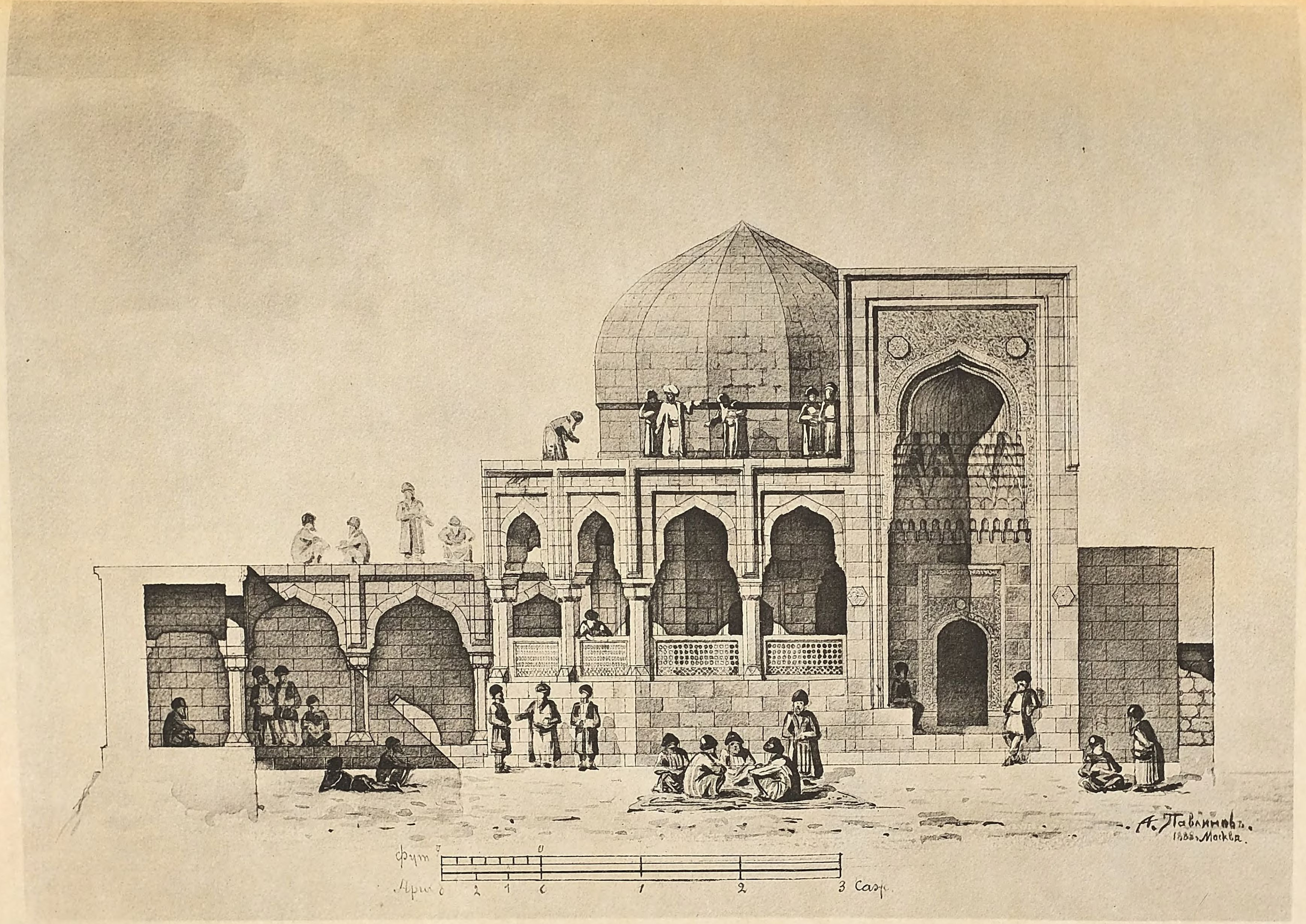
Галлерея крыта коробовыми стрѣльчатыми сводами; въ мѣстахъ, гдѣ колонки свода опираются на особыя перемычки, линіи послѣднихъ очень напоминаютъ деревянную конструкцію.

Кругомъ зданія расположена ограда, три стороны которой состоятъ изъ галлереи, а четвертая въ простой каменной стѣнѣ. Фасадъ ея тоже очень родственъ съ галлереей судилища, но она стоитъ гораздо ниже, подъ ней нѣтъ высокаго цоколя и входъ въ нее открытъ въ каждой аркѣ. Крыша галлереи тоже плоская

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Западная стор. Ханскаго Дворца въ г. Баку.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Ханское Судилище въ Баку.

и на ней въ одномъ изъ угловъ имѣется лѣстница. Рядомъ съ лѣстницей входная дверь, тоже съ порталомъ. Въ другой стѣнѣ ограды, со стороны Ханскаго сѣдалища находится вторая входная дверь, чрезъ которую ханъ могъ незамѣтно пройти въ Судилище.

Разсмотрѣвъ такимъ образомъ постройки Ханскаго дворца въ Баку должно признать во всѣхъ этихъ постройкахъ чисто восточное магометанское искуство, по пріемамъ и формамъ весьма отличное отъ христіанскаго искуства на Кавказѣ и вообще искуства западнаго.

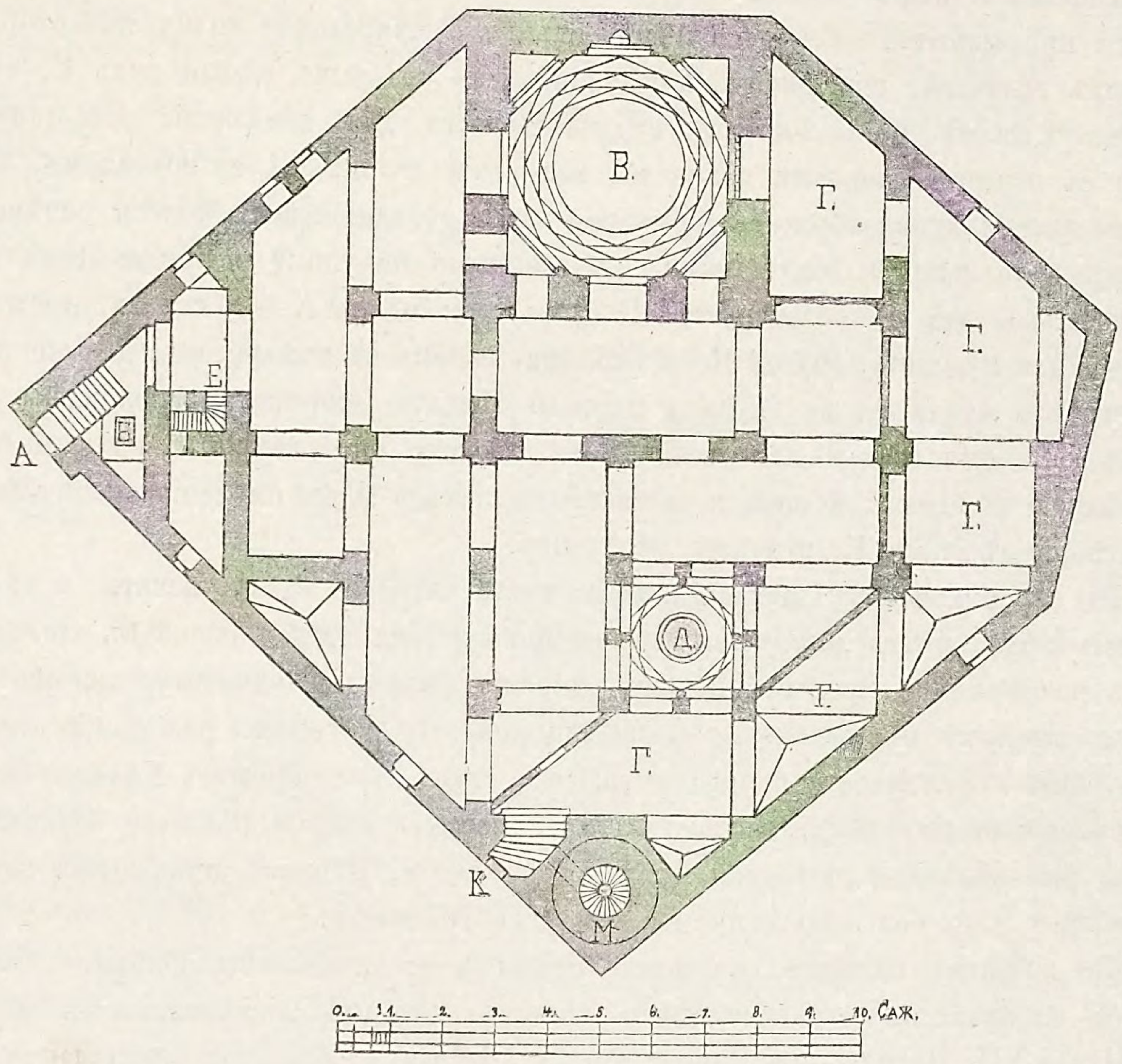

Рис. 63.

Особыя формы линіи арокъ и сводовъ, ниши входовъ, сталактиты и орнаменты съ надписями, плоскія крыши съ выходящими на нихъ лѣстницами, купола съ заостреннымъ верхомъ, иногда отсутствіе всякихъ украшеній на фасадахъ, кромѣ входа, какъ это видѣли на двухъ Ханскихъ мечетяхъ, все это свидѣтельствуетъ, что искусство востока развилось въ самостоятельныя и ему одному присущія формы.

Заканчивая описаніе магометанскихъ памятниковъ Баку, нельзя не упомянуть еще объ одной мечети города, не представляющей особаго интереса по архитектурнымъ деталямъ, но совершенно особенной по своему плану и мѣсту нахож-

денія. Мечеть эта, носящая названіе Джума-мечеть, возведена, по преданію, надъ языческимъ капищемъ; находится она среди узкихъ и тѣсныхъ переулковъ нижняго города, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моря и расположена на сажень ниже уровня улицы.

Планъ ея (рис. 63) представляется въ видѣ неправильнаго шестигранника, на серединѣ котораго, съ южной стороны, выдѣляется правильный четыреугольникъ В, прикрытый сталактитовымъ сводомъ, заканчивающимся шатровой главой, выходящей вверхъ, надъ поверхностью улицы, главой уже нѣсколько разъ обрушивающейся и нынѣ весьма неумѣло возстановленной. Къ этой главной части мечети примыкаютъ, какъ показываетъ планъ, значительное количество второстепенныхъ галлерей, переходовъ, помѣщеній, изъ которыхъ цѣлый рядъ Г, расположенный на сѣверъ и востокъ, предназначается для помѣщенія женщинъ; въ связи съ этими галлереями находится маленькій дворикъ Д съ водоемомъ, когда-то прикрытый куполообразною крышею, нынѣ обвалившейся. Мечеть освѣщается окнами, или скорѣй отдушинами, выведенными на улицу и придающими всему зданію нѣкоторую таинственность. Входовъ два: одинъ А—съ запада, предназначенный для мужчинъ, другой К—съ сѣвера, рядомъ съ минаретомъ, для женщинъ. Вправо отъ входа А, въ глубинѣ перваго тѣснаго дворика, расположены вдоль стѣнъ каменныя скамьи для отдохновенія и около нихъ каменный круглый сосудъ съ рѣзною шейкою для воды и алебастровая лахань Б для омовенія правовѣрныхъ; за стѣной лѣстница Е, вѣдущая на крышу.

Въ сѣверномъ углу шестигранника, составляющаго зданіе мечети, и въ связи съ нею—фундаментъ *минарета* М, возвышающагося надъ почвою въ обыкновенныхъ размѣрахъ и представляющаго одинакія формы и архитектурныя особенности со вторымъ минаретомъ, возвышающимся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ перваго. Оба эти минарета одного и того-же стиля съ минаретомъ Ханской мечети, но сохранили еще вокругъ своей главы каменную рѣзную рѣшетку балкона, которая уже замѣнена желѣзной въ Ханской мечети, рѣшетка придающая зданіямъ подобнаго рода большую типичность и своеобразность.

Во внѣшнія, относительно новыя стѣны мечети, вдѣланы обломки семи надписей на арабскомъ и персидскомъ языкахъ, которыя воспроизводимъ на табл. LVIII—LXII. Надписи эти, прочитанныя преподавателемъ арабскаго языка Лазаревскаго Института въ Москвѣ, Г. Аттая, поддаются весьма трудно чтенію и не даютъ намъ, къ несчастію, всѣхъ желаемыхъ объясненій.

№ 1. Надпись на западной стѣнѣ писана на арабскомъ языкѣ, читается и переводится слѣдующимъ обрадомъ:

امر بتجديد هذه العمارة ملك الامرآء و الاكابر الامير شرف‌الدين محمود
ابن فخرالدين بيلك دام عزّه فى تاريخ رجب سنة تسع و سبعماية

„Приказалъ обновить эту постройку повелитель князей и вельможъ, князь Шарафу-э-динъ Махмудъ, с. Фахру-ед-динъ Бейлекъ, да продолжится могущество его. Въ (мѣсяцѣ) Реджабъ. Годъ 709-й“=1310—1311 г. христіанской эры.

№ 2. Одна изъ четырехъ надписей на юго-восточной стѣнѣ, писаная также на арабскомъ языкѣ, гласитъ:

وفق بتعمير هذه المسجد المبارك فى سنة الثانية طلبًا لمرضات الله تعالى فى زمان
الدولة السلطان ابن السلطان الخاقان بن الخاقان شاه سلطان
الصفوى الموسوى الحسنى بهادر خان خلّد الله ملكهٌ عمد الاعيان
محمد بيك طهرانى سنه ۱۹٤

„Осчастливился построить эту благословенную мечеть, на второмъ году (?), въ угоду Всевышнему Аллаху, во дни правленія Султана сына Султана, Альхакана сына Альхакана — Шахъ-Султана Аль-Сафави, Аль-Масави, Аль-Хасани, Багадур-хана, да продлитъ Аллахъ его власть на вѣки, опора вельможъ Мухаммедъ Бей Тегеранскій годъ 194 (?)“.

№ 3 — съ той же юго-западной стѣны писана на арабскомъ и персидскомъ языкахъ и означаетъ:

خف سبحانه وتعالى بر بقاى عمر پادشاه اسلام فرمان فرماى ربع مسكون سلطان
معظم قاان اعظم مالك رقاب الامم شهريار العرب والعجم الجايتو خدابنده محمّد خلد الله ملكه
حاكم ربع جهان كسان فحوى روسرامى لرعايارى شهرو ولايت مردسنه اوزى
مسافر سودا در رضاى ديوان دولة ذر الو (بالو) بند كرفته ولعنت كره از براى بقا يفتن خلاف اين معنى كند

„Богъ есть истина, да будетъ онъ славенъ и великъ. Въ царствованіе падишаха мусульманъ, царя царей, владѣтеля ¼ вселенной, Султана Величайшаго, Хакана Великаго, князя — повелителя народовъ, владыки арабовъ и персовъ Олджайту Ходабенда Мухаммеда, да продлитъ Аллахъ его власть на вѣки“.

Изъ четырехъ строкъ надписи переведены только 2 первыхъ строки; остальныя двѣ не поддаются чтенію. Олджайту Мухамедъ Ходабентъ изъ династіи Джингизканидовъ царствовалъ отъ 1304 до 1316 г.

Надпись № 4, съ той же юго-западной стороны, писана на персидскомъ языкѣ. Въ 1-й строкѣ читаемъ, что мечеть построена во время шаха Тахмаспа I-го (втораго изъ династіи Сефевидовъ, сына Исмаила шаха, царствовавшаго 1523—1575 г.); во 2-й, 3-й, 4-й и 5-й строкахъ отрывочныя фразы, соединить которыя въ одно цѣлое не удалось.

№ 5. Надпись (табл. LXII) на персидскомъ языкѣ, состоящая изъ 7-ми строкъ, въ которой удалось разобрать только 1024 годъ гежры, соотвѣтствующаго 1615—1616 г. Хр. эры, то есть году царствованія Шаха Аббаса.

№ 6 (табл. LXIII — мелкія) состоитъ изъ двухъ надписей на персидскомъ языкѣ; меньшую можно перевести слѣдующимъ образомъ: „Во имя Аллаха милостиваго, милосердаго. Г. 1204“ гежры=1789—1790 г. Хр. эры. Вторая же болѣе пространная состоитъ изъ 5-ти стиховъ, но не поддается чтенію.

Такимъ образомъ древнѣйшая дата, которую находимъ на вышеприведенныхъ надписяхъ Джума-мечеть, относится до XIV в., и изъ нее узнаемъ только, что въ 1310—1311 нѣкій князь Шарафу-э-динъ Махмудъ, сынъ Мухтаръ-ед-дина приказалъ обновить уже существующее зданіе.

ДРЕВНЕ-АРМЯНСКІЯ РУКОПИСИ, СНИМКИ СЪ КОТОРЫХЪ ВЫВЕЗЕНЫ СЪ КАВКАЗА УЧЕНОЙ ЭКСПЕДИЦІЕЙ 1888 Г.

Кучукъ-Іоаннесова съ примѣчаніями А. М. Павлинова.

Вся вышеупомянутая коллекція состоитъ изъ семнадцати фотографическихъ снимковъ, съ армянскихъ рукописныхъ Евангелій, находящихся въ церквахъ Ахалцыха, Эни-Рабата и мѣстечка Сатлель въ Шавшетіи.

Рис. 64.

Рис. 65.

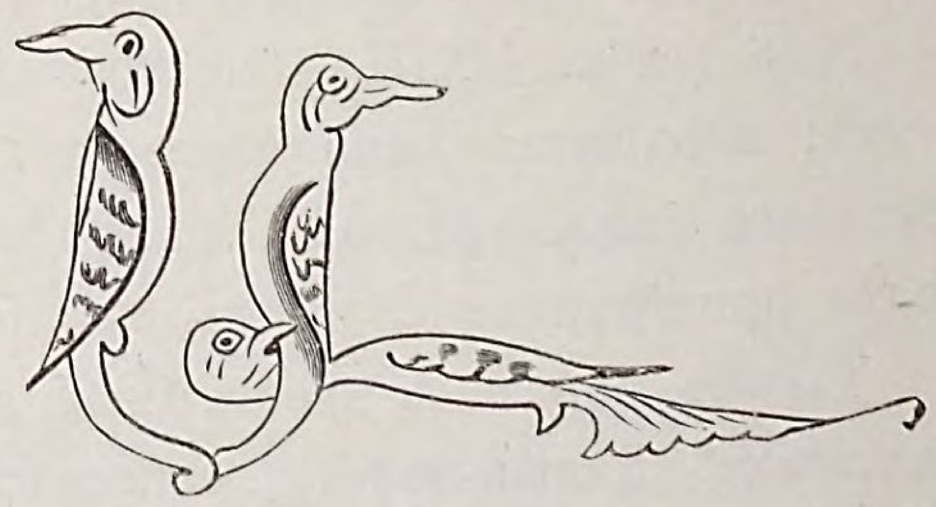
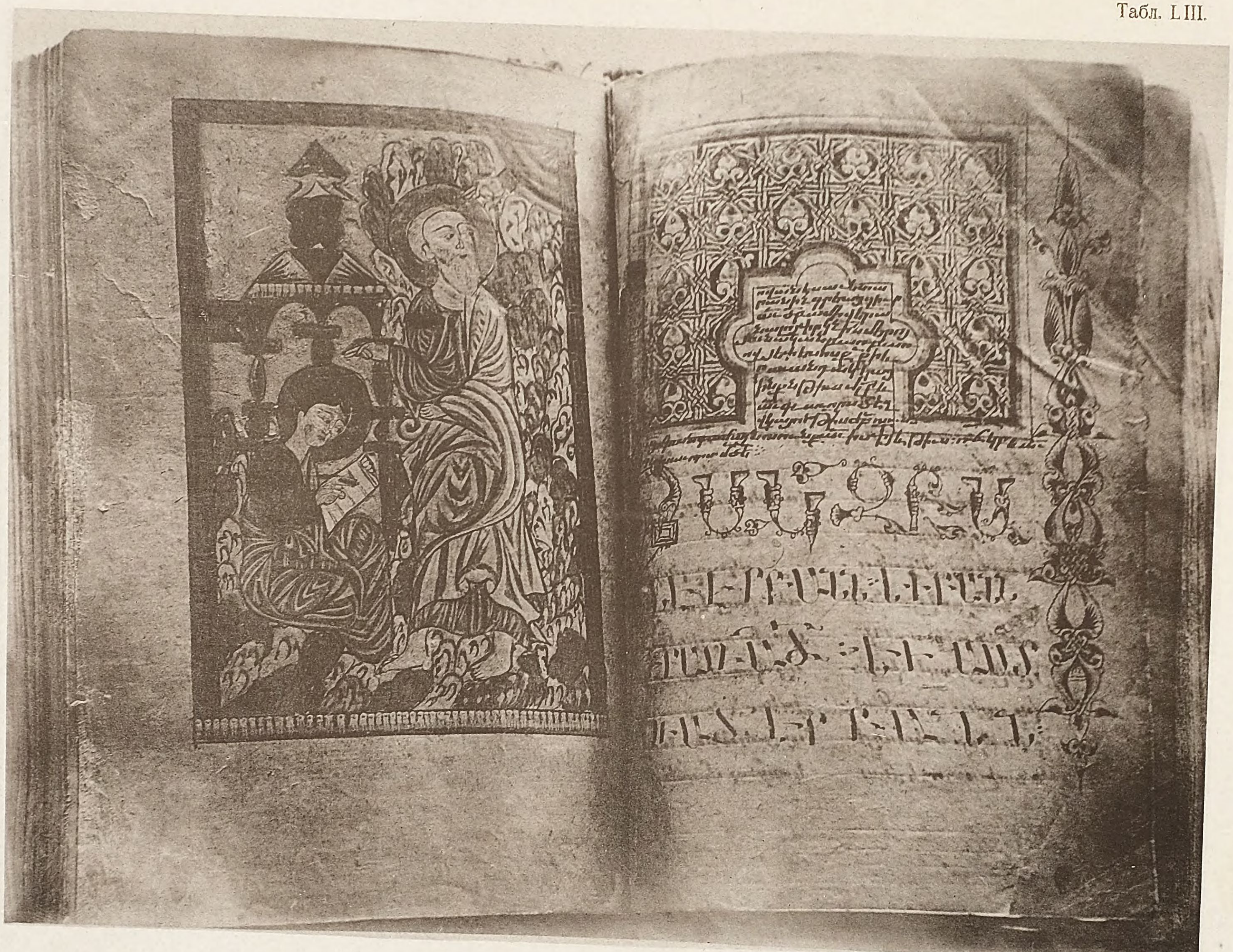

Рис. 66.

Въ Сатлѣлѣ найдено три Евангелія, съ миніатюръ отдѣльныхъ страницъ текста которыхъ снято тринадцать фотографическихъ снимковъ, воспроизводимыхъ нами въ 5 таблицахъ и 6 цинкографическихъ клише въ текстѣ.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Евангелія въ Сатлелѣ.

Табл. LVIII представляетъ миніатюру и первую страницу первой главы отъ Евангелія Іоанна одной изъ трехъ рукописей. Евангеліе это писано въ одинъ столбецъ, крупнымъ, прямымъ уставомъ, въ подражаніе рукописямъ IX, X и отчасти XI столѣтій. Первая строка текста составлена изъ узорчатыхъ буквъ, изъ которыхъ заглавная большихъ размѣровъ, состоитъ изъ изогнутой птицы, держащей въ клювѣ дробницу. Надъ текстомъ узорчатая заставка, въ серединѣ которой сдѣлана позднѣйшимъ мелкимъ почеркомъ надпись въ 12 строкъ, изъ которой удалось разобрать только слѣдующее: „Евангелистъ Іоаннъ написалъ свое Евангеліе на греческомъ языкѣ, въ г. Эфессѣ, двѣнадцать лѣтъ спустя по вознесеніи Іисуса Христа"; конецъ надписи непонятенъ. Заставка съ простыми и однообразными на ней узорами напоминаетъ образцы, которые писались въ византійскомъ стилѣ. Справа вдоль листа пущено длинное, узкое, листообразное украшеніе, заканчивающееся крестомъ. Подобныя украшенія впервые появились на рукописяхъ XIV столѣтія. Лѣвую половину листа занимаетъ продолговатая рамка, въ которой находимъ изображеніе Евангелиста Іоанна и св. Прохора. Послѣдній сидитъ у ногъ Евангелиста, подъ шатровой башней и пишетъ, придерживая лѣвой рукой еще чистый и непочатый листъ пергамента. Сверху, изъ праваго угла рамки, появляется благословляющая рука. Шатровая башня и благословляющая рука служатъ повтореніемъ орнаментальныхъ мотивовъ XIII столтія, когда эти отличительные признаки впервые появились на армянскихъ рукописяхъ. На основаніи вышеуказанныхъ данныхъ полагаемъ, что списокъ разбираемаго Евангелія относится къ началу XIV-го столѣтія *).

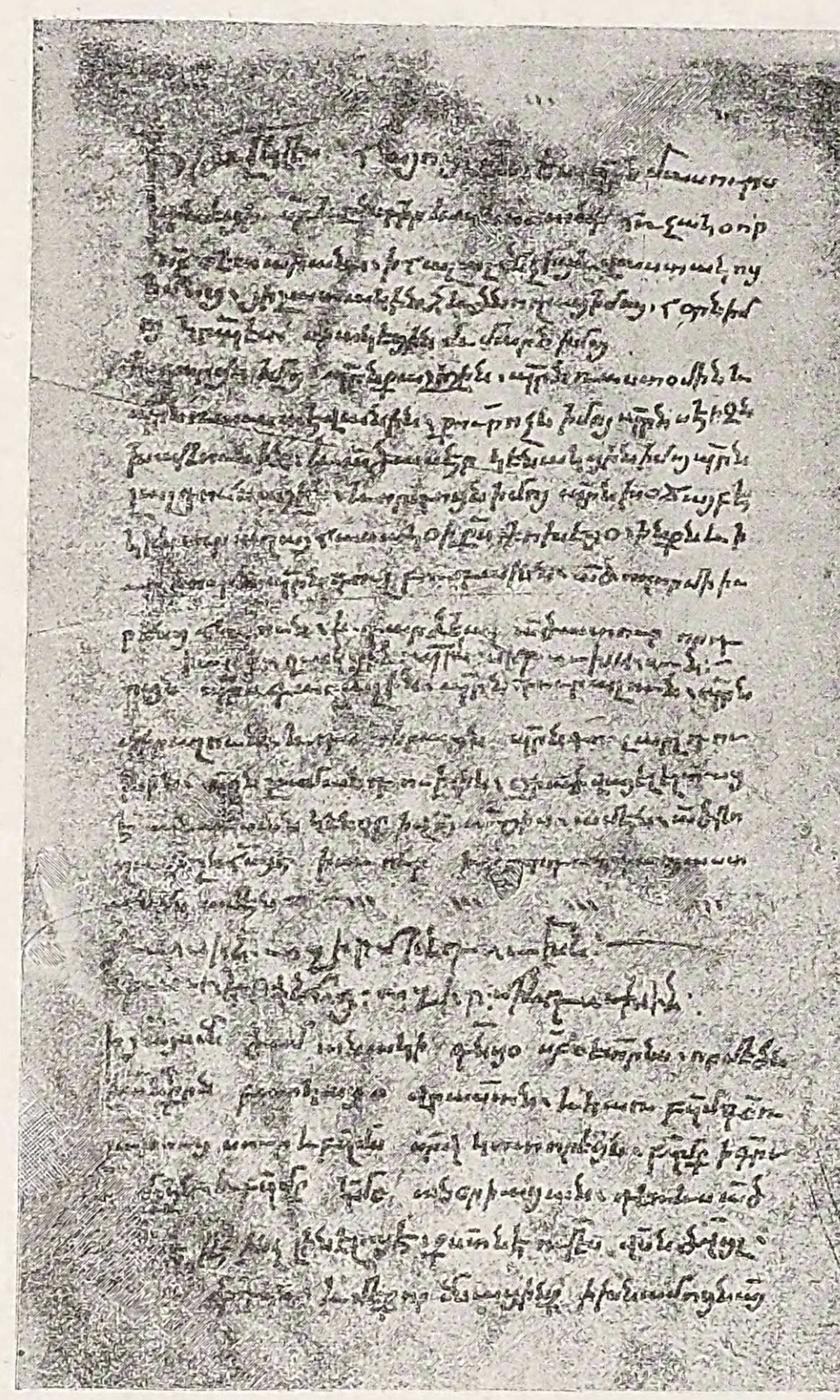

Рис. 67.

*) Обращая особое вниманіе на архитектурныя подробности, воспроизводимыя табл. LVIII, храмъ съ тремя рѣзными столбами и двумя арками, на его куполообразную крышу, заканчивающуюся фантастическою главою, сравнивая подробности эти съ архитектурными деталями, находимыми на остальныхъ листахъ

Не мало интереса прибавляетъ нашей рукописи и двѣ приписки, сдѣланныя на ней нѣкіемъ Масуро и датированныхъ 1551 г.; мы воспроизводимъ ихъ подъ №№ 67 и 68 и присоединяемъ къ нимъ русскій переводъ:

„Въ 1000 году армянской эры (въ 1551 году) я, Масуро, купилъ сіе святое, рѣдкое, славное и знаменитое Евангеліе на свои праведныя и благопріобрѣтенныя средства въ память себя, родителей, отца-инока Карапета, матери, братьевъ моихъ: Кашиша, Растома, Ростевана, сестры моей Сейджъ-Хатунъ, благочестивой супруги — Лалгунашь, дѣтей моихъ: сына — Ходжабека, умершаго въ дѣтскомъ возрастѣ и сестры его (покойной) Гульбудахъ. Да помилуетъ Господь ихъ души. Далѣе (въ память) Ѳеодора, жены его Сирухтъ, сыновей ихъ: Гаджала, Дурали, Пирали, дочерей: Гулардухъ, Шамандухъ. Господь да продлитъ незыблемо жизнь ихъ на семъ свѣтѣ и помилуетъ ихъ въ день праведнаго Суда; невѣстки— Азирминдухъ, дочери моей Азирминдухъ. Сіе святое Евангеліе куплено въ то время, когда великій хундкяръ, во гнѣвѣ на Грузію, обнаживъ мечъ, покорилъ многія области, истребилъ множество народу, многихъ увелъ въ плѣнъ. Нѣкоторые сами добровольно отреклись отъ христіанской вѣры и, одинъ Богъ еще знаетъ, какія бѣдствія ожидаютъ насъ, за людскіе грѣхи, размножившіеся словно море; Господь отвернулся отъ насъ.

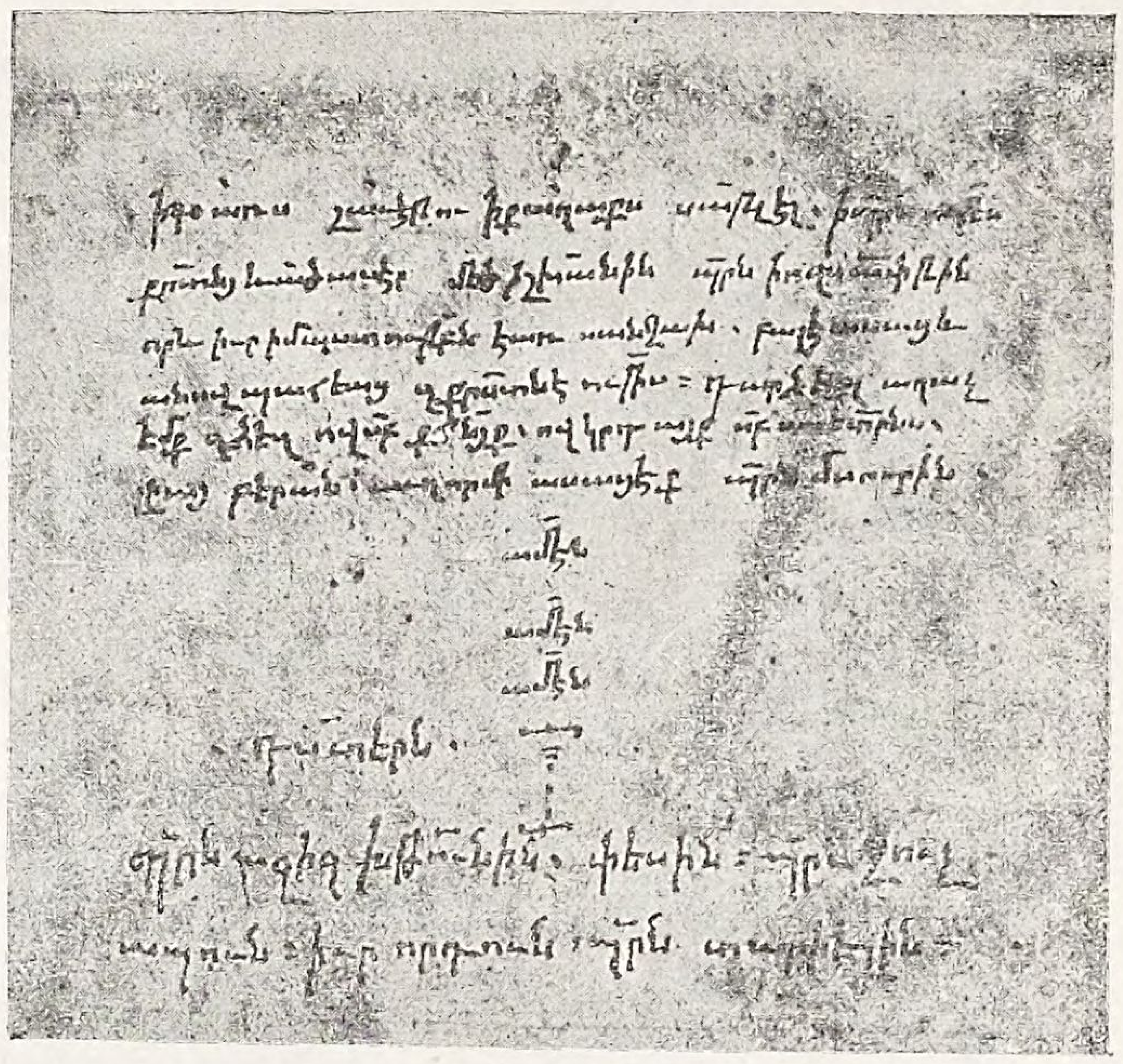

Рис. 68.

Въ городѣ Сатлелѣ, въ области Шавшетіи, во времена благочестиваго христіанина, великаго князя Іоджсафта, мудростью своей покорившаго балеасскій санджакъ, и оставшагося вѣрнымъ ученію Христа. Непрестанно умоляемъ васъ, святые іереи, читающіе сіе Евангеліе, призовите милость Божью на Масуро, дочь его Азизъ-Хатунъ, зятя Джулъ-Абуна и сына его Таріела“.

Политическія событія, помянутыя въ вышеприведенной записи, подтверждаются какъ исторіей Грузіи, такъ и другими источниками. Подъ хундкяромъ слѣдуетъ разумѣть персидскаго царя Шахъ-Тамаза, сына Измаилъ-Шаха, который, опустошивъ Арменію въ 1551 году, напалъ на сосѣднюю Грузію, при карталинскомъ царѣ Луарсабѣ I-мъ (1534—1558), взялъ Тифлисъ, предалъ его огню и мечу и чуть было ни захватилъ въ плѣнъ самого царя съ царицей *).

рукописи (рис. 64), находимъ большое сходство между ними и рисунками псалтыри XV вѣка, писанной
пресвитеромъ Нерсесомъ, находящейся въ Парижской національной библіотекѣ и воспроизведенной Ста-
совымъ въ его сочиненіи (т. CXLVII, рис. 9). То же скажемъ про буквы и другіе орнаменты на поляхъ
Сатлелскаго Евангелія (нашъ рис. 65 весьма похожъ на рис. 8 у Стасова изъ той же псалтыри; нашъ
рис. 66 на рис. 6 у Стасова, и проч.). На основаніи всего выше сказаннаго, не берясь точно опредѣлить
время написанія разбираемаго Евангелія, готовы однакожъ признать его произведеніемъ XV ст. *Павлиновъ.*

*) О подробностяхъ нашествія Шахъ-Тамаза смотри: Броссе—Hist. Mod. de la Géor. t. II. c. I.
Шопена. Чамчіани—Ист. Арм. т. III, стр. 511. Гр. А. С. Уварова—Эчміадзинская Библіотека, стр 369—
370, въ приложеніи къ первому выпуску IX тома „Древностей“.

Такимъ образомъ, даже личныя качества и военныя доблести Луарсаба (въ записи—Іоджсафтъ) переданы нашей записью съ исторической точностью.

Отъ втораго Четвероевангелія въ Сатлелѣ, мы имѣемъ три снимка съ миніатюрами трехъ Евангелистовъ: Матѳея, Іоанна и Луки.

Такимъ образомъ, не достаетъ только миніатюры Ев. Марка, которая, вѣроятно, вырвана изъ рукописи.

Евангеліе это писано въ одинъ столбецъ, красивымъ, круглымъ почеркомъ (табл. LIV), вошедшимъ въ употребленіе у армянскихъ переписчиковъ со второй половины XII ст. При чемъ обычай составлять начальныя слова Евангелій изъ зоографическихъ, или узорчатыхъ буквъ, сказался и тутъ. Первыя строки, первыхъ главъ у всѣхъ трехъ Евангелистовъ сдѣланы исключительно изъ узорчатыхъ буквъ; вторыя строки писаны полууставомъ, который употреблялся въ рукописяхъ со второй половины XI вѣка до второй половины XII. Заглавныя буквы у Евангелиста Матѳея представляются въ видѣ ангела, у Іоанна орла и у Луки—тѣльца. Верхнія части страницъ занимаютъ росписныя заставки, поверхъ которыхъ находимъ попарно павлиновъ и другихъ птицъ. Правильностью и симметрическимъ расположеніемъ узоровъ эти заставки хотя и превосходятъ заставку предыдущаго Евангелія, однако далеко уступаютъ заставкамъ рукописей конца того же XIV и XVI столѣтій. Рамки, съ миніатюрами Евангелистовъ, по своимъ размѣрамъ, немного меньше рамокъ XIV и предыдущихъ вѣковъ. Типъ Евангелистовъ — армянскій; одежда на нихъ и складки сдѣланы просто и естественно. Матѳей (табл. LIV) и Лука представлены сидящими на сѣдалищахъ съ высокими узорчатыми спинками; оба держатъ раскрытое Евангеліе на колѣняхъ. Іоаннъ представленъ съ своимъ ученикомъ Прохоромъ; послѣдній какъ и на миніатюрѣ перваго Евангелія, сидитъ передъ нимъ и записываетъ; самъ Евангелистъ какъ бы прислушивается къ голосу свыше. Надъ Іоанномъ и Матѳеемъ является благословляющая рука.

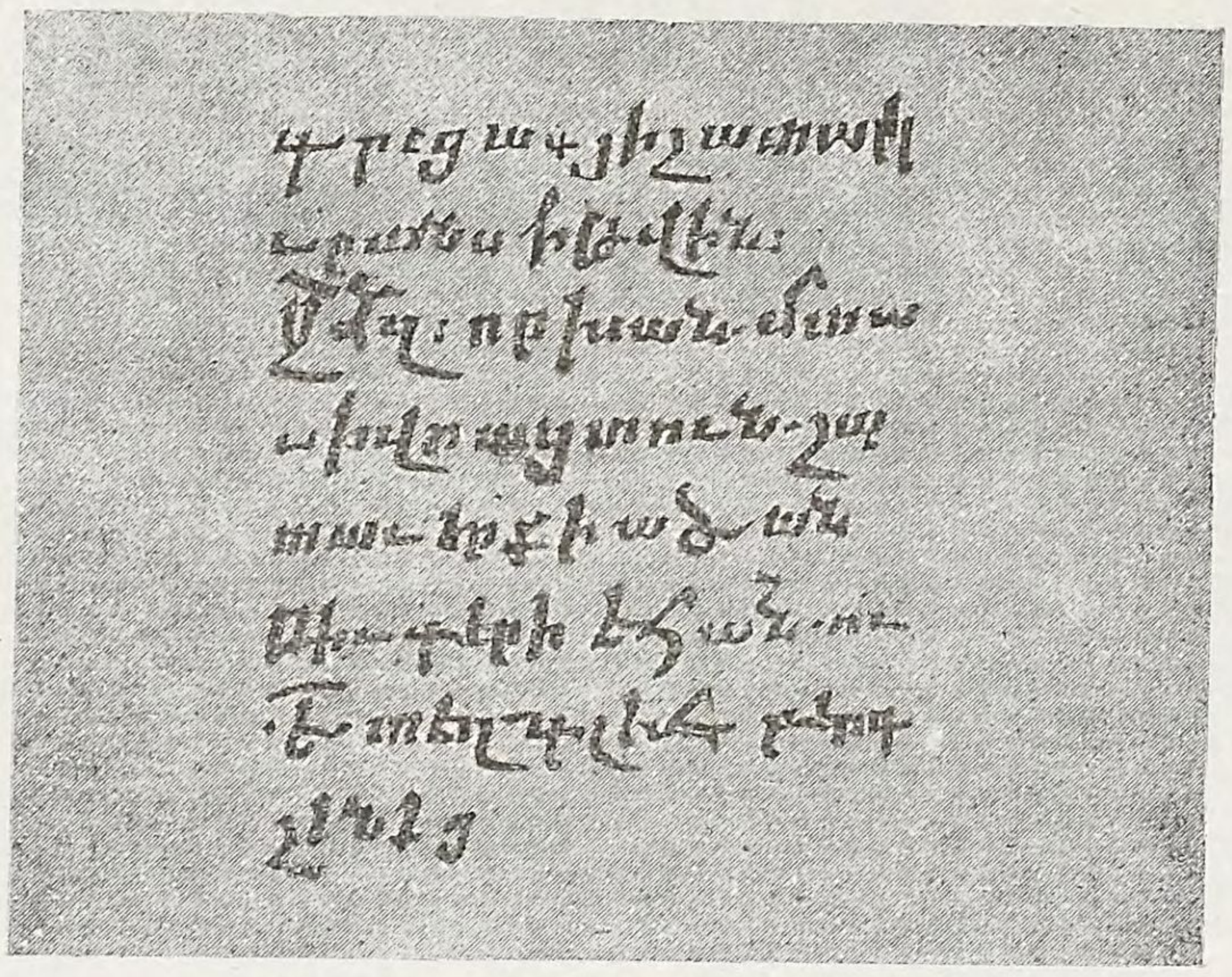

Рис. 69.

Списокъ этого Евангелія позволяемъ себѣ отнести къ концу XV столѣтія *), когда въ характерѣ орнаментировки и письма стали обнаруживаться новые мо-

*) А. М. Павлиновъ согласенъ съ этимъ опредѣленіемъ.

тивы, и такимъ образомъ въ исторіи армянской иконографіи подготовлялся переходъ къ XVI столѣтію.

При этомъ Евангеліи имѣются также нѣсколько записей, сдѣланныхъ разными лицами, которыя представляемъ здѣсь (рис. 69 и 70) цинкографически при русскомъ переводѣ:

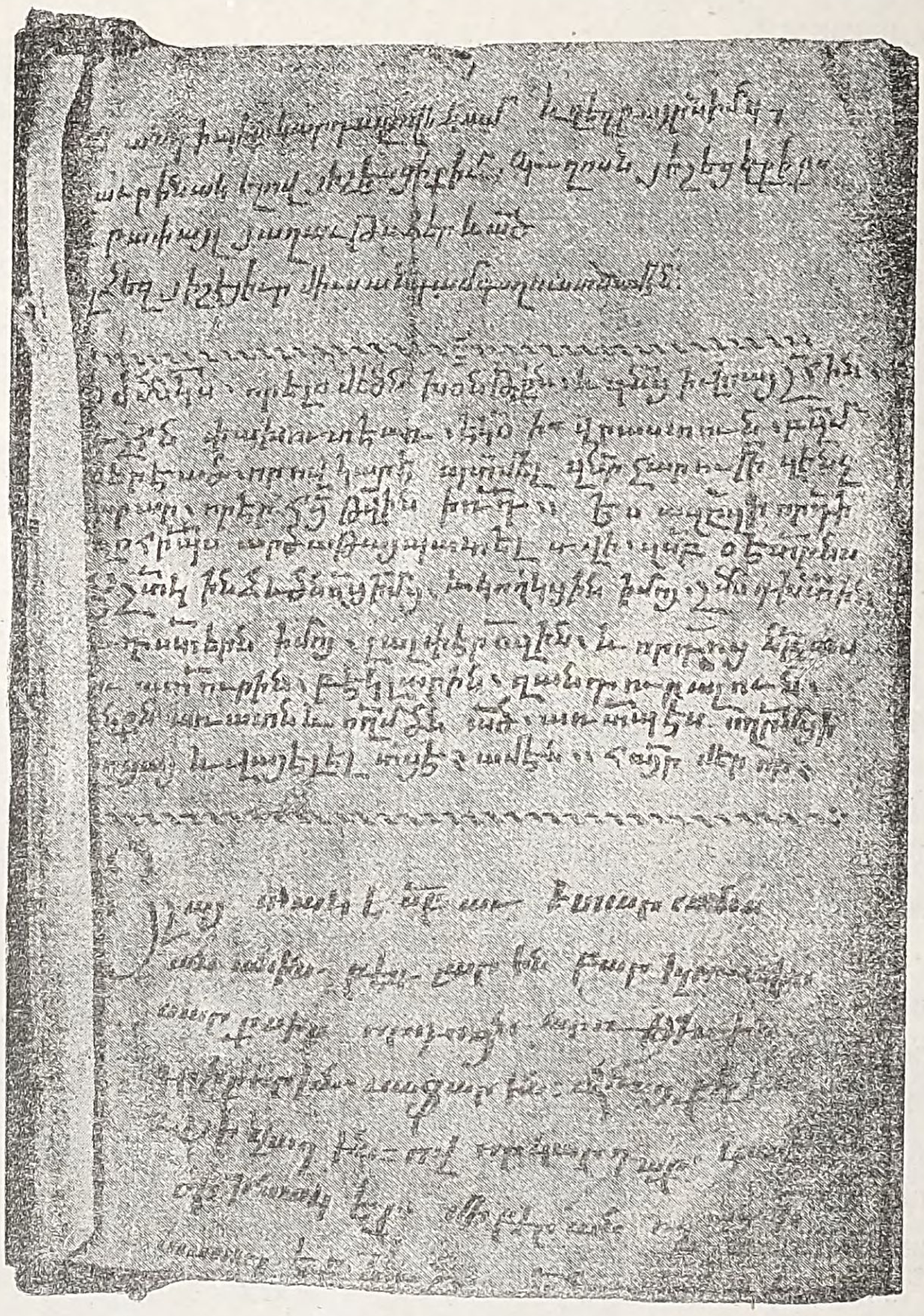

Рис. 70.

„Сія памятная запись писана въ 956 году (армянскаго лѣтосчисленія или 1507 года), когда ханъ вступилъ въ Грузію, причинилъ много раззореній, увелъ безчисленное (множество) плѣнныхъ и въ пяти мѣстахъ понастроилъ крѣпости—замки".

„Въ тѣ времена, когда великій хундкяръ выступилъ противъ шаха, тотъ, обратившись въ бѣгство, вторгся въ Грузію, внесъ туда страшныя опустошенія и кто въ состояніи описать всѣ тѣ бѣдствія, кои натворилъ онъ тамъ въ 1004 году армянскаго лѣтосчисленія (въ 1555 г.). Я, Зорабъ, сынъ Азиза, оправилъ серебромъ сіе святое Евангеліе въ память себя, родителей моихъ, супруги— Шамандухтъ, дочери—Лалперозъ, сыновей ея: Асватура, Бегляра, Кандурала. Да помилуетъ ихъ Господь милосердный и воздастъ имъ должное аминь. Отче нашъ и проч.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Евангелія въ Сатлелѣ.

„Сіе святое Евангеліе — въ память Анана, Бегляра, Барилуса, Саркиса, сыновей: Арутина, Григорія, Сафара, Аракела и Айваза. Кому доведется читать или копировать его (Евангеліе), да помянетъ ихъ (всѣхъ) слѣдующими словами: „помилуй ихъ Богъ“.

„Кому случится читать или переписывать сіе Евангеліе, помяните въ чистыхъ молитвахъ вашихъ брата моего Павла, и Господь помянетъ васъ при второмъ пришествіи Своемъ“.

Провѣряя сообщенія записи подъ № 69, находимъ въ грузинской хроникѣ Sekhnia-Tchkheidzé, что, дѣйствительно, въ 1507 Грузія подверглась нашествію Татаръ, которые, опустошая страну, сожгли Кутаисъ и Гелатъ *). То же самое событіе отнесено Вахуштомъ къ 1512 году.

Во второй записи подъ № 70, относящейся къ 1551 году, говорится о взаимныхъ отношеніяхъ великаго хундкяра и шаха. Подъ хундкяромъ слѣдуетъ подразумѣвать турецкаго султана Сулеймана Великолѣпнаго (1520—1566 г.), а подъ шахомъ—Тамаза, вступившаго на персидскій престолъ въ 1519 году. Война между двумя мусульманскими государями возгорѣлась за обладаніе Арменіей и отчасти Грузіей. Сулейманъ оказался побѣдителемъ, отнялъ у Персіянъ Арменію и побѣдоносно дошелъ до Тавриза; на возвратномъ пути, онъ покорилъ армянскіе города Бахешъ, Хлатъ, Арчешъ, Ванъ, прошелъ въ Месопотамію, взялъ Багдадъ, Мосулъ, Эдессу, Низибисъ, древнюю столицу армянскихъ Аршакидовъ и многихъ жителей ихъ выселилъ въ Константинополь. Туда же онъ приказалъ отправлять христіанскихъ дѣтей, изъ которыхъ впослѣдствіи составляли янычарскіе полки. По удаленіи Сулеймана съ театра воины, вслѣдствіе смутъ, возникшихъ въ Константинополѣ, шахъ Тамазъ снова появился въ Арменіи и безъ большихъ усилій возвратилъ Персіи отнятыя у нея области, города и между прочими сѣверныя провинціи древней Арменіи: эрзерумскую Басенъ, Дерджанъ, Сперъ и другія земли, лежащія на верховьяхъ рѣкъ: Ефрата, Аракса и Чорохъ-Су. Отсюда, по свидѣтельству разбираемой записи, онъ „вторгся въ Грузію, внесъ туда страшныя опустошенія, и кто въ состояніи описать всѣ тѣ бѣдствія“, продолжаетъ дальше авторъ записи Зорабъ, сынъ Азиза, „кои натворилъ онъ (Тамазъ) тамъ въ 1004 году арм. лѣтосчисленія“ (въ 1555 г.).

Послѣднее показаніе записи вполнѣ подтверждается исторіей: появившись въ Грузіи, Шахъ Тамазъ разорилъ Самтухé, Тріалети и въ 1556 году захватилъ въ плѣнъ мать царя Луарсаба I-го **). Жестокую расправу, учиненную шахомъ надъ христіанскими жителями Грузіи, Шопенъ ***) объясняетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ войнѣ Тамаза съ Сулейманомъ Грузины съ Армянами держали сторону Оттомановъ“, извѣстіе, которое нисколько не противорѣчитъ нашей записи.

Отъ третьяго Сатлельскаго Евангелія имѣются снимки съ миніатюрами со всѣхъ четырехъ Евангелистовъ (см. Евангелистъ Марка табл. LV).

Это Евангеліе, какъ и предыдущія, написано въ одинъ столбецъ, мелкимъ почеркомъ; первая строка у всѣхъ Евангелистовъ составлена изъ узорчатыхъ

*) Hist. mod de la Géorgie. II part. II liv. St.-Petersb. 1857. Brosset.

**) Brosset. Hist. Mod. de la Géor. Чамчянъ, томъ III.

***) Шопенъ.—Историческій Памятникъ Арм. Обл. С. П. Бургъ 1852., стр. 158.

Bayerische Staats-Bibliothek München

буквъ, вторая и третья писаны полууставомъ. Заглавная буква у св. Матѳея представляетъ ангела, стоящаго на шарѣ, у Марка—сплетеніе двухъ крылатыхъ львовъ, у Луки—тельца и у Іоанна—орла, держащаго въ клювѣ четвероугольную

Рис. 71.

Рис. 72.

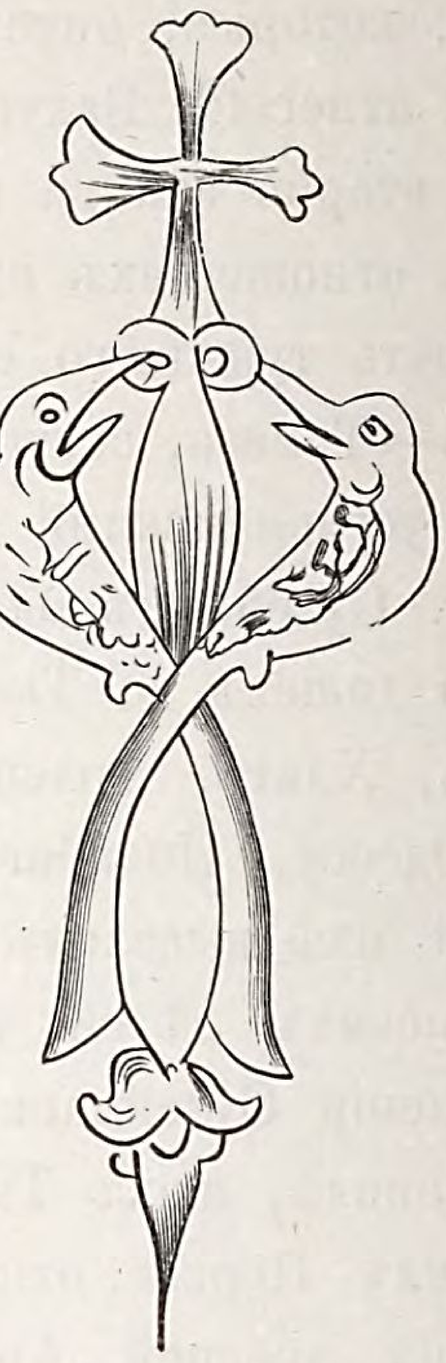

Рис. 73.

Рис. 74.

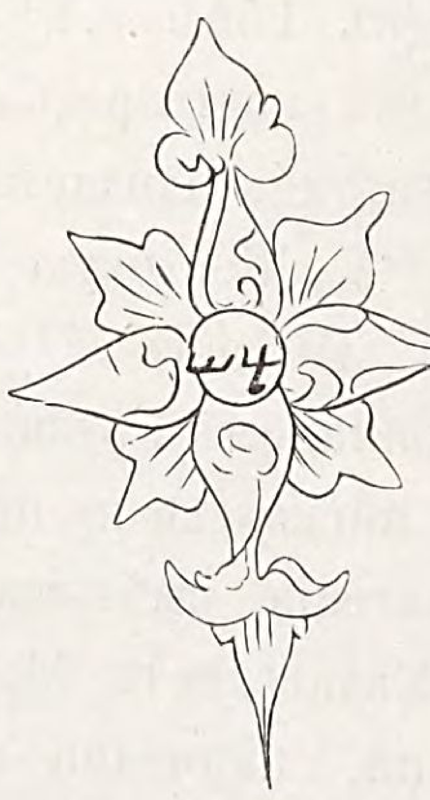

Рис. 75.

Рис. 76.

дробницу. Красивыя заставки отличаются соразмѣрностью своихъ формъ, пестротой узоровъ въ цвѣтахъ и лепесткахъ, симметричностью въ расположеніи и особенной окопченностью. Заставка св. Марка украшена изображеніемъ двухъ сиренъ

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Евангелія въ Сатлелѣ. Гл. пер. отъ Марка.

въ головныхъ уборахъ похожихъ на армянскія шапочки. Поверхъ заставокъ чаши, по обѣимъ сторонамъ которыхъ расположены павлины, лебеди или куропатки; въ особенности интересна подробность замѣчаемая поверхъ заставки св. Луки, гдѣ мы находимъ чашу съ наложенной на ней рыбой, мотивъ заимствованный изъ древне христіанскаго искусства. Боковыя стороны листовъ этого евангелія, подобно предыдущимъ, украшены продолговатымъ узоромъ, состоящимъ изъ перевитыхъ цвѣтовъ и листьевъ. Изображенія евангелистовъ меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ предыдущихъ рукописяхъ, но нарисованы довольно правильно, хотя и замѣчаемъ у св. Іоанна неестественный поворотъ лѣвой руки. Евангелистъ обращаетъ взоры на небо, откуда виднѣется благословляющая рука въ сіяніи; св. Іоаннъ наклоняется къ Прохору и правой рукой какъ бы передаетъ ему благословеніе. Евангелисты Матѳей, Маркъ и Лука изображены сидящими на сѣдалищахъ съ высокими куполообразными спинками, стиль которыхъ однакожь не армянскій. Евангелистъ Матѳей имѣетъ предъ собой пюпитръ съ рѣзною ножкою въ видѣ рыбы — типъ древне-христіанскій; евангелистъ держитъ на рукахъ длинный свитокъ. Евангелисты Маркъ (табл. LV) и Лука сидятъ также предъ пюпитрами, изъ которыхъ первый одной формы съ вышеописаннымъ на миніатюрѣ апостола Матѳея; оба Евангелиста сидятъ въ задумчивости, опершись подбородкомъ на лѣвую руку и приложивъ указательный палецъ къ устамъ.

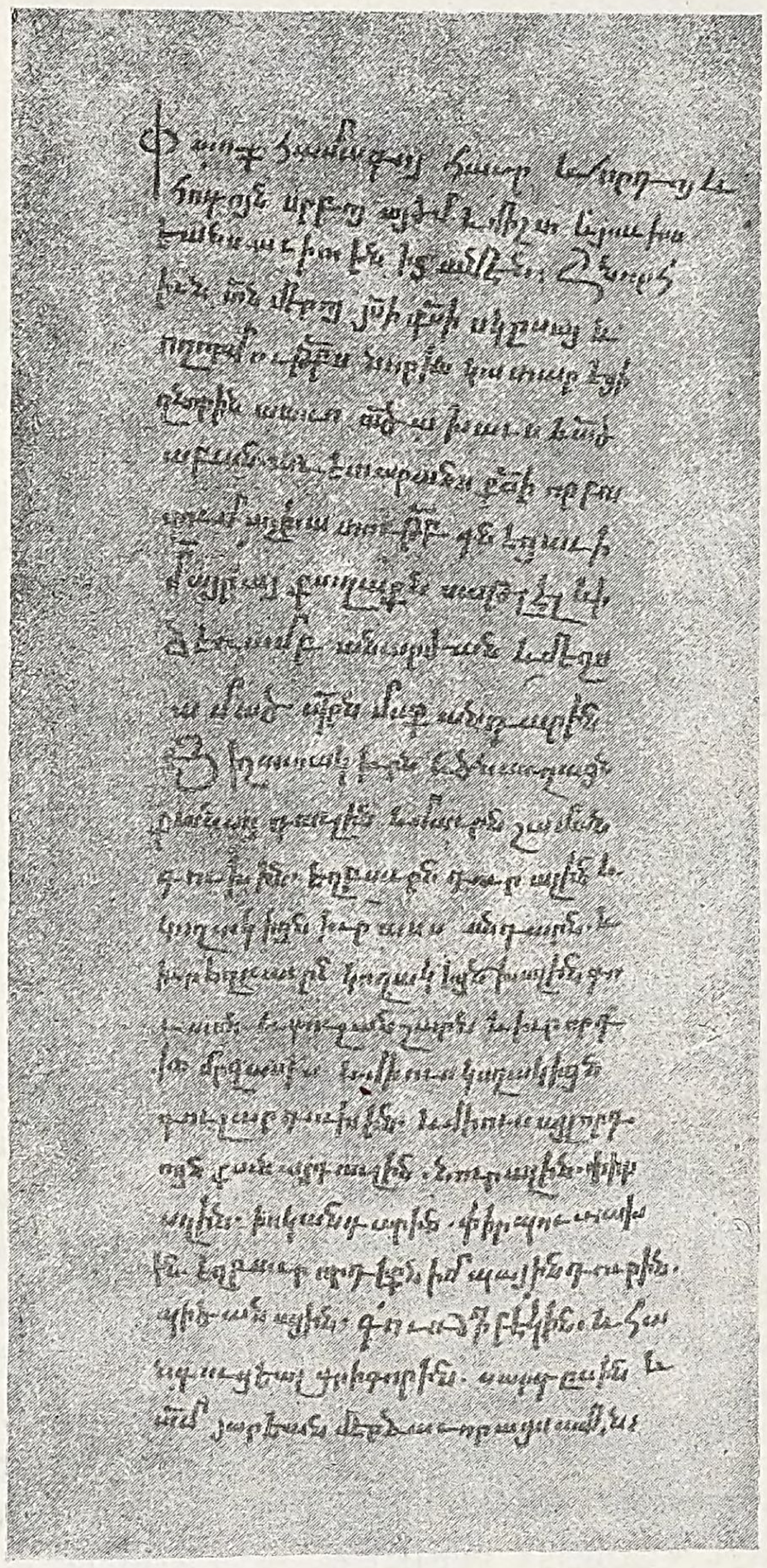

Рис. 77.

Евангеліе это мы позволяемъ себѣ отнести къ XVI столѣтію *); имѣющаяся

*) А. М. Павлиновъ на основаніи зарисованныхъ имъ заставокъ и буквъ на остальныхъ страницахъ осмотрѣннаго имъ Евангелія (рис. 71—76) и сходства находимаго имъ со стихиремъ XIV в., воспроизведеннымъ Стасовымъ на т. CXLV рис. 2 его сочиненія, и стихиря XVI в., принадлежащаго Имп. Публ.

при немъ запись (рис. 77 и 78) восходитъ къ началу XVII столѣтія и сдѣлана рукой нѣкоего Макандара въ 1603 году; она гласитъ:

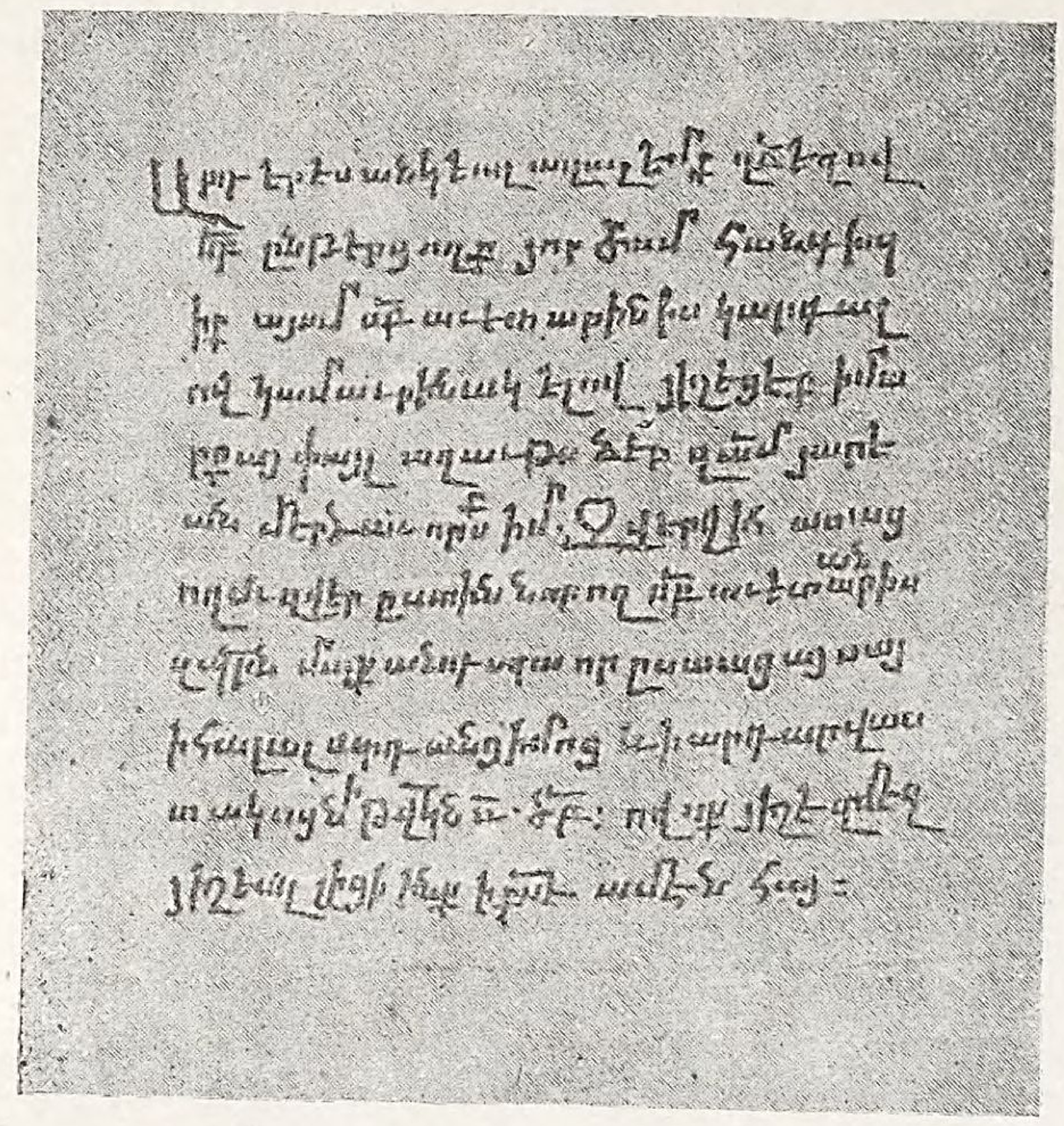

Рис. 78.

„Слава единосущнымъ Отцу, Сыну и Святому Духу аминь. Благодатью Господа нашего Іисуса Христа и милостью Его, я началъ и довершилъ сіе Богомъ изреченное, богословское Евангеліе, съ большими трудами купленное мною, недостойнымъ, многогрѣшнымъ Макандаромъ, въ столицѣ Сатлелѣ, въ память себя и родителей моихъ: Канадола, матери—Шамандухъ, брата Дуръ-Али, супруги его Асвандарь, супруги ея брата—Халинговатъ, Гуланшаръ, ея сына Мирзаса, второй супруги, другихъ сыновей: Кападола, Нуръ-Али, Пиръ-Али, Исхандара, Пиръ-Будага, племянниковъ моихъ: Баиндура, Питцана, Гурджибека, покойнаго Григорія, Саркиса и всѣхъ кровныхъ родныхъ, аминь. Павъ ницъ, умоляемъ васъ, святые читатели, когда доведется вамъ читать или переписывать сіе Евангеліе, помяните въ чистыхъ молитвахъ вашихъ кровныхъ моихъ родныхъ и меня Макандара, говорящаго въ послѣдній разъ и обновившаго сіе святое Евангеліе, которое я купилъ на собственныя мои средства, трудомъ добытыя, въ 1052 году армянскаго лѣтосчисленія (въ 1603 г.). Кто помянетъ насъ, да будетъ помянутъ Христомъ. Отче нашъ и проч.“.

Такъ какъ эта запись не заключаетъ въ себѣ никакихъ свѣдѣній историческаго характера, то и мы не будемъ касаться этой стороны дѣла. Для насъ всѣ вышеприведенныя записи трехъ Сатлельскихъ Евангелій представляютъ интересъ съ лингвистической точки зрѣнія. Языкъ ихъ, отличающійся крайней своеобразностью, испещренъ множествомъ оборотовъ, выраженій и формъ какъ изъ древней рѣчи, такъ и народнаго говора XVI вѣка; попадаются часто сокращенія черезъ выпущеніе всѣхъ гласныхъ въ словѣ и сверху ставится титло, иногда слова склоняются по формѣ древняго языка, а глаголъ спрягается по новому и проч.

Но прежде чѣмъ привести нѣсколько примѣровъ, замѣтимъ предварительно слѣдующее: до XII вѣка въ армянскомъ алфавитѣ не было долгой օ, и этотъ звукъ у Армянъ выражался двоегласными աւ = франц. *au;* когда же у Грековъ была заимствована ω (омега), то употребленіе двоегласныхъ աւ стало рѣдкимъ явленіемъ и сохранилось только въ рукописяхъ. Однако буквы ա и ւ, встрѣчаясь вмѣстѣ въ одномъ и томъ же словѣ, не всегда образуютъ двоегласный звукъ; ւ передъ гласной и въ концѣ словъ послѣ ա (a), ե (e), ի (i), произносится какъ латинскій v и въ связи съ упомянутыми a, e, i образуютъ слоги: av = աւ,

Библіотекѣ (Стасовъ, т. CXLVII, рис. 21), желалъ бы, хотя и условно, приписать это Четвероевангеліе XV столѣтію.

ev=եւ, iv=իւ, напр. dav (դաւ)—обманъ, dev (դեւ)—дьяволъ, tiv (տիւ) dies, день, и т. д. Что же касается до записей языка въ рукописяхъ, то мы встрѣчаемъ въ нихъ выраженія, которыя не могутъ не обратить на себя нашего вниманія, напр.

օէր вм. աւեր опустошеніе.
ելօ—ելաւ выступилъ.
գօռ—գաւառ округъ, уѣздъ.
էկօ *)—եկաւ онъ прибылъ, пришелъ.
Հռչակօր—Հռչակաւոր славный, знаменитый.
օետարան—աւետարան Евангеліе.
բարկացօ—բարկացաւ онъ разгнѣвался.

Во всѣхъ этихъ выраженіяхъ мы видимъ произвольное употребленіе *о* вмѣсто слога աւ (av).

Изъ того же пристрастія къ звуку *о*, хотя и выраженному двоегласными աւ, авторы записей пишутъ աւղորմի вмѣсто ողորմի. Ո **) въ началѣ словъ произносится какъ латинск. v, но въ серединѣ и концѣ — какъ простое *о*. Напр., пишутъ ողորմի—oghormi, որդի—ordi, но читаютъ voghormi, vordi. Впрочемъ теперь, и вѣроятно раньше, начальную ո простой народъ произноситъ какъ *о*. Но во всякомъ случаѣ, вмѣсто простой ո, нельзя писать աւ=օ.

Далѣе тамъ же встрѣчается неправильное сочетаніе предлога ի съ инструментальнымъ падежемъ, какъ напр. въ выраженіи 'ի ձեռամբ вм. 'ի ձեռանէ. Предлогъ ի требуетъ дательнаго или исходнаго падежа, равнаго латинскому ablatīvus съ предлогами a, ab. Изъ другихъ особенностей укажу на слѣдующія.

մարքայփայլ вм. մաքրափայլ. Тутъ ր стоитъ вмѣсто ք; слѣдовало бы ожидать обратнаго явленія; впрочемъ, въ устахъ народа такая перестановка буквъ возможна.

Въ словахъ: արծաթայպատել, տռայքել буква յ вставлена.

Форма մարն, род. пад. отъ слова մայր—мать, употребляется въ областныхъ нарѣчіяхъ; слѣдовало бы ожидать մաւրն или մօրն.

Вотъ нѣсколько примѣровъ сокращеній.

Մշցն полная форма будетъ մաշեցան
սրվ սրով.
ծվցլ ծովացեալ
քհնյք քահանայք.
մրդկն մարդկան
յշտկ յիշատակ.

Выраженіе մտաւ 'ի վրացտուն, означающее „онъ вступилъ въ Грузію", въ грамматическомъ отношеніи невозможно; въ немъ глаголъ մտաւ стоитъ по формѣ

*) եկաւ употребляется въ областныхъ нарѣчіяхъ.

**) ո вм. օ допускается только въ грамматическомъ суффиксѣ ող, который пишется также օղ и աւղ.

новаго языка, а ՚ի վրայտուն напоминаетъ только древнюю форму. Выражаясь языкомъ древнихъ, мы бы писали: եմուտ ՚ի վրաստան, и то же выраженіе на новомъ языкѣ будетъ մտաւ վրաստան։

Рядомъ съ древними глагольными формами попадаются и новыя, употребляемыя въ разговорномъ языкѣ современныхъ записямъ Армянъ. Напр.

եհան 3 л. аориста отъ гл. հանեմ вывести, вынуть.
խած (էած) — отъ гл. ածեմ вести.

Въ обоихъ этихъ глаголахъ ե, է суть приращенія, сохранившіяся, за рѣдкими исключеніями, только въ третьемъ лицѣ аориста. Въ древнемъ языкѣ нѣтъ приращенія ի; въ такой роли буква ի могла явиться развѣ только въ областныхъ нарѣчіяхъ.

Формы изъ разговорнаго языка того времени суть слѣдующія:

շինեց 3 л. аор. отъ гл. շինել строить.
մտաւ — отъ гл. մտնել вступить, и т. д.

Покончивъ съ Сатлельскими Евангеліями, обратимся къ Ахалцыхской и Энибатской рукописямъ, съ которыхъ имѣемъ подъ рукой 4 снимка, три съ первой рукописи и одинъ со второй.

На первой рукописи нѣтъ никакихъ памятныхъ записей или приписокъ, изъ которыхъ можно было бы извлечь свѣдѣнія о самой рукописи; при внимательномъ изученіи узоровъ и характеристическихъ особенностей ея невольно выносишь убѣжденіе, что списокъ этой рукописи относится ко второй половинѣ XVI вѣка, къ той именно эпохѣ, когда византійское вліяніе въ армянской иконографіи, по мнѣнію графа А. С. Уварова, уступило мѣсто персидскому.

Разсмотримъ, напр., первую страницу первой главы книги Бытія (табл. LVI). Она изукрашена роскошною заставкою въ персидскомъ вкусѣ, съ изображеніемъ св. Троицы, въ трехъ симметрично расположенныхъ медальонахъ. Въ среднемъ изображеніе Бога Отца въ крестообразномъ вѣнчикѣ; изъ раскрытыхъ рукъ Его исходитъ лучъ, въ видѣ свѣтлой расширяющейся книзу полосы, къ двумъ боковымъ медальонамъ меньшихъ размѣровъ, въ которыхъ изображены Спаситель и Св. Духъ, въ видѣ голубя. Подъ малыми медальонами расположены, вѣроятно, головы апостоловъ, по шести въ рядъ. Фонъ, окружающій изображенія, напоминаетъ отчасти узоры персидскихъ ковровъ. Поверхъ заставки расположено изображеніе благословляющаго Спасителя или Бога-Отца въ облакахъ; на право отъ Него—два ангела, на лѣво колѣнопреклоненная фигурка—вѣроятно, художника или заказчика этой рукописи. Листъ, во всю свою величину, украшенъ съ одной стороны длиннымъ, узкимъ орнаментомъ, состоящимъ изъ поясныхъ фигуръ обрамленныхъ цвѣтами и листьями; на вершинѣ благословляющій Христосъ; внизу двѣ фигуры въ ростъ. Типъ воспроизведенныхъ фигуръ совершенно персидскій, въ чемъ можно убѣдиться даже при самомъ поверхностномъ взглядѣ на изучаемую рукопись. Расположены онѣ правильно и красиво, и вообще гармонируютъ вполнѣ

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Библія въ армянской церкви въ Ахалцыхѣ.

съ изяществомъ и оконченностью всей композиціи. Заглавная буква, расположенная во всю длину листа, состоитъ изъ крылатаго дракона, борющагося съ двумя другими звѣрями, породу которыхъ опредѣлить трудно. Первыя двѣ строки текста состоятъ изъ крупныхъ буквъ, образуемыхъ въ первой строкѣ изъ перевитыхъ птицъ, во второй—изъ звѣрей, въ третьей—изъ цвѣтныхъ узоровъ; затѣмъ три строки крупнаго устава, послѣ чего идетъ красивый почеркъ, которымъ написана и вся остальная рукопись. Рукопись эта вообще весьма богата заставками, заглавными буквами и украшеніями на поляхъ; въ книгѣ псалмовъ, напр., находимъ заставку съ изображеніемъ царя Давида на высокомъ сѣдалищѣ, окруженнаго постройками съ шатровыми верхами, которыя, по мнѣнію гр. А. С. Уварова *), впервые появились въ рукописяхъ XIII столѣтія. Заставка эта помѣщена въ углѣ страницы, писанной въ два столбца; тутъ же на поляхъ благословляющая рука и завитокъ изъ перевитыхъ травъ, оканчивающихся луною, которую попираетъ Христосъ.

Въ той же книгѣ псалмовъ находимъ множество заглавныхъ буквъ, составленныхъ изъ человѣческихъ фигуръ и птицъ въ подражаніе XIV вѣку.

Изображеніе Евангелиста Іоанна и св. Прохора въ той же рукописи отличается самостоятельностью композиціи и особою правильностью въ рисункѣ и натуральностью въ расположеніи складокъ, чѣмъ отличаются преимущественно армянскія рукописи XVII вѣка.

Архитектурныя украшенія, встрѣчающіяся въ этой рукописи съ колоннами рѣзнаго стиля, украшенныя капителями изъ головъ животныхъ и лиственнымъ орнаментомъ, вазами цвѣтовъ, птицами и арабесками, напоминаютъ характеристическія особенности рукописей XIV столѣтія.

Послѣдняя рукопись открыта въ г. Эни-Рабатѣ (по армянски—Норашенъ), лежащемъ на правомъ притокѣ Чороха, Ардануч-Су. Отъ нея имѣется только одинъ снимокъ, по которому видно, что рукопись сильно пострадала отъ времени. Приписокъ, могущихъ дать хотя бы нѣкоторыя свѣдѣнія, при ней не имѣется, и мы къ тому же увѣрены, что рукопись эта не есть Евангеліе, за которое его выдаютъ. Языкъ отрывка древній и вполнѣ классическій, въ немъ нѣтъ ни единаго слова или выраженія изъ простой рѣчи XIV-го или позднѣйшихъ вѣковъ; нѣтъ также и смѣси древняго языка съ новымъ, разговорнымъ. Стиль разбираемаго отрывка напоминаетъ образцы армянскихъ писателей V и XII вѣковъ, а содержаніе на столько общедоступно, что безъ малѣйшей ошибки можно угадать и возстановить смыслъ стертыхъ фразъ и цѣлыхъ предложеній, что мы и дѣлаемъ въ нашемъ переводѣ, отмѣчая наши дополненія скобками. Въ представляемыхъ нами на табл. LVII десяти строкахъ читаемъ:

Յորժամ լուսաւորեաց

վերստին նորոգեաց

՚ի մարդկային ձև և ՚ի կերպարանս և գնաց յաղնչանաց

*) Эчміадзинская Библіотека. „Древности“, приб. къ VIII т., стр. 360.

ձեռնադրեցաւ եպիսկոպոսապետ Հայոց. զի այն է առաջին աթոռ Հայրապետական ազգիս Հայոց՝ կարգեալ 'ի Թադէոս առաքելոյն։ Եւ 'ի պատիւ սրբոյն Գրիգորի՝ ետ Հայրապետն Ղեւոնդէս զնշխարս ոսկերացն որ Կարապետին Յովհաննու յաղթականութիւն սրբոյն Գրիգորի յաղգս ծիւաղաբարոյ։ Եւ 'ի պահպանութիւն աշխարհիս Հայոց և զբոլոր մարմին Աթանագինեայ Հայրապետի, որ էր աներ սրբոյն Գրի(գորի)։

„Когда просвѣтилъ (Арменію христіанскимъ свѣтомъ", рѣчь идетъ о Григоріѣ Просвѣтителѣ) и вторично возвратилъ (царю Тиридату Великому) видъ и образъ человѣческій, то вслѣдствіе просьбъ (того же царя и армянскихъ князей), онъ отправился (въ Кесарію кападокійскую, къ греческому патріарху Леонтію) и былъ рукоположенъ въ патріархи Арменіи, ибо патріаршій престолъ для Армянъ впервые учрежденъ апостоломъ Ѳаддеемъ. Патріархъ Леонтій, оказавъ св. Григорію почести, далъ ему въ помощь, среди дикихъ народовъ, мощи св. Іоанна Предтечи, а для умиротворенія земли армянской—и все тѣло (всѣ мощи) патріарха Афанагинія, тестя св. Григорія".

Подробности объ этихъ важныхъ событіяхъ, имѣвшихъ огромное вліяніе на всю дальнѣйшую судьбу Арменіи, очень хорошо извѣстны изъ сочиненій двухъ писателей IV вѣка, сирійца Зенобъ-Глака, ближайшаго сподвижника Григорія Просвѣтителя въ дѣлѣ распространенія христіанства въ Арменіи и личнаго секретаря царя Тиридата, Агаѳангела, который разсказываетъ, что Тиридатъ, призвавъ въ Григоріѣ сына убійцы своего отца, Хосрова I-го, предалъ его страшнымъ истязаніямъ и, наконецъ, велѣлъ бросить въ глубокую яму въ г. Арташатѣ. Послѣ этого, предавъ смерти цѣлую общину монахинь, съ настоятельницей Гаянé во главѣ, царь впалъ въ тяжкую болѣзнь, отъ которой его исцѣлилъ тотъ же великомученикъ Григорій, ставшій потомъ Просвѣтителемъ всей Арменіи. Вотъ на это обстоятельно и намекаетъ нашъ отрывокъ, говоря, что онъ „вторично возвратилъ царю видъ и образъ человѣческій". Обычай, ѣздить къ греческимъ патріархамъ въ Кесарію, для полученія сана архіепископа, чтобы, затѣмъ, занять патріаршій престолъ въ Арменіи, сохранился у Армянъ только до конца IV вѣка. Послѣдній епископъ изъ Армянъ, получившій посвященіе отъ кесарійскаго патріарха Евсевія въ 364 году, былъ Нерсесъ Великій *), правнукъ св. Григорія. Но уже въ 366 году, по указу царя Аршака II, въ Вагаршапатѣ былъ созванъ соборъ армянскихъ епископовъ, на которомъ постановлено впредь не ѣздить въ Кесарію и патріархамъ принимать посвященіе отъ своихъ епископовъ **).

Касаясь внѣшнихъ признаковъ рукописи, отмѣтимъ слѣдующее: заглавныя буквы состоятъ изъ птицъ и арабесокъ, буквы первой строки, исключительно, составлены изъ птицъ, второй—изъ лиственнаго орнамента, остальной текстъ писанъ круглымъ и красивымъ почеркомъ. Надъ текстомъ обычная живописная заставка со слѣдами византійскаго стиля; на вершинѣ ея—цвѣты съ двумя птичками по сторонамъ; влѣво, во всю длину листа длинное и узкое украшеніе, встрѣчаемое на рукописяхъ XIV в.

Всѣ эти подробности даютъ намъ основаніе отнести ее къ рукописямъ XV

*) Фаустъ Византійскій, кн. IV, гл. IV. Спб. 1883 г., изд. К. Патканова.
**) Ист. Арм. Церкви, стр. 37, соч. І. Мовсисьянъ. Вагаршапатъ, 1884 г.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Страница изъ рукописи въ Эни-Рабатъ.

вѣка, небогатаго, вообще, ни литературными произведеніями, ни памятниками церковной иконографіи, что легко объясняется тѣми тяжелыми обстоятельствами, которыя приходилось въ эту эпоху переживать Арменіи, сдѣлавшейся ареной страшной междуусобицы, возникшей между Туркменскими племенами Ак-Коюнлу и Кара-Коюнлу (такъ называемыхъ по изображенію на ихъ знамени бѣлаго и чернаго барана), распрѣ которыхъ положенъ конецъ въ началѣ XVI в. персидскимъ шахомъ Измаиломъ *).

Кончая разборъ описываемыхъ снимковъ, намъ остается прибавить, что при ихъ описаніи мы пользовались руководствомъ, кромѣ сочиненія академика Броссе, превосходной статьей покойнаго графа А. С. Уварова о Эчміадзинской Библіотекѣ. Статья эта, по своимъ внутреннимъ качествамъ и тщательной разработкѣ, не имѣетъ себѣ равной ни въ армянской, ни въ европейской литературѣ. Въ ней русскій археологъ, почти, первый подмѣтилъ и оцѣнилъ характеристическія особенности и признаки армянскихъ рукописей, вѣками выработавшіяся какъ на почвѣ Арменіи, такъ и внѣ ея предѣловъ; онъ же опредѣлилъ въ нихъ иностранное вліяніе какъ-то: византійское, персидское и западно-европейское. При описаніи рукописей Эчміадзинской Библіотеки, покойный графъ указывалъ на рукописи съ датами, чѣмъ, несомнѣнно, увеличилъ компетентность своего труда, который по нашему скромному мнѣнію, составляетъ лучшее руководство при изученіи армянской иконографіи.

*) Заставка Энирабатской рукописи носитъ дѣйствительно характеръ, встрѣчаемый очень часто въ армянскихъ рукописяхъ. Орнаменты такого пріема и съ тѣмъ же растительнымъ орнаментомъ найдемъ и въ изданіи В. В. Стасова «Славянскій и восточный орнаментъ», гдѣ можно начать сравненіе съ рукописей XIV вѣка (напр., табл. CXLV, рис. 15 и 16), то же можно сказать относительно буквъ той же таблицы: начало таковыхъ уходитъ въ болѣе раннюю пору, какъ это можно прослѣдить въ описаніи Эчміадзинской библіотеки гр. Уваровымъ. Идя далѣе путемъ сравненій, найдемъ тѣ же формы и въ XVII ст. (Стасовъ т. CXLVI, фиг. 1, 4, 6 и табл. CXLVIII, рис. 38), но въ рукописяхъ XVII вѣка появляются свои особенности подъ видомъ орнамента на поляхъ; прибавки же къ заставкамъ въ видѣ цвѣтовъ носятъ совершенно другой, болѣе натуральный характеръ, чѣмъ въ рукописяхъ болѣе ранняго времени. Такихъ признаковъ въ Энирабатскомъ Евангеліи не находимъ, почему думаемъ, что опредѣленіе Кучукъ-Іоаннесова на счетъ времени написанія этого Евангелія вѣрно. *Павлиновъ.*

АРМЯНСКАЯ НАДПИСЬ XII СТОЛѢТІЯ.

Кучукъ-Іоаннесова.

Надпись эта, рѣзанная на камнѣ найдена въ развалинахъ древне-христіанскаго храма, близъ Бѣлорѣчинской станицы, Майкопскаго уѣзда и хранится нынѣ въ Тифлисѣ, въ Кавказскомъ Музеѣ. Армянскій текстъ ея гласитъ:

Կատարեցաւ եկեղեցիս ձեռամբ քարգործիս Մ... ըպէրն. Հայոց... Ոի.ն

Что значитъ: „Церковь построена каменьщикомъ (имя неразборчиво).... въ 620 году армянской эры“, т. е. въ 1171 году.

Рис. 79.

На основаніи этой надписи, видно, что армянскіе колонисты жили въ южной Россіи еще во второй половинѣ XII-го столѣтія. Спрашивается, какимъ путемъ они могли туда проникнуть? Они не могли, переваливъ черезъ Кавказскій хребетъ, придти съ юго-востока, такъ какъ изъ свидѣтельствъ армянскихъ писателей Матѳея Эдесскаго, Стефана Сюнійскаго и другихъ намъ извѣстно, что, двигаясь по указанному направленію, Армяне въ тѣ времена не заходили дальше Грузіи. Въ началѣ же XII вѣка, когда грузинскій царь Давидъ II Возобновитель, отнялъ у Турокъ-Сельджукидовъ г. Ани и, вслѣдъ затѣмъ въ 1124 году покорилъ часть прежнихъ владѣній армянскихъ Багратидовъ, то множество Армянъ стеклось со всѣхъ сторонъ подъ знамена побѣдоноснаго царя. При нѣкоторыхъ его преемникахъ: Димитріѣ I, Давидѣ III, Георгіѣ III и особенно при знаменитой Тамарѣ (1184—1212 г.), они распространились по всей Грузіи,

усвоивъ ея языкъ, нравы и обычаи *). Этими скудными указаніями заканчиваются свѣдѣнія о передвиженіи Армянъ на сѣверъ за предѣлы тогдашней Грузіи.

Совсѣмъ иначе обстояло дѣло на западѣ.

Со времени распространенія христіанства въ Арменіи въ началѣ IV вѣка, между Армянами и византійскими Греками установились, какъ извѣстно, тѣсныя политическія и религіозныя сношенія. Армянская молодежь массами посѣщала греческія школы въ Константинополѣ, Аѳинахъ, Эдессѣ, Александріи и, возвращаясь на родину, приносила съ собой продукты греческой цивилизаціи и распространяла ихъ въ Арменіи. Торговля велась съ Византіей и съ сосѣдними христіанскими народами, населявшими Грузію, Албанію и проч. Родственная Армянамъ Персія, гдѣ тогда царствовали могущественные Сассаниды, была почти забыта. Такое явное предпочтеніе, оказываемое вообще Грекамъ, въ ущербъ интересамъ Персіи, постоянной соперницы ихъ въ обладаніи Арменіей, крайне дорого обошлось послѣдней. Въ 432 году Сассаниды, пользуясь распрей армянскаго царя Арташеса съ его строптивыми князьями, по свидѣтельству М. Хоренскаго, безъ особеннаго труда низложили Аршакидовъ въ Арменіи и, для окончательнаго присоединенія ея къ Персіи, стали силою оружія вводить въ странѣ ученіе Зороастра. Гоненія на христіанскую религію вызвали, съ одной стороны, упорное сопротивленіе персидскимъ видамъ, съ другой—переселеніе въ Византію и въ ея азіатскія провинціи. Спустя 200 лѣтъ, когда Арменія подпала подъ власть Аравитянъ, движеніе на западъ усилилось еще болѣе. На сколько тяжко было арабское иго для Армянъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Нахичеванскій правитель изъ Арабовъ, Гешамъ, въ 704 году, по приказанію дамасскаго халифа Абдъ-эль-Мелика (685—705 г.), заманилъ армянскихъ князей въ нахичеванскую церковь, заключилъ ихъ тамъ, а церковь велѣлъ поджечь. Жены и дѣти погибшихъ въ огнѣ были уведены въ плѣнъ въ Дамаскъ, гдѣ уже давно томился патріархъ Саакъ. **).

Далѣе, при знаменитомъ Гарунъ-эль-Рашидѣ (786—809 г.) Арменія ежегодно платила Арабамъ дань, состоящую изъ 13 тысячъ диргемовъ, 200 муловъ, 30 ящиковъ сахару и 20 дорогихъ ковровъ ***); по не довольствуясь этимъ, намѣстникъ того же багдадскаго халифа въ Арменіи, Іезидъ, взималъ поборы даже за умершихъ, чѣмъ довелъ народъ до крайней нищеты. Вслѣдствіе этого двѣнадцать тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ двухъ князей Шапуха и Гамама, изъ рода Аматуни, двинулись къ предѣламъ Византійской имперіи. Переселенцы были приняты Константиномъ V Копронимомъ въ 788 году и водворены въ имперіи ****). Въ одной кровавой расправѣ, учиненной Арабами надъ христіанскимъ населеніемъ Арменіи,

*) См. Bibliothéque Historique Arménienne. E. Dulaurier; стр. 313. Paris, Memoires sur l'Arménie т. I, стр. 378, Saint-Martin, Paris 1819. Шопенъ. Истор. Памятн. Арм. Обл. Спб.

**) Ист. Арм. о. Чамчіана, Іоанна Католикоса, Ст. Тарон. и т. д.

***) Араб. пис. Мухаммедъ-бенъ-Али-бенъ-Табатаба, пер. И. Холмогорова. Казань, 1863 г.

****) Ист. Ст. Тарон. Кн. II, гл. послѣд., Чамчіана. Histoire du Bas-Emp. Lebeau. т. XII. У Лёбо предводитель переселенцевъ называется Кушаномъ.

повѣствуетъ историкъ Іоаннъ Католикосъ со словъ современника этихъ событій, Шапуха Багратуни, Багдадскій халифъ Джафаръ-Мотевеккиль (847—861 г.) послалъ въ Арменію сильное войско подъ начальствомъ Буга, давъ ему суровое приказаніе, „князей и дворянъ схватить и въ оковахъ отправить въ Багдадъ, людей, способныхъ носить оружіе, безпощадно истреблять, за исключеніемъ только самыхъ красивыхъ и статныхъ, коихъ силою принудить къ принятію ислама". Буга буквально исполнилъ его приказаніе, повѣсивъ въ 853 году 150 родовитыхъ князей и дворянъ, не желавшихъ измѣнить христіанской вѣрѣ предковъ. Послѣ того нѣсколько тысячъ человѣкъ, въ томъ числѣ и князь Смбатъ Исповѣдникъ, отецъ основателя династіи армянскихъ Багратидовъ, Ашота, были уведены въ Багдадъ *).

Подобныя гоненія не могли не вызывать Армянъ на выселеніе и невольно указывали имъ на то направленіе, по которому имъ приходилось слѣдовать. Двигаясь на западъ, часть переселенцевъ утвердилась въ Таврскихъ горахъ и оттуда, спустившись къ сѣвернымъ берегамъ Средиземнаго моря, овладѣла всей Киликіей. Здѣсь образовалось новое государство, гдѣ царствовала четвертая армянская династія Рубенидовъ—съ 1095 до 1393 года. Но другая часть ихъ направилась въ Византію и разсѣялась по разнымъ провинціямъ. Въ политической жизни Восточной имперіи выходцы изъ Арменіи играли не послѣднюю роль, занимая иногда важные посты; въ легіонахъ служили цѣлые полки изъ Армянъ. Левъ Діаконъ разсказываетъ, что когда Никифоръ Фока осаждалъ Арабовъ на о. Критѣ, то при взятіи послѣдняго въ 960 году, армянскіе полки отличились особенной жестокостью **). Впрочемъ многочисленность Армянъ въ имперіи подтверждается также изъ сочиненій Θеофана, Кедрина и другихъ византійскихъ историковъ. Въ концѣ X вѣка, а именно въ 988 году, императоръ Василій II, сынъ Романа II-го, часть подвластныхъ ему Армянъ, выселилъ въ Македонію, чтобы изъ нихъ составить оплотъ противъ Болгаръ, безпрестанно тревожившихъ сѣверныя границы имперіи. Но они возмутились противъ императора и перешли въ Болгарію, гдѣ вскорѣ утвердились, снискавъ расположеніе населенія ***).

Попавъ на Балканскій полуостровъ, нѣтъ сомнѣнія, что эти переселенцы, вслѣдствіе разныхъ политическихъ переворотовъ, легко могли перейти за Дунай и, двинувшись далѣе на сѣверъ и сѣверо-востокъ, очутиться въ южныхъ окраинахъ средневѣковой Руси, въ Крыму и Кубанской области, что подтверждало бы и разбираемая нами надпись. Наше предположеніе подтверждается отчасти многочисленными развалинами армянскихъ церквей, до сихъ поръ еще сохранившихся въ означенныхъ мѣстахъ ****).

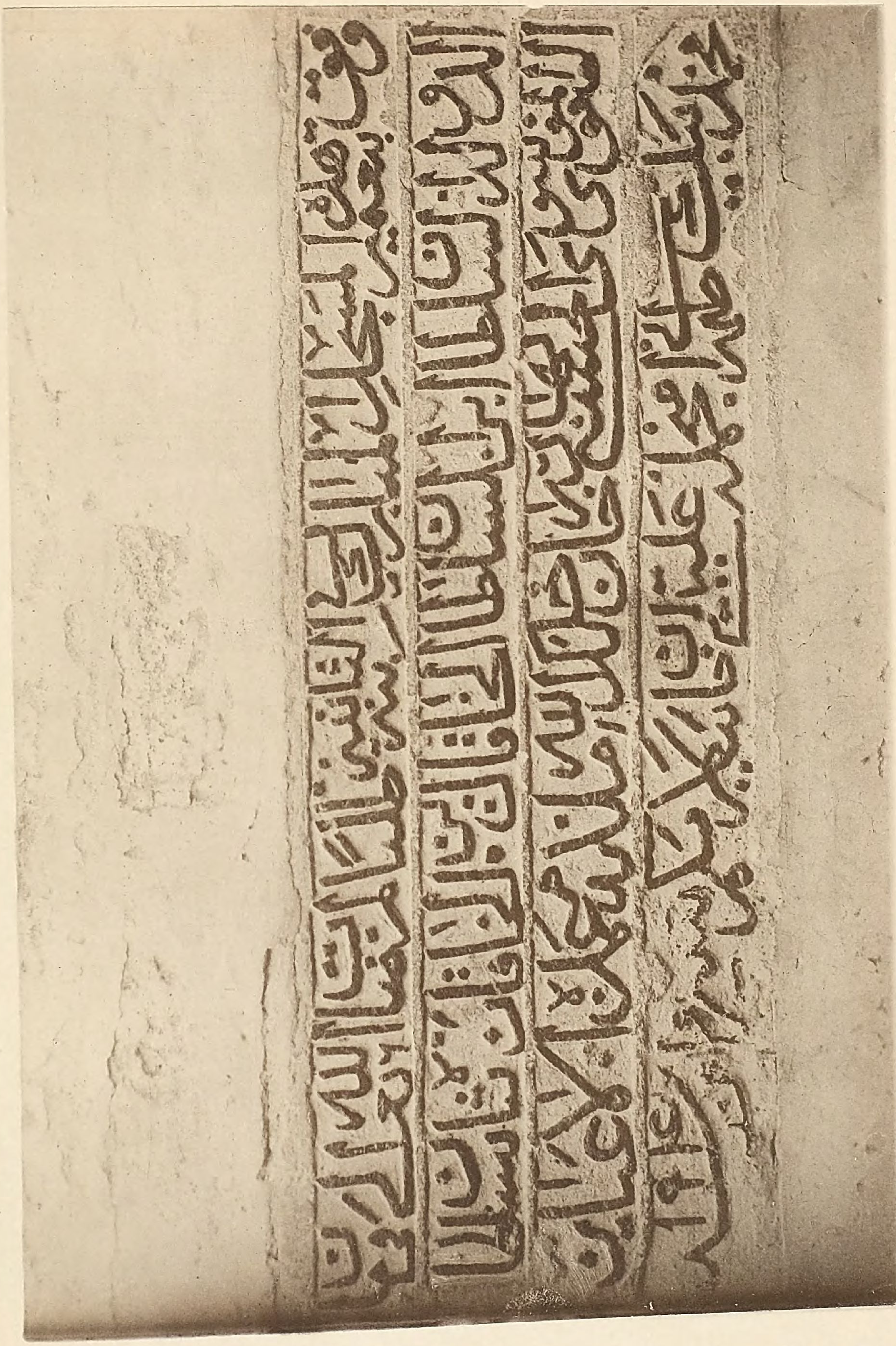
Въ заключеніе считаю нелишнимъ замѣтить, что преданіе о пребываніи нѣкогда, на Балканскомъ полуостровѣ живо сохранилось въ памяти позднѣйшихъ

*) Ист. Іоанна Кат. стр. 67—73 изд. Н. Эмина; фран. пер. Saint-Martin.
**) Левъ Діак. пер. Д. Попова. Спб. 1820 г.
***) Histoire du Bas-Empire. Lebeau. т. XIV. Ист. Стеф. Тарон. кн. II, гл. XX.
****) См. соч. Бруна.

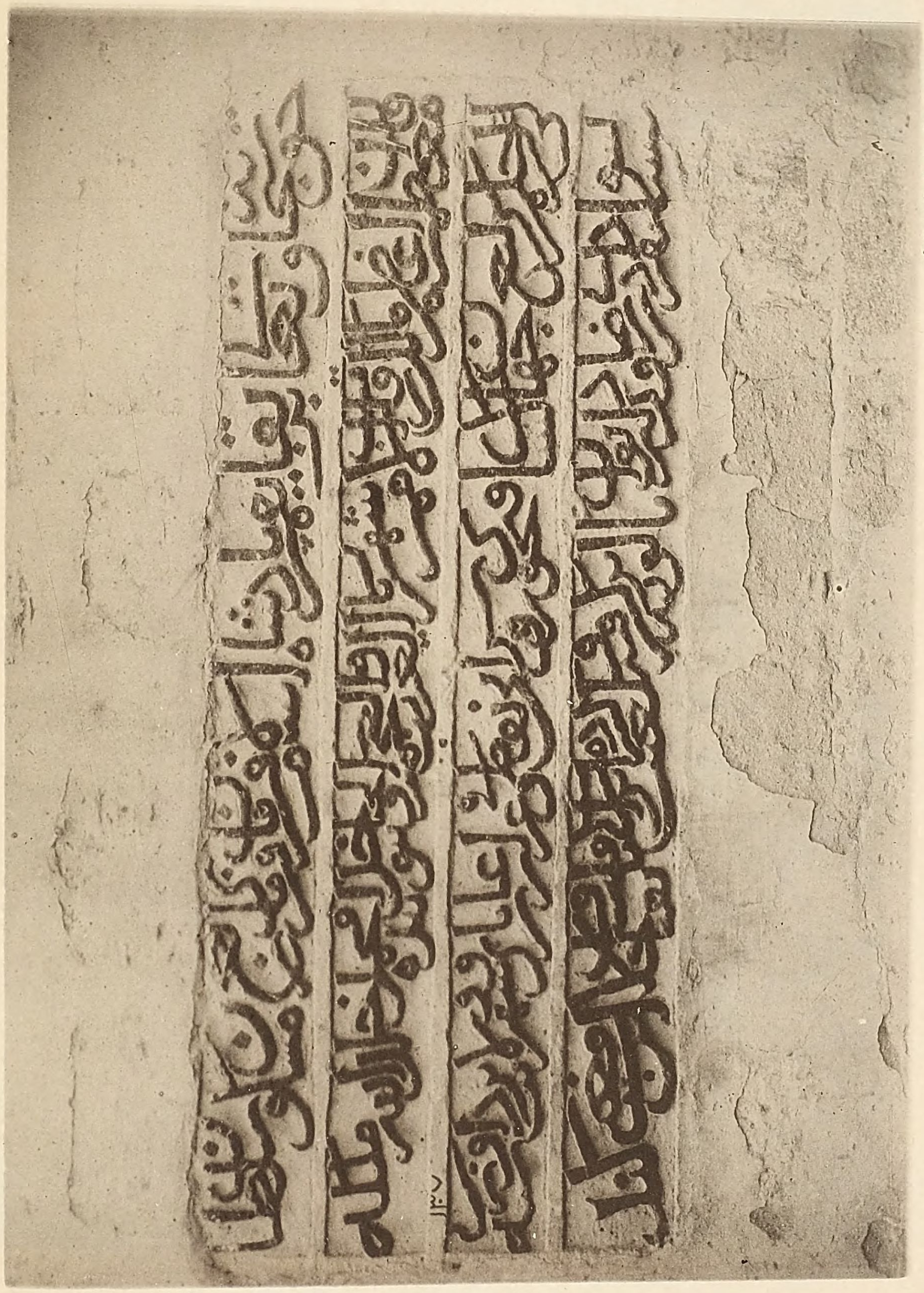

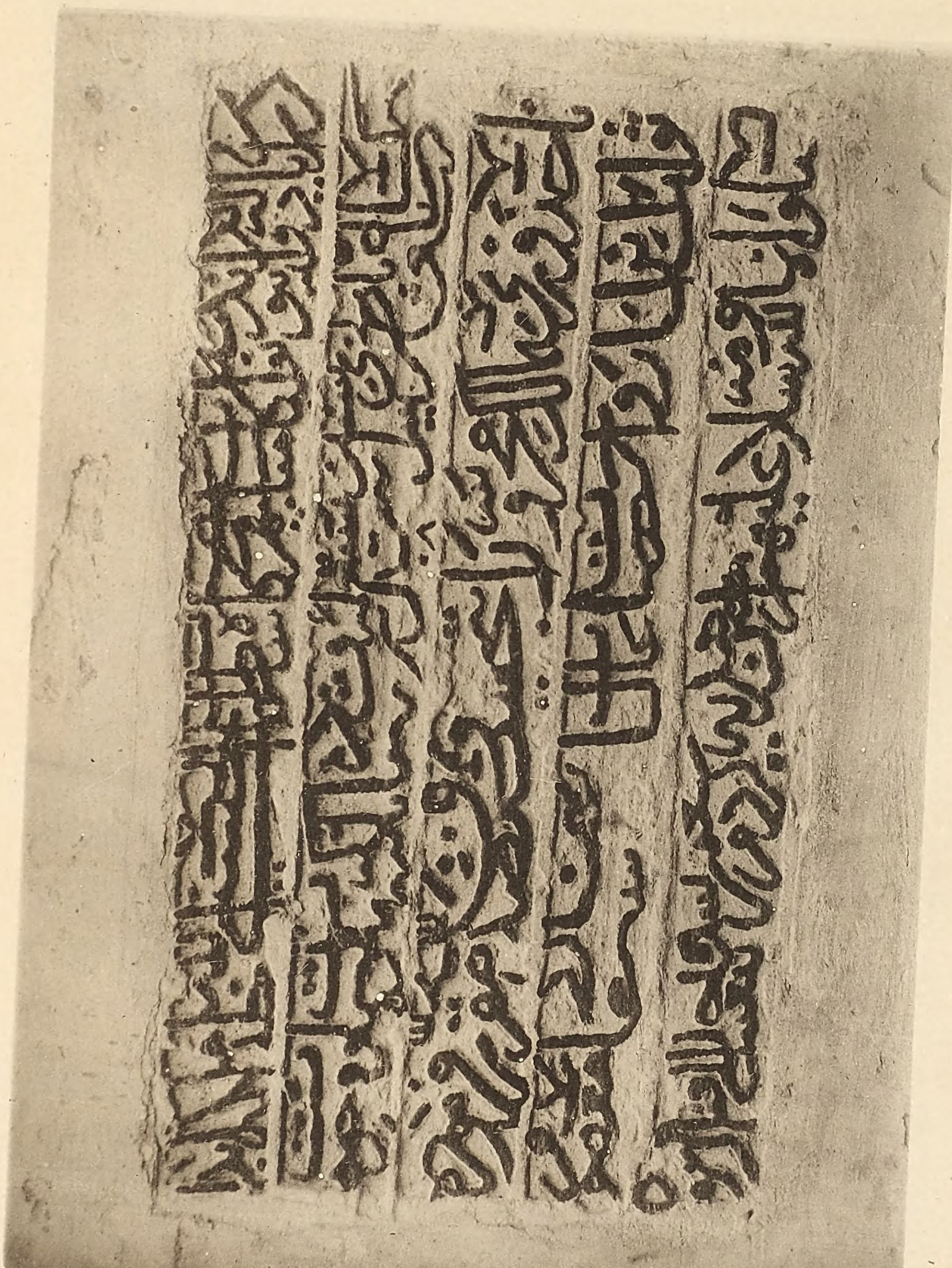
Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

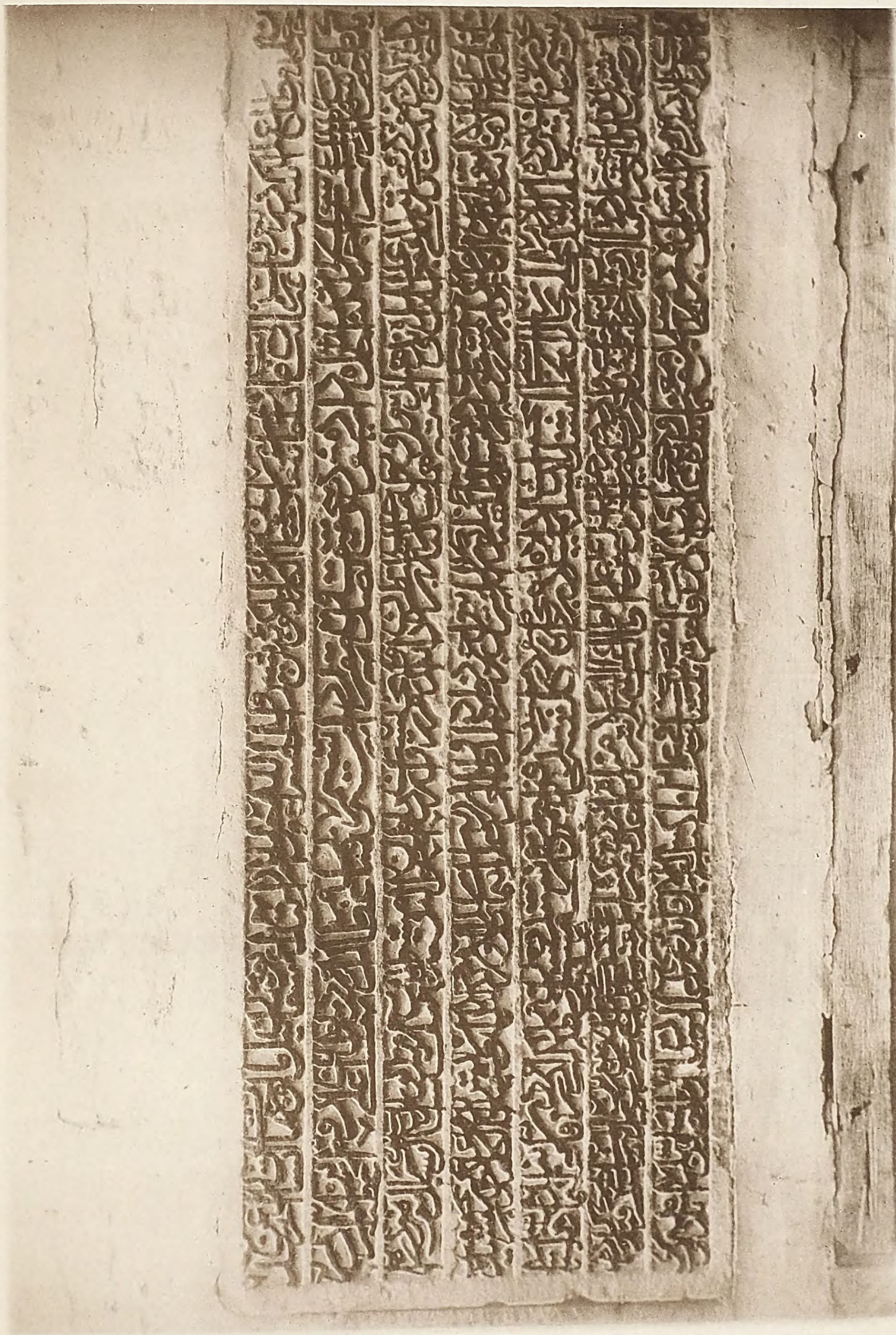
Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

Фототипія Р. Ю. Тиле, Москва.

потомковъ, первыхъ переселенцевъ въ Россію, Армянъ Херсонской и Бессарабской губерній. Напримѣръ, въ г. Григоріополѣ, Хер. губ. Тираспольскаго уѣзда, три квартала называются по турецки: Каушанъ-Mahaleçi, Измаилъ-Mahaleçi и Кили-Mahaleçi, что указываетъ на переселеніе между прочимъ изъ Каушани, Измаила и Килии.

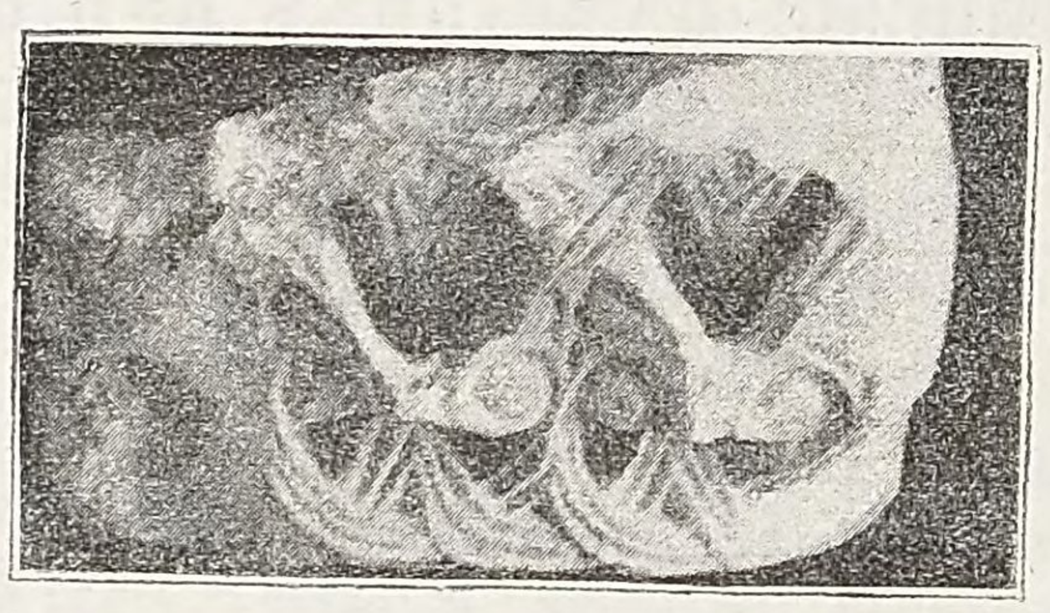

Рис. 80 [1])

[1]) Рис. 80 представляетъ обломокъ капители, найденной въ той же церкви, по характеръ этого орнамента вѣроятно болѣе поздній, чѣмъ годъ построенія храма, указанный надписью

ДРЕВНЕ-ОСЕТИНСКІЙ ПАМЯТНИКЪ ИЗЪ КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

В. Ѳ. Миллера.

Я получилъ отъ Д. М. Струкова, совершившаго лѣтомъ 1888 года поѣздку въ Кубанскую область, копію съ надписи на могильной плитѣ, находящейся въ Зеленчукскомъ ущельи въ нѣсколькихъ верстахъ на югъ отъ Св. Александро-Аѳонскаго Зеленчукскаго монастыря, въ Баталпашинскомъ уѣздѣ Кубанской области. Какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 81), эта плита оканчивается внизу лапой, указывающей на то, что нѣкогда она была вдѣлана стоймя въ каменную основу. По словамъ Д. М. Струкова, высота плиты 2 арш. 2 вершка, толщина $2\frac{1}{2}$ верш., матеріалъ—бѣлый известнякъ. Въ настоящее время этотъ памятникъ лежитъ въ лѣсу на древнемъ кладбищѣ, на которомъ сохранились еще три такія же плиты *).

Какъ извѣстно, въ Кубанской области было найдено уже довольно значительное количество христіанскихъ могильныхъ памятниковъ съ греческими надписями; но послѣднія въ большинствѣ случаевъ сохранились весьма плохо и представляютъ обрывки двухъ-трехъ словъ, весьма трудно поддающіеся дешифровкѣ. На нашей же плитѣ, покрытой письменами сверху до низу, судя по списку, доставленному Д. М. Струковымъ, буквы, за немногими исключеніями, весьма явственны, такъ какъ были высѣчены вглубь довольно глубоко, и это обстоятельство придаетъ Зеленчукской плитѣ особую цѣнность.

Въ нижеслѣдующемъ я позволю себѣ представить результаты моей попытки къ чтенію и объясненію надписи, но предварительно скажу нѣсколько словъ о ближайшемъ поводѣ, вызвавшемъ во мнѣ желаніе заняться разсматриваемымъ памятникомъ.

*) Послѣ того, какъ была написана наша замѣтка, памятникъ былъ осмотрѣнъ лѣтомъ 1892 года Г. И. Куликовскимъ, ѣздившимъ съ археологическою цѣлью въ Терскую и Кубанскую область. По его словамъ, плита съ надписью лежитъ въ лѣсу, противъ такъ называемаго „Стараго жилища“ или „Стараго мѣста“, на правомъ берегу рѣки Б. Зеленчукъ, въ 40—45 верстахъ отъ Александро-Аѳонскаго монастыря, между рѣками Ропачай и Казгичъ; въ окружающемъ лѣсу въ большомъ количествѣ видны развалины построекъ иногда рѣзко замѣтной 4-хъ-угольной формы, груды камней, длинныя стѣны и т. д.; быть можетъ, это лишь зарѣчная часть поселенія, развалины котораго, съ развалинами церкви (на лѣвой сторонѣ рѣки), зовутся теперь „Старымъ жилищемъ“.

При первомъ бѣгломъ осмотрѣ я замѣтилъ, что въ четырехъ мѣстахъ надписи, въ строкахъ 7-й, 10-й, 14-й и 18-й, встрѣчается осетинское слово *фурт*—сынъ— именно въ дигорской его формѣ, и что каждый разъ послѣдняя буква предшествующаго слова есть Н (т.-е. і), представляющая въ осетинскомъ языкѣ суффиксъ родительнаго падежа. Занимаясь разысканіями прошлаго Осетинъ и слѣдя за древнѣйшими ихъ поселеніями, я конечно живо заинтересовался этимъ фактомъ, такъ какъ онъ могъ бы свидѣтельствовать о томъ, что нѣкогда осетинская національность жила въ мѣстахъ нахожденія плиты, въ нынѣшнемъ Карачаѣ, на верховьяхъ Кубани и Зеленчуковъ, далеко на западъ отъ современной территоріи Осетинъ, доходящей на западѣ лишь до бассейна рѣки Уруха, притока Терека.

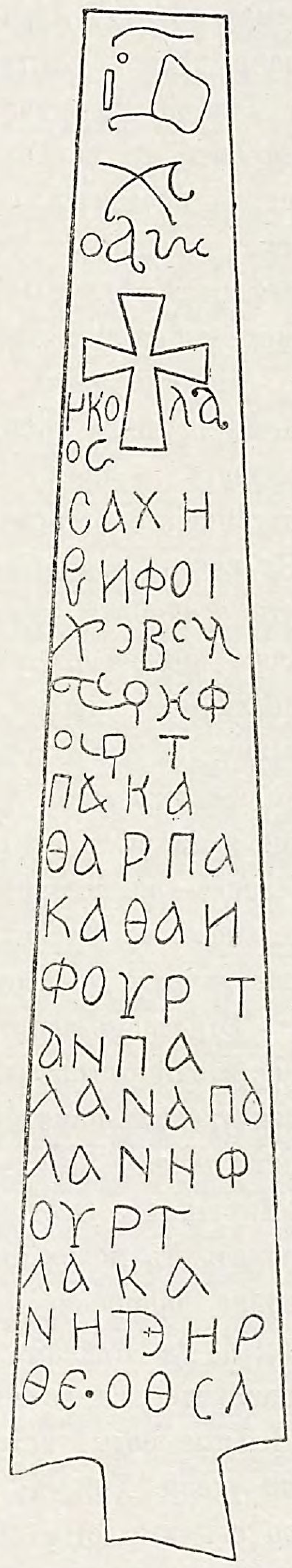

Рис. 81.

Въ III части „Осетинскихъ Этюдовъ“ я собралъ всѣ доступныя мнѣ свидѣтельства о томъ, что предки нынѣшнихъ Осетинъ, подъ названіемъ Осовъ (грузинской лѣтописи), Ясовъ (русской лѣтописи), Алановъ (византійскихъ и классическихъ писателей), занимали въ древности на сѣверо-западномъ Кавказѣ обширное пространство, доходившее до Азовскаго моря и нижняго теченія Дона. Вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ, давленія тюркскихъ племенъ, въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, Аланы-Ясы были послѣдовательно вытѣсняемы изъ западныхъ частей своей древней территоріи и должны были сосредоточиться въ южныхъ ея частяхъ, въ долинахъ и ущельяхъ Кавказскаго хребта, въ бассейнѣ верхней Кубани и Терека. Въ настоящее время осетинская территорія ограничивается по сю сторону хребта притоками послѣдней рѣки — Урухомъ, Ардономъ, Фіагдономъ, Гизельдономъ,—но цѣлый рядъ историческихъ свидѣтельствъ и топографическихъ названій указываютъ на существованіе Осетинъ еще въ средніе вѣка въ ущельяхъ самыхъ западныхъ притоковъ Терека — Черека, Чегема, Баксана,—занятыхъ въ настоящее время горскими тюркскими обществами Кабарды, а также на верховьяхъ Кубани, на современной территоріи тюркскаго племени Карачаевцевъ. Изученіе топографическихъ названій, предпринятое мною на пространствѣ отъ Уруха на востокѣ до Эльборуса—на западѣ, убѣдило меня въ томъ, что имена рѣкъ, горъ, переваловъ, ущелій, пещеръ, скалъ и т. п. представляютъ несомнѣнно осетинскія слова, указывающія на то, что здѣсь всюду раньше горскихъ Тюрковъ жили предки нынѣшнихъ Осетинъ. Не могу говорить съ такой же увѣренностью о верхнемъ теченіи Кубани и ея притоковъ—Доутѣ, Тебердѣ, Зеленчукѣ (Б. и

М.), Урупѣ и др., такъ какъ мнѣ не пришлось быть въ этихъ частяхъ Кубанской области и лично записать топографическія названія. Но судя по пятиверстной картѣ Кавказа, въ нѣкоторыхъ названіяхъ рѣкъ, горъ, долинъ скрываются и въ этихъ мѣстахъ искаженныя, сначала Тюрками, затѣмъ Русскими, осетинскія слова, напримѣръ: г. Артніх—(ніх—осет. *лобъ, чело*— встрѣчается въ названіяхъ горъ), г. Берзендыкъ—между верховьемъ Урупа и Б. Лабы (бäрзонд = высокій); долина Загданъ, на верховьяхъ Б. Лабы (данъ=осет. дон—рѣка, саг—олень), р. Аргомитъ—впадающая въ верхній Урупъ (Аргом — передъ, очевидный); р. Агуркефаръ—верховье Кефара, притока Б. Зеленчука (осет. агур—ищи, т.-е. ищи-кефаръ); рѣка и ущелье *Улукамъ*—одинъ изъ источниковъ Кубани (камъ=осет. ком—ущелье) и друг.

Помимо этихъ топографическихъ указаній, число которыхъ, при болѣе детальномъ изученіи горной части Кубанской области, могло бы быть значительно пополнено, о пребываніи Алановъ-Ясовъ въ этихъ мѣстахъ говорятъ нѣкоторые письменные источники, разсмотрѣнные мною подробно въ „Осетинскихъ этюдахъ“. Не считая удобнымъ повторять здѣсь этихъ свидѣтельствъ *), упомяну только, что особенную цѣну по отношенію къ древней территоріи Осетинъ имѣютъ указанія армянской географіи, приписываемой Моисею Хоренскому, но составленной, повидимому, позже, въ VII в. **). Въ этомъ произведеніи впервые является названіе западной вѣтви Осетинъ—Дигорцевъ—въ формѣ, въ которой оно дошло до нашихъ дней. Далѣе къ Осетинамъ пріурочивается названіе Алановъ, и послѣдніе занимаютъ сѣверный склонъ Кавказа, отъ верховьевъ Кубани на западѣ до Терека—на востокѣ и Аланскихъ вратъ (Дарьяльскаго ущелья) на югѣ. Западнѣе Алановъ на Кубани упоминаются тѣмъ же источникомъ Болгаре, простиравшіеся повидимому до Азовскаго моря.

Этихъ предварительныхъ замѣчаній о древней территоріи Осетинъ, мнѣ кажется, достаточно, чтобъ объяснить, что появленіе осетинскаго слова *фурт*—сынъ—на Зеленчукскомъ памятникѣ не было для меня совершенной неожиданностью. На верхнемъ теченіи Зеленчука несомнѣнно, еще въ средніе вѣка—жили христіане, предки нынѣшнихъ Осетинъ дигорской вѣтви и *могли* оставить по себѣ какую нибудь память въ могильныхъ надписяхъ. Намъ неизвѣстно подробно и точно, въ какое время проникло христіанство къ сѣверокавказскимъ народностямъ и въ томъ числѣ къ Аланамъ, мы не знаемъ, широко ли оно распространилось у этихъ племенъ, вся ли масса народа причисляла себя къ христіанамъ, или только отдѣльные роды, между тѣмъ какъ другіе не смѣнили своихъ языческихъ вѣрованій на ученіе Христа; но извѣстно, что во времена Юстиніана, т.-е. въ VI вѣкѣ, по свидѣтельству Прокопія, Аланы и ихъ сосѣди по ту сторону хребта Абасги, считались древними друзьями христіанъ и Ромеевъ ***), что между епархіями, подчиненными византійскому патріарху, по порядку, установленному при импера-

*) См. Осет. Этюды, ч. III, гл. II.
**) См. Осет. Этюды, ч. III, экскурсъ I, стр. 102—116.
***) De bello Persico II, 29.

торѣ Львѣ Мудромъ, шестьдесятъ второй считалась Аланія, а по распредѣленію при Андроникѣ Палеологѣ Старшемъ—Аланская митрополія была перечислена изъ 62-й на 74-ю *). О распространеніи христіанства въ бассейнѣ Кубани свидѣтельствуютъ развалины древнихъ церквей, изъ которыхъ не менѣе *десяти* были отмѣчены и частію описаны путешественниками прошлаго столѣтія и нынѣшняго въ разныхъ мѣстахъ Кубанской области. Такъ древнія церкви упоминаются: на рѣкѣ Бѣлой, между Бѣлорѣченской и Ханской станицами **), на р. Тебердѣ, притокѣ Кубани ***) и на лѣвой сторонѣ верхней Кубани, противъ Хумаринскаго укрѣпленія ****). Замѣтимъ, что о Хумаринскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ въ археологическихъ развѣдкахъ Фирковича слѣдующія свѣдѣнія: „Между Старой и Новой Хумарой стоитъ при дорогѣ каменная плита, длиною въ 3 $^1/_2$ аршина надъ землею, шириною внизу въ одинъ аршинъ, суживающаяся кверху. По обѣимъ сторонамъ находятся изображенія креста. На одномъ изъ нихъ, обращенномъ къ западу, находится стертая греческая надпись“ †). Далѣе „около Хумаринскаго поста находится каменный крестъ, на которомъ видны остатки греческой надписи“ ††). Эти указанія, относящіяся къ концу 40-хъ годовъ, восполняются развѣдками Е. Д. Фелицына, который снялъ фотографическое изображеніе еще съ шести могильныхъ плитъ съ крестами, находящихся въ недалекомъ разстояніи отъ Хумаринскаго аула и отмѣтилъ на лѣвомъ берегу Кубани противъ этого аула развалины древняго города. Но самое близкое отношеніе къ Зеленчукскому памятнику имѣютъ развалины древняго города и нѣсколькихъ церквей въ ущельи Б. Зеленчука въ 20 верстахъ южнѣе станицы Зеленчукской. Здѣсь съ благословенія Святѣйшаго Сѵнода въ 1889 году открыта иноческая обитель подъ названіемъ „Свято-Александро-Аѳонской Зеленчукской пустыни“. Изъ недавно изданной брошюры „Древнехристіанскіе храмы и Св. Александро-Аѳонскій Зеленчукскій монастырь“ ‡) мы узнаемъ, что мѣстность, на которой находятся главные остатки древнихъ построекъ занимаетъ правый берегъ рѣки и въ глубину ущелья съ сѣверо-востока къ югозападу простирается на 7 верстъ, что въ городѣ было 3 храма византійскаго типа, сохранившихся на столько, что они могутъ быть возстановлены, обширное кладбище, городская стѣна и проч. Лики святыхъ, на сколько можно судить по остаткамъ фресковой живописи въ храмахъ, изображены въ греческомъ стилѣ и кое-гдѣ сохраняются отдѣльныя греческія буквы. Такимъ образомъ остатки значительнаго поселенія, развалины церквей и христіанскіе могильные памятники свидѣтельствуютъ о томъ, что здѣсь, на верховьѣ Зеленчука, жило въ средніе вѣка христіанское населеніе, и наша плита, какъ единственный доселѣ извѣстный

*) Stritter—Memoriae Populorum IV, Alanicorum C. VI, § 94.

**) См. И. Помяловскаго—Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа. 1881, стр. 4.

***) Сборн. греч. и лат. надп., стр. 8.

****) Тамъ же, стр. 19.

†) Записки Имп. Археол. Общества т. IX, стр. 386.

††) Тамъ же, стр. 385. См. изображеніе у Помяловскаго на табл. 6, рис. 16.

‡) Изд. въ Москвѣ въ 1892 году.

памятникъ съ болѣе отчетливой и длинной надписью, получаетъ особенное значеніе для опредѣленія національности этого населенія.

Прежде, чѣмъ перейти къ чтенію надписи, я долженъ сдѣлать слѣдующую оговорку. Рисунокъ 81 (на стр. 111) точно передаетъ копію, доставленную Д. М. Струковымъ. Но оттискъ изъ бумаги, сдѣланный въ 1892 году Г. И. Куликовскимъ, вноситъ нѣкоторыя поправки, которыя будутъ мною указаны въ своемъ мѣстѣ.

Въ верхней, суживающейся части плиты читается имя Ι(ησου)ς, въ которомъ конечная ς поглощена выбоиной; подъ нимъ Χ(ριστο)ς и какое то слово, состоящее, повидимому, изъ 5 буквъ, не поддающееся дешифровкѣ: можно различить лишь буквы ο, α и ς. Если предъ нами греческое слово, то, быть можетъ, высѣкавшій надпись хотѣлъ изобразить слова ὁ ἅγιος, которое умѣстно въ виду слѣдующаго собственнаго имени; только странно, что характеръ буквъ въ этомъ словѣ, по округлости очертаній, отличается отъ прямыхъ уставныхъ буквъ, являющихся на большей части надписи. Если же передъ нами попытка выразить греческими буквами осетинское слово, то этимъ словомъ могло бы быть слово *уац* (выговариваемое *оац* (греч. буквами: οατσ)—*святой*, являющееся въ сложеніи съ именами святыхъ: Уац-ілла—св. Илья, Уац-ніккола—св. Николай, Уац-кергі—св. Георгій.

Подъ этимъ, трудно опредѣлимымъ, словомъ изображенъ четырехконечный крестъ, подъ которымъ можно прочесть имя Νιχολαος — Николай. Слѣдующія двѣ строки подъ крестомъ содержатъ собственное имя въ родительномъ падежѣ ΣΑΧΗΡΗ и слово ΦΟΥ^{ρτ}—„сынъ", причемъ въ оттискѣ Г. И. Куликовскаго буквы ρτ отчетливо видны *надъ* буквами ΟΥ, но значительно меньше послѣднихъ размѣромъ. Буквы въ дальнѣйшихъ двухъ строкахъ такъ-же неявственны въ олтискѣ г. Куликооскаго, какъ и на рисункѣ г. Струкова. Можно предположить, что эти строки содержатъ какое-то собственное имя въ родительномъ падежѣ, оканчивающееся на—РН, а за нимъ опять явственно читается слово ΦΟΥΡΤ.

За этимъ *вторымъ* словомъ фурт слѣдуетъ два другихъ собственныхъ имени, читающіяся вполнѣ ясно:

ΠΑΚΑΘΑΡ
ΠΑΚΑΘΑΗ

изъ коихъ второе съ окончаніемъ родит. падежа и за нимъ въ третій разъ слово ΦΟΥΡΤ, составляющее всю 14-ю строку.

Въ виду того, что греч. β выражала для автора надписи звукъ *в*, а не *б*, ему для выраженія звука *б* пришлось употребить буква π. Поэтому мы считаемъ несомнѣннымъ, что первое имя слѣдуетъ читать: *Бакатар* — или по осетински: *Бaqатӑр*. Это собственное имя, заимствованное изъ тюркскаго языка (какъ и наше богатырь) было въ употребленіи у Осетинъ. Такъ грузинская лѣтопись упоминаетъ осетинскаго богатыря Оси-бакатара, убитаго грузинскимъ царемъ Вахтангомъ Гургасланомъ *) и другого Бакатара, предводителя Оссовъ, причинявшаго много хло-

*) Осет. Этюды III, стр. 30.

потъ Грузіи своими набѣгами въ самомъ концѣ XIV-го вѣка *); послѣдняго Осибакатара еще до сихъ поръ помнитъ осетинское преданіе.

Что касается *второго* имени—*Бакатаї*, стоящаго въ род. падежѣ, то можно предположить, что малограмотный рѣзчикъ пропустилъ въ немъ предпослѣднюю букву р. Иначе придется допустить существованіе у предковъ Осетинъ имени *Бакатай*, которое въ настоящее время не употребительно.

Слѣдующія четыре строки (15—18) опять содержатъ два собственныхъ имени и въ *четвертый* разъ слово фурт. Эти имена читаются: ΑΝΠΑΛ ΑΝΑΠΑΛΑΝΗ.

Читая, какъ въ строкахъ 11-й и 12-й букву π какъ *б*, мы получаемъ имя Анбал, имѣющее нарицательное значеніе *товарища*, *спутника* и употребительное, какъ имя собственное. Достаточно вспомнить упоминаемаго нашей лѣтописью подъ 1175 годомъ Анбала *Ясина* ключника, участвовавшаго въ убіеніи князя Андрея Боголюбскаго **). Имя отца нашего Анбала читается Анабалан, и хотя такого осетинскаго имени мы не можемъ указать, но оно звучитъ вполнѣ по осетински. Оно восходитъ, повидимому, къ тому же корню, какъ предыдущее, но отличается отъ него другой предложной приставкой: въ Ан-бал предлогъ диг. ӓн или ӓм (санскр. sam—авест. ham—наше *со*), въ Ӓнӓ-балӓн—предлогъ ӓнӓ—*безъ*. Видно что имя сына по звукамъ подлаживалось къ имени отца.

Остаются три послѣднія строки, на которыхъ сосредоточивается главный интересъ надписи, потому что, по аналогіи другихъ могильныхъ надписей, мы ожидаемъ найти *дату* постановки памятника. Къ сожалѣнію, какой то рокъ преслѣдуетъ именно самыя интересныя мѣста древнихъ надписей! Послѣднія три строки, при всей отчетливости отдѣльныхъ буквъ (кромѣ, впрочемъ, одной), упорно не поддаются разгадкѣ, и мы даже съ увѣренностью не можемъ сказать, содержатъ ли онѣ хронологическую дату или нѣтъ. Спрашивается, какія слова могутъ быть составлены изъ слѣдующихъ рядомъ стоящихъ буквъ?

ΛΑΚΑΝΗΤЭΗΡΘΕ. ΟΘCΛ

Предлагаемъ нѣсколько догадокъ, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одна насъ не удовлетворяетъ.

Если мы отдѣлимъ слово ΛΑΚΑΝΗΤЭ, то припомнимъ, что въ дигорскомъ нарѣчіи осетинскаго языка есть слово лӓqуӓн ***)—„мальчикъ, юноша", которое въ множ. числѣ дало бы форму лӓqуӓнтӓ, близкую къ нашему слову. Но загадочными являются двѣ послѣднія буквы, представляющія греч. Т какъ бы связанный съ русскимъ Э.

Далѣе слѣдуетъ во второй половинѣ 20-й и первой 21-й строки слово ΗΡΘΕ т.-е. іртӓ, которое, можетъ быть, обозначаетъ народность погребенныхъ, если въ немъ видѣть множественное число отъ Ір. Извѣстно, что Осетины сами называютъ себя *Иръ*, въ един. чис. иронъ лӓгъ (ірон лӓг) т.-е. ирскій человѣкъ, но въ множ.

*) Тамъ же стр. 37 и 38.
**) Осет. Этюды III, стр. 68.
***) Буква *ӓ* произносится почти какъ французское *а*, склоняющееся къ *е*.

числѣ говорятъ либо ірон лäгтä—ирскіе люди, либо употребляютъ слово *ір* въ собирательномъ смыслѣ, какъ, напримѣръ, слова: Русь, Мордва и т. п., такъ что *ір* значитъ и *Осетія*, и *Осетины*. Нѣкоторымъ затрудненіемъ для этого толкованія является то обстоятельство, что въ словѣ НРΘЕ суффиксъ множ. числа выраженъ буквами ΘЕ, а рядомъ въ предшествующемъ словѣ тотъ же суффиксъ выраженъ буквами ТЭ (если впрочемъ тутъ дѣйствительно эта буквы). Можетъ быть, загадочная группа ТЭ есть лигатура для выраженія звука ц, состоящая изъ TZ? Тогда, относя эту лигатуру къ слѣдующимъ буквамъ, мы получили бы слово ціртä, которое въ дигорскомъ значитъ „*памятникъ*" (въ иронскомъ діалектѣ цѵрт). При такомъ дѣленіи словъ предыдущее ΛΑΚΑΝΗ было бы родит. падежемъ (лäqуäні) един. числа, хотя мы ожидали бы множ. числа лäqуäнті=*юношей* (памятникъ).

Наконецъ въ 21-й строкѣ, послѣ точки, читаются еще 4 буквы ΟΘCΛ, въ которыхъ, повидимому, не можетъ заключаться никакого слова, потому что такая группа согласныхъ не свойственна ни осетинскому, ни греческому языку. Поэтому скорѣе можно предположить, что послѣднія буквы выражаютъ цифры. Но тутъ то и является слѣдующее затрудненіе, которое не устраняется и оттискомъ г. Куликовскаго. Въ этомъ оттискѣ надъ буквою C явственно замѣчается горизонтальная черта вродѣ титла, а списанная г. Струковымъ послѣдняя буква Λ совсѣмъ незамѣтна. Такимъ образомъ въ *оттискѣ* можно различить только ΟΘC. Эти буквы, въ томъ порядкѣ какъ онѣ вырѣзаны, не даютъ никакой разумной цифры ни отъ сотворенія міра ни отъ Рождества Христова. Чтобъ вывести какую нибудь дату, слѣдовало бы предположить, что Θ стоитъ *вмѣсто* S (стигмы) и въ такомъ случаѣ SC дали бы цифру 6200 отъ с. м.=692 по Р. Х. Но предположить этого нельзя, въ виду того, что Θ читается совершенно явственно. Остается читать греческое слово ὁ Θ(ΕΟ)C.=ὁ Θεός (Богъ), но едва ли оно умѣстно. Итакъ чтеніе послѣднихъ трехъ строкъ совершенно гадателъно, что же касается всей надписи, то мы предложили бы такой переводъ:

Іисусъ Христосъ. Святой (?) *Николай. Сахира сынъ Х.... ра сынъ Бакатаръ Бакатая сынъ Анбалъ Анабалана сынъ. Юношей* (?) *памятникъ* (*Юноши Иры* ?).

Считаю нелишнимъ сказать еще нѣсколько словъ по поводу имени *Бакатаръ*, встрѣчающагося въ разсмотрѣнной надписи. Это несомнѣнно тюрко-татарское слово вошло, какъ и многія другія слова тюрко-татарскія, въ осетинскій языкъ весьма рано, гораздо раньше окончательнаго водворенія тюркскихъ племенъ въ западныхъ частяхъ осетинской территоріи. Считая вмѣстѣ съ другими учеными Гунновъ Тюрками, мы видимъ самое раннее свидѣтельство о столкновеніи предковъ Осетинъ—Алановъ—съ тюркскимъ племенемъ въ извѣстіи Амміана Марцеллина, что „Гунны, вторгнувшись въ земли Алановъ, многихъ убили и ограбили, а съ остальными заключили союзъ и, при ихъ содѣйствіи, съ большой увѣренностью вторглись въ пространныя и плодородныя владѣнія (готскаго короля) Эрманриха" *). Послѣ этого погрома, относящагося къ послѣдней четверти IV в.

*) Ammian. Marcell. XXXI, 2.

и обрушившагося не на всѣхъ Алановъ, а главнымъ образомъ на западныхъ, прилегавшихъ къ Мэотидѣ и Дону, въ ближайшемъ сосѣдствѣ Алановъ въ V и VI столѣтіяхъ являются тюркскія племена подъ разными названіями. Имя Гунновъ смѣняется именемъ Утургуровъ, вѣтви этого народа, а затѣмъ именемъ Болгаръ. По свидѣтельству Прокопія (VI в.), Гунская орда распалась на двѣ вѣтви: Утургуровъ и Кутургуровъ, при чемъ первые занимали мѣста за Дономъ между Чернымъ и Азовскимъ морями, а послѣдніе двинулись далѣе на западъ и дѣлали изъ-за Дуная набѣги на римскія провинціи. Такимъ образомъ предѣлами Тюрковъ-Утургуровъ (или Болгаръ) было на югѣ устье Кубани и они должны были приходить въ столкновеніе съ Аланами. По свидѣтельству армянской географіи (VII в.) на сѣверъ отъ Нижней Кубани живутъ 4 колѣна Болгаръ (Купи-булкаръ, Дучи-булкаръ, Огхондоръ Блкаръ-пришельцы и Чдаръ болкаръ) и это совершенно согласно съ показаніемъ Θеофана, который говоритъ, что между Мэотійскимъ озеромъ и рѣкою Куфисъ (Кубанью) лежитъ *древняя* или *Великая* Болгарія *). Эти тюркскіе сосѣди Алановъ были вмѣстѣ съ ними покорены другимъ тюркскимъ же племенемъ, такъ называемыми „Восточными Турками“ (или Хазарами) въ царствованіе Тиверія II Константина (578—582). По свидѣтельству Менандра, когда императоръ отправилъ пословъ къ ихъ хану Турксанту, то послѣдній величался предъ ними тѣмъ, что ему покорились Аланы и Унигуры **). Далѣе грузинскіе источники указываютъ на зависимость предковъ Осетинъ отъ Хазаръ, которая, вѣроятно, продолжалась до ослабленія хазарскаго государства въ концѣ IX вѣка, такъ какъ въ первой половинѣ X-го, судя по извѣстію Константина Багрянороднаго, Аланы не только являются независимыми отъ Хазаръ, но своими нападеніями препятствуютъ ихъ сношеніямъ съ черноморскими областями и Таврическимъ полуостровомъ ***). Во время кладычества Половцевъ (Кипчаковъ, Кумановъ) въ придонскихъ и сѣворокавказскихъ степяхъ Осетины пришли съ ними въ столкновеніе и частью подчинились имъ. Этого краткаго перечня историческихъ фактовъ достаточно для доказательства того, что тюркскія слова, и въ томъ числѣ имя *Бaqaтäр*, могли проникнуть въ осетинскій языкъ раньше покоренія сѣвернаго Кавказа Татарами, въ XIII вѣкѣ. Слово бахатуръ (bahatur) существовало, повидимому, у Половцевъ.

Не смотря на отсутствіе хронологической даты, разсмотрѣнный памятникъ представляетъ значительный интересъ для древней этнографіи. Хотя нѣкоторыя слова и не поддаются точной дешифровкѣ, но четыре раза явственно читающееся осетинское слово и два употребительныхъ у Осетинъ личныхъ имени несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что предъ нами древняя осетинская надпись, представляющая попытку выразить греческими буквами осетинскія слова. Мало того: интересъ памятника возвышается мѣстомъ его нахожденія и христіанской эмблемой. Онъ найденъ въ мѣстности, гдѣ указываются развалины поселенія, и въ недалекомъ разстояніи отъ

*) Осет. Этюды III, стр. 103.
**) Осет. Этюды III, стр. 56.
***) Тамъ же, стр. 62.

обширныхъ развалинъ древняго христіанскаго города, который судя по числу церквей могъ быть центромъ Аланской епархіи (митрополіи), упоминаемой византійскими писателями. Подробное археологическое изслѣдованіе развалинъ этого города, его христіанскихъ памятниковъ и могилъ должно разъяснить національность и культуру его древняго населенія. Но уже на основаніи разсмотрѣннаго нами памятника мы можемъ заключить, что однимъ изъ элементовъ населенія были нѣкогда предки современныхъ Осетинъ—Аланы или Ясы,—знавшіе греческія письмена и дѣлавшіе попытки выражать ими звуки роднаго языка. Въ настоящее время извѣстенъ только одинъ памятникъ съ *несомнѣнною* датою, найденный среди развалинъ этого (аланскаго) города. Это—каменный крестъ, который нѣкогда стоялъ около церкви на кладбищѣ и былъ срисованъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія случайнымъ посѣтителемъ Зеленчунскаго ущелья майоромъ Отепкинымъ. Впослѣдствіи крестъ былъ заваленъ обрушившимся берегомъ и лишь недавно при открытіи монастыря найденъ братіею. Судя по фотографическому снимку, помѣщенному въ раньше упомянутой мною брошюрѣ *) и по бумажному оттиску, сдѣланному Г. И. Куликовскимъ, на этомъ крестѣ отчетливо читается слѣдующая греческая надпись:

ĪC̄	IC
ЄΤѠΥC	
ΑΠΟ	лѣта
ΝΙ ΚΤΗ ΚΑ	Ни отъ Ка сотворенія міра
CЄѠC ΚΟCΜ^ου^	до нынѣ
ЄѠC ΝΥΝ	
X̄C̄	XC
ΤѠVΤ	честныхъ
ΗΜΙѠV	крестовъ
CΤΡ̄ѠV	6521
☧SΦΚΑ	(т. е. 1013 по Р. Х.).

Греческія буквы на этомъ крестѣ, современникѣ нашего князя Владиміра Святаго, по начертанію мало отличаются отъ буквъ разсмотрѣннаго нами осетинскаго памятника и за отсутствіемъ другихъ данныхъ могутъ послужить для *приблизительнаго* опредѣленія времени его постановки. Едва ли мы ошибемся, если отнесемъ сооруженіе этого пока *единственнаго* ясскаго (аланскаго) памятника къ XI—XII столѣтіямъ.

*) Древне-христіанскіе памятники и проч., стр. 22.

ОТГОЛОСКИ КАВКАЗСКИХЪ ВѢРОВАНІЙ НА МОГИЛЬНЫХЪ ПАМЯТНИКАХЪ.

В. Ѳ. Миллера.

Въ Императорскомъ Россійскомъ историческомъ музеѣ хранятся привезенные изъ Кавказа три могильныхъ памятника съ загадочными изображеніями *) и греческими надписями. Памятники эти, которыхъ описаніе мы ниже представимъ, были извѣстны уже со времени путешествія на Кавказъ академика Гильденштедта въ 1771—1773 гг., который первый срисовалъ ихъ и скопировалъ ихъ надписи. Ихъ видѣли затѣмъ гг. Потоцкій, Клапротъ, Фирковичъ, Нарышкины, Филимоновъ и другіе изслѣдователи Кавказа. Изображенія памятниковъ можно найти въ статьѣ Г. Д. Филимонова въ „Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства" **) и въ „Сборникѣ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа", составленномъ для V-го Археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ проф. И. Помяловскимъ ***). Спеціально надписями двухъ изъ этихъ памятниковъ сверхъ того занимались такіе знатоки греческой эпиграфики, какъ В. В. Латышевъ и Попадопуло-Керамевсъ. Словомъ, нельзя сказать, чтобъ на эти монументальныя произведенія стариннаго кавказскаго искусства не было обращено достаточно вниманія русскими учеными, и если я рѣшаюсь снова заняться ими, то только въ виду того, что прежніе изслѣдователи сосредоточивали преимущественно вниманіе на прочтеніи надписей и почти не касались изображеній, между тѣмъ какъ послѣднія, на мой взглядъ, несравненно интереснѣе первыхъ и несомнѣнно заслуживаютъ спеціальнаго изслѣдованія.

Представлю сначала описаніе главнаго изъ этихъ памятниковъ — каменнаго истукана,—сдѣланное Гильденштедтомъ и настолько точное, что можетъ быть повторено его же словами.

„На возвышенности, съ восточной стороны рѣки Этока, какъ разъ прямо къ западу отъ средней горы Темиркубшекъ и только немного на сѣверъ, близъ пре-

*) Въ залѣ В. содержащей памятники Херсониса и Кавказа до XI в. подъ №№ 20.

**) 1876, 11—12 въ статьѣ: „Древнія каменныя изваянія въ Пятигорскѣ".

***) Стр. 15 и 17, табл. 3 и 5.

краснаго источника, стоитъ статуя съ надписью, которой буквы сходны съ приведенными памятниками Чегема и Баксана. Эта статуя слыветъ у черкесовъ подъ именемъ Дука-бекъ; но откуда это названіе — неизвѣстно..... Находящаяся на передней сторонѣ надпись высѣчена внутрь, фигуры же выпуклыя. Плотно придвинутыми по самые локти руками и прямо обрубленными ногами статуя представляетъ подобіе креста, возвышающагося на 8 футовъ и 8 дюймовъ надъ землей и имѣющаго 3 фута 8 дюймовъ въ окружности по поясу статуи, тогда какъ передняя и задняя стороны почти вдвое шире лѣвой и правой, соединающихся одна съ другой скошенными углами.

Голова высѣчена на подобіе человѣческой съ небольшимъ круглымъ шлемомъ, покрывающимъ одно темя; волосъ на головѣ не замѣтно, равно бороды и усовъ. Шея короткая, на затылкѣ высѣченъ небольшой крестъ. Нѣсколько складокъ вокругъ ворота, повидимому, высовываются отъ рубахи. Верхнія части обѣихъ рукъ по локоть плотно прилегаютъ къ бокамъ туловища; переднія же части рукъ сложены у груди съ раздвинутыми пальцами такъ, что правая рука лежитъ выше лѣвой и пальцы правой огибаютъ сапогообразный сосудъ, который, вѣроятно, представляетъ рогъ. Руки и туловище покрыты кольчугой (?), которая не доходитъ до нижней части живота и на груди завязана девятью петлицами. Сверхъ кольчуги, выше нижней части живота, надѣтъ волнистый поясъ. У праваго бедра на этомъ поясѣ находится колчанъ съ пятью выступающими стрѣлами, а у лѣваго лукъ въ чехлѣ, а подъ нимъ еще привѣшена сабля... Ниже кольчуги, которой полы не доходятъ до середины статуи, статуя имѣетъ видъ сдавленнаго, неправильнаго цилиндра съ утонченіемъ книзу, вовсе безъ обозначенія ногъ, но покрыта буквами и разнаго рода фигурами. Съ передней стороны, какъ разъ ниже пояса, находится надпись. Еще ниже двѣ стоящія фигуры, между которыми сосудъ съ виномъ (?). Съ правой стороны стоящая фигура держитъ чашу, съ лѣвой— черпаетъ изъ сосуда, чтобы наполнить чашу. Рядомъ съ послѣдней фигурой стоитъ еще третья на колѣнахъ и тоже съ чашею въ рукѣ. Ниже ихъ изображены два всадника въ единоборствѣ на копьяхъ. Съ задней стороны подъ поясомъ стоитъ фигура въ положеніи человѣка, прицѣливающагося въ убѣгающаго оленьяго самца, а ниже его двѣ стоящія фигуры съ натянутыми луками и направленными другъ на друга стрѣлами. Съ лѣвой стороны у пояса, лукъ въ налучникѣ и ниже пояса—стоящая фигура, которая правою рукою держитъ кривую поднятую надъ головой саблю, а лѣвою—цѣпь, на которой виситъ пятиглавый (?) извивающійся драконъ; подъ нимъ ниже еще стоящая человѣческая фигура съ дубиною на плечѣ. Съ правой стороны у пояса колчанъ со стрѣлами, ниже солнечный дискъ (?), еще ниже оленья самка, ниже лунный дискъ (?), ниже его собака (?). Подъ нею еще человѣческая фигура съ копьемъ, направленнымъ впередъ. Камень, изъ котораго высѣчена статуя, есть saxum coxaceum atro-cinereum maculis quadrangulis albis quarzosis. Онъ весь поросъ сѣрымъ и желтымъ мхомъ. Лицомъ статуя обращена на западъ“. Такъ описываетъ этокскую статую Гильденштедтъ. Въ настоящее время, когда это старинное произведеніе сѣверо-кавказскаго ваянія находится въ Историческомъ

музеѣ, можно провѣрить всѣ детали описанія академика прошлаго столѣтія, и такая провѣрка привела насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ (см. табл. LXIII и LXIV):

1) На головѣ воина надѣтъ не шлемъ, какъ казалось Гильденштедту, а небольшая круглая шапка. Г. Д. Филимоновъ *) видитъ въ ней скорѣе ермолку, простеганную сверху внизъ овальными репьями, чѣмъ мисюрку, чеканную выпуклыми ложками. Съ своей стороны я укажу на невысокую круглую съ такими же репьями шапку, которая была въ употребленіи у Кабардинцевъ еще въ прошломъ и началѣ нынѣшняго столѣтія и ссылаюсь при этомъ на изображенія Кабардинцевъ у Гильденштедта **).

2) Короткая, съ продольными бороздами, одежда воина, по справедливому замѣчанію Г. Д. Филимонова, скорѣе можетъ быть принята за бешметъ съ продольной строчкою, чѣмъ за кольчугу. Замѣтимъ кстати, что между тройнымъ рядомъ застежекъ, скрѣпляющихъ архалукъ на груди, читается надпись Ἰ(ησοῦ)ς χ(ριστὸ)ς νικᾶ которую первый усмотрѣлъ В. В. Латышевъ ***).

3) Едва ли можно думать, что на узкой лѣвой сторонѣ памятника изображены солнце и луна. Верхнее изображеніе представляетъ просто кружекъ (безъ лучей), который скорѣе напоминаетъ круглый *чурекъ* или лепешку — обычную форму просяного хлѣба на Кавказѣ. Нижняя параллельная съ первой фигура также совсѣмъ не похожа на полумѣсяцъ, а болѣе на круглую лепешку съ углубленіемъ или выемкой на верху. Такія лепешки изъ круто сваренной просяной каши, называемыя *пастой*, составляли необходимую принадлежность черкесскаго стола, при чемъ въ углубленіе, сдѣланное въ пастѣ, вливали взваръ отъ мяса, такъ что такая просяная лепешка замѣняла чашку ****). Трудно сказать, какія животныя изображены на той же узкой сторонѣ памятника. Гильденштедтъ видитъ въ верхнемъ оленью самку, въ нижнемъ—собаку. Г. Д. Филимоновъ считаетъ обоихъ животныхъ оленями, вѣроятно, самками, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакихъ признаковъ роговъ. Но фигуры сдѣланы такъ грубо, что съ одинаковомъ правомъ могутъ быть сочтены за собакъ, волковъ, оленей-самокъ и пожалуй за какихъ-нибудь другихъ четвероногихъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы можемъ перейти къ надписи, высѣченной вглубь, на груди этокской статуи, чтобъ поискать въ ней объясненія изображенной личности. Къ сожалѣнію, надпись значительно пострадала отъ времени и трудно поддается объясненію. Мы приведемъ чтеніе спеціалистовъ по греческой эпиграфикѣ—В. В. Латышева и Попадопуло-Керамевса.

Вотъ что говоритъ о надписи первый изслѣдователь, скопировавшій ее во время своего пребыванія въ Москвѣ года 3 тому назадъ.

*) См. Статью „Древнія каменныя изваянія въ Пятигорскѣ". Въ Вѣстникѣ Общ. Древне-русс. Искусства—1876, 11—12, стр. 74.

**) Güldenstädt—Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebürge, изд. Палласа 1787 г. Часть I. Таблица IX.

***) См. его замѣтку „Кавказскіе памятники въ Москвѣ" въ Запискахъ Импер. Русс. Археол. Общ. Т. II (новая серія), стр. 46.

****) См. Дубровинъ—Исторія войны и владычества Русскихъ на Кавказѣ, т. I кн. I стр. 74.

„Надпись, изданная г. Помяловскимъ подъ № 32 и отмѣченная исчезнувшею, читается и теперь не хуже, чѣмъ прежде, сколько можно судить по плохимъ снимкамъ прежнихъ издателей (т. е. Гильденштедта, Броссе и Нарышкиныхъ), указанныхъ въ Сборникѣ г. Помяловскаго. Къ сожалѣнью, мягкій камень изваянія настолько избитъ на мѣстѣ надписи, что иногда крайне трудно отличить черты, принадлежащія къ буквамъ, отъ постороннихъ; кромѣ того, чтеніе затрудняется крестиками, вырѣзанными между отдѣльными словами и буквами, иногда очень сходно съ послѣдними; необходимо припомнить и справедливое замѣчаніе Тергукасова, что „надпись сдѣлана на памятникѣ, какъ можно догадываться, послѣ вытески (находящихся подъ нею) фигуръ, ибо нижнія строки очень стѣснены и близки другъ къ другу, а нѣкоторыя буквы въ послѣдней строкѣ очень малы и по недостатку мѣста подняты вверхъ надъ фигурами"; если къ этому замѣтить еще, что буквы вырѣзаны очень вычурно и въ то же время грубо (послѣднее могло обусловиться, кромѣ неумѣлости рѣзчика, и дурнымъ качествомъ камня), наконецъ прибавить орѳографическія ошибки и сокращенія словъ, затрудняющія чтеніе, то всѣхъ этихъ причинъ будетъ болѣе, чѣмъ достаточно, для объясненія какъ неудовлетворительности прежнихъ копій, такъ и того, что и намъ удалось разобрать далеко не все; тѣмъ не менѣе считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь и нашу копію, тщательно провѣренную по эстампажу; быть можетъ другимъ посчастливится болѣе нашего въ ея разборѣ.

Мы разбираемъ въ надписи слѣдующее:

1 Εκεμεθε
2 του δουλου
3 του Θῡ Γεοργε
4 ου Γρεκ. ετος λρ..
5 ιβ Μαρτε.υ
6 του κο... κανηκου
7 πεκυτζορε
8 ..α..με.εμεκου
9

Смыслъ первыхъ пяти строкъ ясенъ: съ устраненіемъ грамматическихъ и орѳографическихъ ошибокъ онѣ могутъ быть возстановлены слѣдующимъ образомъ: Ἐκοιμήθη (ὁ) δοῦλο(ς) τοῦ Θ(εο)ῦ Γεώργιο(ς) Γραικ(ὸς) ἔτους λρ..., ιβ' Μαρτί(ο)υ, т. е. упокоился рабъ божій Георгій грекъ, 130 года, 12 Марта. Былъ ли здѣсь отмѣченъ годъ отъ сотворенія міра, или отъ Рождества Христова, сразу опредѣлить невозможно, такъ какъ послѣдняя цифра попорчена до неузнаваемости; но въ первомъ случаѣ возможно возстановить только ς, что̀ даетъ 6130 г. отъ сотв. міра=622 по Р. Х., а во второмъ случаѣ, возстановляя ͵А, получимъ 1130 г. по Р. Х. Послѣдняя цифра, замѣчаетъ въ заключеніе В. В. Латышовъ, если принять во вниманіе характеръ письма надписи, представляется намъ болѣе вѣроятною. Смыслъ послѣднихъ строкъ не поддается возстановленію; замѣтимъ

только, что въ стр. 7-ой буквы πεκυτζορε читаются совершенно ясно“ *). Другой спеціалистъ по греческой эпиграфикѣ, г. Попадопуло-Керамевсъ, разсматривая списокъ г. Латышева, читаетъ нѣкоторыя строчки той же надписи нѣсколько иначе, именно: вмѣсто слова Γρεκ (въ 4-ой стр.) слово πρεσ (βυτέρου) ἔτους ζρλι, т. е. 7131 (=1623), затѣмъ въ послѣдней, 9—ой неразобранной г. Латышевымъ, строкѣ находитъ слова [Κ]ύροιε (=Κύριε) βοήθησ(ον), т. е. „Господи помоги“ **).

Итакъ, спрашивается, чья память была увѣковѣчена этой статуей: какого то *грека*, какъ вычитываетъ изъ надписи г. Латышевъ, или кавказскаго *священника*, какъ думаетъ г. Попадопуло-Керамевсъ? Думаемъ, что ни того, ни другого. Достаточно бросить взглядъ на статую, на костюмъ и вооруженіе и на рядъ изображеній, которыя, какъ мы увидимъ ниже, находятся въ связи съ языческими представленіями кавказскихъ туземцевъ, чтобъ убѣдиться, что истуканъ увѣковѣчивалъ память во всякомъ случаѣ туземнаго воина, а не грека и еще менѣе—священника. Трудно далѣе допустить, при скудости каменныхъ изваяній, за исключеніемъ такъ называемыхъ каменныхъ бабъ, на Кавказѣ, чтобы этокскій истуканъ, сооруженіе котораго, какъ дѣло далеко не обычное, было сопряжено съ значительными затрудненіями, былъ изваянъ съ цѣлью сохранить память какого то иностранца—грека,—умершаго среди туземцевъ. Но помимо этого, при внимательномъ осмотрѣ надписи, не трудно убѣдиться, что *первая* буква (или 2 первыя буквы) слова, въ которомъ г. Латышевъ читаетъ Γρεκ., г. Попадопуло-Керамевсъ πρεσ(βυτέρου), а г. Помяловскій—τεκ, сохранилась такъ неявственно, что всѣ три чтенія являются не болѣе, какъ коньектурами, и притомъ первыя двѣ сдѣланными безъ всякаго отношенія къ изображаемому статуей человѣку. Съ такимъ же основаніемъ могли бы мы, въ виду неявственности первой буквы, принять ее за π и вычитывать слово πεκ, которое несомнѣнно встрѣчается далѣе въ 7-ой строкѣ, но такое увеличеніе числа коньектуръ нисколько не разъяснитъ личности, изображенной статуей. Это разъясненіе, на нашъ взглядъ, получается до нѣкоторой степени изъ аттрибутовъ ея, изъ черкесскаго названія и пожалуй изъ 7-ой строки надписи. Вооруженіе—лукъ въ налучникѣ, колчанъ со стрѣлами, сабля и воинскія сцены, изображенныя на памятникѣ, показываютъ, что статуя воздвигнута въ честь какого нибудь храбраго и вѣроятно знатнаго туземнаго воина, какого нибудь князя, такъ какъ простой воинъ, конечно, не удостоился бы подобнаго памятника. И дѣйствительно, по свидѣтельству Гильгенштедта, т. е. 100 лѣтъ тому назадъ, когда туземные жители вѣроятно еще могли сохранить въ преданіи какую нибудь, хотя бы смутную, память о поводѣ сооруженія истукана,—они называли его Дука-бекомъ, т. е. княземъ Дука, хотя по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ случайно разспрашивалъ академикъ, и не могли сообщить ему никакихъ подробностей объ этой личности. Намъ кажется несомнѣннымъ, что туземное названіе имѣло основаніе, такъ какъ хотя имя *Дука* и не сохрани-

*) Назв. статья, стр. 45 и 46.

**) См. замѣтку къ статьѣ «Кавказскіе памятники въ Москвѣ», въ Зап. И. Р. Арх. О-ва, т. II, нов. серія, стр. CLXI.

лось на памятникѣ, но слово бекъ—*князь* читается весьма отчетливо въ 7-ой строкѣ надписи въ формѣ πεχ, за которой слѣдуетъ какое то туземное собственное имя Τζορε. Если мы вспомнимъ, что греч. β на всѣхъ кавказскихъ надписяхъ выражаетъ звукъ *в*, то естественнымъ является выраженіе звука *б* (въ словѣ бекъ) посредствомъ π *). Что же касается распространенности татарскаго слова *бекъ* на сѣверномъ Кавказѣ среди черкесовъ и осетинъ, то объ этомъ свидѣтельствуетъ существованіе черкесскихъ княжескихъ фамилій: Бекъ-Мурзиныхъ, Бековичей и осетинскихъ собственныхъ именъ: Бекі, Бекä, Бекмѵрзä, Бекѵзä, Батѵрбег, Асланбег и др. Быть можетъ, даже между туземнымъ преданіемъ, называющимъ изображеннаго статуей Дука-бекомъ и надписью, называющей его Георгіемъ-бекомъ (если допустить это чтеніе вмѣсто Γρεχ или τεχ), нѣтъ противорѣчія, въ виду того, что увѣковѣченный статуй туземный князь, былъ ли онъ черкесъ или осетинъ, какъ христіанинъ, долженъ былъ имѣть при туземномъ имени, сохранившемся въ народной памяти, христіанское, которое въ данномъ случаѣ было именно Георгій. Такой обычай имѣть два имени—національное и христіанское—до сихъ поръ соблюдается на Кавказѣ, напр. у Осетинъ **). Дальнѣйшія подробности о предполагаемомъ бекѣ Георгіи должны содержаться въ неразобранныхъ 6—8 строкахъ надписи, слѣдующихъ за обозначеніемъ года и мѣсяца. Начальное υ послѣ слова Μαρτε можетъ быть первая буква слова υἱὸς—сынъ, а далѣе слѣдуетъ членъ въ род. падежѣ—τοῦ,—а за нимъ въ томъ же падежѣ какія то туземныя собственныя имена, которыя, вѣроятно, принадлежатъ отцу и дѣду покойника и могли бы быть разобраны, еслибъ въ нихъ не хватало нѣкоторыхъ буквъ. Ясно лишь то, что въ 7-ой строкѣ отчетливо читается слово πεχ (бекъ), быть можетъ, входящее въ составъ либо предшествующаго, либо слѣдующаго собственнаго имени.

Итакъ, чтобъ покончить съ личностью, изображенной статуей, позволяемъ себѣ вывести, что этокскій истуканъ изображаетъ какого то бека или князя изъ сѣверо-кавказскихъ горцевъ. Годъ смерти этого бека, въ виду неявственности обозначенія, не можетъ быть опредѣленъ; но во всякомъ случаѣ коньектура г. Попадопуло-Керамевса, находящаго въ 4-ой строкѣ (конечно, при нѣкоторыхъ поправкахъ и добавкахъ), годъ 7131, т. е. отъ Р. Х. 1623, намъ не кажется допустимой, такъ какъ въ 17 столѣтіи на сѣверо-кавказскихъ памятникахъ едва ли можно найти греческій языкъ даже въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ онъ является на этокскомъ памятникѣ.

Оставляя надежду опредѣлить вѣкъ сооруженія памятника, обращаемся теперь къ разсмотрѣнію и посильному объясненію сюжетовъ, представленныхъ на боковыхъ изображеніяхъ. Здѣсь прежде всего, по несомнѣнно миѳологическому характеру, бросается въ глаза человѣческая фигура съ мечемъ въ рукѣ, поднимаю-

*) Срав. передачу звука *б* греческимъ π на плитѣ, находящейся въ Зеленчукскомъ ущеліи Баталпашинскаго уѣзда, Кубанской области верстахъ въ 40 южнѣе Александро-Аѳонскаго Зеленчукскаго монастыря,—именно въ словахъ: παχαθαρ=бакатаръ (богатырь), ανπαλ=Анбалъ.

**) Такъ, мнѣ извѣстны лично осетины: Габуди-Соломонъ, Саукуй-Савва и друг.

щая вверхъ какое то змѣевидное чудовище. Вѣроятно передъ нами какое то народное божество изъ столь распространеннаго у всѣхъ племенъ класса боговъ змѣеборцевъ. На двухъ другихъ кавказскихъ же памятникахъ, о которыхъ мы скажемъ далѣе, на боковой болѣе узкой сторонѣ, какъ и на этокскомъ истуканѣ, мы видимъ змѣеборца, но обычнаго типа, именно Георгія, поражающаго змѣя копьемъ. Здѣсь же передъ нами сцена иного и притомъ необычнаго характера. Спрашивается, кто эта личность, представляющая параллель змѣеборцу Георгію другихъ памятниковъ? Не сохранилось ли у кавказскихъ горцевъ какихъ нибудь преданій, могущихъ служить комментаріемъ къ разсматриваемому сюжету? Намъ кажется весьма вѣроятнымъ, что такимъ комментаріемъ можетъ служить слѣдующее осетинское преданіе, записанное нами въ 1881 году отъ дигорца С. Туккаева и помѣщенное нами въ 2-ой части „Осетинскихъ этюдовъ“ *). Преданіе это находится въ связи съ представленіемъ о за гробномъ существованіи усопшихъ. По понятіямъ Осетинъ, душа, покинувъ тѣло, улетаетъ на небо, гдѣ ее заставляютъ пройти сквозь семь звеньевъ цѣпи, вслѣдствіе чего она принимаетъ снова прежній человѣческій образъ. Въ загробномъ мірѣ души также старѣютъ и дряхлѣютъ, какъ люди на землѣ. Для обновленія имъ служитъ особая пища—тѣло Руймона, змѣевиднаго чудовища, о происхожденіи котораго разсказывается слѣдующее повѣрье. Руймонъ родится отъ оленя. Когда самка разрѣшилась, она отбѣгаетъ далеко и смотритъ на теленка. Если онъ похожъ на нее, она возвращается назадъ и кормитъ его. Иногда же новорожденный вырываетъ деревья съ корнями и грызетъ землю; это признакъ того, что онъ Руймонъ и тогда мать убѣгаетъ отъ него. Руймонъ, къ счастью для людей, родится слѣпымъ. Чтобъ спасти людей, бѣлый Іеліа (Уорс Іеліа) опускаетъ съ неба цѣпь, окруженную облаками, накидываетъ ее на шею чудовища и тянетъ его вверхъ. Іеліа спѣшитъ это сдѣлать, пока Руймонъ не прозритъ и не издастъ крикъ. Если Руймонъ станетъ зрячимъ, онъ разростется на такое пространство, какое обнимаетъ глазомъ, а если человѣкъ услышитъ его ревъ, то заболѣетъ и умретъ. Въ то время какъ Руймонъ доходитъ на цѣпи до неба, небесные духи отрубаютъ отъ него мечами куски и раздаютъ мертвымъ. Тѣ варятъ изъ нихъ себѣ взваръ и, вкусивъ его, снова молодѣютъ, т. е. принимаютъ тотъ возрастъ, въ которомъ умерло тѣло. Изъ костей изготовляются въ загробномъ мірѣ колья для плетня, которые переплетаются кожей чудовища“.

Прилагая факты, сообщаемые осетинскимъ преданіемъ о Руймонѣ, къ объясненію изображенія на этокской статуѣ, мы видимъ, что послѣднее можетъ быть прямо названо иллюстраціей осетинскаго и вѣроятно сѣверо-кавказскаго народнаго вѣрованія о божествѣ-змѣеборцѣ, избавляющемъ міръ отъ чудовищнаго змѣя. Это языческое божество подъ вліяньемъ двоевѣрія было отождествлено съ Иліей и получило его имя; змѣевидное же чудовище, носящее въ приведенномъ преданіи имя Руймонъ, называется также Зарійскимъ или Залійскимъ змѣемъ (Заріаг

*) Томъ II, стр. 295 и слѣд.

или Заліаг калм) *); вмѣстѣ съ тѣмъ осетинское сказаніе о Руймонѣ объясняетъ намъ, почему изображеніе поднятія этого чудовища на небо умѣстно на надгробномъ памятникѣ. Тѣло Руймона служитъ въ загробномъ мірѣ къ поддержанію существованія душъ умершихъ, и намъ кажется вѣроятнымъ, что такое пиршество душъ изображено на передней сторонѣ этокской статуи. Здѣсь мы видимъ значительныхъ размѣровъ сосудъ въ видѣ котла и возлѣ него—три человѣческія фигуры, изъ которыхъ одна повидимому черпаетъ изъ сосуда взваръ (отъ тѣла Руймона), другая держитъ чашу, а третья въ позѣ колѣнопреклоненной подставляетъ также свою чашу. Быть можетъ, послѣдняя фигура изображаетъ душу покойника, увѣковѣченнаго статуей, вкушающаго впервые отъ небесной пищи, которой его угощаютъ два небесные духа, стоящіе по обѣимъ сторонамъ сосуда.

Въ виду того, что только что разсмотрѣнныя изображенія—поднятіе Руймона на небо и загробное угощеніе — относятся къ пребыванію души въ загробномъ мірѣ, слѣдуетъ, кажется, и въ остальныхъ изображеніяхъ этокской статуи видѣть сцены изъ того же загробнаго быта. По убѣжденію кавказскихъ горцевъ, загробная жизнь есть только болѣе свѣтлое повтореніе жизни земной, конечно, для людей, отличавшихся достойной жизнью. Души покойниковъ продолжаютъ въ загробномъ мірѣ заниматься тѣмъ же, чѣмъ занимались на землѣ: онѣ ѣдятъ, пьютъ, охотятся, джигитуютъ и совершаютъ набѣги.

Согласно съ этимъ, мы видимъ на этокской статуѣ сцены охоты и воинскихъ состязаній. Одна человѣческая фигура преслѣдуетъ оленя, двѣ пѣшія фигуры пускаютъ другъ въ друга стрѣлы, двѣ конныя — готовятся биться на копьяхъ. Наиболѣе загадочны изображенія на боковой (правой) сторонѣ—тѣ кружки, въ которыхъ Гильденштедтъ и Г. Д. Филимоновъ видятъ солнце и луну, а мы — *чурекъ* и *пасту*. Такъ какъ эта сторона соотвѣтствуетъ той, на которой изображено добываніе *небесной* пищи, т. е. поднятіе на небо тѣла Руймона, можно бы думать, что на ней представлена *земная* пища, которая должна служить покойнику во время его пути въ загробный міръ и которой снабжаютъ его родные **). Но, конечно, мы не станемъ настаивать на этомъ объясненіи и можемъ удовольствоваться тѣмъ, что по крайней мѣрѣ *главная* сцена — поднятіе чудовища на небо — получила разъясненіе и можетъ быть несомнѣнно признана иллюстраціей древнихъ кавказскихъ вѣрованій.

Переходимъ къ другому могильному памятнику, стоящему въ Кавказской залѣ Историческаго музея по правую сторону этокской статуи. „Въ Малой Кабардѣ, говоритъ Гильденштедтъ, видѣлъ я 22 іюля 1771 года, между ручьями Ассокаемъ

*) См. А. Кайтмазова—Сказанія о Нартахъ, въ Сбор. матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VII, отд. 2, стр. 15 (примѣч.).

**) Такъ у Осетинъ на поминкахъ одинъ изъ стариковъ беретъ въ руку кусокъ варенаго мяса и пшеничный хлѣбъ, а въ другую—чашку съ пивомъ или стаканъ водки и, призывая имя Божіе, молитъ о томъ, чтобъ все передъ нимъ лежащее дошло до покойника. См. Осет. тексты Шифнера, стр. 55.

и Мандахомъ, столбъ изъ песчаника, въ формѣ параллепипедообразнаго креста.... Столбъ этотъ — вышиной 8 парижскихъ футовъ и, кромѣ снятыхъ изображеній на лицевой сторонѣ, имѣетъ греческую надпись, упоминающую какого то Өеодота, сына Ноя“ *). На табл. XII фиг. 1—4 въ сочиненіи Гильденштедта приложенъ рисунокъ съ памятника, а на стр. XXII — копія съ надписи. Гораздо позже, уже въ концѣ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія (по свидѣтельству Нарышкиныхъ—въ 1850 году), по настоянію Авраама Фирковича и распоряженію кн. М. С. Воронцова, названный памятникъ былъ, вмѣстѣ съ этокской статуей, перевезенъ въ Пятигорскъ, гдѣ и находился до поступленія въ Историческій музей въ цвѣтникѣ у Елизаветинской галлереи минеральныхъ водъ. Въ дѣлахъ архива дирекціи водъ по поводу перенесенія памятника указывается, что онъ находился прежде за Терекомъ, считая, вѣроятно, отъ Пятигорска, у Минарета и недалеко отъ Эльхотовскаго аула **). Какъ видно изъ прилагаемой фототипіи, разсматриваемый памятникъ имѣетъ видъ четвероугольнаго столба съ небольшими выступами въ верхней части для обозначенія перекрестья. На лицевой сторонѣ на верху находится выпуклое изображеніе крестообразнаго узла, составленнаго изъ параллельныхъ ремней. Въ четырехъ петляхъ узла сохранились слѣды обычныхъ монограммъ, высѣченныхъ внутрь IC—XC и вѣроятно NI—KA. Отъ нижней части крестовиднаго узла идетъ рама изъ жгутовиднаго орнамента, раздѣленная на 2 поля: въ *верхнемъ*—бо̀льшемъ—была, почти исчезнувшая въ настоящее время, греческая надпись, состоявшая изъ пяти высѣченныхъ внутрь строкъ; въ *нижнемъ*—изображены три рядомъ стоящіе четвероконечные креста, изъ которыхъ средній поддерживается перекрестьями боковыхъ, а нижней частью касается сердцевиднаго орнамента, образуемаго въ серединѣ нижней каймой. Чтобы не возвращаться болѣе къ нынѣ исчезнувшей надписи, замѣтимъ, что она во времена Гильденштедта не давала уже никакого хронологическаго указанія, которое было истреблено временемъ, такъ что представляла лишь незначительный интересъ. Сопоставляя копіи съ надписи, сдѣланныя Гильденштедтомъ (точнѣе для Гильденштедта), Нарышкиными ***) и Дубровскимъ ****), И. Н. Помяловскій возстановляетъ ее въ слѣдующемъ видѣ †): εἰ]ς τὴν δευτέρα(ν) παρο[υ]-σύαν.. κυρύου ὑμον... Χ(ριστο)ῦ ὑκεμ[ί]σθ[η] ὁ δο[ῦ]λο[ς] το[ῦ] θ[εο]ῦ Γεόργι[ος..., т. е. „до втораго пришествія... Господа нашего.... Христа покоится рабъ божій Георгій“.... Въ нижнемъ, занятомъ крестами, полѣ сохранились слѣды еще нѣсколькихъ буквъ, которыя, впрочемъ, не даютъ никакого понятнаго слова и потому могутъ быть оставлены въ сторонѣ ††) (см. табл. LXV).

Подъ описанной рамкой внизу изображено выпукло животное, похожее на

*) Güldenstädt's Reisen, herausgegeben von Pallas. St.-Petersb. 1787—1791. B. I, p. 502

**) См. Памятн. кн. Кавказ. минер. водъ на 1873 г., стр. 69.

***) Извѣстія И. Русск. Археолог. О-ва, т. VIII.

****) Вѣстникъ любителей древ. русс. искусства 1875, стр. 80, смѣсь.

†) Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей Кавказа, стр. 15.

††) См. копію г. Латышева на таблицѣ (рис. 2), приложенной къ его статьѣ: Кавказскіе памятники въ Москвѣ, въ т. II (новая серія) Записокъ И. Р. Археолог. О-ва, стр. 44.

лошадь, съ головой, повернутой назадъ, кормящее дѣтеныша. Въ спину этого животнаго вонзилась оперенная стрѣла. Въ самомъ низу описываемой стороны видно еще другое животное, похожее на собаку, съ головой, также обращенной назадъ къ короткому, загнутому вверхъ хвосту.

На противоположной широкой сторонѣ памятника (см. табл. LXIII) изображены три всадника, одинъ надъ другимъ, ѣдущіе слѣва направо, при чемъ нижній меньше средняго, средній—меньше верхняго. Всѣ трое съ непокрытыми головами и одѣты, повидимому, въ архалуки съ застежками на груди. Вооруженіе всадниковъ состоитъ изъ луковъ, висящихъ съ лѣвой, колчановъ съ правой стороны сѣдла, и сабель съ крестообразными рукоятками. Верхній всадникъ замахивается саблею надъ головой; передъ двумя нижними на колѣнахъ стоитъ по человѣческой фигурѣ съ поднятой чашей въ правой рукѣ. Ниже всадниковъ изображены еще 4 фигуры. Одна подводитъ быка, другая готовится заколоть его кинжаломъ; двѣ остальныя фигуры стоятъ по обѣимъ сторонамъ высокаго, кубовастаго сосуда съ двумя ручками и узкимъ горломъ, при чемъ одна фигура держитъ въ лѣвой рукѣ кубокъ, а другая, повидимому, уполовникъ или разливательную ложку. На рисункѣ Гильденштедта и Дубровскаго у послѣдней фигуры виденъ въ правой рукѣ молотъ, но въ настоящее время различить его уже нельзя.

На узкой сторонѣ на верху изображенъ орнаментъ въ родѣ цифры 8, пересѣченной по срединѣ кружкомъ; въ поляхъ орнамента 4 креста. Ниже представленъ всадникъ, ѣдущій справа налѣво и поражающій копьемъ въ глазъ одну изъ трехъ главъ дракона, котораго изгибы наполняютъ все пространство этой стороны до самаго низу.

На противоположной узкой сторонѣ изображено 7 человѣческихъ фигуръ: въ самомъ верху, на выступѣ перекрестья, фигура съ непокрытой головой, въ широкой ризѣ съ крестами и съ руками, сложенными на груди. Во второмъ ряду стоятъ двѣ одинаковыя фигуры, одѣтыя въ длинные роспашни или шубы и съ высокими конусообразными шапками на головахъ. Въ третьемъ ряду совершенно такія же фигуры, но меньшаго роста. Въ четвертомъ ряду фигура скачущаго слѣва направо всадника съ копьемъ въ правой рукѣ. Наконецъ, въ пятомъ ряду, у самаго основанія памятника, представленъ висящій на цѣпи котелъ и возлѣ него человѣкъ съ непокрытой головой, протягивающій къ котлу лѣвую руку.

Представляя попытку къ объясненію вышеописанныхъ изображеній, мы исходимъ изъ предположенія, что изображенныя на памятникѣ фигуры и сцены находятся въ связи съ представленіями кавказскихъ горцевъ, и именно Осетинъ, о загробной жизни. Съ этими представленіями мы знакомимся изъ рѣчи, произносимой такъ называемымъ *посвятителемъ коня* (бӓхфӓлдīсӓг) у могилы покойника передъ зарытіемъ его. Цѣль посвященія коня покойнику та, чтобъ умершій могъ въ загробномъ мірѣ доѣхать благополучно до мѣста, предназначеннаго ему въ *дзеннетъ*, т. е. раю. Въ день погребенія рѣжутъ барана, котораго шкуру приносятъ къ могилѣ, и приготовляютъ ушатъ браги. Затѣмъ посвящаемаго покойнику коня подводятъ къ изголовью могилы, и посвятитель произноситъ длин-

ную рѣчь о томъ, что ожидаетъ покойника въ загробномъ мірѣ, послѣ чего коня обводятъ три раза вокругъ могилы и даютъ ему попробовать браги, а чашку, изъ которой конь пилъ, разбиваютъ объ его копыто. Затѣмъ даютъ коню проса и отрѣзаютъ ему кончикъ уха или по крайней мѣрѣ дѣлаютъ надрѣзъ, чтобъ покойникъ по этой примѣтѣ узналъ *своего* коня на томъ свѣтѣ *). Наконецъ, исполнитель обряда посвященія коня беретъ дорожную провизію покойника—сосудъ араку (водки) или чашу пива и чурекъ—и произноситъ: „Эта пища и это питье да будутъ неистощимы для тебя, пока ты не достигнешь дзеннета **).

Намъ кажется, что съ этими обрядами находятся въ связи сцены, изображенныя на задней широкой сторонѣ памятника. Внизу идетъ изготовленіе дорожной пищи для покойника—закланіе быка и черпанье браги изъ большого сосуда. Выше изображенъ покойникъ, уже готовый отправиться въ путь и сидящій на посвященномъ ему конѣ. Колѣнопреклоненная фигура изображаетъ посвятителя коня или какого нибудь ближайшаго родственника, который даетъ коню попробовать браги. Впрочемъ, возможно и то, что чаша съ брагой или пивомъ предназначается не коню, а всаднику, и представляетъ напутственную или застременную чашу (нашъ посошёкъ), которая извѣстна и у Осетинъ, и у Черкесовъ ***). Въ обоихъ верхнихъ всадникахъ мы видимъ того же покойника въ періодѣ постепеннаго просвѣтлѣнія. Осетины при погребальномъ обрядѣ и поминкахъ постоянно выражаютъ покойнику пожеланіе: *стань свѣтелъ* (рухсаг у), т. е. уподобься небеснымъ духамъ. Это постепенное просвѣтлѣніе выражено на памятникѣ тѣмъ, что фигура покойника представлена *трижды*, въ постепенно-увеличивающихся размѣрахъ по мѣрѣ перехода съ земли (внизу) на небо (наверху). Передъ второю, среднею фигурой покойника также стоитъ колѣнопреклоненная фигура, съ трудноопредѣлимымъ предметомъ въ рукѣ. Быть можетъ, она составляетъ параллель къ нижней колѣнопреклоненной фигурѣ и какъ послѣдняя снабжаетъ покойника (или его коня) *питьемъ*, такъ она подаетъ ему дорожный *чурекъ* ****). Третья верхняя фигура представляетъ покойника, уже поднявшимся на небо и приближающимся къ *дзеннету* (раю). На лѣвой узкой сторонѣ представленъ св. Георгій (по осетински Уас-керги или Уастырджи): объ этомъ свидѣтельствуетъ и орнаментъ съ крестами надъ всадникомъ, и общеизвѣстный мотивъ пораженія дракона. Замѣтимъ, что Уастырджи считается у Осетинъ покровителемъ мужчинъ, защитникомъ праваго и страшнымъ карателемъ виновнаго. Онъ спеціальный покровитель путешественниковъ, охраняющій ихъ отъ воровъ и разбойниковъ. Поэтому онъ же является главнымъ патрономъ человѣка во время его посмертнаго и самаго опаснаго путешествія въ загробный міръ. Имя св. Георгія упоминается въ рѣчахъ посвятителя коня. Такъ, въ рѣчи, записанной Шёгре-

*) Осет. этюды I, стр. 133 и 134 (примѣч.).

**) Осет. этюды II, стр. 295. Ср. Осет. тексты Шифнера, стр. 29 и 30.

***) У послѣднихъ она носитъ названье *Шесибзъ*; см. Дубровинъ—Исторія войны и т. д. I кн. I, стр. 75.

****) Замѣтимъ, что по одному записанному Шегреномъ *посвященію коня* покойникъ долженъ отдать этотъ чурекъ караульщикамъ, которые стерегутъ рѣку, отдѣляющую міръ Нартовъ (богатырей) отъ міра людей; см. Шифнеръ, Осет. тексты, стр. 27.

номъ, говорится, что св. Георгій былъ другомъ покойника и спрашивается, кто дастъ ему на небо знать, что его другъ на землѣ умеръ. Вѣстникомъ является Зерватыкъ (ласточка), который спѣшитъ къ св. Георгію, пирующему со святыми въ раю. „Тогда—продолжаетъ посвятитель коня—Георгій задумался и говоритъ святымъ: у меня на землѣ померъ одинъ пріятель, мнѣ надо ему достать лошадь, шашку и пистолетъ, и потому я ухожу отъ васъ; а святые не пустили Георгія и обѣщали ему все найти для его пріятеля. Св. Илья далъ тотчасъ ружье, которое никогда не даетъ промаха; Курдалагонъ (небесный кузнецъ) подарилъ такую шашку, которую можно согнуть какъ обручъ. Сынъ солнца, Магометъ, подарилъ сѣдло со всѣмъ приборомъ; сынъ луны, Хаматканъ, подарилъ потники и серебряную уздечку. Георгій собралъ всѣ вещи и послалъ Зерватыка въ Турцію выбрать лучшаго коня для покойника *). Изъ этого любопытнаго образчика рѣчей посвятителя коня, представляющихъ дикое смѣшеніе понятій и именъ языческихъ, христіанскихъ и магометанскихъ, намъ становится ясно, почему св. Георгій изображается на сѣверо-кавказскихъ могильныхъ памятникахъ христіанскаго времени, а также, быть можетъ, отчасти разъяснятся изображенія на правой узкой сторонѣ разсматриваемаго памятника.

Мы считаемъ вѣроятнымъ, что фигуры на этой сторонѣ представляютъ небожителей, ожидающихъ въ дзенетѣ прибытія новаго гостя, т. е. покойника. Имена этихъ небожителей упоминаются въ рѣчахъ посвятителя коня. Нижняя фигура у котла изображаетъ, повидимому, небеснаго кузнеца Курдалагона. Въ одной рѣчи дается покойнику наставленіе пойти къ небесному (ўаларвон) Курдалагону, который скуетъ коню булатныя подковы и изготовитъ ему прекрасную попону, сбрую и дорогую уздечку **). Въ другой рѣчи находимъ нѣкоторыя черты, для которыхъ изображенія на памятникѣ, быть можетъ, служатъ иллюстраціей. Здѣсь говорится, что въ то время, какъ вѣстникъ Зерватыкъ спѣшитъ извѣстить св. Георгія о смерти его пріятеля на землѣ, „всѣ святые и ангелы были на угощеньи у святаго Курдалагона, который, сваривъ *большой котелъ пива*, пригласилъ ихъ къ себѣ“ ***). Этотъ котелъ съ пивомъ и хлопочущій около него Курдалагонъ, повидимому, изображены на нашемъ памятникѣ. Выше Курдалагона—фигура св. Георгія, повидимому, ѣдущаго на пиръ. Еще выше двѣ пары одинаковыхъ фигуръ, для объясненія которыхъ слѣдуетъ опять навести справку въ рѣчахъ посвятителей коня. Въ нихъ нерѣдко упоминаются какія то *парныя* личности, живущія въ дзеннетѣ со святыми и снабжающія покойника разными предметами, необходимыми для его снаряженія. Такъ въ *дигорскомъ* посвященіи коня, изданномъ мною ****), говорится: „Ему (покойнику) встрѣтился Дзендзетъ, ему встрѣтился Дзеранзетъ (путники) и сказали себѣ (про покойника): „это зэдъ (ангелъ) ѣдетъ, это дауэгъ (небесный духъ) ѣдетъ!“—Я не *зэдъ*, я не *дауэгъ*,—сказалъ

*) Шифнеръ—Осетинскіе тексты, стр. 25 и 26.
**) Осетин. этюды, II, 248.
***) Осетин. тексты Шифнера, стр. 26.
****) Осетин. этюды I т., стр. 109.

онъ, — я бѣдный человѣкъ, ѣду къ мертвымъ, я нуждаюсь, и не отпустите меня нуждающимся. Дзендзетъ спѣшился и далъ ему хорошо обдѣланную узду; Дзеранзетъ спѣшился и далъ ему свое сѣдло. Отправился онъ далѣе и встрѣтились ему сынъ солнца Махаматъ, сынъ луны Масаматъ, сынъ Газдуга Хаматканъ, сынъ Фарнуга Саматканъ. „Зэдъ ѣдетъ“ сказали они, „дауэгъ ѣдетъ!“ сказали они.—Я не зэдъ, сказалъ онъ, я не дауэгъ, сказалъ онъ; я былъ бѣднымъ человѣкомъ, братолюбивымъ былъ я, селолюбивымъ былъ я, помощникомъ ближнимъ, враговъ побѣдителемъ былъ я, кровомстителемъ былъ я; я ѣду къ мертвымъ и нуждаюсь; не отпустите меня нуждающимся. Сынъ солнца Махаматъ спѣшился и далъ ему свой подсѣдельникъ, сынъ луны Масаматъ спѣшился и далъ ему свой чехолъ для сѣдла, Газдуговъ сынъ Хаматканъ спѣшился и далъ ему свой подхвостникъ, Фарнуговъ сынъ Саматканъ спѣшился и далъ ему хорошую плеть“.

Мы никогда не узнаемъ личныхъ именъ четырехъ небожителей, изображенныхъ на разсматриваемомъ памятникѣ, но намъ кажется вѣроятнымъ, что они принадлежали къ такимъ же *парнымъ* и притомъ младшимъ духамъ, какъ упоминаемые въ современныхъ надгробныхъ рѣчахъ. Притомъ между этими личностями въ высокихъ шапкахъ замѣчается извѣстная градація: двое изъ нихъ, стоящіе ниже, вмѣстѣ съ тѣмъ и меньше ростомъ, чѣмъ двое другихъ, которые стоятъ непосредственно подъ главнымъ хозяиномъ *дзенета*, фигурой съ непокрытой головой и крестами на плечахъ и одеждѣ, похожей на широкую ризу. Мы видимъ въ этой верхней фигурѣ небеснаго духа Барастыра, который, по представленіямъ Осетинъ, является главнымъ начальникомъ надъ населеніемъ загробнаго міра. При прибытіи новаго покойника, Барастыръ, какъ разсказывается въ надгробныхъ рѣчахъ, выходитъ впередъ и приглашаетъ его занять мѣсто въ кружкѣ душъ *) — въ аду (зындонѣ) или въ раю (дзенетѣ). Въ извѣстныхъ случаяхъ мертвецъ получаетъ отъ него разрѣшеніе на побывку домой, но долженъ спѣшить вернуться въ загробный міръ до заката солнца, ибо послѣ этого затворяются ворота царства мертвыхъ, и до утренней зари никто не можетъ быть выпущенъ. Поэтому Осетины хоронятъ покойниковъ до заката солнца, дабы имъ не пришлось бродить у запертыхъ воротъ загробнаго царства вплоть до зари. Барастыръ не носитъ исключительно мрачнаго характера: на сколько онъ неумолимъ относительно грѣшниковъ, на столько же онъ ласковъ съ душами людей добродѣтельныхъ. Путь къ Барастыру указывается покойнику въ нѣкоторыхъ надгробныхъ рѣчахъ, именно *парными* духами—сыномъ солнца и сыномъ луны, которые выходятъ ему на встрѣчу и предлагаютъ ему отдыхъ у своего очага **). Въ виду этого, быть можетъ, послѣднихъ духовъ слѣдуетъ видѣть въ первой парѣ фигуръ въ остроконечныхъ шапкахъ.

Что касается костюма Барастыра и парныхъ фигуръ, то, быть можетъ, онъ объясняется вліяніемъ христіанскихъ ризъ священническихъ или епископскихъ.

*) Шифнеръ. Осет. тексты, стр. 29.

**) См. *Гатіева*— Суевѣрія и предразсудки у Осетинъ, въ Сбор. свѣд. о кавказ. горцахъ, в. IX, отд. III, стр. 5.

Такъ, еще доселѣ у кавказскихъ горцевъ, сохранившихъ, конечно, въ грубомъ двоевѣріи глухіе слѣды древняго христіанства, считается обязательнымъ, чтобъ человѣкъ, замѣняющій священника и произносящій при религіозныхъ празднествахъ молитвы, былъ облеченъ въ бѣлую бурку. Такъ, черкесы за неимѣніемъ рукоположеннаго священника, при совершеніи обряда *ташъ* (богоугодной жертвы), выбирали старика, надѣвали на него бѣлую войлочную мантію, *ямычи*, и онъ, взявъ въ руки деревянную чашу, наполнялъ ее виномъ или водкою или даже бузою, и, обратившись къ востоку, читалъ молитву, по большей части импровизированную *). Высокія острыя шапки могли бы въ такомъ случаѣ быть объясняемы попыткой кавказскаго художника представить монашескіе острые клобуки, которые онъ видѣлъ у закавказскихъ монаховъ. Если же искать объясненія разсматриваемымъ костюмамъ въ текстахъ надгробныхъ рѣчей, то можно указать на изданную мною рѣчь, въ которой упоминаются встрѣчающіяся покойнику на пути къ Барастыру личности *въ большихъ шубахъ и въ сафьянныхъ шляпахъ* (впрочемъ, кажется съ поднятыми полями **) и съ серебряными посохами въ рукахъ. Эти личности сидятъ въ раю за то, что творили на землѣ правый судъ. „Заверни къ нимъ—говоритъ покойнику посвятитель коня—и спроси ихъ; какое слово отъ нихъ услышишь, сохрани его въ памяти и разскажи его, такъ какъ пойдешь ты въ великое мѣсто“ ***). Изъ дальнѣйшаго видно, что эти праведные судьи указываютъ покойнику путь (именно средній изъ трехъ), по которому ему слѣдуетъ ѣхать въ *дзенетъ*.

Конечно, мы далеки отъ мысли, что наше объясненіе изображеній на двухъ разсмотрѣнныхъ кавказскихъ памятникахъ вполнѣ достигаетъ своей цѣли. Конечно, въ истолкованіи отдѣльныхъ фигуръ и деталей остается много гадательнаго. Но едва ли можно сомнѣваться въ нашемъ главномъ положеніи, именно въ томъ, что разсмотрѣнныя изображенія находятся въ тѣсной связи съ религіозными представленіями сѣверо-кавказскихъ народовъ и что лучшимъ комментаріемъ къ фигурамъ и сценамъ, изображеннымъ на памятникахъ, могутъ служить языческія вѣрованія Осетинъ.

Третій однородный памятникъ, стоящій въ Историческомъ Музеѣ по другую сторону этокской статуи, представляетъ полную параллель только что разсмотрѣнному и не содержитъ по части изображеній почти никакихъ новыхъ деталей. Если мы въ дальнѣйшемъ останавливаемся на немъ, то главнымъ образомъ въ виду имѣющейся на немъ греческой надписи, представляющей нѣкоторый спеціальный интересъ (см. табл. LXVI).

Во время поѣздки на Кавказъ академика Гильденштедта, этотъ памятникъ стоялъ не далеко отъ восточнаго берега р. Кунбелея, приблизительно, въ 40 верстахъ выше впаденія этой рѣки въ Терекъ. Гильденштедтъ списалъ греческую

*) Дубровинъ, наз. соч. I, кн. 1, стр. 95.

**) Осетинск. слово ск'ёлхаттä—не совсѣмъ ясно.

***) Осетинск. этюды. I стр. 115.

надпись, которая затѣмъ съ его рисунка повторена въ „Сборникѣ“ г. Помяловскаго (рис. 12). По бумагамъ Московскаго Историческаго Музея памятникъ былъ привезенъ въ Москву со станціи Кантышевки, находящейся въ 20 верстахъ отъ Владикавказа по дорогѣ въ Моздокъ.

На передней широкой сторонѣ изображены рельефомъ три всадника, ѣдущіе справа налѣво, съ тѣмъ отличіемъ отъ вышеописаннаго памятника, что передъ всадниками нѣтъ колѣнопреклоненныхъ фигуръ и что верхній всадникъ не замахивается саблей. Въ верхней суженной части виденъ орнаментъ въ видѣ узла; въ лѣвомъ полѣ читается буква А, въ правомъ Х. На узкой *лѣвой* сторонѣ представленъ на верху Георгій и подъ нимъ громадный змѣй, извивающійся до самаго низу. Правая *узкая* сторона представляетъ *три* человѣческія фигуры, изъ которыхъ обѣ верхнія совершенно подобны фигурамъ раньше описаннаго памятника: тѣ же коническія шапки и широкія мантіи; только средняя фигура помѣщена какъ бы въ сведенной овально нишѣ. Нижняя фигура представляетъ человѣка въ короткомъ платьѣ (бешметѣ) съ правой рукой, поднятой кверху. У Гильденштедта и Помяловскаго вмѣсто этой фигуры сосудъ съ человѣческой головой. Между этой фигурой и средней—надписи въ двѣ строчки съ полувывѣтрившимися загадочными словами, которыя въ копіи Гюльденштедта читаются:

ПОКȣ̓Ϛ
ХОПȣ̓Х

На задней (широкой) сторонѣ помѣщена надпись, часть которой находится въ рамѣ изъ жгутовиднаго орнамента, другая же—нижняя—внѣ рамы и доходитъ до подножія памятника. Многія буквы сильно вывѣтрились, но все же число строкъ можетъ быть опредѣлено. Гильденштедтъ списалъ только 12 строкъ, которыя до сихъ поръ и были извѣстны. Но при очисткѣ нижней части памятника, нѣкогда зарытой въ землѣ, мнѣ удалось открыть еще 4 строки.

Передаемъ надпись обычнымъ шрифтомъ:

† Μνήσθητι
κ(ύρι)ε τὴν ψυχ-
ὴν τοῦ δούλου σου
Γεωργήου
Τολαττεμ-
υρ≡ ἐν ὥρᾳ
τῆς κρήσεως
ἐς τῇ δευ-
τέρᾳ παρο[υ]
σήα σου ≡ ἔτους
ζπθ
'Α] πρήλυος
σηκε
τεησ̣τ ≡ κασ̣η
στκσ̣η≡ ουστα
...ατη≡

т. е. помяни, Господи, душу раба своего Георгія Толаттемира въ часъ суда во второмъ пришествіи твоемъ. Лѣта 7089 апрѣля?

Послѣднія четыре строки не представляютъ ни одного греческаго слова и очевидно передаютъ греческими буквами какія-то туземныя, быть можетъ, черкесскія слова, разобрать которыя надежды весьма мало. Черкесскія же слова, кажется, слѣдуетъ видѣть въ загадочной надписи на узкой сторонѣ памятника: πoκȣι χoπȣχ. Окончаніе—ȣχ принадлежитъ множест. числу въ черкесскомъ языкѣ, напр. циффё (человѣкъ), цифф-ых (люди) *), qазаq (казакъ) — qазаqʏх **). Конечно, звукъ, подходящій къ нашему *ы* и выражаемый азбукой Услара чрезъ ʏ, могъ быть всего удобнѣе выраженъ греческой азбукой посредствомъ ȣ.

Что касается собственнаго имени погребеннаго лица, то оно состоитъ изъ словъ татарскихъ, но употребительныхъ у черкесовъ: Толатъ=араб. татар. тулат золото, Темиръ=темір—желѣзо. Такъ Черкесы (Кабардинцы) называютъ полярную звѣзду: темір qазàq—т. е. *желѣзный* столбъ ***). Родовое имя *Толат*—употребительно до сихъ поръ на сѣверномъ Кавказѣ, и мы лично знаемъ представителей осетинскаго рода Толатовыхъ.

Итакъ, не представляя особеннаго интереса по изображеннымъ фигурамъ, этотъ 3-й памятникъ любопытенъ по своимъ послѣднимъ строкамъ, содержащимъ какія-то туземныя, вѣроятно, черкесскія слова, быть можетъ, имена поставившихъ его родственниковъ Толатъ-темира. Здѣсь мы видимъ такую же попытку передать туземныя слова греческими буквами, какъ на осетинскомъ могильномъ памятникѣ, находящемся на верховьяхъ Зеленчука южнѣе Св. Александро-Аѳонскаго монастыря. Далѣе нельзя не указать и на то, что этотъ третій памятникъ содержитъ совершенно явственную дату—7089 г. отъ созд. міра, т. е. отъ Р. Х. 1581. Къ тому же приблизительно времени, т. е. къ 16 вѣку, въ виду почти полнаго совпаденія въ изображеніяхъ и орнаментахъ слѣдуетъ отнести и 2-ой памятникъ, на которомъ дата уже исчезла. Такимъ образомъ оба памятника своими изображеніями даютъ намъ возможность заглянуть въ религіозныя вѣрованія черкесовъ, приблизительно, того времени, когда пятигорскіе черкесы, находясь въ постоянной борьбѣ съ крымскими татарами, ищутъ опоры въ Москвѣ и обращаются съ просьбой о защитѣ къ Ивану Грозному. Двоевѣріе, смѣшеніе христіанскихъ символовъ съ языческими понятіями, обнаруживающееся на разсмотрѣнныхъ изображеніяхъ, засвидѣтельствовано по отношенію къ Черкесамъ нѣкоторыми показаніями итальянскихъ путешественниковъ. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ религіозное состояніе Черкесовъ путешественникъ Интеріано, видѣвшій ихъ во 2-й половинѣ XV столѣтія. „Черкесы называютъ себя христіанами и имѣютъ греческихъ священниковъ; но кре-

*) См. Люлье—Словарь русско-черкесскій съ краткою грамматикою. Одесса, 1846, стр. 5.

**) Усларъ—Этнографія Кавказа: Черновыя замѣтки о черкесскомъ языкѣ. 1887, стр. 69. Въ кабардинскомъ языкѣ множ. число въ именахъ означается суффиксомъ *хе*. См. *Л. Лопатинскій*—Русско-кабардинскій словарь съ краткою грамматикою, стр. 40.

***) См. Усларъ—наз. соч., стр. 74.

стятъ своихъ дѣтей только, когда имъ минуло 8 лѣтъ, при чемъ священники *окропляютъ* ихъ святой водой, произнося при этомъ краткое благословеніе. Люди благороднаго класса входятъ въ церковь только достигнувъ 60 лѣтъ, ибо полагаютъ, что, занимаясь грабежомъ, они осквернятъ церковь, вступая въ нее. По достиженіи же этого возраста, они перестаютъ заниматься грабежомъ и принимаютъ участіе въ богослуженіи, которое раньше они слушали только сидя верхомъ на лошадяхъ у воротъ храма.... Священники употребляютъ при богослуженіи греческій языкъ и греческія письмена, но не понимая смысла того, что̀ произносятъ. Собственныхъ письменъ у Зиховъ нѣтъ, но когда случится надобность написать письмо, что̀ бываетъ крайне рѣдко, обращаются къ іудеямъ, которые пишутъ еврейскимъ письмомъ" *).... Ничего христіанскаго не замѣтно въ погребальномъ черкесскомъ обрядѣ, описываемомъ тѣмъ же путешественникомъ: „послѣ смерти человѣка благороднаго сословія въ открытомъ полѣ устраивается высокая деревянная кровать, на которую сажаютъ тѣло, очистивъ его предварительно отъ внутренностей. Сидя на этомъ ложѣ, покойникъ принимаетъ въ теченіе 8 дней посѣтителей—родныхъ, друзей, подчиненныхъ, которые приносятъ ему различные подарки: серебряныя чаши, луки, стрѣлы и другіе предметы. По обѣимъ сторонамъ ложа стоятъ два старшіе родственника, опираясь на палки, а на лѣво отъ покойника стоитъ дѣвушка, держащая въ рукѣ стрѣлу съ прикрѣпленнымъ къ ней платкомъ, служащимъ опахаломъ, хотя бы похороны происходили зимою. Противъ лица покойника сидитъ на стулѣ старшая его жена и не сводитъ глазъ съ мужа, но не стонетъ и не плачетъ, такъ какъ это считается позорнымъ. Эта церемонія продолжается 8 дней, послѣ чего покойника кладутъ въ колоду съ частью подарковъ и относятъ на кладбище; надъ могилой насыпается курганъ, котораго высота соотвѣтствуетъ значенію покойника".... И такъ у Интеріано мы не находимъ указаній на то, что надъ могилами Черкесы ставили памятники. Дѣйствительно, всѣ три, разсмотрѣнные нами, памятника, не могутъ быть въ собственномъ смыслѣ названы могильными. У Черкесовъ 15, 16 столѣтій существовалъ, повидимому, обычай, существующій доселѣ у Осетинъ и Чеченцевъ, сохранившихъ больше старины въ своихъ вѣрованіяхъ,—обычай воздвигать независимо отъ могилы памятные столбы для именитыхъ покойниковъ на проѣзжихъ мѣстахъ, и въ разсмотрѣнныхъ памятникахъ мы имѣемъ именно такого рода сооруженія. Подобные осетинскіе памятники, называемые *цыртъ цэвэнъ* до сихъ поръ въ огромномъ количествѣ попадаются каждому путешественнику на перекресткахъ горныхъ дорогъ, на перевалахъ, на полянкахъ у берега рѣкъ и вообще въ такихъ мѣстахъ, откуда ихъ можно видѣть на далекое пространство или гдѣ больше проѣзжаетъ людей.

Въ теченіе $1\frac{1}{2}$ столѣтій, протекшихъ со времени Интеріано до путешествія къ Черкесамъ доминиканца Джованни да-Лукка (Giovanni da Lucca), видѣв-

*) Это любопытное свидѣтельство о евреяхъ, жившихъ среди кубанскихъ черкесовъ, подтверждается еврейской могильной плитой, найденной въ Кубанской области.

шаго ихъ въ 1624—26 году, христіанство среди нихъ глохло все болѣе и болѣе подъ вліяніемъ мусульманской пропаганды, шедшей отъ Турокъ. Черкесы, пишетъ этотъ путешественникъ, говорятъ на своемъ языкѣ и по-турецки; одни изъ нихъ магометане, другіе христіане греческой церкви, но больше число магометанъ, такъ какъ, хотя священникъ изъ Терки, города, принадлежащаго московскому царю, и пріѣзжаетъ къ нимъ совершать крещеніе, но не поучаетъ ихъ въ вѣрѣ, и они поэтому съ каждымъ днемъ все чаще переходятъ въ мусульманство. Отъ греческой вѣры у нихъ остался лишь обычай носить пищу на могилы и соблюденіе нѣкоторыхъ постовъ *). Во всей странѣ, продолжаетъ да-Лукка, много святыхъ мѣстъ, называемыхъ *кудоши*, гдѣ можно видѣть множество бараньихъ головъ, остатковъ принесенныхъ жертвъ (курбановъ); на деревьяхъ тутъ же висятъ приношенія чтителя: луки, стрѣлы, сабли и др. Эти мѣста пользуются такимъ почитаніемъ, что самые закоренѣлые воры не рѣшаются здѣсь что нибудь взять"... Очевидно, что въ такія святыя мѣста, напоминающія осетинскіе *дзуары*, выродились прежнія христіанскія святыни. Во времена да-Лукка уже нѣтъ помина о богослужебныхъ книгахъ и о греческой службѣ **). При похоронахъ такъ называемый священникъ произноситъ наизусть нѣсколько словъ на распѣвъ, окуриваетъ покойника и послѣ погребенія ставитъ пищу и питье на могилу, надъ которой затѣмъ насыпаютъ курганъ ***). — Вотъ тѣ немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о захудаломъ христіанствѣ у Черкесовъ отъ конца XV и первой половины XVII в. При всей скудости, эти извѣстія Интеріано и да-Лукка могутъ служить отчасти комментаріемъ къ разсмотрѣннымъ нами памятникамъ и въ связи съ ними дать намъ нѣкоторое понятіе о религіозномъ состояніи сѣверо-кавказскихъ народовъ въ XV и XVI вѣкахъ, въ періодъ, предшествовавшій мусульманской пропагандѣ, заглушившей послѣдніе слѣды христіанства лишь въ началѣ текущаго столѣтія ****).

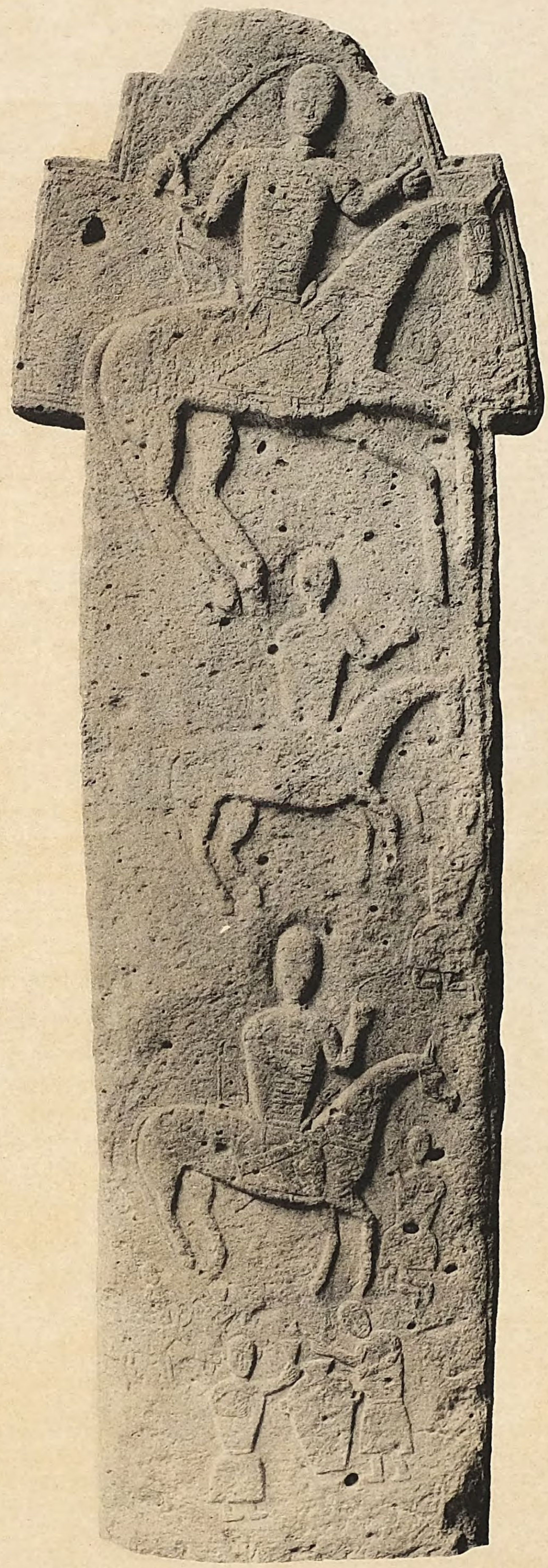
*) Bell—Journal d'une résidence en Circassie, p. XIII.

**) По свидѣтельству Рейнегса, относящемуся къ концу прошлаго столѣтія (1796 г.), муллы кубанскихъ Черкесовъ употребляютъ греческія письмена для таинствпнныхъ молитвъ и амулетовъ, хотя уже не знаютъ выговора буквъ. См. Reineggs—Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. 1796, I 280.

***) Товарищъ да-Лукка Эмидій д'Асколи (Emiddio d'Askoli), въ своемъ сочиненіи «Descrittione del Mar negro e della Tartaria», недавно впервые изданномъ проф. Н. Дашкевичемъ (1891 Кіевъ), въ своихъ замѣткахъ о религіи черкесовъ говоритъ, что у нихъ нѣтъ ни церквей, ни священниковъ, но ихъ замѣняютъ такъ называемые *шугены* (sciuguen), умѣющіе *немножко* читать по гречески (leggere un pochetto in greco), которые ихъ крестятъ, благословляютъ *курбаны* т. е. жертвы, совершаютъ погребальные обряды и проч. У черкесовъ нѣтъ книгъ и письменъ, почему турки ихъ въ насмѣшку называютъ *Китабсызъ* (chitabsis) т. е. *некнижными* черкесами. Черкесы соблюдаютъ посты и нѣкоторые главные христіанскіе праздники. (См. Descrittione etc. стр. 40). Свѣдѣнія д'Асколи относятся къ 1634 году.

****) См. свидѣтельства о культѣ креста у Черкесовъ у Bell'я въ назв. соч. стр. 72, 80, 167.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°. въ Москвѣ.

Табл. LXIV.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°. въ Москвѣ.

Bayerische Staats- Bibliothek

1999

Buchbinderei
H. Pantele
85376 Massenhausen
Tel.: 08165/80121

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Pavlinov, A. M.

Christianskie pamjatniki Izslědovanija A. M. Pavlinova, V. F. Millera i Ch. I. Kučuk-Joanesova. [Zwischentitel.]

(Moskva) (1893)

2 Geo.u. 101 r-3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11459300-5